

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

СЛОВО В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ

Сборник научных трудов
Международной студенческой научной конференции

Брест, 21–22 мая 2021 года

Под общей редакцией
кандидата филологических наук, доцента **О. А. Фелькиной**

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2021

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.2Рус
С 48

Редакционная коллегия:
О. А. Фелькина, О. Б. Переход

Рецензенты:
заведующий кафедрой белорусского и русского языков
УО «Брестский государственный технический университет»,
кандидат филологических наук, доцент **Н. Н. Борсук**
декан филологического факультета
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат филологических наук, доцент **Т. В. Сенькевич**

С 48 **Слово в языке, речи, тексте** : сб. науч. тр. Междунар. студен. науч. конф., Брест, 21–22 мая 2021 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. А. Фелькина, О. Б. Переход ; под общ. ред. О. А. Фелькиной. – Брест : БрГУ, 2021. – 254 с.
ISBN 978-985-22-0358-6.

В сборник вошли материалы докладов, посвященные вопросам функционирования слова в языковой системе, в речевой практике, в научных, публицистических и художественных текстах. Статьи представлены на русском, белорусском, украинском языках.

Адресуется широкому кругу читателей – студентам, аспирантам, преподавателям, учителям, научным работникам.

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.2Рус

ISBN 978-985-22-0358-6

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Агрэніч І. М. Гісторыя Беларусі ў люстэрку антрапанімікону аповесці Ю. І. Крашэўскага “Кароль у Нявіжы”	8
Айдогдыева Г. Г. Лексико-грамматическая полисемия в системе английского языка	12
Акмухаммедова О. Изучение членов предложения в средней школе	15
Амбаркулов А. Національна картина світу в узбецьких пареміях	18
Андросюк А. В. Словообразовательная языковая игра в поэтическом стиле Веры Полозковой	21
Аникеева Т. В. Партиитивность прецедентных феноменов современного художественного текста	24
Аннамередов Д. Изучение лексико-грамматической категории одушевлённости в 6 классе	27
Банчева Я. Т. Изучение имени существительного во втором классе за счет использования интерактивных методов обучения.....	31
Бернацкий С. В. Особенности перевода фразеологизмов цветообозначения с английского языка на русский	34
Бородуля П. С. Ономастический портрет малых городов (на материале топонимов города Починка Смоленской области).....	37
Борунова М. О. О некоторых особенностях топонимии Холм- Жирковского района	40
Бурыева Э. О. Семантические процессы в туркменской компьютерной лексике.....	43
Бухта Г. В. Экспрэсіўныя словы як састаўны элемент гутарковага маўлення ў творах Алесь Жука.....	46
Бягеза Т. І. Намінацыі дрэў у кантэксте апавяданняў К. Чорнага	48
Вабішчэвіч В. М. Матывацыйныя асаблівасці ўстойлівых моўных адзінак Століншчыны	52
Вецік Я. В. Рэпрэзентацыя канцэпта “час” у мастацкім кантэксте	55
Гибкий П. В. Грамматические трудности перевода текстов сайтов белорусских предприятий с русского языка на китайский.....	59
Гогочкина Д. А. Влияние антирасистских убеждений переводчика на интерпретацию оригинального художественного текста	61

Гончарова А. А. Семантические окказионализмы в переводе на русский язык романа Д. Митчелла «Облачный атлас»	63
Грушевская К. О. О контекстуальной семантизации дейктических местоименных наречий <i>здесь, там</i> в лирике Н. С. Гумилёва	67
Гуриш Р. В. Виды опроса на уроках русского языка: от теории к практике.....	72
Гуриш Р. В. Глагольные формы в идиостиле И. С. Тургенева (на примере повестей «Ася» и «Конец Чертопханова»)	75
Гуриш Р. В. Именные части речи в идиостиле И. С. Тургенева (на примере повестей «Ася» и «Конец Чертопханова»)	79
Гурьянова А. В. Прецедентность в современном эргонимиконе (на примере названий деловых объединений Беларуси).....	83
Гылычбаева Х. Т. Эффективность использования произведений живописи на уроках русского языка	87
Драчикова Н. А. Особенности перевода заголовков англоязычных публицистических текстов	90
Дыдзік А. С. Нацыянальна-культурныя канатацыі ў прыказках з твораў пісьменнікаў Берасцейшчыны	92
Елисеева В. Э. Диалектизмы в рукописи В. Н. Глаголева «Песни, обряды и поверья».....	96
Ермолова М. И. Тематические мотивы номинации швейных предприятий Брестчины (на примере неотобъектных эргонимов).....	100
Жук В. В. Гутарковыя словы і фразеалагізмы ў кантэксце твораў Віктара Гардзея.....	103
Кажарнович А. О. Русская «тоска» в переводах на английский язык (на материале данных русско-английского параллельного модуля национального корпуса русского языка)	107
Катовіч Т. М. Намінацыі дрэў у кантэксце паэзіі Яўгеніі Янішчыц	110
Климович С. С. Специфика перевода фильмонимов с английского языка на русский	112
Кобятко Д. Д. Слово и дело «Диктанта победы».....	114
Ковалевич Н. В. Названия религиозных праздников в русском и польском языках: лингвокультурологический комментарий в словарях.....	118
Косицина П. Ю. Отражение языковой личности в надписях на фотографиях.....	121

Косынюк Е. В. Историография исследования повествовательного дискурса в белорусской фольклористике	125
Кот Д. С. Структурно-семантические и стилистические особенности сравнения.....	129
Кулик К. С. Ассоциативные связи качественных прилагательных как отражение социокультурных процессов начала XXI века.....	133
Куликова Н. С. Проблема социокультурных несовпадений в контексте развития умений письменной речи на английском языке	136
Кунгратбаев К. Языковая экспликация понятийного и ценностного компонентов концепта «Родина» в сознании узбекских студентов	139
Лабай М. Г. Метафора в поэтическом идиолекте С. А. Есенина.....	143
Лавринович В. П. Устаревшие слова и их функции в повести Ольги Громыко «Пророчества и иже с ними»	147
Ларшина С. Н. Лексические единицы в историко-культурном контексте	150
Литвинович Е. А. Библейские фразеологизмы в активном и пассивном словарном запасе современных школьников	153
Лявошка Н. А. Функцыянаванне ў беларускай мове найменняў раслін, вытворных ад назваў дзікіх жывёл.....	156
Мандра В. Р. Да фанетычных асаблівасцей гаворкі вёскі Пелішча Камянецкага раёна	158
Мартэн Д. С. Названия кинопроизведений по типу передачи информации (на материале фильмографии национальной киностудии «Беларусьфильм»)	162
Мартэн Д. С. Тематический мотив «герой» в номинациях кинопроизведений	166
Матар А. Способи творення української анатомічної термінології (у порівнянні з арабською).....	170
Мецюн А. В. Назвы дзікіх і культурных кустарнікаў у паэтычным кантэксце Р. Баравіковай	173
Милохова Е. А. Специфика философских взглядов в содержательной основе романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского.....	175
Мірзазаде С. А. О. Конкуренція номінацій у сучасному українському лексиконі	180
Моисейчик А. Э. Специфика проявления в геортонимии Беларуси принципа номинации праздника по связи с абстрактным понятием.....	182

Моисейчик А. Э. Структурные и номинативные особенности гемеронимов (на примере названий СМИ восточных областей Беларуси).....	186
Мостыко Н. Н. Стилистические языковые доминанты в современном историческом романе Алексея Иванова «Тобол. Много званых»	190
Мостыко Н. Н. Textoобразующая роль различных частей речи в басне И. А. Крылова «Квартет»: анализ работ учащихся	193
Назаров Р. Иноязычные контексты функционирования лирики М. Ю. Лермонтова.....	197
Отузов Ш. В. Вопросы изучения союзов и частиц в школьном курсе русского языка (7 класс): система заданий.....	200
Подмазова Д. Л. Языковые характеристики микропонимов Псковско-Смоленского приграничья	203
Раджабов Х. Д. Работа с тематической текстотекой «Золотая осень» на уроках русского языка	206
Рахманова Х. Х. Безэквивалентная лексика в русскоязычных переводах Махтумкули.....	209
Реджепов С. Работа с клоуз-текстом как способ обогащения словарного запаса учащихся	213
Самотуга В. И. Англицизмы в новой русской спортивной лексике: номинации лица.....	217
Сас Н. В. Номинации линейных объектов г. Бреста: история и современность	221
Сіманюк К. А. Праца над словам як культурным феноменам на I ступені агульнай сярэдняй адукацыі.....	224
Ся Чжэньчжун Ироническая оценка как средство интенсификации воздействия газетно-публицистического текста.....	227
Фурсевіч А. С. Дакументальна-мастацкая аповесць Яраслава Пархуты “Адзінец”	231
Хемляева А. Роль интонации в выражении грамматического значения бессоюзных сложных предложений.....	235
Хуммедов С. С. Изучение причастий в средней школе	237
Цырыльчук Д. В. Гендерные различия носителей русского языка в ассоциациях на термины родства	239
Чаплыгина А. Д. Подходы к определению термина «текст» в дисциплинах, связанных с интерпретацией текста.....	243

Юркович А. Ю. Поэтика цвета как средство отражения внутреннего мира лирического героя в поэзии Б. Ахмадулиной	246
Ярмошевич А. В. Концепт «дорога» в русской, белорусской и украинской языковых картинах мира	249

І. М. Агрэніч (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд. філал. навук, дацэнт

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ Ў ЛЮСТЭРКУ АНТРАПАНІМІКОНУ АПОВЕСЦІ Ю. І. КРАШЭЎСКАГА “КАРОЛЬ У НЯСВІЖЫ”

Юзаф Ігнацы Крашэўскі – самабытны польскі пісьменнік, заснавальнік нацыянальнага рамана, аўтар шматлікіх аповесцей і раманаў, з іх каля сотні – гістарычных. Акрамя таго, вядомы як паэт, крытык, літаратуразнаўца, фалькларыст, этнограф, выдавец, рэдактар, філосаф, гісторык, археолаг, краязнаўца.

У гістарычнай аповесці “Кароль у Нясвіжы” расказваецца пра паездку на сейм у Гомель у 1784 годзе апошняга польскага караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага (1764–1798 гг.).

Загалавак твора належыць да **ідэйна-характарыстычнага тыпу**, бо змяшчае аўтарскую ацэнку галоўнага героя твора – прадстаўніка славытага роду “некаранаваных каралёў Рэчы Паспалітай” – Радзівілаў. Назва твора шматзначная: яе можна разумець як аповесць пра візіт караля ў Нясвіж. Падчас знаёмства з гістарычнымі падзеямі прачытваецца другі сэнс: хто ж сапраўды быў каралём у Нясвіжы? Амбітны Радзівіл увесь час стараўся даць Панятоўскаму зразумець, што кароль – ён.

Сродкам адлюстравання гістарычнага каларыту ў творы з’яўляюцца **онімы-сучаснікі** (яны адпавядаюць часу разгортвання дзеяння аповесці): імёны правіцеляў Рэчы Паспалітай, прадстаўнікоў шляхты, дзеячаў культуры: польскага караля *Станіслава Аўгуста Панятоўскага*, віленскага ваяводы князя Радзівіла *Пане Каханку*, генерала *Мараўскага*, генерала *Камажэўскага*, падкаморага *Храптовіча*, біскупа *Нарушэвіча*, каралеўскіх ад’ютантаў *Бышэўскага* і *Міхневіча*, мельніцкага старасты *Шыдлоўскага*, маршалка ашмянскага *Аскеркі*, князя *Альберціні* – заснавальніка бібліятэкі і калекцыі карцін у Вене, *Францішка Смуглевіча* – вядомага мастака, графіка, педагога, прафесара малюнка і жывапісу ў Віленскім універсітэце. Ва ўспамінах герояў аповесці выкарыстоўваюцца **онімы-рэтраспекцыі** – імёны гістарычных асоб, дзейнасць якіх адносіцца да часу, што папярэднічае часу разгортвання падзей твора: польскіх каралёў *Жыгімонта Аўгуста*, *Уладзіслава IV*, *Яна Казіміра*, французскага караля *Людовіка XIV*, рэлігійных дзеячаў *Марціна Лютэра* і *Кальвіна*.

Антрапонімы, выкарыстаныя ў аповесці Ю. І. Крашэўскага, належаць да беларускай і польскай іменаслоўных сістэм. Выдзеленыя асабовыя імёны, якія функцыянуюць у разнастайных варыянтах, нясуць інфармацыю пра польскае і беларускае лінгвакультурнае асяроддзе XVIII

стагоддзя. Антрапанімікон прааналізаваных твораў на 98 % прадстаўлены запазычанымі імёнамі, якія ўвайшлі ў іменаслоў разам з прыняццем хрысціянства. Так, з **грэчаскай** мовы былі запазычаны імёны **Піліп** (грэч. ‘які любіць коней і конную язду’ [1, с. 52]), **Антон** (грэч. ‘які змагаецца’, ‘пераўзыходзячы’ [3, с. 14]), **Моніка** (грэч. ‘адзіная’, ‘натхняльная’ [1, с. 32]), **Грыгорый** (грэч. ‘бадзёры, ‘дбаючы, пільны’ [3, с. 48]), **Настасся** (грэч. ‘уваскрэслая, адроджаная’ [1, с. 32]) і інш, з **лацінскай** – **Аўгуст** (лац. ‘свяшчэнны’, ‘высокі’, ‘вялікі’ [1, с. 17]), **Севярын** (лац. ‘строгі, моцны’ [1, с. 57]), **Дамінік** (лац. ‘які належыць Богу’ [1, с. 27]) і інш. Са **старажытнаўрэйскай** у айчынным іменаслоў ўвайшлі імёны **Міхал** (яўр. ‘хто, як Бог’, ‘роўны Богу’ [1, с. 47]), **Юзаф** (яўр. ‘няхай Бог прыйдзе, памножыць’ [1, с. 101]) і інш. Адзначаюцца імёны **славянскага** паходжання: **Станіслаў** (слав. ‘станавіся славутым, будзь слаўным’ [1, с. 59]) і інш.

Перадаючы тонкія адценні чалавечых узаемаадносін, пісьменнік умела выкарыстоўвае прагматычны патэнцыял уласных асабовых імёнаў. Напрыклад, разнастайным граням асобы шляхціца Піліпа Панятоўскага – сябар, каханы, дробны служачы пры двары Радзівіла – адпавядаюць афіцыйныя, поўныя, скарачаныя, эмацыйна-экспрэсіўныя формы імені: “*Праўда, усе называлі яго або Русінам, або **Піліпам**, такое ў яго было імя. І толькі Шарэйка добра запамятаў ягонае прозвішча. Гэты самы **пан Піліп** пры двары нічым не вызначыўся, згубіўся сярод многіх такіх самых, як ён*” [2, с. 34–35]; “*Найбольшую выгоду з усёй гэтай гісторыі меў, мабыць, прастадушны **Піліп**. Яму дасталіся вельмі кемлівая жонка, вёска ў пажыццёвае ўладанне, а пазней ужо кароль, у сваю чаргу, даў хлопцу нейкае староства, праз якое ён атрымаў тытул і крыху масла да хлеба*” [2, с. 135].

Нацыянальная спецыфіка іменаслову праяўляецца падчас выкарыстання імёнаў як этыкетных знакаў. Так, формай называння суразмоўніка і сродкам выказвання павагі да чалавека ў асяроддзі шляхты былі спалучэнні імёнаў з паказчыкамі сацыяльнага рангавання, напрыклад: “*Панна **Моніка**, назіраючы за ім, заўважыла, што ён дужа часта сустракаецца з Шарэйкам, але гэта не навяло яе на нейкія здагадкі*” [2, с. 6]; “*Пан **Севярын** прыкрыў рукой вусны, каб не выдаць усмешку на твары*” [2, с. 47].

Канатацыяй нацыянальна-культурнай спецыфікі характарызуюцца гутарковыя формы імён, якія адлюстроўваюць асаблівасці беларускай фанетыкі і марфалогіі. Ужытыя ў форме множнага ліку, яны выкарыстоўваюцца для абагульненай характарыстыкі беларусаў-сялян, якія праславілі тэатр Радзівіла: “*У мяне так: опера князя Мацея, а спевакі і танцоры – **Грышкі, Гапкі і Насці**, мастак – Эстка, механік – ліцвін,*

віртуозы-музыкі – сяляне... *На радзівілаўскай глебе калі што пасееш, пане каханку, то нешта павінна ўрадзіць*” [2, с. 112]. У кантэксце аповесці ўжыты **антрапанімічны дыялектызм** – форма клічнага склону асабовага імя, характэрная для беларускіх гаворак: “*Севярыне, супакойся, тут жа рэч сур’ёзная*” [2, с. 45].

Героямі твора з’яўляюцца рэальныя гістарычныя асобы, прозвішчы якіх – каштоўная крыніца інфармацыі пра факты гісторыі і культуры Беларусі і лёс славурых шляхецкіх родаў.

У XVIII стагоддзі знатныя роды ў Рэчы Паспалітай ужо мелі афіцыйныя іменаванні, што перадаюцца ў спадчыну і ўказваюць на прыналежнасць чалавека да пэўнай сям’і. Частка прозвішчаў герояў твора ўтворана ад формаў кананічных асабовых імёнаў, напрыклад: **Міхневіч** – ад размоўнай формы імені *Міхаіл* (яўр. ‘той, хто як Бог’ [1, с. 47]). У аснове прозвішча **Вайніловіч** – асабовае імя *Вайніла*, якое ўзыходзяць да імені Вайна. “Імя *Вайна* дагэтуль сустракаецца ў польскай іменаслоўнай практыцы. Яно з’яўляецца скарачанай формай аднаго са старажытных славянскіх двухасноўных імён тыпу *Ваеслаў, Ваемір* і інш., дзе першая частка *Вой-* азначае ‘воін’, другая адпаведна ‘воінская слава, слаўны воін’, ‘той, хто ваюе з цэлым светам’. *Вайніловіч* – нашчадак *Вайнілы* [3, с. 152]. Асобныя прозвішчы ўтвораны ад мірскіх празванняў-мянушак, якія паказваюць на сацыяльны статус продкаў: **Аскерка**: “у аснове прозвішча *Аскерка* турэцкае асабовае імя *Аскер* ‘воін, салдат’, якое засвоена многімі цюркскімі народамі. *Аскерка* – сын ці нашчадак *Аскера*. У Вялікім Княстве Літоўскім *Аскеркі* – знакаміты шляхецкі род, прадстаўнікі якога мелі зямельныя ўладанні ў Мінскім і Полацкім ваяводствах, у Мазырскім, Навагрудскім і Ашмянскім паветах” [3, с. 79]. Сустракаюцца і прозвішчы адтапанімічнага паходжання: **Яблонскі** – “ураджэнец, заснавальнік ці ўладар населенага пункта *Яблонь* – ад яблыны ў польскай агаласоўцы” [3, с. 349]. Паходжанне прозвішча **Панятоўскі** тлумачыцца ў кантэкście аповесці “*Хіба ты не ведаеш таго, што шляхта, мазуры і вялікапаляне спрадвеку натоўпамі перасяляліся на Валынь і Русь, дзе болей зямлі, прычым не такой пясчанай, як на Мазурах? Вы не іначай з таго самага Панятова, што і кароль*” [2, с. 37].

Сродкам стварэння гістарычнага каларыту, а таксама моўнай адзінкай, якая ўтрымлівае інфармацыю пра вядомых асоб, з’яўляюцца **мянушкі**. Шэраг мянушак растлумачаны ў каментарах перакладчыка аповесці Міхася Кенькі. Гэта тычыцца празвання галоўнага героя аповесці князя Радзівіла **Пане Каханку**, а таксама членаў славурых прадстаўнікоў дынастыі “некаранаваных каралёў” Рэчы Паспалітай: “*Пане Каханку* – мянушка, дадзеная князю, яна звязана з ягонай звычкай часта ўжываць у гаворцы зварот «пане каханку». Так сталася, што ў іх генеалогіі было

некалькі Мікалаяў Радзівілаў, таму кожны атрымаў нейкую мянушку: **Чорны, Руды, Сіротка, Пярун...** [2, с. 329]. Пагардлівыя адносіны Радзівіла да польскага караля выражаюцца праз мянушку **Аканомчык**: “Я гэтакі **Аканомчыку** як соль у воку, і ён мне таксама не канфітура... Трымацца з ім на пачцівай адлегласці – будзе самае лепшае” [2, с. 17]. У каментарах перакладчыка акрэсліваецца матывацыя характарыстычнага празвання караля: “**Аканомчык** – у вуснах Радзівіла – абразлівая мянушка Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Радзівіл гэтай мянушкай намякае на тое, што нехта з Панятоўскіх быў **аканомам**” [2, с. 329–330].

Тэмперамент прыдворнага мастака **Эткі**, які ствараў карціны за вельмі кароткі час, перадае мянушка **Фапрэста** (яна рыфмуецца з прозвішчам), складзеная з двух музычных тэрмінаў **фа** (нота) і **прэста** (хутка) [2, с. 331]. Характар польскага караля Баляслава (правіў у 992–1025 гг.) перадае мянушка **Харобры**. Замалёўкай знешнасці караля Баляслава III (правіў у 1102–1138 гг.) з’яўляецца празванне **Крывавусты**.

Мянушкі маюць і персанажы, створаныя аўтарскай фантазіяй. Так, этнічную прыналежнасць і сацыяльны статус героя аповесці беднага шляхціца Піліпа перадае мянушка **Русін**: “Рээстравым сакратаром Бажэнкага быў ужо колькі гадоў малады шляхціц, бледны, нявідны, сярэдняга росту, худы. Пра яго было вядома толькі тое, што ён паходзіў аднекуль з-пад **Кіева**. У ягонай гаворцы адчувалася нешта русінскае. Праўда, усе называлі яго або **Русінам**” [2, с. 34–35].

Такім чынам, мянушкі герояў аповесці дапамагаюць перадаць дух эпохі, намаляваць партрэты герояў, акрэсліць іх стасункі.

Найважнейшымі рысамі антрапанімічнай прасторы гістарычнай аповесці “Кароль у Нясвіжы” з’яўляюцца пераважнае выкарыстанне імёнаў рэальных гістарычных асоб, а таксама адпаведнасць сэнсавай нагрузкі і формы найменняў герояў структуры і семантыцы іменаслову канца XVIII стагоддзя. Пісьменнік нярэдка актуалізуе этымалагічную семантыку прозвішчаў і мянушак рэальных гістарычных асоб, выказваючы ацэначныя адносіны да персанажаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Яшкін, І. Я. Слоўнік беларускіх імёнаў / І. Я. Яшкін. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – 136 с.
2. Крашэўскі, Ю. І. Кароль у Нясвіжы; Апошняя са слудзіх князем : гіст. аповесці / Ю. І. Крашэўскі; пер. з пол. мовы, прадм. і камент. М. Кенькі. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 335 с.
3. Лемтюгова, В. П. Корни наших фамилий = Карані нашых прозвішчаў / В. П. Лемтюгова, И. О. Гапоненко. – Минск : Звязда, 2018. – 672 с.

Г. Г. Айдогдыева (*г. Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова*)
Научный руководитель – С. И. Сивицкая, старший преподаватель

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПОЛИСЕМИЯ В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Как нам известно, до XX века термин *полисемия* в системе изучения английского языка рассматривался только на лексическом уровне.

Впервые термин *полисемия* рассматривается В. И. Абаевым не только на лексическом, но и на лексико-синтаксическом уровне, когда слово, в зависимости от синтаксического употребления, выступает в роли то одной, то другой части речи. Например, существительного или прилагательного, прилагательного или наречия, наречия или предлога (послелога) и т. п. Данная полисемия называется лексико-грамматической.

Кроме В. И. Абаева, использование полисемии на уровне частей речи была рассмотрена также С. Д. Кацнельсоном, который назвал данное явление «категориальной полисемией» и определил ее следующим образом: «Если какое-либо значение используется в различных категориальных функциях, то перед нами случай категориальной полисемии слова. Разница между значениями в таком слове минимальна» [1, с. 34].

Значение каждого слова складывается из категориальных и эмпирических компонентов. В случае категориальной полисемии эмпирические компоненты одинаковы в обоих значениях, одно значение отличается от другого лишь своей категориальной характеристикой.

При одинаковом эмпирическом содержании одно из них оказывается субстанциональным, а другое – несубстанциональным, либо оба значения оказываются несубстанциональными, но при этом одно из них атрибутивно, а другое – предикативно и т. д. Еще одно из таких значений оказывается в слове основным, а другое – производным.

Важно отметить, что многозначность на уровне частей речи исследовалась и затрагивалась в работах и многих других авторов, при этом использовалась различная терминология. Для обозначения многозначности на уровне частей речи применяются термины транспозиция, полиморфизм, трансформация.

В своих работах В. М. Жирмунский утверждает, что при наличии в языке одинаковых исходных (абсолютных) форм слова существительного и глагола, лишенных формальных признаков, с которыми может также совпадать неизменяемое по своей форме прилагательное (и наречие) существует возможность перехода одной части речи в другую. В этом случае ученый «предпочел бы говорить о полиморфизме слова, присущем языкам определенного типа» [2, с. 28].

По мнению В. М. Никитевича, при сохранении семантического тождества производное транспозиции не образует новой лексемы [3, с. 25].

Как отмечает М. А. Стернина, «можно полагать, что в случае функционирования одной и той же единицы в качестве различных частей речи мы имеем дело не с омонимами и не со словообразованием, а с особым рода полисемией – полисемией на уровне лексико-грамматических классов слов, или лексико-грамматической полисемией» [4, с. 25].

Лексико-грамматическая полисемия существует в двух видах:

- собственно лексико-грамматической полисемии;
- лексико-грамматической вариантности, которая может рассматриваться как частный, более простой случай лексико-грамматической полисемии слова.

При лексико-грамматической полисемии слова каждому новому набору лексических сем соответствует отдельная лексико-грамматическая сема.

Соотношение лексических и грамматических сем при многозначности слова на уровне частей речи имеет, таким образом, двоякий характер:

- при лексико-грамматической полисемии отдельному лексическому значению слова однозначно соответствует одна лексико-грамматическая сема;
- при лексико-грамматической вариантности одному лексическому значению соответствуют уже две (или более) разные категориальные семы.

Реализация той или иной лексико-грамматической семы в этом случае обусловлена контекстуальными условиями.

М. А. Стернина предлагает интегральную концепцию полисемии, которая охватывает два уровня полисемии слова и три ее вида:

- лексико-грамматическую полисемию;
- лексико-грамматическую вариантность;
- лексическую полисемию [4, с. 56].

Лексико-грамматическая вариантность, предусматривающая лексико-грамматическую многозначность при идентичности лексического значения, наряду с лексической полисемией, при которой лексико-грамматические семы идентичны и семы различаются лексически, образуют низший уровень полисемии слова.

В то время как лексико-грамматическая полисемия с многозначностью как лексической, так и лексико-грамматической, составляет ее верхний, высший уровень. При этом лексико-грамматическая полисемия, предусматривающая многозначность, как на лексическом, так и на лексико-грамматическом уровне, как бы интегрирует, объединяет в себе и лексическую полисемию, и лексико-грамматическую вариантность.

В процессе перевода для разрешения многозначности и определения выбора эквивалента иногда достаточно учета синтаксического контекста слова. Например, *burn* – ‘гореть’, ‘жечь’.

Выбор определяется синтаксическим контекстом: в непереходной конструкции переводится, как гореть в переходной, при наличии прямого дополнения или в форме страдательного залога жечь, например:

The lamp burns. We burned our clothes.

To sink – ‘тонуть’, ‘топить’.

To drive – ‘ехать’, ‘гнать’, ‘вести’.

Чаще выбор эквивалента определяется лишь с учетом лексического контекста данной единицы, однозначность которой устанавливается в пределах определенного лексического окружения. Слово *look* с прилагательным *angry* означает ‘взгляд’, а с прилагательным *European* – ‘вид’, например, *The house has a European look.*

Давайте рассмотрим примеры полисемией.

Way to the village – ‘Дорого в село’.

The main way to complete this work – ‘Единственный способ совершить эту работу’.

We have a friendly attitude – ‘Мы ко всем относимся по-дружески’.

There is no sign of any change in the attitudes of the two sides. – ‘В позициях, занимаемых обеими сторонами, невидны никаких перемен’.

Your mother told there in a threatening attitude. – ‘Твоя мама рассказала в угрожающей позе’.

These people are known for their anti-Soviet attitudes – ‘Они известны своими антисоветскими взглядами’.

По данной концепции, распространяясь как на лексический, так и на грамматический уровень языка, полисемия пронизывает две основные составляющие системы языка:

– лексику;

– грамматику.

Таким образом, подчеркивая их неразрывное единство, мы признаем существование полисемии, как на лексическом, так и на лексико-грамматических уровнях, изучаем как лексическую полисемию глагольных лексем, так и их лексико-грамматическую полисемию в двух ее видах: в виде собственно лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности.

Список использованной литературы

1. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 2002. – 216 с.
2. Жирмунский, В. М. О границах слова / В. М. Жирмунский // ВЯ. – 1961. – № 3. – С. 3–21.

3. Никитевич, В. М. Переход, конверсия, транспозиция / В. М. Никитевич. – Алма-Ата, 2011. – С.102–108.

4. Стернина, М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка / М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2009. – 160 с.

О. Акмухаммедова (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – А. А. Посохин, старший преподаватель

ИЗУЧЕНИЕ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Синтаксис – высший этаж языкового здания. Традиционно в школьной методике преподавания русского языка, синтаксис изучается в начальной школе, в 5, 8, 9 и 11 классах. Специфика синтаксиса в том. Что он служит процессу коммуникации. Любое синтаксическое понятие нужно изучать в единстве знаний о языке [1, с. 218].

В школе члены предложения изучаются на синтаксической основе. «В основе синтаксического разбора предложения лежит знание системы членов предложения и особенностей их представления в высказывании. Эти знания обеспечивают умение распознавать главные и второстепенные члены предложения, определять границы членов предложения, обнаруживать синкретизм членов предложения, что в конечном итоге формирует осознанное отношение к продуцированию собственных высказываний и к анализу чужой и своей устной и письменной речи» [2, с. 48].

Члены предложения – синтаксическая категория, организуемая значениями субъекта, предиката, объекта и разнообразных определителей в их взаимных отношениях друг к другу и выражаемая отдельными словоформами и сочетаниями слов, занимающими в предложении определенные синтаксические позиции. Одни члены предложения организуют минимальную основу предложения, они называются главными – это подлежащее и сказуемое. Другие члены предложения являются распространяющими и традиционно называются второстепенными – это определение, дополнение, обстоятельство [3, с. 629].

Деление второстепенных членов предложения на определение, дополнение, обстоятельство традиционно сохраняется в преподавании русского языка, хотя во многих работах и учебных пособиях отмечается, что внутренняя противоречивость и неграмматичность их выделения приводит к колебаниям в квалификации того или иного члена предложения (особенно часты колебания при определении дополнения и обстоятельства, несогласованного определения и дополнения) или к толкованию ряда случаев как явлений переходных. Возможен пересмотр учения о второстепенных членах предложения с целью уточнения

грамматических и семантических качеств членов предложения в терминах семантической структуры предложения [4, с. 630].

Изучение членов предложения в средней школе имеет свои особенности.

Предложение – основная коммуникативная единица языка и речи, потому что мы думаем и говорим предложениями. Оно является второй более значимой единицей синтаксиса, неразрывно связанной со словосочетанием, отличается от него наличием предикативной основы (подлежащее и сказуемое). Изучение простого предложения в школе поэтапное: пропедевтический этап (5 класс, 4 урока); систематический этап (8 класс, 6 уроков). Важно отметить, что в 5 классе рассматриваются главные члены предложения (подлежащее и сказуемое) и три второстепенные члены предложения (дополнение, определение и обстоятельство), в 8 классе, кроме изученных в 5 классе членов предложения рассматривается приложение.

Таким образом, изучение членов предложения в средней школе осуществляется в два этапа, т. е. изучается в 5 и 8 классе. Изучение членов предложения тесно связано с синтаксисом, так как выделение членов предложения осуществляется в предложении, и с морфологией, так как члены предложения выражаются определенными частями речи.

Нами разработан дидактический материал по теме «Главные и второстепенные члены предложения», а также технологическая карта учебного занятия «Главные и второстепенные члены предложения», которые можно использовать на уроках русского языка в средней школе, а также на занятиях по современному русскому языку.

Предложенная система упражнений направлена на отработку определения членов предложения, наблюдение за тем, чем выражен тот или иной член предложения. На занятиях учащиеся повторяют и усвоят теорию и применяют на практике знания по главным и второстепенным членам предложения.

Ниже приведены примеры заданий по теме «Главные и второстепенные члены предложения».

Задание 1. 1. Прочитайте предложения. Запишите их в таком порядке, чтобы получился текст. 2. В каждом предложении подчеркните грамматическую основу. Сверху укажите, словами каких частей речи выражены подлежащее и сказуемое. 3. Используя примеры из текста докажите, что подлежащее и сказуемое связаны по смыслу и грамматически.

1. В нее мы бр..сали корки ч..рного хлеба для кур. 2. Фунтик подошел к миск.. и осторожно (вы)т..щил из воды большую размокишую корку. 3. В следу(?)щую минуту п..тух клюнул (Ф,ф)унтика в спину. 4. Сварливый

голенастый п..тух пристально п..смотрел на щ..нка одним глазом. 5. Во дворе, среди курчавой гусиной травы, стояла д..ревянная миска с мутной в..дой. 6. Потом он (по)в..рнул голову и п..смотрел другим глаз..м. 7. Щ..нок выпустил хле.., прижал уши и с отчаянным воплем бросился в отдушину под домом. (По К. Паустовскому).

Ответ: 1. В нее мы брОсали корки чЕрного хлеба для кур. 2. Фунтик подошел к мискЕ и осторожно вытАщил из воды большую размокшую корку. 3. В следуЮщую минуту пЕтух клянул Фунтика в спину. 4. Сварливый голенастый пЕтух пристально пОсмотрел на щЕнка одним глазом. 5. Во дворе, среди курчавой гусиной травы, стояла дЕревянная миска с мутной вОдой. 6. Потом он повЕрнул голову и пОсмотрел другим глазОм. 7. ЩЕнок выпустил хлеБ, прижал уши и с отчаянным воплем бросился в отдушину под домом. (По К. Паустовскому).

Задание 2. Спишите текст, вставляя пропущенные буквы и раскрывая скобки. Подчеркните все определения. Установите их вид (согласованные или несогласованные, распространенные и нераспространенные). Найдите обособленное определение, выраженное причастным оборотом.

Братина – сосуд, широко использовавшийся в Древней Руси во время пиров. Братины с медом перед..вались по кругу, «от брата к брату». Отсюда, оч..видно, и пошло название сосуда. Братины из золота и серебра, ураше(н,нн)ые сложными чека(н,нн)ыми узорами, были очень похожи на дикови(н,нн)ых птиц. (Древне)русские мастера в..ртуозно наносили на мета(л,лл)ическую поверхность посуды пр..чудливые узоры, а иногда писали з..бавные нр..воучения.

Ответ: Братина – сосуд, широко использовавшийся в Древней Руси во время пиров. Братины с медом передАвались по кругу, «от брата к брату». Отсюда, очЕвидно, и пошло название сосуда. Братины из золота и серебра, урашеННЫЕ сложными чекаННЫми узорами, были очень похожи на диковиННЫХ птиц. Древнерусские мастера вИртуозно наносили на металЛическую поверхность посуды прИчудливые узоры, а иногда писали зАбавные нрАвоучения.

Список использованной литературы

1. Баранов, М. Т. Методика преподавания русского языка в школе / М. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская [и др.]. – М. : Академия, 2001. – 368 с.
2. Гаврилова, Е. И. Второстепенные члены предложения в школьном курсе русского языка: аспекты изучения и трудности анализа [Электронный ресурс] / Е. И. Гаврилова // Педагогический ИМИДЖ. – 2018. – № 2 (39). – С. 48–56. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtorostepennnye-chleny-predlozheniya-v-shkolnom-kurse-russkogo-yazyka-aspekty-izucheniya-i-trudnosti-analiza>. – Дата доступа: 09.11.2020.
3. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Большая рос. энцикл. ; Дрофа, 1997. – 703 с.

4. Современный русский язык / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.

А. Амбаркулов (м. Суми, СумДУ)

Науковий керівник – О. П. Коньок, ст. викладач

НАЦІОНАЛЬНА КАРТИНА СВІТУ В УЗБЕЦЬКИХ ПАРЕМІЯХ

Кожний народ має свою мовну картину світу, у якій віддзеркалюються національні цінності, когнітивні, культурні та соціальні характеристики менталітету народу – носія мови.

Паремії, як слушно зауважують дослідники, є одним з основних «кодів» культури, що передається з покоління в покоління і відбиває всі категорії та установки життєвої філософії того чи іншого народу [1, с. 241].

Те, що паремії зберігають в собі знання про світ і про людину в цьому світі, дозволяє вченим говорити про паремійне уявлення про світ. Так, Є. В. Іванова паремійну картину світу визначає як окремий фрагмент, частину мовної картини світу, а також вказує на існування паремійного менталітету (менталітету, який виявляється в паремійній картині світу). Паремійний менталітет – це не менталітет паремії, а відображений у паремійному фонді менталітет народу, точніше, певних соціальних груп народу [2, с. 49].

У науці ще не склалося єдиної класифікації паремій. У кожного принципу класифікації: за опорними словами, за алфавітом, за походженням, тематичного – є свої позитивні й негативні риси. Найбільш поширеною є класифікація за тематичними групами. На нашу думку, саме предметно-тематичну класифікацію можна вважати основним способом вираження національного менталітету.

Так, узбецькі паремії [3] можна поділити на такі групи:

1. Паремії про етичні цінності.

У цій групі паремій, з одного боку, використовуються поняття «добро», «добрий», які визначені в словниках як усе позитивне, добре, корисне, те, що несе благо, добро, благополуччя: *Яхишдан бог қолади, ёмондан дог қолади* (Від доброї людини залишиться сад, від злої (негідника) залишиться чорна пляма); *Яхиши бўлсанг – ошингни ерсан, ёмон бўлсанг, бошингни ерсан* (Будеш добрим – матимеш статки, будеш поганим – заплатиш головою); *Яхишдан от қолади, ёмондан дод қолади* (Від доброго залишиться славне ім'я, від поганого – стогін і скарги).

З іншого боку, у цій самій групі паремій використовуються протилежні їм лексеми «зло», «скнарість», які розглядаються як антипод добра: *Бахил эҳсондан қочар, хасис меҳмондан қочар* (Скупий від доброї справи біжить, скнара від гостей біжить); *Бахилнинг боғи кўкармас* (У

скнари сад не зацвіте). Водночас в узбецьких пареміях наголошується цінність добрих справ у відповідь на зло: *Яхшиликка яхшилик ҳар кишининг ишидир, ёмонликка яхшилик эр кишининг ишидир* (Відповідати добром за добро – обов'язок кожного; відповідати добром за зло – вчинок справжньої людини (героїзм)).

Отже, паремії про етичні цінності прямо говорять про значущість добра в житті людей, наголошують, що найцінніша людська якість – добро, і його потрібно прищеплювати.

2. Паремії про працю.

Паремії, пов'язані з поняттям «праця», наголошують на значущості праці в житті кожної людини: *Донога иш – шону шуҳрат, нодонга иш – ғаму кулфат* (Праця для розумного – слава і честь, а дурному (ледареві) – горе і страждання); *Дарё сувини баҳор тоширар, одам қадрини меҳнат оширар* (Весна річку розливає, праця людину прославляє); *Богни боқсанг, бог бўлар, ботмон-дахсар ёғ бўлар* (Будеш доглядати за садом, і сад тобі відплатить добром); *Бекор тургунча бекор ишла* (Чим сидіти без діла, краще працюй даром).

Паремії про працю містять оцінний предикат. Поняття «праця» в національній свідомості – це абсолютна цінність, яка маркується в свідомості позитивною оцінкою.

3. Паремії про людину.

Паремії про людину оцінюють людські стосунки: *Бировга чоҳ қазисанг, ўзинг тушасан* (Не рий іншому яму, сам в неї потрапиш); *Аввал ўзингга боқ, кейин ногора қоқ* (Спочатку подивися на себе, потім бий у литаври); *Адашганнинг айби йўқ, қайтиб уйини топса* (Заблукати не гріх, якщо потім знайти свою домівку); *Ўтма номард кўпригидин, сой сени оқизса ҳам* (Не переходь через міст негідника, навіть якщо понесе тебе річка; не спілкуйся з нікчемною людиною, навіть якщо будеш з голоду вмирати).

Паремії цієї тематичної групи характеризують також такі поняття, як «багатство», «бідність», «дружба» в буттєвому плані: *Бойлик мурод эмас, камбағаллик уят эмас* (Багатство не мета, а бідність – не порок); *Улуг бўлсанг, кичик бўл* (Якщо ти великий, будь скромним); *Уюрли кўйдан бўри ҳам қўрқар* (Дружного стада й вовк боїться); *Дастурхонга боққан дўст бўлмас* (Хто дивиться на скатертину, той не друг).

Паремії про людину, як і паремії інших тематичних груп, в узагальнено-афористичній формі висловлюють життєву мудрість або мораль, прийняті в суспільстві.

4. Паремії з компонентом-соматонімом.

Вважається, що найбільш стародавнім кодом культури є соматичний (тілесний), оскільки людина почала пізнавати навколишній світ з пізнання самої себе, вважаючи себе частиною навколишнього світу, але водночас

намагаючись відокремити себе від нього й зберегти свій особистий простір. Цей особистий простір – перш за все тіло людини. І назвам частин тіла належить значне місце в формуванні паремій. Частини тіла, найбільш часто використовувані в узбецьких пареміях, – це:

а) голова, обличчя: *Дўст бошга боқар, душман – оёққа* (Друг дивиться на голову, а ворог на ноги); *Кўнгли қоранинг юзи қора* (У кого душа чорна, у того й обличчя чорне);

б) серце: *Бегонаники ёнингдан ўтса, ўзингники ўзагингдан ўтади* (Образи чужих пройдуть повз, а своїх – крізь серце);

в) рука, нога, язик: *Тил югуриги – бошга, қўл югуриги – ошга* (Швидкі ноги годують, гострий язик губить); *Тилагим икки билагимда* (Моє щастя в моїх руках);

г) очі: *Аяган кўзга чўп тушар* (У бережене око потрапляє смітинка); *Сўқирнинг тилагани икки кўзи* (Мрія сліпого – мати два ока).

5. Паремії про тварин, птахів.

Люди тисячоліттями знаходилися в нерозривному зв'язку з тваринним світом. Тварина, птах, комаха були для людей не лише джерелом харчування й одягу, а й багатьох людських якостей – як фізичних, так і моральних.

В узбецьких пареміях досить велика кількість образів, запозичених з тваринного світу. Це ще одне свідчення того, що паремії – історичне дзеркало навколишнього світу людини.

Ця група має переважно метафоричний характер, забарвлений національною специфікою: *Аравани от тортар, кўланкасини ит тортар* (Кінь тягне гарбу, а собака тягне його тінь); *Арининг захрини чекмаган болнинг қадрини билмас* (Хто не покуштував отрути бджоли, не знає й ціни меду); *Арслоннинг ўлиги – сичқоннинг тириги* (Мертвий лев сильніше за живу мишу) та ін.

Отже, паремії становлять собою своєрідну систему знань про загальнолюдські та національно-культурні цінності та явища. Вивчаючи паремії того чи іншого народу, можна багато дізнатися про сам народ і його культуру. Природа паремій тісно пов'язана з фоновими знаннями носія мови, з практичним досвідом особистості, з культурно-історичними традиціями народу – носія цієї мови.

Список использованной литературы

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

2. Иванова, Е. В. Мир в английских и русских пословицах: учеб. пособ. / Е. В. Иванова. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. – 280 с.

3. Узбекские пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fmc.uz/maqollar.php>.

А. В. Андросюк (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОЭТИЧЕСКОМ СТИЛЕ ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ

Появление интернет-технологий и активное внедрение их в культурно-общественную жизнь людей обусловило появление феномена интернет-литературы, особое место в которой заняла сетевая поэзия. В последние годы стало очевидно, что «в отношении поэзии интернет представляет собой не только среду для публикации и распространения текстов, но и новую форму ее существования» [1].

Вера Полозкова – одна из самых успешных и узнаваемых современных российских поэтесс, которую в СМИ называют «законодателем поэтической моды». Успех творчества В. Полозковой заключается прежде всего в идиостиле поэтессы, в котором часто встречаются яркие элементы игры на разных уровнях языка с целью создания окказионализмов, визуализации авторских мыслей посредством языковых возможностей, а также для привлечения внимания читателей.

Одним из самых ярких элементов идиостиля В. Полозковой является индивидуально-авторское словотворчество, иллюстрирующее реализацию словообразовательной языковой игры в поэтическом тексте. Такая игра создается, как правило, на базе узуальных, а также неузуальных способов деривации: контаминации, гендиадиса, «обратного» и чересступенчатого словообразования, образования окказиональных слов от словосочетаний или предложений (голофразис), аббревиации и дезаббревиации (шутливой расшифровки уже существующих сокращений).

В текстах поэтессы встречаются индивидуально-авторские слова, в образовании которых участвуют **продуктивные аффиксы**: суффиксы, префиксы, постфиксы и их комбинации. Такие окказионализмы создаются по образцу уже существующих в языке слов.

Так, для образования новых слов и словоформ поэтесса использует разнообразные суффиксы: *-н-* (*капучинные облака* («Благовест»)); *-аст-* (*облакастыми головами* («Disk World»)); *-j-* (*океанья пасть* («Босса нова»)); *-о* (*сердце колотится баскетбольно* («Вместо подытога»), *бритвенно* («Словно догадка...»), *так нежило внутри* («Ноябрьское») и др.

Часто наблюдаются окказионализмы, образованные продуктивным суффиксом *-ость-* в традиционном значении отвлеченного признака: *чьятость* («Детское»), *любимость* («Как себя вынести...»), *искомость* («Письмо далекому другу»), *богинность* («Блики тишины»). Такие лексемы у Веры Полозковой встречаются чаще всего в стихотворениях интимной

лирики и несут в себе семантику некоего возвышенного чувства или качества, как и многие узуальные лексемы, образованные этим суффиксом (*благодарность, отзывчивость, привязанность, порядочность* и т. д.).

Продуктивные префиксы встречаются в следующих индивидуально-авторских лексемах (некоторые из них встречаются уже в названиях стихотворений): «*Перехокку*», *перестих* (приставка выражает значение чрезмерности: ‘больше, чем хокку’; ‘больше, чем стих’), «*Недогумилев*» (приставка выражает значение недостаточности, неполноты, мнимости качества: ‘недостаточно Гумилев’) и др.

Среди других узуальных способов образования окказионализмов Веры Полозковой можно наблюдать **сложение и сращение**. Так, наименования некоторых существ, а также явлений, появляющихся в поэтической действительности того или иного стихотворения, образованы одним из указанных способов: *баблодел* (*бабло* (жарг.) + *делать*), *верочковед* (*Верочка* + *ведать*), *ласковоокий* (*ласковый* + *очи*), *конкистадурень* (*конкистадор* + *дурень* (разг.); *тебядефицит* (*тебя* (*ты*) + *дефицит*), *бабьелетнее* (*бабье* + *летнее*), *мартобря* (*март* + *октября*). Таким образом поэтесса создает яркие существительные и прилагательные (эпитеты), передающие точные оценочные характеристики описываемых в текстах реалий.

Вместе с узуальными способами деривации Вера Полозкова прибегает к неuzuальным способам, которые часто встречаются в современной поэзии и являются востребованным способом привлечения внимания читателя. Неuzuальные способы деривации, как правило, приближают поэтическую речь к разговорной, сужая границу между высокой поэтической речью (личностью поэта, лирическим пространством) и аудиторией, к которой эта речь обращена. Среди окказионализмов В. Полозковой можно выделить лексемы, образованные такими способами неuzuальной деривации, как **контаминация и голофразис**.

Контаминация – способ деривации, суть которого заключается в появлении новой формы, нового значения слова или выражения при произвольном объединении, смешении двух в чём-то сходных форм, слов, выражений [2]. К примеру, лексема *люболь*, встречающаяся в одноименном стихотворном тексте, иллюстрирует данный приём: «*Безнадежная? Зараженная? / Не дотрагиваться – Люболь*». В данном случае слово образуется наложением двух других слов (*любовь* и *боль*), совпадающих на стыке при их объединении: *люболь*. К слову, это объединение не случайно с точки зрения той мысли, которую закладывает Вера Полозкова в стихотворение, названное данным окказионализмом. Для лирической героини два этих чувства, «проклятых и болезненных», а после «искупительных и священных», являются одним целым, «болезнью», поглотившей героиню и ставшей результатом переживаний о любимом

человеке и тревожного одиночества. В данном случае мы наблюдаем важную функцию любого поэтического новообразования, которое, подобно подсказке или значимой отсылке, дает нам представление о том, на что следует обратить внимание при прочтении текста для понимания и осмысления его содержания.

Во многих текстах поэтессы встречаются и **голофрастические конструкции** – элементы словообразовательно-графической языковой игры. В стихотворениях В. Полозковой на местах умышленно отсутствующих пробелов чаще наблюдаются голофрастические конструкции с дефисами: *девочка-как-все-плохо* («Как будто бы»); *жалко-что-только-друг* («Поздравляю, мой лучший жалко-что-только-друг»); *мальчик-билет-в-последний-ряд, мальчик-что-за-роскошный-вид* («Без году неделя...»); *мальчик-фондовый-рынок, мальчик-уже-моей-ладони* («Мальчик фондовый рынок»); *не-надо-блюз* («Одесское»); *кем-то-любимость* («Как себя вынести...») и др.

Заметно реже в стихотворениях встречаются голофрастические конструкции, соединенные в одно слово: *дадада* («Письмо далекому другу»), *тебядефицит* («Я твой щен...»). Такие лексемы, представляющие собой соединения слов в целостную конструкцию, напоминают неделимые фразеологические единицы, которые обозначают целостное понятие. Вероятнее всего, именно для выражения такой целостности и во избежание двусмысленного толкования значимого словосочетания, в котором заключена авторская мысль, в своих текстах В. Полозкова оформляет некоторые лексемы и их сочетания в голофрастические конструкции.

Таким образом, анализ лексики поэтических текстов В. Полозковой позволяет сделать вывод о частотном использовании в стихотворном пространстве окказиональных слов, которые являются яркими примерами авторского словотворчества, в основе которого лежит элемент языковой игры. Отличаясь высокой семантической ёмкостью, индивидуально-авторские новообразования не только придают тексту особую выразительность и образность, но и раскрывают оригинальный взгляд поэтессы на современные общеизвестные реалии.

Список использованной литературы

1. Папковская, Н. А. Феномен популярности интернет-поэзии через исследование её читателя [Электронный ресурс] / Н. А. Папковская // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-populyarnosti-internet-poezii-cherez-issledovanie-eyo-chitatelya>. – Дата доступа: 15.04.2021.
2. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gramota.ru>. – Дата доступа: 17.04.2021.

Т. В. Аникеева (г. Минск, МГЛУ)

*Научный руководитель – А. А. Романовская, доктор филол. наук,
профессор*

ПАРТИТИВНОСТЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Пространство современного текста и дискурса представляет собой сферу, наполненную фрагментами ино- и интертекстового знания, что проявляется в разнообразии отсылок, включений, текстовых реминисценций и ремейков на известные факты, события, персонажи и персоналии. На языковом уровне подобные фрагменты входят в текстовое пространство и подвергаются дополнительному осмыслению и контекстуальной адаптации, что приводит к их перекодированию. Однако, анализ сферальной принадлежности языковых средств выражения межтекстовых связей свидетельствует не только о их различной текстовой протяженности, глубине вхождения в пространство языка и кумулятивному объему, но и о формировании особых отношений между элементами интертекстуальной схемы или фрейма, которые могут быть описаны определенным образом. Среди таких отношений могут быть выделены отношения целого и части, которые репрезентируют категорию партитивности.

Осмысление отношений между частью и целым имеет место в исследованиях, затрагивающих особенности когнитивного и психолингвистического отражения внеязыковой действительности в сознании и языке. Одним из наиболее близких к дихотомии части и целого принципов является описанное в русле логического подхода противопоставление фона и фигуры, являющееся релевантным в том числе и для языковых процессов. Понятие может определяться как «противопоставление двух взаимозависимых феноменов – фона и фигуры, где фон предстает как целостное единство, по отношению к которому могут быть рассмотрены и противопоставлены отдельные части» [1, с. 249]. В отношении рассмотрения языковых средств межтекстовых связей в их системном аспекте под фоном в наиболее общем смысле может пониматься тематическая сфера, с которой он референциально соотносится, поскольку именно тематическая сфера наиболее общим способом репрезентирует семантическую и тематическую общность сферы-источника и принадлежащего ей фрагмента. Однако, принадлежность целостности фиксируется реципиентом не только на наиболее абстрактном уровне, но и обнаруживается локально, при фокусировке внимания реципиента на перцептуально воспринимаемых онтологических признаках и особенностях исследуемого объекта, что

позволяет фиксировать их принадлежность [2, с. 152]. В исследовании прецедентных средств, принадлежащих современному художественному тексту, в качестве перцептивно ассоциируемых с общими структурами выступают прецедентные имена и ситуации, содержащие определенный узואально и ассоциативно закреплённый набор семантических признаков и актантов. Как отмечается учеными, формирование категории атрибута объекта предполагает осознание целостности как единства воспринимаемого целого и его части, где часть выступает как элемент целостности [1, с. 248–249]. В силу специфики репрезентации признаковой составляющей прецедентного феномена, заключающейся в возможности апеллировать к адгерентным свойствам описываемого объекта [3, с. 119], прецедентный феномен манифестируется как языковая единица, апелляция к которой возможна как путем индивидуального, так и коллективно-предписываемого осмысления.

Принцип антропоцентрического познания внеязыковой действительности демонстрирует, что в качестве составляющей целого, принадлежащего концептологическому объекту, могут эксплицироваться не доступные непосредственному визуальному наблюдению, но определяемые при помощи иных каналов восприятия информации характеристики и свойства объекта: *«Он потемнел, отоцал ещё больше, к тому же с недавних пор отпустил козлиную остроконечную бороду – стал неприлично похож на **фавна**»* [4]. Антропоцентрический подход позволяет причислять к общему фрагменты и особенности процессов духовного мира человека [5, с. 20], которые, даже будучи индивидуально осмысляемыми, конституируют смысл как репрезентанты отношения «часть – целое» [6, с. 126]. Типичным для современного художественного текста является реализация отношения «часть – целое» на основе членения перцептивно воспринимаемого образа: *«Я до этого никогда не видел, чтобы у женщины были такие **толстые косы**. Только на елке у **Снегурочки**»* [7, с. 120]. Подобным образом индивидуальное перцептивное осмысление имеют прецедентные ситуации: *«Пока я примерял замшевые пиджаки и куртки, сеньора рассказывала о тех временах, когда ей с мужем и детьми приходилось ютиться в двух комнатах, где было тесно, **“как у Данте”**»* [8]. Прецедентное имя Данте используется в данном контексте как символ и содержание формируется на основе метафорического переноса по оси «создатель – создаваемое», и актуализирует представление о наиболее известном произведении Данте Алигьери – «Божественной комедии», одна из частей которой посвящена путешествию персонажей через ад. Признак тесноты встречается несколько раз в оригинальном произведении, а также опирается на совокупный образ путешествия героя в сознании реципиента (А, XVIII, 67:

«Но вслед за ней других теснится много, / И вам дана способность править суд / И делать выбор, стоя у порога»).

Представленные примеры позволяют сделать несколько выводов о природе репрезентации отношения партитивности в структуре прецедентного феномена как языкового знака. Отношения партитивности в системном представлении прецедентных феноменов современного художественного текста реализуются двумя способами, один из которых предполагает противопоставление прецедентного феномена как языковой структуры фону, представляющему собой сферу-источник заимствования, другой представляет собой узкое понимание процесса как противопоставления одной языковой единицы другой на основании принципа включения. Основанием для выделения отношений части и целого служит принадлежность одного из компонентов единице более высокого иерархического ранга на основании знакомства с текстом-источником заимствования или в силу широкой репрезентированности феномена в дискурсе определенного языкового сообщества. В качестве прецедентных феноменов, носящих определяющий, фоновый характер выступают более кумулятивные фрагменты, такие, как прецедентное имя или ситуация, в то время как прецедентное высказывание апеллирует к ситуации или прецедентному тексту и репрезентирует целое как его часть. Определяющими прецедентную целостность фрагментами могут также служить признаково-атрибутивные средства членения языкового образа, референциально составляющие его с учетом ингерентности и адгерентности выделяемых свойств.

Список использованной литературы

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Воронина, Л. В. Репрезентация смысла «часть целого» и «часть – целое» средствами словообразования немецкого языка / Л. В. Воронина // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2013. – Т. 1. – № 3. – С. 151–158.
3. Романовская, А. А. Классические античные символы и их семантико-прагматические функции в современном художественном тексте : дис. на ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. А. Романовская. – Минск, 2015. – 337 л.
4. Зорин, Л. Глас народа [Электронный ресурс] / Л. Зорин. – Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-leonid-zorin/190776-glas-naroda-leonid-zorin.html>. – Дата доступа: 05.05.2021.
5. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 (001). – С. 18–36.
6. Семенова, Е. М. Онтологическая сущность архетипичной метафоры: интердискурсивный подход / Е. М. Семенова // Евразийский союз ученых. Сер. Филологические науки. – 2015. – № 10 (19). – С. 125–128.
7. Муравьева, И. Л. Вечеринка / И. Л. Муравьева. – М. : Эксмо, 2018. – 256 с.

8. Буйда, Ю. Стален [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-yuriy-buyda/145922-stalen-yuriy-buyda/read/page-9.html>. – Дата доступа: 05.05.2021.

Д. Аннамередов (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
 Научный руководитель – С. А. Королевич, канд. филол. наук, доцент

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЁННОСТИ В 6 КЛАССЕ

Категория одушевлённости/неодушевлённости имён существительных – одна из наиболее трудно усваиваемых школьниками. Она является лексико-грамматической, так как при определении принадлежности имени существительного к одушевлённым или неодушевлённым важно принимать во внимание как лексическое значение имени существительного, так и особенности его склонения. Поэтому сегодня проблема изучения категории одушевлённости и процесс усвоения данной категории на уроках русского языка приобретает особое значение, что определяет актуальность темы.

В современной учебно-научной литературе содержание рассматриваемой лексико-грамматической категории характеризуется следующим образом: «Одушевлённость/неодушевлённость – это несловоизменяемая (классификационная) категория имён существительных, в соответствии с которой все существительные относятся к грамматическому классу одушевлённых (называющих живых существ: *брат, слон, Петр*) или же грамматическому классу неодушевлённых существительных (не называющих живых существ, а обозначающих предметы неживой природы и растения, а также события, явления, качества, действия, состояния и т. п.): *автомобиль, дерево, буря, красота, отдых*»». Далее авторы учебника подчеркивают, что «её системное предназначение – информировать об объективно существующих различиях между предметами речи (мысли), о возможности их включения в класс живых существ [1, с. 436–437].

Одушевлённые существительные морфологически отличаются от неодушевлённых в форме винительного падежа: для одушевлённых винительный падеж совпадает с родительным: *вижу брата, слона* (сравни: *нет брата, слона*), а для неодушевлённых – с именительным: *вижу автомобиль, дерево* (сравни: *автомобиль едет, дерево растёт*). Однако в единственном числе это отличие выступает нерегулярно, только для слов мужского рода второго склонения, тогда как во множественном числе – последовательно для слов всех трёх склонений: *вижу учеников, учениц, детей* (сравни: *нет учеников, учениц, мышей*); но: *вижу столы, стены, кости*).

Семантическая характеристика одушевлённых существительных шире и сложнее. Деление существительных на одушевлённые и неодушевлённые не вполне отражает существующее в мире деление на живое и неживое. К одушевлённым, помимо живых существ, также относятся: 1) названия неживых людей и животных: *покойник, утопленник, мертвец, заяц фаршированный* (исключение – *труп*); 2) обозначения фантастических и мифологических существ: *дракон, русалка, леший, кентавр*; 3) названия человекоподобных игрушек (*снеговик, матрёшка, паяц*); 4) названия карт и шахматных фигур: *дама, валет, ферзь, слон* [2, с. 461–462]; 5) переносные обозначения конкретных лиц с помощью названий предметов. Например, отрицательно характеризующие метафорические наименования типа *мешок* (о неуклюжем человеке), *дуб, пень* (о глупом человеке), *тюфяк* (о вялом человеке), сравним: *нашего мешка обманули, в этого дуба (пня) ничего не втолкуешь, видел я этого тюфяка*. Возможны и метонимические переносы: *Продолжаются атаки на голубых касок* (газ.), здесь *голубые каски* – это представители миротворческих сил ООН.

С другой стороны, существительные, обозначающие совокупность живых существ, являются неодушевлёнными: (*вести за собой*) *народ, отряд, войска, армии* и т. п.

Учебная программа по русскому языку для 6 класса отводит на изучение названной категории один час. Тем не менее в учебнике для 6 класса под редакцией Л. А. Муриной [3] представлена целая система упражнений, предназначенных для усвоения темы «Одушевлённые и неодушевлённые существительные», выработки соответствующих грамматических норм и формирования лингвистической, коммуникативной и иных компетенций.

Знакомство с одушевлёнными и неодушевлёнными именами существительными начинается с чтения текста (упражнение 206) о ноябре, народных метафорических его обозначениях, о старинных названиях последнего осеннего месяца, о восприятии этого месяца людьми разных профессий. Естественно, что этот текст содержит много имён существительных, как одушевлённых, так и неодушевлённых. Цель упражнения – распределить их в соответствии с вопросами *кто?* или *что?* В результате устанавливается первая семантическая группа одушевлённых существительных – наименования людей (*люди*) в том числе по семейному статусу (*внук, сын, батюшка*), по роду занятий (*кузнец, земледелец, хлебник*). Параллельно выявляются содержательные характеристики неодушевлённых существительных: названия временных отрезков (*год, ноябрь, декабрь, зима, осень, месяц*), явлений природы (*река, лёд, снег, лужи* и др.), предметов (*ворота, гвоздь, мост, хлеб, голова*) и др.

Материал учебника предусматривает работу и с другими семантическими группами одушевлённых существительных. В упражнении 207 речь идёт о лексике, называющей мифологические и сказочные существа, на которые следует обратить внимание (*принцы, златовласки, лешие*). А следующее упражнение предполагает сделать акцент на отнесённости к одушевлённым названий шахматных фигур (*короли, слон, ферзь, королева, конь*). Далее следует чтение в учебнике правила, в котором необходимо сделать акцент, во-первых, на особой группе одушевлённых существительных – названий игрушек и человекоподобных предметов (*кукла, снеговик, робот*), а во-вторых – на особой группе неодушевлённых существительных, называющих группы живых существ (*стая, народ, толпа*). Закреплению полученных знаний о семантике одушевлённых и неодушевлённых существительных служит выполнение упражнения 209.

Второй блок заданий учебника (упражнения 210–212) предназначен для усвоения грамматических различий между одушевлёнными и неодушевлёнными существительными и выработки соответствующей грамматической нормы. Наблюдение над таблицами с парадигмой склонения одушевлённых и неодушевлённых существительных во множественном числе (упражнение 210) ведет к установлению различий в формах винительного падежа, объясняет специфику его вопросов (*кого? что?*), «вооружает» учащихся надёжным способом формального разграничения одушевлённых и неодушевлённых существительных. Этот способ может использоваться при выполнении следующего задания (упражнение 211), когда учащиеся конструируют словосочетания из переходных глаголов и имён существительных в винительном падеже и учатся правильному грамматическому использованию одушевлённых и неодушевлённых существительных (*видеть полководцев, фей, колдунов, русалок, леших, кукол; но помнить классы, коллективы, сказки, армии, табуны, детство*).

Закреплению полученных знаний и выработке соответствующего навыка служит упражнение 212, на материале которого выявляются не только отличающиеся по смыслу одушевлённые и неодушевлённые имена существительные, но и их различия в форме винительного падежа во множественном числе.

Проводя работу над формированием коммуникативной компетенции, учитель может вернуться к упражнению 209 и предложить поставить распределённые по двум столбикам словосочетания с именами существительными (одушевлёнными, неодушевлёнными) в форму винительного падежа: (*это*) *талантливый ребенок, улыбающийся снеговик, пасущееся стадо*; (*вижу*) *талантливового ребенка, улыбающегосся*

снеговика, но пасущееся стадо. Объяснение выбора способствует выработке морфологических речевых норм.

Помимо усвоения грамматической нормы материал учебника обеспечивает разнообразные возможности компетентностного обучения. Авторы предусмотрели здесь усвоение интересного лексического материала, приобщающего школьников к мировой и национальной культуре, к древним верованиям восточных славян, к истории русского языка.

Возможности для такой работы с учащимися предоставляет материал многих упражнений. Так, текст упражнения 212 не только предусматривает определение темы, основной мысли и композиции текста, но и содержит важную информацию культуроведческого характера, отсылающую учащихся к древним верованиям и представлениям русских людей, к истории игрушек. Этот текст позволяет «перекинуть мостик» между прошлым и настоящим, сравнить назначение игрушек в древности («отгонять злых духов») и в наше время, что, несомненно, расширит кругозор школьников. Формированию лингвокультурной компетенции может послужить и текст упражнения 206, позволяющий не только познакомить школьников с историей появления и эволюции названий месяцев, но и объяснить разницу в названиях месяцев в русском языке и белорусском (в последнем сохраняется связь с природными приметами или с характерными видами сельскохозяйственных работ, о чём можно прочитать в тексте). Наконец, материал упражнения 208 приобщает школьников к мировой культуре, к истории игры в шахматы.

Таким образом, материал учебника, предлагаемые тренировочные упражнения помогают шестиклассникам установить семантические группы одушевлённых существительных, формируют умения определять одушевлённые и неодушевлённые имена существительные по значению и особенностям склонения, употреблять одушевлённые и неодушевлённые имена существительные в устной и письменной речи. Кроме того, тексты упражнений дают возможность обогатить лексикон учащихся шестого класса интересным словарным материалом, расширить их знания о мире, о культуре восточных славян.

Список использованной литературы

1. Современный русский литературный язык / П. А. Лекант, Л. Л. Касаткина, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин ; под ред. П. А. Леканта. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 766 с.
2. Русская грамматика : в 2 т. / редкол. Н. Ю. Шведова (гл. ред.), Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко [и др.] ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Изд-во «Наука», 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 792 с.

3. Русский язык : учебник для 6 кл. учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Ж. Ф. Жадейко. – Минск : НИО, 2020. – 239 с.

Я. Т. Банчева (*г. Шумен, Болгария, ШУ имени Епископа Константина Преславского*)

Научный руководитель – И. Д. Петрова, доктор педагогики, доцент

ИЗУЧЕНИЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ВО ВТОРОМ КЛАССЕ ЗА СЧЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ

Тема исследования связана с освоением учащимися второго класса умений распознавания и различения существительных среди других частей речи в процессе обучения родному (болгарскому) языку.

На уроках изучения тем «Имена существительные», «Род и число имен существительных», «Существительные нарицательные», «Имена собственные», «Уменьшительные имена существительные» обучаемым предоставляется возможность развивать умения знать и различать виды имен существительных.

Мы ставим следующие цели:

- развитие умений различения имен существительных собственных и нарицательных, имен разного рода и в формах обоих чисел;
- совершенствование умений учеников употреблять в своей речи собственные и нарицательные существительные;
- обогащение знаний учеников об имени существительном как части речи.

Выбор темы обусловлен необходимостью в модели обучения, в которой преобладает визуализация как учебного материала, так и учебной деятельности, выполняемой учащимися при изучении первого грамматического понятия во втором классе – *имени существительного*.

Значение имени существительного как обозначения известного предмета для ребенка не так просто – это не только объекты, но и живые существа, природные, и общественные явления, но и действия, и состояния, и качества. Поэтому понятие имени существительного с присущими ему признаками формируется в сознании младших школьников не сразу, а постепенно.

Цель представленного педагогического опыта состоит в том, чтобы определить, в какой степени результаты обучения болгарскому языку при изучении имени существительного меняются и зависят от расширенного использования сенсорных опор для визуализации образовательной деятельности.

Обучение болгарскому языку и литературе во втором классе реализуется как составная часть языкового и литературного обучения в культурно-образовательной области «Болгарский язык и литература» в системе общеобразовательной подготовки.

Ученики второго класса продолжают осваивать болгарский язык как средство общения в различных коммуникативных ситуациях. Расширяются и углубляются их знания об основных языковых единицах в языковой системе болгарского языка, о правилах и нормах, обязательных при использовании в речевой практике литературного болгарского языка, о вариантах языкового высказывания, которые представляют богатые возможности языка в процессе общения.

Цикл уроков, посвященных имени существительному, знакомит с этой частью речи, закрепляет, обобщает и систематизирует знания о ней. У учеников формируются умения распознавания, обнаружения и правильного использования имени существительного в речи. Развиваются устная и письменная речь, алгоритмическое мышление, память, воображение, внимание, познавательные интересы и творческие способности учащихся.

Описываемая педагогическая практика отражает использование обучающего интернет-сайта и электронных учебников.

Ученикам представляется обучающий интернет-сайт и электронные учебники со смешанным видео-, текстовым и иллюстративным материалом. Учебные сайты представлены в подготовительной части. Они дают возможность ученикам после просмотра каждого урока работать над тестовой частью. Это стимулирует активность учеников и их желание самовыражаться. Электронные учебники предоставляют дополнительные ресурсы, которые помогают в работе учителя. Студенты отгадывают загадки и называют различные предметы (профессии, продукты питания, одежду, растения и их части, животные и части их тела, природу и природные явления, общественные явления, год и времена года, месяцы, дни недели, праздники, виды спорта, развлечения), людей (члены семьи; наименования, связанные с возрастом, полом). Учитель задает наводящие вопросы, предлагает назвать и части этих предметов, напоминая ученикам, что они также являются предметами. Выполняются упражнения на соотнесение видовых понятий с родовыми (*понеделник – неделя, март – месяц, весна – время года, плавание – спорт* и т. д.).

Цель учителя состоит в том, чтобы расширить и уточнить понятие существительного, подчеркнув, что к категории существительных относятся имена не только тех объектов, которые мы видим, но и тех, которые мы слышим (*голоса, смех*), нюхаем (*аромат, запах*), ощущаем (*холод, голод*) и представляем себе как предметы, действия, события и т. д. Важно, чтобы

учащиеся умели использовать такие слова, понимали, что это существительные, поскольку к ним может быть задан вопрос «*Что это?*», как и к любому другому существительному, которое обозначает предмет.

В уроке о видах имен существительных был использован «Мозговой штурм», который направлен на расширение представлений о предметах и их частях. В увлекательной интерактивной форме ученики выполняют различные упражнения и применяют алгоритм, показанный на стенде. Обнаруживают нарицательные имена существительные и определяют их по роду и числу; изменяют существительные по числам; записывают слова, рифмующиеся с данными. Ученики знакомятся с Гайчо и Лу, которые являются их проводниками в течение нескольких минут уроков об именах существительных. Они записывают названия континентов, океанов, полуостровов, рек, озер, плотин, гор и определяют их род и число. Остальные упражнения выполняются на следующем уроке, посвященном именам собственным. От нарицательных имен существительных ученики образуют существительные собственные (*цветок – Цветелина – Цветница* ‘Вербное воскресенье’); от собственных имен литературных персонажей образуют нарицательные (*Вылчан – волк, Щурчо – щурец* ‘сверчок’); записывают однокоренные слова, называющие страну и национальность людей в ней (*Болгария – болгарин, болгарка*). Из текстов ученики узнают и о животных в море, имеют возможность обнаруживать и подчеркивать словосочетания прямо на белой доске. Они переписывают некоторые из них в тетради для работы в классе и определяют их род и число.

Игра «Назовите предмет» позволяет выполнять различные упражнения, с помощью которых учитель одновременно развлекает учеников и развивает их компетентности.

Грамматические понятия закрепляются в памяти терминами и определениями. Они не могут считаться окончательно освоенными, если ученик не овладел умением применять их в своей языковой практике. Для сознательного усвоения грамматического понятия необходимо, чтобы учащиеся активно участвовали в процессе обучения, чтобы их мыслительную деятельность постоянно стимулировали.

Перед языковым обучением болгарскому языку на начальном этапе стоит задача овладеть умениями оптимальной языковой практики в соответствии с литературными нормами, с учетом возрастных особенностей учащихся и их коммуникативных потребностей.

Важным является тот факт, что обучение в начальной школе болгарскому языку построено как система и ученики осознают основные языковые единицы, которые составляют эту систему.

С одной стороны, маленький ученик наблюдает движение от более низкого к более высокому уровню языковой системы, а с другой –

отслеживает зависимости на каждом из этих уровней. Таким образом, еще на начальном этапе обучения языку ребенок осознает отношения интегративности и разложимости между единицами языка, а именно то, что фонемы составляют морфемы, которые, в свою очередь, составляют слова, из которых строятся предложения, и они объединяются в сложное синтаксическое целое – *текст*.

Коммуникативно-ориентированное обучение имеет явно выраженную практическую направленность. Это помогает учащимся усвоить стратегии коммуникативного поведения, которые обеспечивают успешное выполнение коммуникативных задач.

К обучению учеников на начальном этапе болгарскому языку следует подходить с большим терпением, потому что это основы нашей современности. Мы, современные болгары, должны относиться к языку с таким же пиететом, как Вазов пишет:

Език свещен на моите деди
език на мъки, стонове вековни,
език на тая, дето ни роди
за радост не – за ядове отровни...

Язык священный прадедов моих,
Язык терзаний, стонов вековых,
Язык детей, чье скорбное рождение
Не радость возвещает, яд мученья.

Перевод К. Бальмонта

В заключение хотелось бы отметить, что мой опыт работы с учениками начального этапа я могу свести к следующему выводу, который превратился в мое глубокое убеждение: трудное может быть приятным!

С. В. Бернацкий (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – Е. Е. Вертейко, старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Фразеология – особо выделенный компонент языка, самый своеобразный, специфичный, способный концентрированно выразить не только особенности данного языка, но и мироощущение его носителей. Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы.

В задачи фразеологии как лингвистической дисциплины входит всестороннее изучение фразеологического фонда того или иного языка. Важными аспектами исследования этой науки являются: устойчивость фразеологических единиц, системность фразеологии и семантическая структура фразеологических единиц, их происхождение и основные функции. Особенно сложной отраслью фразеологии является перевод фразеологических единиц, требующий немалого опыта в сфере исследования этой дисциплины.

Актуальность темы вызвана тем, что, цветообозначение несет в себе важную информацию отдельно от языка, но, входя в состав языковых единиц, в том числе и устойчивых, данный компонент наделяется более важной значимостью, приобретает определенную символику.

Таким образом, объектом исследования являются фразеологические единицы и трудности перевода с английского языка на русский.

Большой вклад в разработку моделей перевода фразеологизмов внес В. Н. Комиссаров, который выделил три основных типа соответствий фразеологизма оригиналу [1, с. 152].

В первом типе соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в русском языке имеется образный фразеологизм, совпадающий с фразеологической единицей оригинала, как по прямому, так и по переносному значению (основанный на том же самом образе): *the game is not worth the candle* – *игра не стоит свеч*, *the sword of Damocles* – *Дамоклов меч*.

Во втором типе соответствий фразеологизмов информация передается с помощью иного образа при сохранении остальных элементов, подбирается лингвистический аналог: *bird in the hand is worth two in the bush* – *лучше синица в руках, чем журавль в небе*.

Третий тип соответствий создается переводчиком с помощью калькирования образа, созданного на иностранном языке: *necessity is the mother of invention* – ‘необходимость – мать изобретательности’. Такой перевод возможен лишь в том случае, если созданный образ семантически прозрачен, то есть реципиенту не составит труда понять, о чем идет речь.

Иногда осуществить верный перевод и сохранить смысл невозможно, поэтому возникает лакуна.

Источники происхождения фразеологизмов в современном английском языке очень разнообразны. В целом иногда установление источника происхождения фразеологизма представляется трудным, так как возможно существование семантически и структурно схожих устойчивых единиц в некоторых языках, что говорит о похожем взгляде на определенные явления окружающего мира.

Цветообозначения непосредственно участвуют в формировании языковой картины мира. Так, по мнению Н. Н. Амосовой, «цвета играют большую роль в формировании языковых картин мира, поскольку с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения» [2, с. 13].

Частое использование слов, обозначающих цвета, во фразеологизмах говорит о том, что само понятие цвета переосмысливается, наполняется символическим содержанием. Данные понятия приобретают отвлеченный характер, становятся более абстрактными и многозначными.

При изучении фразеологических оборотов, содержащих цветовой компонент, многими учеными было выяснено, что не только лингвистические факторы принимают участие в развитии значения.

Экстралингвистические факторы, такие как: культурные традиции, уклад, нравы и обычаи конкретного народа, особенности национального менталитета и сознания, различные события в процессе исторического развития народа, факты объективной действительности – играют не менее важную роль. Развитие значений слов с компонентом цвета в составе фразеологизмов идет от конкретного к абстрактному, причем обязательно возникает оценочность, которая может и не совпадать с самим значением цвета.

На основе символики цвета образуются семантические микросистемы символических значений цветовых обозначений. В английском языке выделяют следующие микросистемы символических значений цветовых прилагательных [3, с. 5]:

- 1) ‘хороший’ – белый, ‘никакой’ – серый, ‘плохой’ – черный;
- 2) ‘разрешающий’ – зеленый, ‘предупреждающий’ – желтый, ‘запрещающий’ – красный;
- 3) ‘революционный’ – красный, ‘контрреволюционный’ – белый;
- 4) ‘нежный, слабый, радостный’ – розовый, ‘безмятежный’ – голубой.

Отсюда можно сделать следующие выводы. Белый цвет во многих культурах, в том числе в английской, символизирует хорошие качества человека: благородство, умеренность, спокойствие духа. Например: *white dove*, *white flag*. Данный цвет является также символом мира. Черный цвет в значении ‘плохой’ содержится в подавляющем количестве устойчивых сочетаний. Черный во многих культурах связан с трауром, несчастьем, символизирует беду и смерть. Например: *look on the black side (of things)* ‘пессимистичный, печальный’. Однако стоит отметить, что иногда черный цвет у англичан сравнивается не только с горем, но также и с богатством, благополучием: *climb into the black* ‘разбогатеть, приносить прибыль’.

Фразеологические единицы имеют место в лексической системе языка, которая не способна номинировать все аспекты реальности,

познанные человеком. Зачастую фразеологизмы являются единственным способом обозначения предметов, явлений и ситуаций, с которыми человек когда-либо сталкивался. Можно сделать вывод, что во фразообразовании огромную роль играет человеческий фактор, так как подавляющее большинство фразеологизмов связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности. Ввиду того, что фразеологизмы являются неотъемлемым компонентом развития и становления языка и лингвокультуры в целом, существует огромное количество классификаций на основе критериев, затрагивающих различные лингвистические и культурные аспекты.

Фразеологические единицы с компонентом «цвет» представляют собой семантический ряд, который реализует дополнительную смысловую, эмоциональную нагрузку и определяется сигнификативным, денотативным и коннотативным аспектами их значений.

У лингвистов цветонаименования – одна из самых популярных лексических групп. Языковеды и этимологи исследовали множество языков и пришли к выводу, что существует ряд универсальных черт в системе цветообозначения. Кроме того, различные отношения к тому или иному оттенку отражаются в образных выражениях, идиомах и поговорках, существующих в языке, так как они аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию конкретно национального характера.

Список использованной литературы

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 2007. – 253 с.
2. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – М. : Инфра – М, 2008. – 226 с.
3. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка. / А. И. Смирницкий. – М. : Академия, 2005. – 208 с.

П. С. Бородуля (г. Смоленск, СмолГУ)

Научный руководитель – Н. А. Максимчук, доктор филол. наук, профессор

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МАЛЫХ ГОРОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМОВ ГОРОДА ПОЧИНКА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Цель данной работы – представить ономастическое пространство города. Нам интересно будет проследить за тем, что же составляет

починковскую топонимию, как образуются названия и какие группы наименований выделяются.

Наш лингвистический анализ включает в себя следующее: выделение грамматических признаков, определение словообразовательных способов, при помощи которых образовалось то или иное слово, выявление тематических групп. Конкретно в этой работе мы выделим тематические группы названий.

Обратимся непосредственно к названию Починок. Согласно Топонимическому словарю центральной России Починок – город в Смоленской области. В основе топонима русское диалектное слово *починок* с общим значением ‘начало чего-либо’. Чаще всего обозначает типы поселения (с XVI века) – ‘новое поселение в лесу около росчисти’, ‘поселение на месте лесных разработок или на пустоши’, ‘новая пашня, росчисть в лесу’. Это слово очень активно функционирует в топонимии и, как правило, относится к небольшим селениям – деревням. Топонимы Починок, Починки встречается также в Нижегородской области, Московской области, Калужской области, Тверской области, Ярославской области, Ленинградской области. В словаре Смоленских говоров можно встретить такое слово – *починать*, что означает ‘начинать’.

Починковская топонимия. Ономастический портрет города Починка состоит из следующих топонимов: улица – 61 наименование, переулок – 12 наименований, площадь – 1 наименование, парк – 1 наименование, кладбище – 3 наименования, рынок – 2 наименования, река – 3 наименования, лесной участок – 1 наименование. Всего – 84 объекта. Можно заметить, что в количественно соотношении улицы преобладают.

Обратимся к годонимам – названиям улиц (62 названия) и переулков (12 названий). Выделим следующие лексико-семантические группы:

1. Названия, возникшие в связи с природными условиями местности (рельефа, почв, растительности, вод и т. д.): Луговая улица, Запольная улица, Полевая улица, Рябиновая улица; Юбилейный переулок.

2. Названия, возникшие на основе социальных и экономических явлений (этнический состав, трудовые навыки, благосостояние и т. д.): Хозяйственная улица, Молодежная улица, Садовая улица, Загородная улица, Мелиоративная улица, Юбилейная улица, Коммунальная улица, 2-я Дачная улица, 3-я Дачная улица, Железнодорожная улица, Раздольная улица, Заводская улица, Пригородная улица, Старобазарная улица, ул. Строителей, ул. Энергетиков, Новобазарная улица, ул. Мира.

3. Названия, характеризующие особенности объекта (его размеры, возраст, отличительные признаки и т. д.): Центральная улица, Тихая улица, Солнечная улица.

4. Названия патронимические (данные по фамилиям и именам):

– Фамилия писателей: ул. Некрасова, ул. Льва Толстого, ул. Твардовского; переулок Некрасова, 1-й переулок Некрасова, 2-й переулок Некрасова, переулок Твардовского.

– Фамилия летчиков: ул. Гастело, ул. Комарова, ул. Терешковой, ул. Чкалова, ул. Хользунова, ул. Добровольского, ул. Беляева; переулок Терешковой.

– Фамилия политических деятелей: ул. Урицкого, ул. Свердлова, ул. Кирова, ул. Володарского, ул. Калинина, ул. Ленина; переулок Ленина.

– Фамилия деятелей искусства и науки: ул. Глинки, ул. Пржевальского, ул. Молчанова.

– Фамилия героев Великой Отечественной войны: ул. Лавриненкова, ул. Новикова.

– Фамилия литературного героя: ул. Василия Теркина

– Фамилия философов и мыслителей: ул. Энгельса, ул. Карла Маркса; переулок Карла Маркса.

5. Названия, связанные с конкретными событиями: ул. Победы, ул. 10-й Пятилетки.

6. Названия, отражающие историю и идеологию советской эпохи: ул. Социалистическая, Октябрьская улица, Красноармейская улица, Комсомольская улица, Пионерская улица, Коммунистическая улица, Советская улица; Красноармейский переулок, Социалистический переулок, Октябрьский переулок, 2-й Советский переулок.

6. Названия в честь знаменательных дат: ул. 8 марта, ул. 23 Сентября.

7. Названия, которые возникли от наименования другого топонима: Лучесьянка (от деревни Лучеса), Россожа (от реки Сож), Боядинская улица (от деревни Бояды).

Обратимся к названию площади. В Починке находится только одна площадь, которая получила название Центральная. ЛСГ – название, характеризующее особенности объекта.

В Починке мы наблюдаем два наименования рынка – Вещевой и Продуктовый. Лексико-семантическая группа – названия, возникшие на основе социальных и экономических явлений.

Починковский парк носит наименование Городской. Городской парк мы отнесем к названиям, характеризующим особенности объекта, в данном случае – относящийся к городу.

В городе Починок мы встречаем три наименования кладбища – Боядинское кладбище, Городское кладбище, Еврейское кладбище, которые относятся к лексико-семантической группе – названия, возникшие на основе социальных и экономических явлений.

Рядом с городом Починок протекают три реки – Хмара, Лучесьянка и Россожа. Название реки Хмара можно определить как название, возникшие

в связи с природными условиями местности. Можно предположить, что название реки произошло от древнерусского слова «хмарь» – сумрак. Наименования Лучесянка (от реки Лучеса) и Россожа (от реки Сож).

Обратимся к дримониму – Сосновый бор. Это неофициальное наименование в Починке, обозначает небольшой лесной участок, состоящий из хвойных деревьев. Это название, возникшее в связи с природными условиями местности.

Подведем итог. В ходе лексического анализа мы выделили семь лексико-семантических групп. Таким образом, ономастическое пространство города Починка составляют: годонимы, агоронимы, потомонимы, дримонимы. Для ономастического портрета Починка приведённые топонимы важно обозначить в первую очередь, так как они будут рассматриваться в дальнейших исследованиях. Мы можем сказать, что выявленные топонимы отражают окружающую действительность определенного населенного пункта, что позволяет нам узнать ценную информацию о жизни людей.

М. О. Борунова (г. Смоленск, СмолГУ)

Научный руководитель – Н. А. Максимчук, доктор филол. наук, профессор

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТОПОНИМИИ ХОЛМ-ЖИРКОВСКОГО РАЙОНА

Формирование топонимической картины мира является актуальной задачей современной лингвистики, поскольку топоним обладает безусловной этнокультурной значимостью, а топонимическая система отражает историко-социальные, языковые и этнокультурные особенности этноса.

Любой топоним, выполняя номинативную функцию, указывает, называет объект. Помимо этого, многие названия несут в себе дополнительные значения, связанные с характеристикой объекта, идеологической и эмоциональной окрашенностью.

Топонимы имеют сложную структуру значения, сочетая в себе собственно лингвистический и экстралингвистический аспекты. Нашей целью было проанализировать оба эти аспекта. Данная работа продолжает направление современной лингвистики, изучающее язык не как абстрактную систему, а в неразрывной связи с носителем языка – человеком.

Первое официальное упоминание о Холме относится ко времени Петра I. В документах 1708 года говорится о том, что в селе Холм строится церковь, а это значит, что село образовалось еще раньше. До 1929 года

село находилось в составе Бельского уезда. Позже, в 1861 году была создана Холмовская волость, просуществовавшая до 1929 года.

Свое название Холм получил от географического положения: село расположено на самом возвышенном месте района.

Нас, как исследователей в области топонимики, будут интересовать особенности географических названий, их структура, происхождение и история.

Топонимия Холм-Жирковского района богата и разнообразна, однако до сих пор она не была предметом тщательного лингвистического исследования.

Целью нашей работы был комплексный анализ топонимии Холм-Жирковского района, который отразил бы как языковые, так и внеязыковые особенности топонимической системы данной территории.

Перед нами встали следующие задачи: сбор и обработка географических названий; лингвистический анализ выявленных топонимов; культурологический анализ.

С помощью карт района, телефонных справочников, сетевых источников удалось собрать достаточное количество топонимов. Материалом для исследования послужили около 140 топонимов Холм-Жирковского района,

В данном докладе мы представляем краткие выводы, полученные в ходе исследования топонимии Холм-Жирковского района.

С лингвистической точки зрения, мы классифицировали топонимы по их частеречной принадлежности и способу словообразования.

Абсолютное большинство топонимов являются субстантивированными существительными (Агибалово, Лехмино, Канютино), 6 топонимов-прилагательных (Высокое, Конное) и 4 словосочетания (Малое Азарово, Малая Чернея, Владимирский тупик).

Проведенный анализ словообразовательной структуры топонимов подтверждает высказывание Никонова о том, что «на славянской почве абсолютно господствует аффиксация» [1, с. 67], а именно суффиксация. Хотя не совсем точно называть эти форманты суффиксами, так как они представляют собой «окостенение» суффикса, неотделимо слившегося с окончанием [1, с. 69], но такая формулировка является общепринятой.

Одним из самых распространенных суффиксов славянской топонимии является суффикс *-ов(-ев-)*, который некогда служил основным средством выражения принадлежности, образуя притяжательные прилагательные. И в данном исследовании это утверждение подтверждается. Топонимов, образованных с помощью суффикса *-ов(-ев-)*, насчитывается 64 (Родионово, Тихоново, Василево, Михеево).

На втором месте по распространенности на данной территории находятся названия с суффиксом -ин- – Аладыно, Канютино, Кошкино (44 топонима).

Можно отметить, что существительные среднего рода в основном образуются с помощью этих двух суффиксов, но есть и другие, менее продуктивные в данном регионе суффиксы среднего рода: *-ище-* (Репище).

Географические названия женского рода образуются в основном с помощью суффикса *-к-* и его вариантов *-овк-/евк-*. По такой схеме образованы топонимы Задейка, Андреевка. Всего таких наименований 10. Словообразование топонимов женского рода в целом представлено более широким набором аффиксов: они также образуются с помощью суффиксов *-их-* (Сластиха), *-нищ-* (Альшаница), *-щин-* (Луковщина), *-н-* (Городня, Тройня, Корытня).

Топонимов мужского рода на территории Холм-Жирковского района очень мало (3) – Каменец, Ржавец (деминутивный суффикс *-ец-*) и Большанск (древний суффикс кратких прилагательных *-ск-*).

Суффикс *-ск-*, как и суффикс *-н-* также участвует в образовании топонимов-полных прилагательных – Игоревская, Нахимовское (5 топонимов); Конное.

В образовании топонимов-существительных множественного числа были выделены следующие суффиксы: *-ец-* (Облецы), *-нищ-* (Литемницы), *-к-* (Медведки), *-ник-* (Печатники).

Исторически притяжательными прилагательными, образованными от существительных с помощью суффикса *-j-*, являются топонимы Верховье, Устье.

Бессуффиксные топонимы составляют довольно небольшую группу: Холмы, Лука.

Сложные топонимы, образованные путем сложения или сложения и одновременно суффиксации, представлены следующими названиями: Никола-Немощенка, Ново-Ивановское, Боголюбово.

По мотивирующему фактору происхождения наименования удалось выделить следующие группы.

Большая часть топонимов восходит к именам, и образованным от них фамилиям (Григорьево, Исаково, Мартыново). Фамильные прозвища подчеркивают характеры и особенности людей (Мосолово, Тетерино, Шмарово, Черново), социальное положение (Холопово), их занятия (Комягино).

Некоторые названия связаны с именем первопоселенца или владельца. Так образовалось и название районного центра – Холм-Жирковский. Согласно преданию, селом Холм когда-то владели помещики

по фамилии Жирковы, и именно она была выбрана, когда появилась необходимость двойного названия.

Часть поселений была сознательно переименована в честь известных людей. Таково село Нахимовское. Первоначально село называлось Волочок, от практиковавшегося там передвижения судов с помощью волока. Но в 1952 году по случаю 150-летней годовщины П. С. Нахимова село было переименовано в Нахимовское.

Природные факторы, характер местности, на которой возникало поселение, тоже нашли отражение в исследуемых топонимах: Альшаница, Олышанка, Верховье, Устье, Холмы.

Интересен топоним Никола-Немощенка. По преданию, на месте деревни был монастырь, в котором находилась икона Николая Чудотворца. Путь к монастырю лежал через топкую, немощеную дорогу. Так и появилось название деревни – Никола-Немощенка.

Оценка жителями месторасположения населенного пункта отразилась в названии Боголюбово (богом любимое место).

Можно выделить группу наименований, указывающих на тип поселения: Городня, Сельцо.

В дальнейшем планируется расширить список анализируемых топонимов, включив в него так же более древние названия гидронимов и урбанонимов района.

Список использованной литературы

1. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1965. – 180 с.

Э. О. Бурьева (*г. Минск, БГУИР*)

Научный руководитель – Н. Е. Петрова, канд. филол. наук, доцент

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРКМЕНСКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКЕ

В последние годы такие сферы, как информатика, робототехника, вычислительная техника, информационные технологии, инфокоммуникационные технологии и т. п., стали важным фактором в экономике Туркменистана. Правительство страны понимает их важность, президентом утверждена Концепция развития цифровой экономики в Туркменистане на 2019–2025 гг., которая направлена на создание благоприятных условий для развития вышеупомянутых сфер [1]. К сожалению, пока эти области знаний в Туркменистане изучены недостаточно, в том числе и с филологической стороны. В туркменском языкознании на сегодняшний момент представлено очень мало

исследований, посвящённых специальной лексике информатики и вычислительной техники, которая нуждается в нормализации и стандартизации.

Проанализировав современные лексикографические источники в русском, английском и туркменском языках, мы составили небольшой русско-туркменско-английский словарь наиболее употребительных существительных в сфере информатики и вычислительной техники в помощь студентам БГУИР. На его основании мы проанализировали семантические процессы в специальной лексике сферы информатики и вычислительной техники, или, как её иногда называют, в компьютерной лексике, туркменского языка.

Компьютерная терминология туркменского языка является частью общей туркменской научной терминологии. Вместе с тем, специальная лексика сферы информатики и вычислительной лексики, как обычные общеупотребительные слова, может вступать в различные типы лексических отношений: синонимии, антонимии и амонимии.

Многие компьютерные термины имеют идентичные по форме аналоги в других терминологических подсистемах туркменского языка. Само слово *kompyuter* (компьютер) используется в экономической, медицинской и других терминологиях, а также используется как общеупотребительное. Потому что компьютер используют в своей деятельности обычные люди. Большинство слов в туркменской компьютерной лексике заимствуются или образуются в результате переосмысления общеупотребительных слов. Пополнение туркменской компьютерной лексики из разных источников и с помощью разных языковых единиц приводит к возникновению в ней синонимии.

Примерами терминов-синонимов в компьютерной лексике туркменского языка являются слова и словосочетания, совпадающие в значениях: *gipertekst salgysy* – *giper baglanyşyk* (рус. гиперссылка); *bulut*, *bulut ammary* (рус. облачное хранилище); *düzediş* – *otkladka* (рус. отладка); *goşulmak* – *baglanmak* (рус. соединение); *hoster eýesi* – *host* (рус. хост); *elektron hasaplaýuş enjamy* – *ЕСМ* (рус. электронная вычислительная машина, ЭВМ); *sazlamak* – *gurmak* (рус. инсталляция); *ygtyýarnama* – *lisenziýa* (рус. лицензия); *bellik* – *notasiýa* (рус. нотация); *obýekte gönükdirilen programmirleme* – *ООР* (рус. объектно-ориентированное программирование, ООП); *monitor* – *ekran* (рус. монитор) и другие.

Как видно из примеров, большинство синонимов в компьютерной лексике туркменского языка возникло следующим образом: туркменское слово – заимствованное слово; полное наименование – аббревиатура; словосочетание – слово. Таким образом, возникновение синонимов связано с желанием носителей языка сохранить национальные корни среди

многочисленных заимствований, а также в целях экономии языковых средств, чтобы упростить коммуникацию. Также наличие синонимов свидетельствует о том, что компьютерная лексика развивается активно.

Некоторые специальные слова в компьютерной лексике туркменского языка имеют противоположный смысл. Это антонимы, например: *ýazgu* (рус. запись) – *öçürmek* (рус. удаление); *giriş* (рус. ввод) – *çykyşu* (рус. вывод); *arhiwlemek* (рус. архивация) – *arhiwleşdirmek* (рус. разархивация); *ýaktak* (рус. включение) – *öçürmek* (рус. выключение); *girmek* (рус. вход) – *çyktak* (рус. выход) и др.

Омонимы внутри одной терминосистемы, например, внутри компьютерной лексики, не возникают. Можно говорить только о омонимичных словах, которые относятся к различным терминологическим системам. Так, в компьютерной лексике туркменского языка широко используется специальное наименование *sintaksis* (рус. синтаксис), которое имеет значение ‘набор правил, описывающий комбинации символов алфавита, считающиеся правильно структурированной программой (документом) или её фрагментом’ [2]. Это понятие заимствовано из языкознания, где синтаксис имеет значение как ‘раздел лингвистики, в котором изучаются номинативные и коммуникативные языковые единицы: предложение и словосочетание’ [3].

Также приведём пример специального слова *freým* (рус. фрейм). В социальных науках (социология, психология и др.) эта лексема означает ‘определенную целостность, в пределах которой люди осмысливают себя в мире’. Также это слово используется в компьютерной лексике в значении ‘область окна браузера для представления отдельной веб-страницы’ [4]. Из примеров видно, что одно и то же специальное слово в туркменском языке может входить в различные терминосистемы.

Таким образом, развитие информатики, вычислительной техники, информационных технологий способствует появлению различных новых слов в туркменском языке, которые не изолированы от других слов, а вступают с ними в различные типы семантических отношений. Компьютерной лексике туркменского языка свойственны такие общелитературные лексико-семантические процессы, как синонимия, антонимия. В отношении омонимии вступают слова из различных терминосистем.

Список использованной литературы

1. Концепция цифровизации: создание инфраструктуры для развития электронных технологий в Туркменистане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trend.az/casia/turkmenistan/3255525.html>. – Дата доступа: 07.12.2020.

2. Синтаксис (программирование) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Синтаксис\(Программирование\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Синтаксис(Программирование)). – Дата доступа: 07.04.2021.

3. Синтаксис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Синтаксис>. – Дата доступа: 07.04.2021.

4. Фрейм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фрейм>. – Дата доступа: 15.04.2021.

Г. В. Бухта (*г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна*)

Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, канд. філал. навук, дацэнт

ЭКСПРЭСІЎНЫЯ СЛОВЫ ЯК САСТАЎНЫ ЭЛЕМЕНТ ГУТАРКОВАГА МАЎЛЕННЯ Ў ТВОРАХ АЛЕСЯ ЖУКА

Асаблівасцю праявітых твораў А. Жука з’яўляецца шырокае выкарыстанне пісьменнікам гутарковых слоў, што ўжываюцца як выразны экспрэсіўны сродак характарыстыкі і самахарактарыстыкі персанажаў. Яны ствараюць непаўторны каларыт у творы, спрыяюць індывідуалізацыі мовы дзеючых асоб.

У творах А. Жука заўважаецца свядомае, мэтанакіраванае выкарыстанне гутарковых слоў як у мове персанажаў, так і ў мове апавядальніка (аўтара). У мове апавядальніка гутарковыя словы ўжываюцца з мэтай перадаць разнастайныя сэнсавыя і эмацыянальна-экспрэсіўныя адценні. Напрыклад: *Яна была пераканана, што Пінцэт “клянуў” на яе, што яна не магла не пакарыць яго (“Пінцэт”). Яна ўздумала швэндацца па лесе... (“Сок манга”). Валожын падхапіў чамадан і пашыбаваў да вакзала (“Сінія незямныя агні”). Спачатку малы палівае вялікаму, і той, набраўшы прыгаршчы сцюдзёнай вады, вядро з якой цэлую ноч стаяла ў сенцах і ў якім цяпер пазвоньваюць тоненькія кавалачкі лёду, плюхае сабе ў твар (“Мужчыны”). Старэйшыя, хто прайшоў салдацкую школу, пасмейваліся, але не пераашкаджалі Валожыну “заліваць”, жанчыны аж вохкалі ад перажытага Валожыным страху (“Сінія незямныя агні”). І тады як нехта пад’ялдыкваў самога яго: а ты, Дзямідчык, чаму гэтак хараша падняў лапкі? (“Паляванне на апошняга жураўля”).*

Гутарковыя словы ў творах А. Жука дазваляюць узнавіць характэрныя асаблівасці жывога маўлення беларусаў: – *Не вялікі пан, сам прыехаў бы. Толькі, дарагі старшыня, ты са мною свіней не пасвіў і каровам хвасты не круціў, каб тыкацца* (“Паляванне на апошняга жураўля”). – *Глядзі мне, глядзі. Калі не даецца на пачастунак, то не настырайся і ў баньку нашу не валачы* (“Чорны павой”).

Многія гутарковыя словы выразна адлюстроўваюць эмацыйны стан герояў: – *Хай яна спрахне, гэтая старасць!* (“Асеннія халады”). – *Як абклалі брыгаду і ўсім нам хана павінна была быць?* (“Партызан”); перадаюць дынаміку дзеяння, рух у тэксце, што найперш звязана з дзеяслоўнымі намінацыямі закончанага трывання: – *Рука сама*

затворную раму назад **шмаргане** (“На вартавой сцяжыне”). *Выбраў з шуфляды, дзе ляжалі гатовыя патроны, шэсць штук, укінуў у кішэню кажуха і скорым ходам шухнуў з двара, цераз вуліцу, на запусцелым дварышчы суседняе хаты туды, у поле, дзе плылі два чырванаватыя ў вечаровай імгле агенчыкі* (“Паляванне на апошняга жураўля”).

Пераважная большасць гутарковых слоў выступаюць носьбітамі адмоўнай ацэнкі. Гэта намінацыі, якія выяўляюць адмоўнае стаўленне да тых ці іншых персанажаў. Напрыклад, у аповесці “Паляванне на апошняга жураўля” Алесь Жук паказвае неперспектыўную вёску, якіх шмат знікла з аблічча зямлі ў 70-80-я гады. Аднак пісьменнік не проста аплаквае паміраючую вёску. Ён гаворыць пра маральны і духоўны заняпад, пра страту павагі да зямлі-карміцелькі, да сялянскай працы. Старшыня ў аповесці мае трапнае прозвішча-характарыстыку – *Прымачак*. Сапраўды, на зямлі ён не гаспадар, а прымак, якому вакол усё чужое і часовае. Сцяпан Дзямідчык у творы выразна трагічная постаць. Ён шукаў праўду, справядлівасць і сярод сваіх людзей, і ў раёне, і ў сталіцы, а натыкаўся на чэрствасць, незацікаўленасць, абьякавасць, што ўрэшце і прывяло падзеі да трагічнай развязкі. У сваім імкненні да парадку, да справядлівасці Сцяпан бывае рэзкім, уедлівым, гарачлівым. Аднак рэзкасць, непрымірымасць з’яўляюцца рэакцыяй на паводзіны, на жыццёвую пазіцыю іншых, блізкіх і знаёмых яму людзей. Дапамагаюць абмалёўцы персанажаў аповесці “Паляванне на апошняга жураўля” і гутарковыя словы, і ўжытыя ў адным кантэксце з імі фразеалагізмы. Напрыклад, *Любіў пад гарачую руку шумнуць, накрываць, але не даганяў, надта не караў* (“Паляванне на апошняга жураўля”).

Вельмі многія гутарковыя словы з’яўляюцца дзеяслоўнымі намінацыямі, якія адлюстроўваюць паводзіны персанажаў: *Дастаў і начпіў свой стары кавальскі фартух, які цяпер быў яму амаль да самае зямлі, на носе прымадэрыў двое звязаных белымі ніткамі акулараў* (“Паляванне на апошняга жураўля”). *Прыйшоў і Антось, не прыйшоў, а прыехаў на падводзе, нешта прадундзеў жанкам, што Вера захварэла, ляжыць, не ўстае* (“Паляванне на апошняга жураўля”).

Выкарыстоўваюцца ў мове твораў пісьменніка і дыялектызмы, што ствараюць у тэксце атмасферу нязмушанасці, рэгіянальны каларыт: *Ігнат устаў; дастаў з шахаўкі збанок, баўтануў у яго з вядра вады – спаласнуў, укінуў акрайчык хлеба. Глядзеў на падлетка, танклявага, цыбатага, у пінжаку з прыкараткімі рукавамі – і постаццю, і тварам ён быў якраз, як Стахван, толькі меншы, быццам гэта сам Стахван прыйшоў да яго ў абліччы свайго ўнука, абмануўшы Ігната зноў* (“Чыгун”). – *Да ўжэ ж!* – уздыхнула Гэля (“Дома”). Ён і пры паляках усё гэтак жа збродаваў і спаў з наганам, а потым уцёк улес (“Белы месяц”). *Мыла бульбу старая*

ў эмаліраванай місцы, у якой праз дзірачку ў беражку быў працягнуты раменьчык з вузельчыкам на канцы і дзірачкаю на другім, – каб вешаць на цвік. Гэта яшчэ стары **вымудраваў**. Ён і кацялок салдацкі прыдбаў, у які яна накладвала бульбу і ашчадна **цяніла** соллю (“Белы месяц”).

Такім чынам, любая творчасць – гэта ўнікальны прадукт маўленчага мыслення. Экспрэсіўныя словы дазваляюць пісьменніку Алесю Жуку дакладна і выразна перадаць асаблівасці жывой гаворкі народа, эмацыянальны стан герояў, дынаміку дзеяння і асаблівасці адносін паміж героямі, даць трапную характарыстыку персонажам і сітуацыям.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Жук, А. Вечаровае сонца : выбранае / А. Жук. – Мінск : Маст. літ., 2006. – 431 с.
2. Жук, А. Выбраныя творы : у 2 т. Т. 2. Аповесці. Аповяданні / А. Жук. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 590 с.
3. Жук, А. Паўстанак вяртання : Аповяданні, аповесці / А. Жук. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 495 с.
4. Жук, А. Праклятая любоў : Аповесць, аповяданні / А. Жук. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 269 с.

Т. І. Бягеза (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт

НАМІНАЦЫІ ДРЭЎ У КАНТЭКСТЕ АПАВЯДАННЯЎ К. ЧОРНАГА

Галоўная рыса творчасці Кузьмы Чоранага, пісьменніка-філосафа, – пільная ўвага да душы чалавека, яго думак і пачуццяў, да людскіх лёсаў і побыту. Таму немагчыма ўявіць творы гэтага аўтара без глыбокіх апісанняў прыроды, бо менавіта яна дапамагае герою асэнсаваць сваё месца ў Сусвеце.

У дадзеным артыкуле мы сабралі найменні лясных і паркавых дрэў, якія адзначаюцца ў аповяданнях Кузьмы Чорнага. Сярод зафіксаваных намінацый адзначаюцца агульнапрынятыя назвы (*бяроза, вярба, рабіна* і інш.). Адзінкавыя найменні маюць дыялектныя варыянты ўжывання (*арабіна*) і памяншальна-ласкальныя формы (*рабінка*). Аналізуючы лексемы могуць ужывацца як у адзіночным (*асіна, вярба, хвоя* і інш.), так і множным ліку (*асіны, бярозы, дубы, хвоі*). Усе адзначаныя намінацыі дрэў дапамагаюць аўтару стварыць рэалістычныя карціны акаляючага свету, перадаць адценні пачуццяў герояў праз яркія апісанні прыроды. Сведчаннем гэтага могуць быць наступныя прыклады.

Асіна ‘лісцёвае дрэва з зеленавата-шэрай гладкай карой і акруглым лісцем, якое дрыжыць нават пры нязначным ветры’: *У яго пахлі дзеравам*

рукі, у хваёвай смале, у плямах ад сырой **асіны** быў фрэнч [1, с. 49]; На ёй ляжыць плуг, а з боку я – ляжу на ветры, гляджу, як за кустамі шыпышыны пасецца конь, і слухаю, як шуміць голле маладых **асін** і бяроз [1, с. 180]; Зоры свецяць, залатыя **асіны** шумяць, зямля вее размахам і воляй [1, с. 186]; У той сухі і ясны вечар, як у гарадскім садзе з ліп і **асін** ападалі апошнія лісты, балетмайстар музычнай камедыі Лінскі ў дрэнным настроі ішоў з тэатра [1, с. 232].

Бяроза ‘лісцёвае дрэва з белай карой’: *І тады ўжо з’явілася ў яго вось якое адчуванне: “Гэта ж якраз такі бывае мох на старых **бярозах**. І нават тая **бяроза**, ускочваючы якую на воз год дзесяць таму назад, я сарваў жывот, уся была абросшая гэтакім самым мохам”* [1, с. 91]; Ціха стаялі там голая **бярозы**, а дзірван зямлі быў усыпаны жаўцیزной іх дробных лістоў [1, с. 117]; На ёй ляжыць плуг, а з боку я – ляжу на ветры, гляджу, як за кустамі шыпышыны пасецца конь, і слухаю, як шуміць голле маладых **асін** і **бяроз** [1, с. 180]; Каржакаватыя хвоі, чырвона-агнявыя **асіны** і жоўтыя **бярозы**, і пад імі шумяць кусты [1, с. 184].

Вярба ‘дрэвавая і кустовая расліна з разложыстымі гнуткімі галінамі і вузкім лісцем’: Далёкія кусты ў тонкім прыцемку раскупчасціліся, акруглілі свае абрысы і ў грдасці сваёй застылі застылі перад адзінокай **вярбаю**, над мёрзлымі межамі [1, с. 34].

Дуб ‘буйное лісцёвае дрэва з моцнай драўнінай і пладамі жалудамі’: Моцны, як **дуб**, на тоўстых звязістых нагах, стаіць на мяккіх стружках дзядзька Язэп з алоўкам у руках і рысуе на каструбаватых дошках лініі... [1, с. 175]; На Пархвенавым агародзе рос вялікі стары **дуб**. Але даволі было і **дуба**, каб, зірнуўшыся на яго, хто-небудзь не падаў заўвагу [1, с. 190]; Магло быць, што гэта быў чалавек можа і дробны сваёй натурай, але ў кожным разе ён быў задаволен тым, што было ў яго: была смешная слава, была хата, пры ёй двор і агарод, у агародзе прадзедаўскі **дуб** напроці хатніх вокнаў і жыццё – ціхае і роўнае, у цягавітай працы ад усходу сонца да заходу і з панядзелка да панядзелка [1, с. 315]; Праз некаторы час Пархвен Катлубовіч прынёс з зарэчнага мястэчка ў свай агарод Марылінага двухгадовага сына і пасадзіў яго пад **дубам**, сказаўшы яму: – Ты яшчэ, унуча, малы і не ведаеш, што гэты **дуб** садзіў твой прапрапрадзед [1, с. 315]; А **дуб** сабе будзе на гэтым самым месцы расці, і табе будзе здавацца, што ты даўшоў ужо да такога месца на свеце, без якога і свет не свет, і людзі не людзі, а тым часам сонца кожны дзень, калі будзе заканчваць сваю дзённую дарогу, прысядзе адпачыць на гэты **дуб**, а не на тваю галаву, хоць яна і залатая была б. Назаўтра ён, як і заўсёды, устаў нацяможку і да падвячорка спускаў сухастой улесе, а першым прыцемкам сядзеў на прыбзе і глядзеў, як апошняе сонечнае праменне ляжыць на дубовай вяршаліне, а ўвесь агарод пад **дубам** агортаецца вечарам... [1,

с. 320]; Два салдаты-інваліды закончылі пошукі тым, што нарэшыце, апынуліся ў агародзе Пархвена Катлубовіча пад **дубам**. Тады камендант загадаў Пархвену Катлубовічу за два дні прыбраць з агарода **дуб** [1, с. 321]; Пры **дубе** наклалі дроў у сажань вышыні і падпалілі. За гадзіны дзве дровы згарэлі, **дуб** знізу абсмаліўся, і агонь патух. Пасля абеду Пфайфель зірнуў праз бінокль і ўбачыў **дуб**. Як толькі пачало змяркацца, Прайфелю пачало здавацца, што **дуб** з Галаскоў прысунуўся да самага мястэчка і ўжо зусім блізка стаіць каля длома. **Дуб** стаяў, здушаны вогненнымі сціртамі дроў [1, с. 322]; Тут яна ўбачыла, што паліцэйскі залез на верх **дуба**. Праз гадзіну **дуб** стаяў без верняга голля [1, с. 323]; Ужо яно не ляжыць больш на **дубе** [1, с. 329]; **Дубы** стаяць, як каменныя горы [1, с. 337]; Тут былі прыдарожныя **дубы** [1, с. 350].

Клён ‘дрэва з буйным перыстым лісцем і крылатымі плодзікамі’: Слаўна пахне з садоў бэрамі, блішчаць першыя ніці белага павуціння; скрыпяць на вуліцы вазы – возяць позні авёс, але ціха ад пажыццёвых **клёнаў**... Я выйшаў за вароты, глянуў на асеўшую сцяну пад жоўтыя **клёны**: на кошанай учора і прывяўшай за ноч палявой траве ляжаў ніцма дзядька Язэп [1, с. 179]; Над старым дахам маўчалі пажыццёвыя **клёны**, і раніцаю з хаты доўга чуваць было, як за сцяною плюхала вада пры студні [1, с. 217]; Каб забыцца, моцна ўвайшоў ён у работу, стаў маўклівы і вечарамі выходзіў на вуліцу слухаць, як гаварылі над старым дахам жоўтыя **клёны** [1, с. 217]; **Клён** стаяў голы, сухое бадылле на ўзмежку растапырвалася ва ўсе бакі і чаплялася за ногі [1, с. 294].

Ліпа ‘лісцёвае дрэва з сэрцападобнымі пілаватымі лістамі і жаўтаватымі духмянымі меданоснымі кветкамі’: Падала вострая музыка капель і, як сплыў снег, заглядзелася мокрая зямля ў тонкае неба, і ў саду ўсміхнуліся апошнія лісты голае **ліпы** [1, с. 89]; У той сухі і ясны вечар, як у гарадскім садзе з **ліп** і асін ападалі апошнія лісты, балетмайстар музычнай камедыі Лінскі ў дрэнным настроі ішоў з тэатра [1, с. 232].

Рабіна ‘дрэва з гронкамі аранжава-чырвоных ягад’: Стукалі ў садзе вобземлю яблыкі і грушы, спелі **арабіны** [1, с. 242]; Уз’ехаўшы на двор, ён не заўважыў ні ўкопанага ўчора на брамку ў агарод новага шула, ні маладзенькай **рабінкі** перад вокнамі [1, с. 282]; Нехта хадзіў тут, хто не ведаў ходаў і сцежак, убіўся ў мурашнік, набраўся голак з мурашкамі, выйшаў з узлесься ў поле і сыпаў з сябе яловымі голкамі па цаліне аж да **арабіны** з адабранай галінаю. Пад **арабінай** былі цэлыя камякі з мурашніку, і вялыя з холаду мурашкі поўзалі па каструбаватай кары старой арабіны і на зямлі пад ёю. Напэўна, ён і цяпер недзе тут наблізу, ён не паспеў яшчэ далёка куды адысціся, у мурашніку ён нядаўна коўзаўся, сляды свежыя, і дажды з ветрам не паспелі яшчэ ўпляскаць у зямлю пад **арабінай** і на сцежцы яловых голак [1, с. 331]; **Арабіна** на ўзвышшы

адсюль відна была вельмі добра [1, с. 338]; “Гэта тая самая **арабіна**, каля якой я некалі араў і на нізкі сучок торбу з хлебам вешаў” [1, с. 348]; Пасля ён пайшоў на той бок **арабіны** ў полі, дзе бачыў, калі ішоў сюды, цэлы загон нявыбранай бульбы [1, с. 350]; Яны мінулі старую **арабіну** і дайшлі да лесу [1, с. 355].

Хвоя ‘вечназялёнае дрэва з доўгай ігліцай’: Бярозы і **хвоі** ў вольную восень. Пад дзень пабялела зямля, а днём заснуў пад **хвоямі** вецер, і заплакала восень снежавымі слязамі. І тады раптам навяла з поля вялікаю воляй – неабдымнаю і нявызначанаю, як пачуццё можа гэта пахла поплавам, ці гаварылі **хвоі** за полем, ці то гэта сляды соннага ветру, – толькі пацягнула тады Буланага з хлява ў наплавy [1, с. 89]; Тады пабялеў і прамёрз у саду скошаны аер, і весяліліся ўжо вочы не ім, а сухімі паленнямі сіняватай **хвоі** каля сцяны пад страхою [1, с. 100]; Там гэта каля лесу ... рана паспеў ён, дык яго кашу, а **хвоі** шумяць-шумяць... За дзве вярсты адсюль адчуваецца аеравай вастратою рэчка, пажаўцелыя крушыны і каржакаватыя **хвоі** на ёй [1, с. 172]; Вецер не сціхне, і чуваць будзе, як за рэчкаю гавораць **хвоі** [1, с. 188]; Мы павысякалі летась каржакаватыя **хвоі** за рэчкаю – дык цяпер нейкая пустэча там здаецца за рэчкаю – гэта мне з непрывычкі [1, с. 189]; З другой стараны ішла шырокая града хваёвага лесу, і ясным адвячоркам ціхае сонца доўга ляжала на стрых **хвоях**. Я памятаю, як угады першай маладосці мне заўсёды хацелася на ўсю ноч аставацца пад тымі **хвоямі** [1, с. 337]; Марозлівым днём ён падышоў да шасці хат і ўбачыў з-за тоўстай **хвоі**: людзі габляюць дошкі, сядзяць на бяргавым, кураць сабе, устаўляюць вокны ў хату, а тут і той вусаты з сякерай стаіць. Як утрапёны шаленствам, ён даў ходу з-за тоўстай **хвоі**, і ў вечары таго дня ён сказаў таму, хто распараджаўся цяпер яго душой [1, с. 372].

Такім чынам, Кузьма Чорны паслядоўна ўводзіць у апісанні навакольнага свету назвы разнастайных дрэў. Аўтар праводзіць паралелі паміж жыццём дрэў і галоўных герояў апавяданняў, надзяляе іх такім жа лёсам і пачуццямі. Таму ў апавяданнях Кузьмы Чорнага мы можам вылучыць яшчэ аднаго, не менш важнага і яркага галоўнага героя – гэта і “прадзедаўскі дуб”, і “старыя абросшыя мохам бярозы”, і “пажаўцелыя клёны” і інш. Менавіта гэтыя вобразы-сімвалы напаўняюць творы глыбокім філасофскім зместам.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Чорны, К. Вераснёвыя ночы : апавяданні, аповесці / К. Чорны. – Мінск : Маст. літ., 1984. – 608 с., 1 л. партр. – (Б-ка беларус. прозы).

В. М. Вабішчэвіч (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)
Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, канд. філал. навук, дацэнт

МАТЫВАЦЫЙНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ЎСТОЙЛІВЫХ МОЎНЫХ АДЗІНАК СТОЛІНШЧЫНЫ

Фразеалагічныя адзінкі як яркія ўстойлівыя адзінкі ўжываюцца ў кожнай мове, бо надаюць маўленню вобразнасць, выразнасць, эмацыйнасць і ацэначнасць. Практычна ўсе фразеалагічныя адзінкі выяўляюць адносіны да жыцця чалавека, яго стану, учынкаў, паводзін. Вылучаюцца розныя матывацыйныя тыпы фразеалагізмаў, ужытых у дыялектным і літаратурным кантэксце Століншчыны.

Фразеалагізмы **“жывёльнага” паходжання** – адна з самых вялікіх груп сярод іншых фразеалагізмаў. Гэта звязана з тым, што матэрыяльная і духоўная культура чалавека цесна звязана з навакольнай прыродай, жывёльным светам.

У фразеалагізмах **“жывёльнага паходжання”** надаецца вялікая ўвага фізічным, знешнім, маральным, эмацыянальным і псіхалагічным характарыстыкам чалавека. Так, фразеалагізмы Століншчыны апісваюць чалавека па-рознаму: вылучаюцца якасці асоб (**ядовіты на язык** ‘зламоўны’: *Не дай Бог ее зачэпіць: ядовітая на язык, тут цебэ з гразей змешае*; эмоцыі (**воўкам завьіць** ‘адчуць сябе самотным, нікому непатрэбным’: *Ек роз’едуца дзеці, то можна воўкам завьіць ухаці*), узаемаадносіны людзей (**зубы показць** ‘груба адмовіць у чым-н., раззлавацца’: *Ты его не знаеш: вон можэ добрэ зубы показць*), а таксама знешнасць чалавека (**бы кошка облезлая** ‘непрывабная, пастарэлая, апушчаная’: *Шо ты бы кошка облезлая, хоць бы ў парадок себэ прывала*).

Роля жывёл у жыцці чалавека заўсёды была выключна вялікай, асабліва на ранняй стадыі развіцця чалавецтва, калі людзі і жывёлы існавалі ў натуральным суседстве. Грунтуючыся на назіраннях за паводзінамі жывёл і заўважаючы іх моцныя і слабыя бакі, чалавек выдзяляе асноўныя з іх і на гэтым будзе сваю характарыстыку не толькі жывёльнага свету, але і жыцця чалавека.

Напрыклад, фразеалагізм **вастрыць вушы** ўзнік з назіранняў чалавека за жывёламі. Нашы продкі аднойчы заўважылі, як сябе паводзяць сабакі, калі чуюць нейкія гукі. Яны падымаюць вушы і прыслухоўваюцца, ці варта ім турбавацца. Таму фразеалагізм **вастрыць вушы** мае значэнне ‘напружана, уважліва прыслухоўвацца, насцярожвацца’: *Мы, моладзь, вушы вострым – калі, у які дзень?* [1, с. 65].

Фразеалагізм **собачыя вочы пазычыць** узнік як адлюстраванне пэўнага стану чалавека праз супастаўленне з сабакам, вобраз якога

ў народным уяўленні звязваецца больш з негатыўнымі характарыстыкамі, чым са станоўчымі. Значэнне гэтага фразеалагізма – ‘не мець сораму’: *Гэта ж трэба собачыя вочы позычыць, шчоб іці по суседзях да просіць грошэй на выпіўку.*

У фразеалагізма **кату пад хвост** такая матывацыйная аснова ўзнікнення: калі не паспявалі з’есці ўсю ежу, проста аддавалі яе кату, гэта значыць пераводзілі яе дарэмна. Таму і значэнне гэтага фразеалагізма ‘стаць дарэмным, не выкарыстацца’: *Што расцягнулі на яслях даяркі, што жывёла ўтаптала, астатняе давярышылі дажджы – і бацькава руплівасць пайшла кату пад хвост* [1, с. 117].

Фразеалагізмы з кампанентамі-заонімамі вельмі разна-стайныя паводле паходжання, у аснове іх ўтварэння ляжаць прататыпы, звязаныя з рознымі жывымі істотамі: **кату хвоста завязаць** ‘нічога (не ўмець рабіць)’: – *Э-эх, ляскало чортова! Кату хвоста завязаць не ўмееш без братоў...* [1, с. 28]; **коз воз** ‘многа’: *Прышла до нас у хату, наговарыла коз воз і побегла далей недзі; пыдрэзаць рогі* ‘ўціхамірыць, утаймаваць каго-н.’: *Пыдрэзаць ему трохі рогі, поспокойнее, а то распусціўса зусім; выгнаць блохі* ‘пакараць каго-н. за дрэнныя паводзіны’: *Я ёй выжэну блохі, вона ўмэне будзе ек шаўковая ходзіць; (здаровы) як бык* ‘вельмі, надзвычай’: *Цяпер здаровы як бык.*

Сярод фразеалагізмаў Століншчыны рэдкія ўстойлівыя выразы “**птушынага**” паходжання. У складзе такіх фразеалагізмаў сустракаецца заонім **курыца**. Напрыклад, *Уцебе шо, курыныя мозгі? Шо б я такога больш не чула!* У народзе курыца лічыцца птушкай неразумнай. Адсюль і паходзіць устойлівы выраз **курыныя мозгі**, што значыць ‘хто-н. дрэнна думае, разважае’.

Фразеалагізм **мокрая курыца** характарызуе чалавека, які мае непрывабны выгляд, не ўмее выглядаць дагледжана: *Ты, мокрая курыца, поглядзі на себе. Пэйсы свое распусціла, а воны бы не раішчэсаные.* Такі фразеалагізм узнік на падставе таго, што мокрая курыца выглядае вельмі непрывабна, нават смешна.

Фразеалагізмы **антрапацэнтрычнага паходжання**, з кампанентамі-саматызмамі, што ўзніклі на аснове назіранняў за паводзінамі чалавека ў розных жыццёвых сітуацыях. Яны шырока выкарыстоўваюцца ў літаратурных кантэкстах пісьменнікаў Століншчыны. Пераважная большасць іх выяўляе стан чалавека праз розныя праяўленні яго знешняга выгляду. Такія фразеалагізмы ўтварыліся ад свабодных сінтаксічных адзінак – спалучэнняў слоў і словазлучэнняў: *(мармытаць) пад нос* ‘вельмі ціха, незразумела’: *І ўвесь час нешта мармыча пад нос – незразумела, нейкі няхітры матыўчык ці разважае з сабой...* [1, с. 175]; *скрывіць губы* ‘выказаць пагарду’: *Я запрасіў адну, яна скрывіла губы,*

быццам перад ёй стаяў Кашчэй Бессмяротны, і не пайшла... [2, с. 66]; **кінуцца ў ногі** ‘вельмі моцна прасіць у каго-н.’: *Як гарача хацелася ад бацькі аднаго ў той вечар: угаварыць яго не лаяцца, кінуцца да яго ў ногі, прынізіцца – усё што ён захоча* [1, с. 39]; **вачэй не паказваць** ‘зусім нідзе не з’яўляцца’: *Амаль месяц бацька і сын вачэй не паказвалі на вуліцу, а калі і выходзілі, дык з такой невясёлай пячаткай на твары, што суседзі з жалю самі адводзілі вочы* [1, с. 91]; **высунуць нос** ‘выйсці куды-н.’: *Сядзеў ён ухаце і баўся высунуць нос на вуліцу* [2, с. 46]; **куды вочы глядзяць** ‘у няпэўным напрамку, не выбіраючы дарогі’ [3, с. 217]: – *Пайду ў райком альбо з’еду к чортавай мацеры, куды вочы глядзяць. Не магу доўбнем сядзець ля хаты* [2, с. 33]; **пальцам не крануць** ‘не чыніць шкоды каму-н., не караць’: *Праўда, бульбу бацька аддаў – пашкадаваў дзетак. А мяне і пальцам не крануў – пахваліў за кемлівасць* [1, с. 61]; **даць у нос** ‘моцна паўздзейнічаць на нос’: *Унос дало тугім саланаватым пахам конскай мачы, раменнай вупражы, мазі* [1, с. 170].

У межах антрапацэнтрычнага матывацыйнага тыпу можна вылучыць фразеалагізмы “**прафесійнага**” паходжання, што ўзніклі ў самых разнастайных прывесійных сферах жыцця чалавека. У дыялектным і літаратурным кантэксте Століншчыны ўжываюцца фразеалагізмы, якія ўтварыліся ў выніку пераасэнсавання словазлучэнняў, што маюць непасрэдныя адносіны да прафесійных заняткаў людзей. Напрыклад, фразеалагізм **паставіць крыж**, які мае значэнне ‘адмовіцца ад каго-н., ад чаго-н.; назаўсёды вызваліцца ад чаго-н.’, паходзіць з маўлення канцылярскіх работнікаў. Яны, каб аддзяліць ужо апрацаваныя паперы ад тых, якія патрэбна будзе яшчэ разгледзець, пазначалі прачытаныя тлустым крыжом. Так ім было зручна і зразумела. Таму, калі людзі прымаюць рашэнне пазбавіцца ад нейкай безнадзейнай справы ці чалавека, выкарыстоўваюць гэты фразеалагізм. Такі фразеалагізм ужывае ў адным са сваіх кантэкстаў У. Глушакоў: *Па праўдзе кажучы, я не ведаў – радавацца за сябра, на асобе якога ў мястэчку даўно паставілі крыж, ці шкадаваць незнаёмую дзяўчыну* [1, с. 127].

Устоўлівы выраз **да белага калення** (давесці) пайшоў з жыцця кавалёў. Яны награвалі метал перад каваннем, які становіўся у залежнасці ад тэмпературы спачатку чырвоным, пасля жоўтым і пры самай моцнай ступені награвання – белым. Фразеалагізм **да белага калення** мае значэнне ‘да поўнага адчаю, да поўнай страты самавалодання’ [4, с. 541]. Названая фразема ўведзена ў адзін з кантэкстаў У. Глушаковым: *Мы пераглянуліся з Колькам і разам пырскнулі (аднойчы настаўніца, вось гэтак жа ледзь не плюючыся, выпаліла класу, што мы пастаянна даводзім яе да белага калення)* [1, с. 5].

Да фразеалагізмаў з прафесійнай сферы можна аднесці і наступныя: **як поп кадзіла** ‘вельмі добра, асабліва’: *Старую копію ён бярог і ахоўваў, як поп кадзіла* [2, с. 268]; **каціць бочкі** ‘несправядліва абвінавачваць каго-н., нагаворваць, паклёпнічаць на каго-н.’ [4, с. 500]: *Зрэшты, гэта магло быць і няпраўдай, бо, як вядома, на неспакойным часе хто толькі ні коціць бочак на ваўкоў Польшчы, Літвы, іх мову і дурную звычку да волі* [5, с. 6]; **круціць хвосты** ‘фізічна працаваць’: *Вучыся, бо будзеш коровам круціць хвосты.*

У складзе антрапацэнтрычнага матывацыйнага тыпу таксама вылучаецца група фразеалагізмаў **жэставага паходжання: адмахвацца рукой** ‘рашуча, наадрэз адмаўляцца ад чаго-н.’ [4, с. 69]: *Нават бедныя бацькі ад яе наказаў адмахваюцца рукой...* [1, с. 5]; **за адным махам** ‘вельмі хутка’: *За адным махам прыбіраюць у вулках, наладжваюць своеасаблівы суботнік* [1, с. 177]; **носам крывіць** ‘выказваць сваё незадавальненне, нязгоду з чым-н.’: *Я носам не крывіў. Мне падабалася, што яна так доўга сядзіць са мной ля акацыі і мы так доўга пра ўсё гаворым* [2, с. 66].

Такім чынам, фразеалагізмы ў дыялектным і літаратурным кантэксце Століншчыны вылучаюцца разнастайнымі матывацыйнымі асновамі. Яны адлюстроўваюць назіранні беларусаў за жывёльным, птушыным светам, за рознымі бакамі жыццядзейнасці чалавека. Фразеалагізмы вылучаюцца жывой унутранай формай. З’яўляючыся метафарычнымі ці метанімічнымі ўтварэннямі, яны валодаюць яркай вобразнасцю, экспрэсіўнасцю, эмацыйнасцю.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Глушакоў, У. С. Расплата: Сямейная хроніка / У. С. Глушакоў. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 414 с.
2. Марчук, Г. В. Кветкі правінцыі : раман, навелы, афарызмы / Г. Марчук. – Мінск : Маст. літ., 2004. – 416 с.
3. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Т. 2. М–Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
4. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Т. 1. А–Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.
5. Наварыч, А. Літоўскі воўк : гіст. раман / А. Наварыч. – Мінск : Маст. літ., 2005. – 285 с.

Я. В. Вецік (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)
Навуковы кіраўнік – Л. В. Леванцэвіч, канд. філал. навук, дацэнт

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ КАНЦЭПТА “ЧАС” У МАСТАЦКІМ КАНТЭКСТЕ

Катэгорыя часу з’яўляецца адной з самых важных катэгорый сучаснага светаразумення. Гэтую катэгорыю вывучаюць розныя навукі (вылучаецца час фізічны, біялагічны, астранамічны, псіхалагічны, сацыяльны, моўны і інш.). Моваведы даследуюць зафіксаваныя ў мове ўяўленні пра час, аналізуюць і сістэматызуюць моўныя сродкі выражэння філасофскіх поглядаў на час. Час апісваецца з пункту погляду моўнай карціны свету. У расійскім мовазнаўстве катэгорыя часу разглядалася ў працах М. В. Усеваладай, Ю. М. Караулава, Ю. С. Сцяпанавы, Н. Д. Аруцёнавай і інш. У беларускім мовазнаўстве катэгорыю часу і яе рэпрэзентацыю ў мастацкім кантэксце аналізавалі В. У. Азарка, С. М. Лясковіч, К. І. Ільяшава, Н. М. Гурына. Комплексны аналіз канцэпта “час” у беларускім мовазнаўстве не праводзіўся.

Комплексны аналіз канцэпта “час” дазволіць выявіць яго вобразны і паняццёвы складнікі, а таксама нацыянальна-культурную спецыфіку.

Час з’яўляецца неад’емнай часткай быцця і свядомасці чалавека, ён адносіцца да асноўных канцэптаў моўнай карціны свету любога народа. Універсальнасць данай катэгорыі не адмаўляе нацыянальнай своеасаблівасці ўяўленняў пра час. Чалавек не нараджаецца з “адчуваннем часу”, яго часавыя і прасторавыя паняцці заўсёды вызначаюцца той культурай, да якой чалавек належыць. На розных стадыях развіцця грамадства, у розных групах аднаго і таго ж грамадства і нават асобнымі людзьмі катэгорыя часу ўспрымаецца і прымяняецца неаднолькава.

У мастацкім кантэксце лексема *час* ужываецца з тымі ж значэннямі, якія падае нам тлумачальны слоўнік, а таксама набывае новыя семантычныя і канататыўныя адценні. Прааналізуем значэнні лексемы *час*, з якімі адзінка ўводзіцца ў мастацкі кантэкст беларускімі пісьменнікамі. Матэрыял даследавання ўзяты з Беларускага N-корпуса [1].

Філосафы сцвярджаюць, што час – мера руху і зменаў, што пацвярджаецца ў наступных кантэкстах: *Імклівы час такі, што следу не відно* (Р. Барадулін); *Сыходзіць час / я хапаю яго за руку / але ён працягвае ісці / я вісну ў яго на шыі / але ён не спыняецца / і сыходзіць* (К. Анохін); *А час бяжыць, бяжыць...* (П. Броўка); *Не журуся, што час адлятае...* (А. Салтук).

Чалавек жыве ў розным “часе”: астранамічным, гістарычным, узроставым, сакральным, звычайным (не сакральным): *Было адзінаццаць гадзін ночы па маскоўскаму часу* (І. Шамякін); *Каржакевіч быў досыць папулярны яшчэ з дарэвалюцыйнага часу* (К. Крапіва); *Між пальцамі*

прасочваецца час: / Плывуць хвіліны, як сухое зерне. / Як ні трымайся, але нас / Назад ніхто ніколі больш не верне (В. Зуёнак); *Божы час, божы час / Завярнуўся да нас* (А. Петрашкевіч); *Сотні тысяч людзей у мірны час пражылі б жыццё, так і не праявіўшы сябе з іншага боку...* (В. Быкаў).

У мастацкіх кантэкстах часта назіраем ужыванне адзінкі час у значэнні ‘перыяд, эпоха’: *Час рабоў і здрады. Эпоха Чынгіза. / Час дрыжачых мужчын і хлуслівых жанчын / І ў баі і ў каханні вароцяць спіны* (У. Караткевіч); *Лагодны гром за дальняю дубровай / Напомніць ім пра час бамбардзіровак* (П. Панчанка); *Час перамен. Усё рушыцца* (І. Мележ); *Светлы час! / Грозны час!* (П. Броўка).

Цыклічнасць часу выражаецца лексічнымі сродкамі (тэмпаральнымі адзінкамі), напрыклад, *учарашні, прайшлы – сённяшні, надзённы; мінулае, учарашняе – будучае; уперад, у будучыню – назад*. Аднак у мастацкім кантэксте толькі адной лексмай час магчыма выразіць цыклічнасць: *Паміж часам, калі здарылася катастрофа, і тым часам, калі пра яе пачалі расказаць, была паўза. Момант нематы...* (С. Алексіевіч); *А калі сур’ёзна, дык час размоў мінуў – наступіў час дзеяння* (В. Чаропка). Некаторыя лінгвісты звязваюць час з падзеяй, прапануюць гаварыць не пра цыклічнасць часу, а пра цыклічныя ў часе падзеі: *Ламае час былыя звычкі, / Да наслаенняў я прывык: / Асліны голас электрычкі, / І старажытны маладзёк...* (П. Панчанка).

Цыклічнасць часу выражаецца і праз тэмпаральныя лексемы, звязаныя з рэлігійнымі святамі: *Асабліва добра гандлявалася перад калядамі* (Г. Марчук).

Лінейнасць, аднамернасць часу вызначаецца тым, што яго нельга спыніць, павярнуць назад, змяніць: *Па-другое, пароль і час таго, на што вы спадзеяеся, даўно зменены...* (Г. Марчук).

На думку філосафаў, час – гэта другая назва для жыцця: *Напоўніць свой кароткі ці доўгі век мудрым зместам – значыць забяспечыць месца на тым дыване-самалёце, які называецца час чалавечы...* (У. Калеснік); *Не згубі, калі ласка, дарогі, / Бо жыццё, сапраўды, час святы* (М. Прыходзька); *Усіх нявольнікаў ад нас / Забірае смерць не ў час* (А. Якімовіч).

Жыццё пражываецца хутка, як імгненне, як дзень, як час, таму важна цаніць кожную хвіліну: *Для кожнага з вас / Над бацькоўскай зямлёю / Шчаслівая зорка згарае. / Цаніце свой час / І гэты сусвет, / Што без дна, без канца і без краю* (П. Панчанка); *Нам адведзены час кароткі, – / чым пазнаем мы гэты час? / Вочы ў вочы – з байніцаў продкі / запыталына глядзяць на нас* (М. Пракаповіч).

Мастакі слова разважаюць, хто з’яўляецца “гаспадаром часу”: *Развей няведання туман / і адкажы нам, / непазбежнае, ці гэта час належыць нам, / ці гэта мы яму належым?* (А. Разанаў); *Жыве, не спіць / таемны*

свет начны. / Ён абвастрае зрок, пачуцці, / гукі. / І час, нібы пясок-шчырэц / рачны, / даверліва даецца нам у рукі (А. Грачанікаў). Аднак у кожнага чалавека ёсць свой “зорны час”: *Тады ізноў, як колькі раз / На свеце ўжо бывала, / Настане Твой вялікі час, / Твая засвеціць слава* (А. Гарун); *Прайшлі гады – я спазнала смутак і зразумела, што навучыцца смутку нельга, як нельга навучыцца радасці. На ўсё свой час* (М. Стральцоў). Адзіная праблема – убачыць, што гэта твой час, бо: *Час не стаіць і не чакае* (Я. Колас).

Час мае і значэнне ‘спрыяльная пара для чаго-небудзь’ і ужываецца ў наступных кантэкстах: *Але трэба было рабіць сваю справу – бегчы наперад, каб у час памагчы Галкіну, які адзін зараз шчоўкае з яго вінтоўкі* (В. Быкаў); *І дарма, што ў свой час / Не прабіўся да мора* (Ю. Свірка). Нярэдка сустракаецца ў творах “час” і ў супрацьлеглым значэнні – ‘неспрыяльная пара’: – *Татусь, зараз не час для нараджэння новых людзей* (Г. Марчук). З дадатковым канататыўным значэннем ‘умовы існавання падчас змены ўлады’ лексема час рэпрэзентуецца ў такім сказе: – *Часы мяняюцца. Цяпер нават самыя з самых палякаў за такія словы палічаць цябе Станьчыкам* (Г. Марчук).

Любая моўная мадэль зарыентавана на чалавека. Жыццё чалавека бачыцца праз мадэль часу, таму ў чалавека ёсць пэўныя часавыя адрэзкі: дзяцінства, маладосць, сталасць і старасць. Ёсць таксама шчаслівыя гады і чорныя дні: *Золата хаваў на самы чорны дзень* (Г. Марчук).

Цяперашні час разглядаецца філосафамі як умоўнасць, бо ён імгненны: пачатак падзеі ўжо адышоў у мінулае, а канец – у будучым, цяперашні час – настолькі кароткае імгненне, што яго як бы і няма ўвогуле. І толькі паэты могуць яго спыніць і ўбачыць: *Хто прыпыніў палёт, той раптам бачыць час, // Слязой сярэбранай успеніцца прыбой... // І настальгія тут затоніць нас, // І мітусня, што нас кідала ў бой* (С. Кандзідыч).

З дадатковым значэннем ‘у неспрыяльную хвіліну, нязручны момант’ лексема выступае ў наступных кантэкстах: *Па голасу Лятун пазнаў: “Не ў добры час, халера, прынесла. Ай, не ў добры. Трэба хітрыць”* (Г. Марчук); *Раману Данілавічу цяпер не час пра язычнікаў думаць. Над Галічамі, ды і над намі, татарская навала навісае* (В. Іпатава); *Часамі было падобна, што пройдзе струмень трупнага духу* (К. Чорны); – *Кажаш, Агонь паказаў, што гэты год будзе ўдалым. Тады што цябе азмрочыла? Ці воран каркнуў не ў час, ці свяшчэнныя вужы вузламі паскручваліся?* (В. Іпатава); *Можна таму, што багі даруюць яму магчымасць зазіраць у будучыню, якая недаступная іншым, прыходзіць падчас невымернае шкадаванне і смутак, што смокча грудзі, як атрутная зямля?* (В. Іпатава).

Асаблівае філасафічнае значэнне *час* набывае ў кантэксце К. Чорнага: *Час – найлепшы доктар чалавеку. Ён уціхамірыць хоць які боль.*

Як бачым, час па-рознаму прадстаўлены ў беларускай мастацкай карціне свету. Гэта абумоўлена тым, што праз канцэпт “час” пісьменнікі выражаюць сваю ўласную жыццёвую і філасофскую пазіцыю.

Даволі часта ў паэтычных творах *час* выкарыстоўваецца ў значэнні ‘мера руху і зменаў’ і набывае новае адценне філасафічнасці. У мове мастацкай літаратуры лексема выступае з дадатковымі канататыўнымі значэннямі ‘у неспрыяльную хвіліну, нязручны момант’; ‘умовы існавання падчас змены ўлады’ і інш. Звычайна цыклічнасць часу выражаецца тэмпаральнымі адзінкамі *учарашні, прошлы, сённяшні* і г. д., аднак у мастацкіх тэкстах яна перадаецца самой адзінкай *час*.

Актыўным сродкам выражэння часу ў мастацкіх кантэкстах з’яўляюцца лексемы прадметна-тэматычнай групы “час”: прыслоўі, што паказваюць на бесперапыннасць і пастаянную змену мінут, хвілін і г. д.; дзеясловы прошлага часу; прыназоўнік *да*, які паказвае на папярэднія ў часе падзеі; прыслоўі тыпу *увечары, уначы, днём, момант, імгненне*; назвы пор года; назвы месяцаў, тыдняў; колькасна-іменныя канструкцыі са словамі *тыдзень, месяц, год*.

Катэгорыя часу як фундаментальная і ўніверсальная катэгорыя быцця, свядомасці грамадства, мовы і культуры з’яе аб’ектыўным і суб’ектыўным зместам, інварыянтнымі і варыянтнымі ўласцівасцямі, колькаснымі і якаснымі характарыстыкамі, кагнітыўным і аксіялагічным аспектамі знайшла рознабаковае нацыянальна-спецыфічнае адлюстраванне ў тэмпаральных лексічных адзінках беларускай мовы, ва ўстойлівых выразх, прыказках і мастацкіх кантэкстах пра час.

Мастакі слова сцвярджаюць, што час – гэта і ёсць само жыццё; іншыя зводзяць значэнне лексемы да паняцця ‘перыяд, эпоха’.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorporus.info>. – Дата доступу: 25.10.2020.

П. В. Гибкий (г. Минск, МГЛУ)

Научный руководитель – Н. В. Супрунчук, канд. филол. наук, доцент

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ САЙТОВ БЕЛОРУССКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ

Предлагаемая работа посвящена исследованию грамматических трудностей, возникших при переводе сайта предприятия «Минский

тракторный завод» на китайский язык. В ходе работы мы выявляли несоответствия на грамматическом уровне посредством сопоставления китайской версии сайта «МТЗ» с русской версией. Актуальность этой темы заключена в трех аспектах: распространенность и востребованность китайского языка, активное экономическое сотрудничество между Беларусью и Китаем, влияние качества перевода с русского на китайский на имидж предприятия. Самые распространенные несовпадения: различия в порядке слов, разница в употреблении предлогов и обозначении участников ситуации.

В предложениях *И уже в 1958 году Минский тракторный завод выпустил сотысячный трактор* и *于 1958 年, 明斯克拖拉机厂已经生产了第十万台拖拉机*. наблюдается несовпадение в порядке слов. Текст оригинала имеет следующую последовательность: сочинительный союз, два обстоятельства времени, выраженные наречием *уже* и числительным в словосочетании с существительным, подлежащее, сказуемое, определение, дополнение. Текст перевода – союз *于*, обстоятельство времени (представленное числительным в словосочетании с существительным), подлежащее, обстоятельство (наречие *已经* ‘уже’), сказуемое, дополнение. Таким образом, разница в том, что в китайском варианте наречие времени стоит после подлежащего, а не перед ним, что еще раз подтверждает тот факт, что в китайском языке порядок слов является более фиксированным, чем в русском, поэтому второстепенные члены почти всегда стоят после главных [1, с. 12].

Разница в употреблении предлогов и в выражении категории действия наблюдается во фрагменте *在汉诺威国际农业机械展览会 "AGRITECHNICA" 向 MTW 代表颁发银质奖章*, что значит ‘В Ганновере представителям белорусского промышленного флагмана была вручена серебряная медаль Международной специализированной выставки «AGRITECHNICA»’. В отличие от русского языка, в котором адресат (бенефактив) действия выражается только падежной формой (*представителям*), в китайском языке употребляется предлог направления действия *向*. Тем не менее, очевидно, что подобные несоответствия затрагивают в большей степени форму выражения, чем содержание, и не затрудняют общее понимание текста.

Выводы: некоторые несовпадения на грамматическом уровне существенно не повлияли на качество перевода.

Список использованной литературы

1. Кошкин, А. П. Элементарная грамматика китайского языка. Начальный этап / А. П. Кошкин. – М. : Вост. книга, 2013. – 216 с.

Д. А. Гогочкина (г. Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)
*Научный руководитель – Л. В. Рычкова, канд. филол. наук,
профессор*

ВЛИЯНИЕ АНТИРАСИСТСКИХ УБЕЖДЕНИЙ ПЕРЕВОДЧИКА НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ ОРИГИНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В современном мире наблюдается тенденция ко всеобщей толерантности. С каждым днем приверженцев данной идеологии становится все больше, а сама идеология имеет мировой масштаб. Несмотря на это, тема расизма и борьбы с ним не утрачивает своей актуальности. Цель данной работы – показать, как антирасистские убеждения переводчика влияют на его интерпретацию текста оригинала. Мы исходим из предположения, что переводчик – это человек, который как личность может поддерживать ту или иную идеологию, даже будучи специалистом, который должен соблюдать нейтралитет и стремиться к объективной передаче содержания оригинала. Интерпретация художественных текстов допускает более широкие рамки передачи контента оригинала, по сравнению, например, с научным текстом. Тем не менее, и в этом случае на переводчика ложится ответственность не только за грамотность перевода, но и за эмоционально-оттеночную окраску того образа, посредством которого отображена действительность. При переводе художественных текстов происходит множество преобразований, причиной тому является разное видение и понимание мира разными культурами, применение различных языковых средств, обусловленное типологическими различиями языков либо ярко выраженной национальной спецификой лексики. Количество преобразований способно исказить суть, заложенную автором, и этот фактор отдаляет читателя от максимально близкой интерпретации текста, поэтому именно на переводчика возлагается ответственность за то, чтобы он, несмотря на вышеперечисленные факторы, осуществил перевод с наименьшим количеством искажений текста оригинала.

Для выявления того, нашли ли отражение в переводе убеждения переводчика относительно идеологии против расизма, мы обратились к параллельному англо-русскому модулю Национального корпуса русского языка, предварительно выбрав произведение Марка Твена «The Adventures of Tom Sawyer» (1876), «Приключения Тома Сойера» (переводчик Н. Дарузес, перевод выполнен в 1950 году). На материале сформированного таким образом подкорпуса были проанализированы переводы англоязычной пейоративной номинации *nigger*, нейтральной во

время написания произведения лексемы *negro* и нейтральной номинации *brown*. Всего было найдено восемь вхождений слова *nigger* в семи контекстах, два вхождения для *negro* и одно вхождение для *brown*. Рассмотрим контексты употребления этих номинаций в оригинале и параллельные им контексты в тексте перевода:

1) *He told Jeff Thatcher, and Jeff told Johnny Baker, and Johnny told Jim Hollis, and Jim told Ben Rogers, and Ben told a nigger, and the nigger told me.*

Он сказал Джефу Тэтчеру, а Джеф сказал Джонни Бэккеру, а Джонни сказал Джиму Холлису, а Джим сказал Бену Роджерсу, а Бен сказал одному негру, а негр сказал мне;

2) *But I never see a nigger that WOULDN'T lie.*

Только я в жизни не видывал такого негра, чтобы не врал.

3) *They'll all lie. Leastways all but the nigger. I don't know HIM.*

Все они врут. То есть все, кроме негра. Его я не знаю.

4) *Well, if they like it, Tom, all right; but I don't want to be a king and have only just a given name, like a nigger.*

– Что ж, пускай, если им так нравится, но я бы не хотел быть королем, раз у них даже фамилии нет, вроде как у негров.

5) *He lets me, and so does his pap's nigger man, Uncle Jake.*

Он меня пускает, и дядя Джек, негр, что у них работает, — тоже.

6) *I tote water for Uncle Jake whenever he wants me to, and any time I ask him he gives me a little something to eat if he can spare it. That's a mighty good nigger, Tom. He likes me, becuz I don't ever act as if I was above him.*

Я таскаю воду, когда ему надо, а он мне дает чего-нибудь поесть, когда попрошу, если найдется лишний кусок. Он очень хороший негр. И меня любит за то, что я не деру нос перед неграми.

7) *... Horsewhipped in front of the jail, like a nigger!*

... Отстегать на улице перед тюрьмой, как негра!

8) *This new interest was a valued novelty in whistling, which he had just acquired from a negro, and he was suffering to practise it un-disturbed.*

Такой новинкой была особенная манера свистеть, которую он только что перенял у одного негра, и теперь ему хотелось поупражняться в этом искусстве без помехи.

9) *My three negro men stood guard at your house all the rest of the night.*

Мои три негра сторожили ваш дом до самого утра.

10) *...stalk into church, brown and weather-beaten, in his black velvet doublet and trunks...*

...войдет в церковь, загорелый и обветренный, в черном бархатном камзоле и штанах...

Анализ контекстов перевода, который был осуществлен спустя 74 года после выхода в свет оригинального произведения, показал, что

переводчик посчитал нужным снизить негативный оттенок значения и во всех случаях перевода слова *nigger* употребил лексику *негр*, как более нейтральный и политкорректный эквивалент. Закономерно, что в случае слова *negro* перевод сохраняет нейтральность, а лексема *brown* интерпретирована как *загорелый*, по-видимому, с целью подчеркнуть, что в данном случае характеризуется не темнокожий человек.

Очевидно, что такая нейтральность перевода обусловлена принципиально антирасистской политикой, проводимой в СССР. Достаточно вспомнить широко известный в то время кинофильм «Цирк» режиссера Г. Александрова, одной из основных задач которого была демонстрация того, что советские люди толерантно относятся к представителям различных рас и национальностей и не осуждают белую женщину за то, что она родила темнокожего ребенка. Представляется возможным сделать вывод о том, что переводчик, разделяя общее для советского народа убеждение о недопустимости расовой дискриминации, корректно отразил свое отношение к расизму путем нейтрализации в переводе пейоративных коннотаций.

Список использованной литературы

1. Национальный корпус русского языка: англо-русский модуль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-en.html>. – Дата доступа: 10.05.2021.

А. А. Гончарова (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК РОМАНА Д. МИТЧЕЛЛА «ОБЛАЧНЫЙ АТЛАС»

Перевод художественного произведения – это всегда непростое дело, особенно если автор оригинального текста прибегает к стилизации, использует языковую игру и авторские неологизмы. Ярким примером такого непростого произведения является «Облачный атлас» Д. Митчелла. Повествование разделено на несколько эпизодов, относящихся к разным временам – от позапрошлого века до далёкого будущего. Описывая прошлое, Д. Митчелл прибегает к стилизации, используя архаичную лексику и устаревшие грамматические конструкции. В эпизодах, относящихся к будущему (это два временных пласта), автор использует окказионализмы для наименования фантастических новых реалий.

В данной статье мы рассмотрим лишь семантические окказионализмы сюжетной линии Сонми-451. Как указывает Т. В. Попова,

«К семантическим неологизмам относят старые слова и фразеологизмы, у которых появились новые значения» [1, с. 36]. Н. З. Котелова тоже считает, что «Неологизмы – это не только новообразования (слова, значения слов, выражения), но и вхождения – внутренние и внешние заимствования – по временной оси (возрождение, актуализация, узуализация) или (и) локальной (вхождения из диалектов, устной речи, жаргонов, специальных языков, других языков)» [2, с. 252]. Автор перевода Г. Яропольский вслед за Д. Митчеллом активно использовал прием актуализации для создания индивидуально-авторских семантических неологизмов. «Актуализированная лексика – слова, прежде существовавшие в русском языке, но выступающие на современном этапе в ином осмыслении... Таким образом, актуализация заключается в активизации семантических преобразований слова: в расширении сочетаемости и изменении ее характера, в образовании новых значений слов, в том числе переносных, а также в изменении значений слов в связи с идеологической переориентацией [1, с. 33].

Так, сюжетной линии Сонми-451 все мировые религии уничтожены новой властью корпораций: *Этот монастырь стоял здесь на протяжении пятнадцати веков, пока корпоратия после Столкновений не отменила всех религий, существовавших до потребительской* [3]. Однако религиозная лексика встречается в этом эпизоде постоянно, но уже в новых значениях: *Papa Song appears on His Plinth for Matins, and we recite the Six Catechisms together. Our Logoman then delivers his Sermon – Papa Сонг появляется на Своем Постаменте для Заутрени, и мы хором пересказываем Шесть Катехизисов. Затем наш любимый Логоман произносит Свою Проповедь; We assemble round the Plinth for Vespers – ...Потом собираемся вокруг Постаменты, служится Вечерня.* Как видно из контекста, *Matins pl. церк.* ‘заутреня’ [4, с. 460] и *Vespers pl. церк.* ‘вечерня’ [4, с. 818] – это обязательные идеологические мероприятия утром и вечером. *Sermon* ‘проповедь, поучение’ [4, с. 672] – это не разъяснение слова Божьего, не «Речь религиозно-назидательного характера, которая обычно произносится в церкви» [Большой], а напоминание искусственно выращенным служащим об их обязанностях. Соответственно *Catechism церк.* ‘катехизис’ [4, с. 120] – это правило поведения для таких клонов. Например, Пятый Катехизис «запрещает прислуге обращаться к посетителю, если тот не побуждает к такому поступку», а «Третий Катехизис учит нас, что обладать чем-либо, даже мыслями, означает для прислуги отрицание любви Папы Сонга, выраженной в Его Инвестиции» [3]. *Papa Song – Papa Сонг*, это верховное божество маленького мира Сонми-451, – на самом деле только голограмма кривляющегося на потеху публике клоуна. Однако в его имя входит

наименование высшего католического иерарха, чего не чувствуется в русском тексте, поскольку слово *papa* воспринимается прежде всего в значении 'отец'. В романе Д. Митчелла и его переводе используются в новых значениях и такие религиозные термины, как *Psalm* – *Псалом* (это песенки Папы Сонга), *Ark* библ. 'ковчег' – *Золотой Ковчег* (судно, на котором отработавшие свой срок клоны якобы направляются на отдых, а на самом деле уничтожаются). Если англ. *Soul* означает 'душа, дух', 'человек', 'воплощение, образец', 'энергия, энтузиазм' [4, с. 703], а русск. *душа*, по религиозным представлениям, «духовная сущность человека, особая нематериальная бессмертная сила, обитающая в теле человека», а также 'внутреннее состояние, моральная сила человека, коллектива', 'внутренний мир человека', 'совокупность характерных свойств, черт, присущих личности' и др. [5], то в «Облачном атласе» это всего лишь чип в подушечке пальца, который служит и удостоверением личности, и платежным средством, и, разумеется, устройством слежения.

Событие, сделавшее Сонми-451, исключительной, Д. Митчелл назвал *ascension*. В астрономической терминологии это 'подъём небесных тел над горизонтом небесной сферы', слово используется как архаизм в значениях 'подъём, продвижение', 'приход к власти' (*ascension to the throne* – восшествие на престол), а в религиозной сфере *the Ascension* означает 'вознесение'. Русское же слово *вознесение* за пределами религиозной сферы не употребляется: «1. к Вознести – возносить и Возвестись – возноситься. В. Христа. В. молитв. 2. В православной церкви: один из двенадесятих праздников (Вознесение Господне; отмечается на 40-й день после Пасхи в честь восшествия, восхождения Иисуса Христа на небо)» [5]. В «Облачном атласе» под этим словом понимается духовное пробуждение искусственно выращенного генномодифицированного человека вследствие того, что ему перестают давать отупляющие медикаменты. Если вознесение Христа – это его переход от человеческой ипостаси к божественной, то для Сонми-451 – переход от состояния робота, обслуживающего механизма, не имеющего прав даже на собственные мысли, к статусу человека.

Важной частью идеологии, насаждаемой среди искусственно выращенных людей, является понятие *Investment* – *Инвестиция*. Появление таких людей оплачено корпорациями, а потому они обязаны отработать вложенные средства. Деньги в описываемом обществе – главная ценность, потому и человеческая душа предстает в виде платежной карты, а люди называются либо *purebloods* – *чистокровные*, либо *consumer* – *потребитель*. Клоны же называются *fabricant* – *фабрикант, фабрикантка*. Слова *чистокровные*, *consumer*, *потребитель*, *fabricant*, *фабрикант*

являются семантическими окказионализмами. Слова же *purebloods* и *фабрикантка* – словообразовательные.

Термин *Orientation* – *Ориентация* в описании жизни Сонми-451 означает процесс обучения фабрикантов. Слова *Soap* – *Мыло* называют пищу, которую принимают фабриканты, причем другую еду они не могут усваивать. На обычных же людей эта смесь действует как наркотик. Название национал-коммунистической идеологии современной Северной Кореи *Juche* – *Чучхе* в «Облачном атласе» стало названием верховного правящего органа.

Праздник по случаю окончания года в эпизоде с Сонми-451 называется *Sextet* – *Секстет*. В обоих языках эти слова известны лишь как музыкальный термин. В романе же это, по всей видимости, шесть праздничных дней.

Д. Митчелл активно использовал такой прием, как употребление собственных существительных в качестве нарицательных, расширение значения. Вслед за автором этот прием использует и переводчик. Таким образом, словами *ford* – *форд* называются любые автомобили; компьютеры стали *sonu* – *сони*; часы, даже настенные, именуются *rolex* – *ролекс*; любая обувь называется *nikes* – *найки*; видеокамеры названы *nikon* – *никон*; фотографии – это *kodak* – *кодак*; фильмы – *disney* – *дисней*; сигареты стали *marlboro* – *мальборо*; питьевая вода называется *aqua* – *аква*; температура – *celsius* – *цельсий*; огнестрельное оружие – *colt* – *кольт*. Автор оригинального текста и для кофе использует семантический окказионализм – *starbuck*. Однако переводчик использовал кальку *звездосмесь*, поскольку первое кафе «Старбакс» открылось в Москве лишь в 2007 году – в год издания перевода, поэтому для русскоязычного читателя слово *старбак* осталось бы непонятным.

Напротив, семантический окказионализм *Смотритель* соответствует английскому *Seer*, образованному от сокращения слова *overseer* ‘надзиратель, надсмотрщик’ [4, с. 528]. Правда, в английском языке есть и существительное *seer* ‘провидец, пророк’, но его значение не подходит в данном случае. Семантический окказионализм *однокоренные* (о фабрикантках – ‘относящиеся к одному генотипу’) соответствует словообразовательному *same-stem* от *same* ‘тот же, одинаковый’ и *stem* ‘стебель, ствол’, ‘стержень, основа’, ‘род’. Сложение *EyeSats* (камеры слежения) переведено в одном случае как просто *Глаз* (семантический окказионализм), во втором – как *Глаз-Спутник*.

Русское *Экзальтация* является переводом слова *Xultation* (усечение от *exultation* ‘ликование, торжество’ [4, с. 269]), то есть фонетико-семантический окказионализм был переведен семантическим. Так называется в романе воображаемая счастливая жизнь фабриканток после отработки.

В ряде случаев композиты Д. Митчелла переводятся словосочетаниями, компоненты которых приобретают новые значения вследствие необычной сочетаемости: *deadlands* – мертвые земли, *wombtank* – маточная цистерна (место выращивания клонов), *Lighthouse* – Дом Света (место казни), *the Immanent Prime Chairman* – Имманентный Председатель, *the Beloved Chairman* – Возлюбленный Председатель и др.

Сложность перевода на другой язык красочно описывает С. Г. Тер-Минасова, президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, в статье с весьма показательным названием «Проблемы перевода: mission impossible?»: «Перевод – это связь культур и народов, это трансформация одного мира в другой, преобразование, это “переодевание”, перекодирование, реконструкция и даже телепортация» [6, с. 12]. Однако миссия выполнима, и хорошему переводчику удастся пересоздать для читателей волшебный мир, созданный в оригинальном тексте.

Список использованной литературы

1. Попова, Т. В. Русская неология и неография : учебное электронное текстовое издание [Электронный ресурс] / Т. В. Попова ; ГОУ ВПО «Уральский гос. ун-т – УПИ». – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2005. – 96 с. – Режим доступа: <http://www.ustu.ru>. – Дата доступа: 17.02.2021.
2. Котелова, Н. З. Избранные работы / Н. З. Котелова ; Российская академия наук; Ин-т лингвистич. исследований. – СПб. : Нестор- История, 2015. – 276 с.
3. Митчелл, Д. Облачный атлас : роман / Д. Митчелл. – М. : Азбука, 2018. – 704 с.
4. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – 17-е изд. – М. : Рус. яз., 1077. – 888 с.
5. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998 (публикуется в авторской редакции 2014 г.). – Режим доступа: <http://www.gramota.ru>. – Дата доступа: 24.04.2021.
6. Тер-Минасова, С. Г. Проблемы перевода: mission impossible? / С. Г. Тер-Минасова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 9–18.

К. О. Грушевская (г. Минск, БГУ)

Научный руководитель – Т. Н. Волинец, доктор филол. наук, профессор

О КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ ДЕЙКТИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕННЫХ НАРЕЧИЙ *ЗДЕСЬ, ТАМ* В ЛИРИКЕ Н. С. ГУМИЛЁВА

Каждое высказывание обязательно соотносится с внеязыковой действительностью, в которой оно порождается. Эта соотнесенность может осуществляться путем описания объекта или указания на него посредством жеста или единицы языка. Указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами, есть дейксис [1, с. 128–129]. Дейктические выражения или слова, которые имеют дейктическое значение, называют дейктиками [2, с. 10]. Дейктики осуществляют локализацию и идентификацию признаков, объектов и событий действительности по отношению к основным координатам речевого акта – его участникам, а также пространственно-временным параметрам ситуации.

Дейктические наречия интересны тем, что они не имеют собственного конкретного содержания и не указывают на конкретные пространственно-временные отношения, а лишь определяют их относительно говорящего лица (*где, когда, куда, там, так* и др.) [3]. Однако местоименные наречия, лишённые номинативной функции в языковой системе, при речевом употреблении могут наполняться разным значением в зависимости от ситуации и контекста, в котором они оказываются [4, 5].

Цель нашего доклада – выявить особенности контекстуальной семантизации пространственных местоименных наречий *здесь* и *там* в лирических произведениях Н. Гумилева. К лексемам *здесь* и *там* поэт обращается часто. Местоименное наречие *здесь* появляется в текстах Н. С. Гумилёва после конкретной локализации, выраженной предложно-падежной формой существительного. Иногда это общая локальная рамка всего текста, а иногда – параметры конкретной единичной ситуации в тексте: *Ромул и Рем взошли на гору*, <...>/ *Ромул сказал: «Здесь будет город»* («Основатели», с. 95) [6] (далее все примеры цитируются по этому изданию). Наличие семантического конкретизатора говорит о том, что место является важным составляющим в тексте стихотворения и автор неоднократно будет привлекать к нему внимание читателя: *«Здесь будет цирк, – промолвил Ромул, – Здесь будет дом наш, открытый всем»*. Так образуются локальные границы всего стихотворения.

С помощью местоименного наречия *здесь* пространство может сужаться и, словно объектив камеры, переводиться с мысли лирического героя на конкретный предмет: *Дальше справа, где рощи густые Соколо,* /

На атлас положу я большой изумруд, / **Здесь** богаты деревни, привольна охота / **Здесь** свободные люди, как птицы, поют («Нигер», с. 437). Такой режиссёрский приём смены перспективы неоднократно повторяется у Н. Гумилёва: *Можно увидеть на этой картинке Ангела, солнце и озеро Чад. // О, для чего даже **здесь** не дано / Мне позабыть о мечте иноверца* («Акростих», с. 546). Благодаря лексеме *здесь* меняется ракурс восприятия: сначала герой смотрит на картинку, а потом словно оказывается внутри неё. *Здесь* – это не только изображение на картинке, это ещё и отсылка к тому моменту в прошлом, который на ней изображён.

Нередко в лирике Н. Гумилёва местоименное наречие *здесь* участвует в создании пространственной оппозиции реального и нереального мира, мира земного и небесного: *Не проси об этом счастье, отправляющем **миры** // Мальчик, дальше! **Здесь** не встретишь ни веселья, ни сокровищ!* («Волшебная скрипка», с. 106). Или: *Но и **здесь** на земле не хуже... / **Здесь** товарищ над павшим тужит... / **Здесь** священник в рясе дырявой... / **Здесь** играют марши величавый* («Смерть», с. 275). Земное пространство – пространство непосредственного восприятия, включающее область реального физического и область чувственного (зрительного, слухового) опыта. В поэзии Н. Гумилёва это преимущественно открытое пространство. Поэт больше пишет о земном, реальном мире, его не тяготит мир высший, нереальный, он видит красоту и в полной мере ощущает ценность этого мира: *В этом мире есть большие звезды, / В этом мире есть моря и горы, / **Здесь** любила Беатриче Данта, / **Здесь** ахейцы разорили Трои!* («Отвечай мне, картонажный мастер», с. 498).

В стихотворении «Мадагаскар» при помощи местоименного наречия *здесь* образуется двойное пространство: *И мне снилось ночью: плыву я / По какой-то большой реке. // <...> Красный идол на белом камне / Громко крикнул: – Мадагаскар! <...> // И вздыхал я, зачем плыву я, / Не останусь я **здесь** зачем...? //* (с. 424). Где не останется лирический герой: во сне или в Мадагаскаре? Эта загадочная неопределенность остается не раскрытой до конца, в ней запечатлена острота эмоциональных впечатлений от не выраженного, но предчувствуемого смысла: Мадагаскар – это сон наяву, мир сна невозможно отделить от мира реальности, потому что одно без другого перестанет существовать.

В некоторых контекстах местоименное наречие *здесь* используется в связке с местоименным наречием *тут*. В этом случае обе местоименные лексемы играют роль разграничителей пространства: *вновь обхожу я бугры и ямы, / **Здесь** будут вещи, мулы **тут*** («Африканская ночь», с. 272). Перед нами семантический хиазм: *здесь будут вещи – мулы (будут) тут* с лексической заменой местоименного наречия *здесь* на *тут*, что рождает некую границу, которая чётко разделяет непересекающиеся пространства.

Контекстуальная семантизация местоименного наречия *там* обычно осуществляется с помощью референта, который находится в постпозиции по отношению к наречной лексеме, нередко в придаточной части с коррелятом *где*: *Целый мир, неведомый пророкам, <...>/ Там, где запад сходится с востоком* («Открытие Америки», с. 226); *Там, где всё сверканье, всё движение, / Пенье всё, – мы там с тобой живем* («Канцона вторая», с. 324). Как мы видим, весь контекст участвует в семантизации местоименных наречий, что создаёт полную картину происходящих событий. Также в контексте могут использоваться семантизаторы, которые коррелируют с заглавием на уровне родовидовых отношений: *Помню ночь и песчаную помню страну <...>/ Там светло, и, наверное, птицы поют <...>/ Там не слышно, как бродят свирепые львы («Сомалийский полуостров», с. 419)*. Есть и обратные случаи, когда общий семантизатор (*дворцовый комплекс императора Каракаллы*) остается за текстом, а в текст вводится только его часть – *сады*: *Там, в твоих садах, ночное небо, <...>/ Там, быть может, ты увидел Феба, <...>/ Там, где дремлет <...>/ Темно-изумрудный крокодил («Каракалла», с. 99)*. Таким образом, перед нами метонимическая семантизация, основанная на синекдохе.

Сочетание дейктика и следующего за ним обстоятельства места – явление, очень распространенное в лирике Н. Гумилёва. Степень семантической расшифровки обычно зависит от лексического значения обстоятельственного слова: чем абстрактнее референт, тем шире семантизация местоименного наречия: *Там, на высях сознания – безумье и снег <...>/ Я на выси сознания направил свой бег / И увидел там деву, больную, как сон* («Сказка о королях», с. 32). *Выси сознания* – максимально абстрактная категория, достижение высших уровней эмоций, переживаний, чувств. *Словно там, под сводом ада, / Дьявол щелкает бичом* («Лесной пожар», с. 115); *И после, там, в тени аркад, / Кого заметил тусклый взгляд* («В библиотеке», с. 120); *Но в мире есть иные области, <...>/ Там волны с блесками и всплесками* («Капитаны», с. 164). *Свод ада, тени аркад, иные области* – это всё неподвластно взору, касанию, оно базируется исключительно на уровне воображения, представления, внутреннего ощущения. Подобные абстракции могут вызывать различные ассоциации у разных читателей, таким образом лирический герой даёт нам право на проявление собственных чувств, на своё изображение и проекцию мира.

Когда же Гумилёв хочет указать на конкретное пространство, конкретный объект, очертить сферы, воспринимаемые нашим сознанием, он использует предметные, более узкие референты: *К золотым сбегали рыбкам, / Что плескались там, в бассейне* («Маэстро», с. 149); *Вон там, у клумб, вы мне сказали «да»* («Сомнение», с. 180); *Кто там был за купой*

ив? («Сон», с. 181). Точные референты в контексте способны расширять свое лексическое значение: *За пределами Веледа / Есть залятые дороги, / Там я видел людоеда* <...> («Неоромантическая сказка», с. 103). Существует точка зрения, что Веледа – это не имя, а общее название прорицательниц и прорицания в целом. Если исходить из этого, то можно утверждать, что перед нами метонимическая семантизация, означающая выход не просто за пределы мира и за пределы постижимого, но и за грани того, что можно предвидеть, предсказать.

Таким образом, в лирике Н. С. Гумилёва наблюдается регулярный процесс семантизации местоименных наречий *здесь* и *там*. Лексема *здесь* выполняет несколько функций: собственно дейктическую (указывает на некоторое место), анафорическую или катафорическую (отсылает к предыдущему или последующему тексту/событию соответственно), а также функцию, которую К. Бюлер назвал «дейксисом к воображаемому» [7, с. 107] (указывает на отсутствующее в зоне наблюдения или несуществующее в реальности место, но существующее в воображении лирического героя). Что касается дейктического местоименного наречия *там*, эксплицитные отношения в большинстве случаев устанавливаются между самим дейктиком и отдельной лексемой – его прямым референтом. Степень семантической конкретизации может варьироваться в пределах одного контекста, часто она зависит от уровня абстракции семантического референта. Н. С. Гумилёв мастерски переводит местоименные наречные лексемы в разряд номинативных языковых единиц, варьируя их семантическое содержание в зависимости от авторских намерений.

Список использованной литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
2. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
3. Коневецкий, А. К. Приставочные местоименные наречия в русском языке // А. К. Коневецкий/ Языкознание XXXI (2). – Вильнюс, 1980. – С. 16–32.
4. Волынец, Т. Н. О функциональной семантизации местоименных наречий в поэтическом тексте / Т. Н. Волынец // Русский язык: система и функционирование: сб. материалов VII Междунар. науч. конф., 18–19 октября 2016 г., г. Минск. – Минск : РИВШ, 2016. – С. 190–198.
5. Лотман, Ю. М. Заметки по поэтике Тютчева / Ю. М. Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. – С. 553–564.
6. Гумилев, Н. С. Избранное / Н. С. Гумилев. – Ростов н/Д : Феникс, 1996. – 717 с.
7. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 2000. – 501 с.

Р. В. Гуриш (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
Научный руководитель – Г. В. Писарук, канд. пед. наук, доцент

ВИДЫ ОПРОСА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Проверка знаний, умений и навыков у учащихся по русскому языку является одной из обязательных составных частей процесса обучения, поскольку, во-первых, это позволяет установить уровень усвоенного учащимися: какие разделы курса усвоены лучше, какие – хуже, на что следует обратить внимание при повторении, кто из учащихся нуждается в помощи; во-вторых, у учащихся есть возможность самостоятельно оценить достигнутые ими успехи, увидеть недостатки в своих знаниях, умениях и навыках. Кроме того, методически правильно организованная проверка знаний, умений и навыков одновременно служит и средством закрепления изученного, и способствует наиболее эффективному усвоению нового материала.

В ходе процесса обучения утвердились разные формы, методы и приёмы проверки результатов учебной деятельности школьников, наиболее распространённым из которых является опрос. В зависимости от степени прохождения материала различают следующие виды опроса:

– текущий опрос, который направлен на проверку усвоения и закрепления того материала, который на данном этапе изучается; данный вид опроса позволяет осуществить систематический контроль за работой учащихся на всех этапах работы над темой; основными способами текущего опроса являются индивидуальный, фронтальный, комбинированный и взаимопрос;

– обобщающий опрос, который подводит итоги работы по теме или разделу; этот вид контроля связан с повторением и углубленным обобщением пройденного материала.

В период прохождения педагогической практики мы апробировали на уроках русского языка в 5 и 9 классах (учитель русского языка и литературы Климахович Татьяна Владимировна) СШ № 15 г. Бреста разные виды и способы опроса. Как правило, опрос являлся учебным элементом урока «Контроль».

Индивидуальный опрос – это ответ учащегося в форме монолога на вопросы учителя или же представление классу самостоятельно подготовленного учебного сообщения по заранее заданной теме. Мы использовали текущий индивидуальный опрос более 10 раз на уроках по темам: «Окончания имён существительных и прилагательных», «Правописание приставок на -з, -с», «Знаки препинания в БСП».

В результате пришли к выводу, что главным достоинством данного вида опроса является то, что такой устный полный и самостоятельный ответ учащегося позволяет оценить знание им материала, увидеть логическую последовательность изложения, грамотность и точность речи. Учащимся нравится, когда их вызывают, каждый старается обратить на себя внимания, ответить правильно, получить хорошую отметку. С другой стороны, индивидуальный опрос позволяет в течение урока выяснить знания всего лишь одного-двух учащихся. Кроме того, индивидуальный опрос может состояться как вид опроса в классах не ниже шестого, поскольку учебное сообщение как форма индивидуального ответа учащегося изучается только в 6 классе, а в 5 классе, где мы вели уроки, школьники ещё не понимают, что собой представляет учебное сообщение и как его нужно готовить. Так, при изучении темы «Правописание приставок на -з, -с» мы подготовили для сильной учащейся задание, которое заключалось в подготовке грамотного рассказа о глухих и звонких согласных и различии этих звуков. Однако пятиклассница-отличница не смогла развёрнуто изложить эту тему.

Фронтальный опрос – это опрос, который позволяет проверить степень и осознанность усвоения материала всего класса. Этот вид опроса позволяет охватить проверкой многих учащихся; вырабатывает способность к быстрому, краткому, но точному ответу; указывает на важные детали темы и способствует их запоминанию, а самое главное – вовлекает в работу весь класс, активизируя тем самым внимание и мышление ребят. Главным правилом при проведении фронтального опроса является то, что организация его должна быть чёткой: следует сформулировать цель, вопросы продумать до мелочей, точно установить их последовательность, сделать выводы.

В ходе педагогической практики мы использовали фронтальный опрос практически на каждом уроке русского языка, он включал 5-7 вопросов по основным «точкам» темы. Учащиеся были достаточно активны, давали, как правильно, верные ответы на поставленные вопросы. Однако, на наш взгляд, основной недостаток фронтального опроса – это необходимость предельно кратких ответов, что не позволяет увидеть степень глубины знаний отдельных учащихся. Были ситуации, когда в ходе фронтального опроса школьники правильно отвечали на поставленные вопросы, показывая тем самым, что тема усвоена достаточно хорошо, в то же время при выполнении упражнений у многих возникали проблемы.

Взаимоопрос является одним из самых сложно контролируемых, поскольку при данном опросе учащиеся работают в парах, опрашивая друг друга по заранее составленному учителем вопроснику и выставляя отметки друг другу по определённым критериям. Этот вид опроса мы использовали

только на одном из уроков в 5 классе при изучении темы «Правописание приставок на -з, -с», и результат был неутешительный: вместо того чтобы правильно отвечать на вопросы и получать хорошие отметки, учащиеся делали вид, что работают, а сами разговаривали на другие темы. В результате пришлось начать фронтальный опрос с выставлением отметок в журнал. Считаем, что данный вид опроса следует применять только в старших классах, где дети более осознанно относятся к процессу обучения.

Комбинированный опрос – самый трудный вид опроса, поскольку при его организации вызываются одновременно 4-5 учащихся. Один отвечает устно (как при индивидуальном опросе), остальные работают письменно: двое у доски, двое самостоятельно в тетради. Данный вид опроса мы использовали в учебном элементе урока «Проверка домашнего задания». Выслушав устный ответ (чаще всего это было правило, изученное на предыдущем уроке), мы проверяли письменные ответы учащихся, после чего задавали один или два теоретических вопроса. После этого всем выставлялись отметки, они обязательно комментировались.

На наш взгляд, положительные стороны комбинированного опроса:

- а) позволяет в течение 10 минут спросить 5-6 учащихся;
- б) даёт возможность учащимся быстро выполнять упражнения;
- в) позволяет за небольшой промежуток времени проверить знания учащихся по большому разделу программы, поскольку это могут быть упражнения сразу на несколько правил.

Однако к недостаткам этого опроса можно отнести то, что нужно исправлять или уточнять ответы сразу 4–5 учащихся, а это в случае ответов не очень сильных учащихся может приводит к затягиванию опроса и занять много времени на уроке. Также учителю сложно одновременно наблюдать и за всем классом, и за отвечающими, и теми, кто выполняет упражнения письменно.

По окончании изучения основного раздела темы, следует подвести итог работы, в таком случае уместен обобщающий опрос. В ходе практики в качестве обобщающего опроса нами была использована совокупность заданий и упражнений, которые требуют кратких ответов в форме подчёркивания; исправления; расстановки цифр, знаков препинания; дополнения фраз; графических обозначений и т. д. При проведении таких проверочных работ я заметила, что учащимся-пятиклассникам нравится выполнять упражнения, которые представляют собой нахождение и исправление ошибок. Нами всегда были подготовлены карточки с разнообразными заданиями, и как только школьникам предлагалось побыть в роли учителя, было видно, как они с нетерпением ждут этих заданий.

Выбирая тот или иной вид опроса, следует помнить о цели проведения, о том, какая тема изучена учащимися и какое время должно

быть отведено для этого. Проведя такое небольшое исследование, мы увидели, что ученики младших и старших классов абсолютно по-разному проявляют себя в учебной деятельности. Если в 5 классе ученики любят устные формы опроса, то в 9–11 классах учащиеся предпочитают показывать уровень своих знаний, письменно выполняя упражнения.

Выводы. Виды опроса на уроках русского языка должны быть разнообразными. Если применять длительное время одни и те же способы проверки знаний и умений, то учащиеся быстро привыкнут к такой проверке и начнут заранее готовиться, потому что знают, в какой форме будет опрашивать учитель, и при этом ученики актуализируют знания не для себя, а для того, чтобы удовлетворить ожидания учителя. Применяя различные проверки знаний, умений и навыков учащихся, следует применять их в тесной взаимосвязи, чтобы каждый вид работы дополнял друг друга, только тогда это будет способствовать повышению качества знаний учащихся.

Р. В. Гуриш (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ИДИОСТИЛЕ И. С. ТУРГЕНЕВА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ «АСЯ» И «КОНЕЦ ЧЕРТОПХАНОВА»)

Изучение индивидуального авторского стиля как одного из проявлений восприятия окружающего мира языковой личностью является одной из важнейших задач современной стилистики. Современные компьютерные технологии многократно упрощают и ускоряют лингвистическую обработку больших массивов текстов. Раньше исследователь мог лишь просматривать тексты и вручную выписывать из них нужные примеры, что было весьма трудоёмко. В нашем исследовании для характеристики идиостиля И. С. Тургенева используются материалы Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [1], что позволяет эффективно применять количественный метод, избежав кропотливой рутинной работы.

Объектом данного исследования является идиостиль И. С. Тургенева, в частности в повести «Ася» и рассказе «Конец Чертопханова». Предмет исследования – относительное количество различных грамматических форм и лексем определённых семантических классов как особенность языка писателя.

Новизна нашего исследования состоит в том, что в нем впервые выявляются особенности идиостиля И. С. Тургенева на основе

комплексных статистических данных. Применение статистики для исследования идиостиля – новое направление в лингвистике, работы по такой тематике пока единичны. В частности, предпринимались попытки определения авторства текста на основе частот служебных слов (работы М. Ю. Михеева и Л. И. Эрлиха [2; 3]), которые нельзя признать удачными из-за методологических просчетов. О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов и Д. В. Хмелев также исследовали проблему авторства текста с использованием буквенной и грамматической информации – на основе статистики последовательностей букв и слов определенных грамматических категорий, однако удельный вес различных частей речи и грамматических форм в данной работе не рассматривается [4].

Повесть «Ася» была написана в 1857 г., рассказ «Конец Чертопханова» как самостоятельное произведение впервые был опубликован в 1872 г. Он отличается от других рассказов цикла формой повествования: в нем фактически нет рассказчика как очевидца и участника описываемых событий. Рассказ получился значительно длиннее прочих и разбит на небольшие главки, поэтому напоминает повесть.

Главной чертой индивидуального стиля Тургенева является достоверное и живописное описание происходящих по сюжету действий простыми, понятными широкому кругу людей словами. Для этого при написании своих произведений он использует большое количество глаголов и глагольных форм. В произведении «Ася» их насчитывается 2 866 (20,8 %), в «Конце Чертопханова» – 1 824 словоформы (19,5%), тогда как в среднем по НКРЯ 16,9 %.

Проанализировав грамматические характеристики глаголов, можно увидеть, что глаголы совершенного вида составляют большинство (52 % в «Асе» и 59 % в рассказе), тогда как обычно их меньше, чем глаголов несовершенного вида (в среднем по НКРЯ 44,3 %). Значение завершенности действия придает большую динамичность повествованию.

В корпусе со снятой омонимией НКРЯ примерно одинаковое количество переходных и непереходных глаголов. Но в обоих произведениях И. С. Тургенева последние преобладают: они составляют в «Асе» 54,5 %, а в рассказе «Конец Чертопханова» – 53,3 %.

Как и в среднем по корпусу, в обоих произведениях большинство глаголов употреблено в изъявительном наклонении. У И. С. Тургенева таких форм даже несколько больше: в среднем их 69,6 %, в повести 75,4 %, в рассказе 72,1 %.

Форм повелительного наклонения больше в «Конце Чертопханова» – 6 %, в «Асе» же таких форм столько же, сколько и в среднем по корпусу (2,7 %).

И. С. Тургеневу присуще преимущественное употребление глаголов в форме прошедшего времени (69,5 % и 66,6 %; в среднем по корпусу 53,7 %).

Вероятно, это связано с тем, что в произведении «Ася» в роли повествователя выступает сам участник событий: 45-летний господин Н.Н., который вспоминает историю, случившуюся ещё в его молодости. Таким образом, событие и повествование о нём относятся к разным временным планам. Ситуация в «Конце Чертопханова» та же: в центре внимания события в жизни мужчины – Чертопханова, о которых ведётся повествование спустя время.

В связи с этим форм настоящего времени в обоих произведениях вдвое меньше, чем в среднем по корпусу: 12 % в «Асе» и 11 % в «Конце Чертопханова», в среднем 23,9 %.

Форм будущего времени в рассказе почти столько же, сколько в среднем по корпусу – 5,5 % и 5,2 % соответственно. Однако в «Асе» форм будущего времени существенно меньше – 3 %.

Чаще, чем обычно, в обоих произведениях глаголы употреблены в форме единственного числа (67,9 % в «Асе» и 74,2 % в «Конце Чертопханова»; в среднем 61,1 %), поскольку в произведениях события происходят вокруг одного, реже двух, героев.

Существенно различается употребление глаголов в форме женского рода: если в повести «Ася» их почти вдвое больше среднего – 18,5 % (в среднем 10,7 %), то в рассказе «Конец Чертопханова», напротив, несколько меньше (9,2 %). Употребление глаголов в мужском роде также существенно различается: в рассказе это 42,4 %, а в повести – 32,4 %. Но даже последнее число заметно больше, чем в среднем по корпусу (24,6 %).

Количество же слов среднего рода в обоих произведениях близко к среднему числу.

Если в среднем по корпусу количество форм третьего лица почти вчетверо больше, чем первого или второго, то в исследуемых произведениях число форм третьего лица существенно меньше: в «Асе» 5,9 % (первое лицо – 4,4 %, второе – 4,5 %), в рассказе «Конец Чертопханова» 7,8 % (первое лицо – 3,5 %, второе – 7,6 %).

Интересно, что даже в «Асе», где рассказчик является одним из главных героев, форм первого лица чуть меньше среднего (4,4 %; в среднем 4,7 %), во втором же из исследуемых произведений их всего 3,5 %. Зато в рассказе гораздо больше форм второго лица – 7,6 % (в среднем 4,7 %, в «Асе» 4,4 %).

Неопределённых форм глагола в обоих произведениях меньше, чем в среднем по корпусу: в «Асе» 12,7 %, в рассказе «Конец Чертопханова» 11 %, в среднем 14,4 %. Это отчасти может быть связано с меньшим числом форм будущего времени: сложные формы будущего времени

в корпусе размечаются как пара слов – форма глагола *быть* и инфинитив основного глагола.

Обращает на себя внимание небольшое количество причастий в произведениях. Они составляют всего около 5 % от глагольных форм, тогда как в среднем по корпусу 9,3 %. Если учесть, что и имён прилагательных в исследуемых произведениях меньше, чем в корпусе в целом, можно сделать вывод, что в языке И. С. Тургенева определительные конструкции реже реализуются.

Количество деепричастий уже в более раннем произведении несколько больше, чем в среднем по корпусу (4,4 %; в среднем 3,9 %), а в рассказе «Конец Чертопханова» их число в полтора раза выше среднего (5,8 %).

В среднем по корпусу причастий больше, чем деепричастий (9,3 % и 3,9 %), но в рассказе соотношение обратное: причастий 5,2 %, а деепричастий 5,8 %. В «Асе» количество причастий и деепричастий почти совпадает (4,7 % и 4,4 % соответственно).

Таким образом, И. С. Тургенев создает живое, динамичное повествование, используя следующие приемы:

- большое количество глаголов: в «Асе» их 20,8 %, в «Конце Чертопханова» – 19,5%, тогда как в среднем по НКРЯ 16,9 %;

- глаголы совершенного вида составляют в обоих произведениях большинство, тогда как обычно их меньше, чем глаголов несовершенного вида (в повести «Ася» 51,8 %, в рассказе «Конец Чертопханова» 58,9 %; в среднем по подкорпусу со снятой омонимией НКРЯ их 44,3 %);

- большое число деепричастий (в повести 4,4 %, в рассказе 5,8 %; в среднем 3,9 %) и более редкое употребление причастий (в повести 4,7 %, в рассказе 5,2 %; в среднем 9,3 %).

Л. М. Лотман так охарактеризовала значимость И. С. Тургенева для русской культуры: «Работа над словом была делом его жизни. Он был великим мастером изложения, литературного повествования. В пору, когда в литературе обозначилось тяготение к крупным, эпическим формам, он показал возможность выражения эпического содержания в изящном кратком повествовании, раскрыл содержательность и весомость каждого слова русского языка. Тургеневу мы более чем кому-либо другому из писателей обязаны тем, что не прервалась традиция лаконичной прозы, идущая от Пушкина, и что русская литература конца XIX – начала XX в. была столь богата прекрасными стилистами; во многом ему мы обязаны возможностью появления в нашей литературе великого Чехова» [5].

Наши результаты подтверждают мнение о следовании И. С. Тургенева традициям А. С. Пушкина – активное использование глаголов и уменьшение числа прилагательных отличали «Повести Белкина» и другие прозаические произведения А. С. Пушкина от литературы «нового слога».

Этот же прием мы обнаружили у И. С. Тургенева. В то же время язык этого писателя имеет ряд индивидуальных особенностей, создающих неповторимую оригинальность его идиостиля.

Список использованной литературы

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 23.02.2020.1.
2. Михеев, М. Ю. Шолохов или все-таки Крюков? Неформальные процедуры при установлении авторства «Тихого дона» [Электронный ресурс] / М. Ю. Михеев. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/1350/140.pdf>. – Дата доступа: 26.10.2020.
3. Михеев, М. Ю. Идиостилевой профиль и определение авторства текста по частотам служебных слов / М. Ю. Михеев, Л. И. Эрлих // Научно-техническая информация. – Сер. 2: Информационные процессы и системы. – 2018. – № 2. – С. 25–34.
4. Кукушкина, О. В. Определение авторства текста с использованием буквенной и грамматической информации / О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов, Д. В. Хмелев // Проблемы передачи информации. – 2001. – Т. 37. – № 2. – С. 96–109.
5. Лотман, Л. М. Иван Сергеевич Тургенев [Электронный ресурс] / Л. М. Лотман // К 90-летию со дня рождения Лидии Михайловны Лотман : Юбилейный сайт Л. М. Лотман. – Режим доступа: <http://lotman.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5846>. – Дата доступа: 23.02.2020.

Р. В. Гуриш (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ В ИДИОСТИЛЕ И. С. ТУРГЕНЕВА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ «АСЯ» И «КОНЕЦ ЧЕРТОПХАНОВА»)

Познать язык невозможно без изучения отдельных языковых личностей, внимание лингвистов концентрируется на человеке как на носителе языка. С появлением Национального корпуса русского языка [1] и других массивных корпусов текстов появилась возможность получения убедительных статистических данных для характеристики как языка отдельного произведения, так и идиостиля того или иного автора в целом.

Объектом данного исследования является идиостиль И. С. Тургенева, в частности в повести «Ася» и рассказе «Конец Чертопханова». Предмет исследования – относительное количество различных грамматических форм и лексем определённых семантических классов как особенность языка писателя.

Повесть «Ася» И. С. Тургенев написал в 1857 г., а рассказ «Конец Чертопханова» – один из последних в цикле рассказов «Записки охотника» – как самостоятельное произведение впервые был опубликован в 1872 г. «Конец Чертопханова» отличается от других рассказов цикла формой повествования: в нем нет рассказчика (того самого «охотника»)

как очевидца и участника описываемых событий. Рассказ получился значительно длиннее прочих и разбит на небольшие главки, чем напоминает повесть.

В обоих произведениях имён существительных меньше, чем в корпусе в целом: в повести 19,2 %, в рассказе 24,7 %, тогда как в среднем их 28,7 % от всего количества словоупотреблений.

В «Асе» преобладают существительные женского рода (42,2 %), в рассказе, напротив, их меньше среднего числа (29,8 %; в среднем 34,5 %). В «Конце Чертопханова» соответственно заметно преобладание имен существительных мужского рода (53,7%; в среднем 47,7 %, в «Асе» 38 %).

Различия числа существительных среднего рода не так значительны: в «Асе» их немного больше среднего (19,1 %; в среднем 16,7 %), в рассказе немного меньше – 14,9 %. Более наглядно разница в распределении существительных по родам видна на диаграмме (рис. 1).

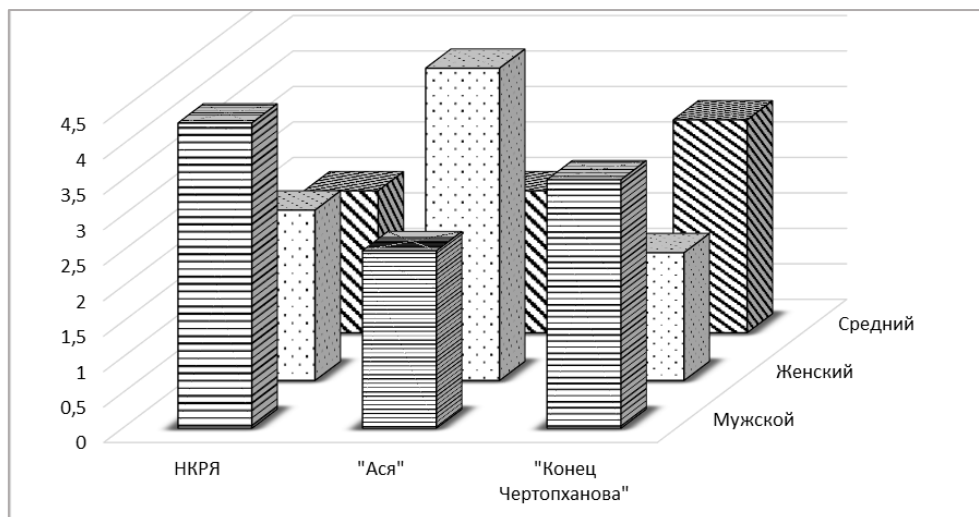

Рисунок 1 – Распределение существительных по родам

Процентное соотношение одушевленных и неодушевленных существительных в «Асе» близко к средним показателям. Зато в рассказе одушевленные существительные составляют более трети – 36 %, в среднем в текстах НКРЯ этот показатель всего 25 %. Эти факты объясняются особенностью произведения: в центре внимания постоянно находятся люди (сам Чертопханов, Маша, Недопюскин, Мошель Лейба) и конь Малек-Адель. Так, фамилия *Чертопханов* использована в рассказе 115 раз, имя *Малек-Адель* – 59, слово *лошадь* встретилось 30 раз, *конь* – 29 и т. п.

Обращает на себя внимание относительно редкое использование форм множественного числа: в «Конце Чертопханова» они составляют всего 14,4 %, тогда как в НКРЯ – 22,6 %. В «Асе» разница со средними показателями не такая существенная (19,7 %), но она все же есть. Таким образом, для обоих произведений характерно более активное, чем в среднем по корпусу, употребление существительных в единственном числе.

Разница в количестве форм именительного падежа незначительна. Форм родительного падежа в обоих произведениях примерно равное количество (19,2–19,7 %), заметно меньше среднего (26,5 %). Количество форм винительного падежа в произведениях тоже совпадает, но их больше среднего показателя (23,3 %; в среднем 19,1 %).

Число форм дательного падежа в «Асе» немного больше, чем в целом по корпусу, в рассказе преобладание более заметно (6,8 %; в среднем 5,2 %).

В обоих произведениях больше форм творительного падежа: если в среднем по корпусу со снятой омонимией их 9,1 %, то в «Асе» 12,5 %, а в рассказе 11,3 %.

Перечисленные особенности в употреблении падежных форм являются, очевидно, особенностью идиостиля И. С. Тургенева.

А вот количество форм предложного падежа в «Асе» почти совпадает со средним числом, но в рассказе «Конец Чертопханова» их намного меньше (6,4 %; в среднем 10 %). Таким образом, в употреблении данного падежа отражаются особенности конкретного рассказа, а не языковой личности автора.

Описание природы и природных явлений в произведениях – важная черта стиля И. С. Тургенева. Используя имена прилагательные, он выделяет тем самым предметы и явления в тексте, предаёт им экспрессивно-эмоциональную окраску, живописность. При этом количество имён прилагательных в произведениях невелико: 6,4 % и 5,2 % (в среднем 8,5 %).

Если в целом по корпусу относительные прилагательные преобладают над качественными (53,1 % и 40,6), то в обоих исследуемых произведениях соотношение обратное. В «Конце Чертопханова» качественные прилагательные составляют 51,8 %, а в «Асе» это значение ещё больше – 64,2 %.

Притяжательные прилагательные используются И. С. Тургеневым фактически с такой же частотой, как и в среднем по корпусу.

Интересен тот факт, что в «Асе» кратких форм в полтора раза больше, чем в среднем по корпусу (12,8 % и 7,9 % соответственно), а в «Конце Чертопханова» – напротив, меньше (6,8 %). Едва ли это связано с падением частотности таких форм за 20 лет, скорее – с меньшим количеством описаний в рассказе по сравнению с повестью.

Форм сравнительной степени много в рассказе «Конец Чертопханова» – они составляют 3,3 %, тогда как в корпусе со снятой омонимией в целом 1,1 % (в «Асе» 1,2 %). Это не особенность идиостиля И. С. Тургенева, а характерная черта рассказа – Чертопханов тщательно сравнивает нового коня со старым: *«И не столько смущали Чертопханова*

физические несходства этого Малек-Аделя с тем... Впрочем, их насчитывалось немного: у того хвост и грива словно были **пожире**, и уши **острей**, и бабки **короче**, и глаза **светлей**... **Грубее** этот, **грубее**! И приятности нет, как у того, и туг на поводу – что и говорить!»

Что же касается превосходной степени, то соответствующий маркер (**supr**) не присвоен ни одному слову в НКРЯ (в том числе в текстах с неснятой омонимией), хотя морфологический стандарт НКРЯ предусматривает указание данного грамматического признака для слов с суффиксами *-ейш/-айш-* (в стандарте приведен пример *глубочайший*). По-видимому, в словарь автоматического анализатора входят прилагательные типа *глубочайший*, *богачейший* и т. п. как самостоятельные лексические единицы, поэтому омонимичные формы превосходной степени он не обнаруживает. К сожалению, и при ручной обработке (снятии морфологической омонимии) этот недочет не исправлен.

Интересно соотношение частоты падежных форм прилагательных и существительных, данные которых обобщены в диаграмме (см. рис. 2).

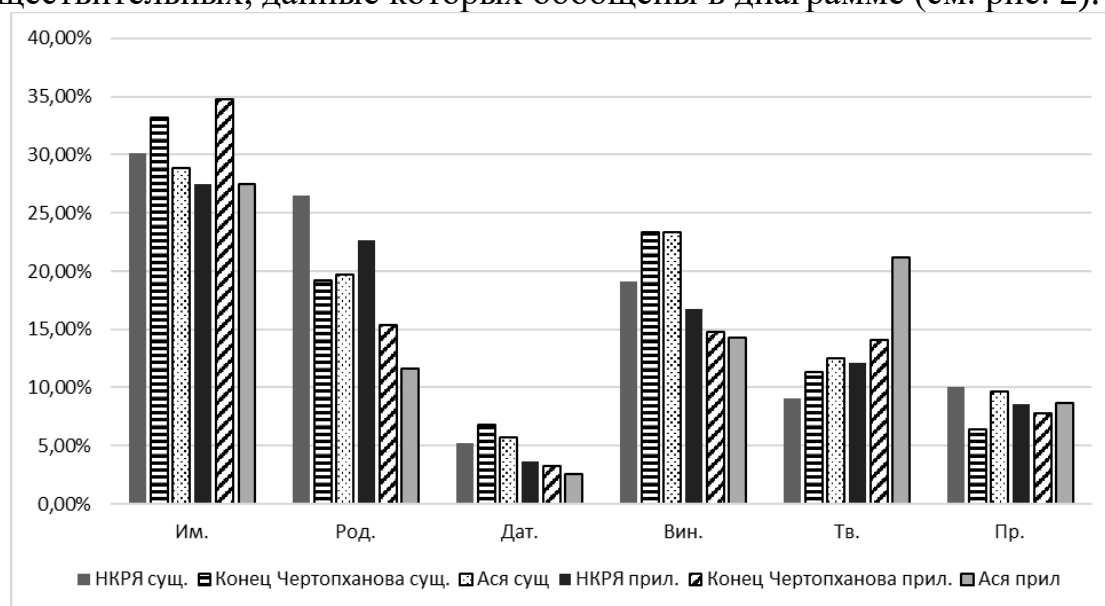

Рисунок 2 – Соотношение падежных форм существительных и прилагательных

На диаграмме наглядно видно, что И. С. Тургенев не только меньше использует родительный падеж имён существительных, но и согласованные определения к этим существительным приводит гораздо реже. Винительный падеж существительных в обоих произведениях используется чаще, чем обычно, а прилагательных – реже.

Зато прилагательных в творительном падеже в «Асе» существенно больше, чем в среднем по корпусу, во втором произведении преимущество не такое заметное. И. С. Тургенев активно использует распространенные конструкции с творительным падежом как средство выразительности – в качестве несогласованных определений и обстоятельств, особенно

обстоятельств образа действия. В «Асе» много и определений, и обстоятельств, выраженных оборотами в творительном падеже. В рассказе «Конец Чертопханова» такие определения единичны, обстоятельства встречаются регулярно.

Как сказал А. И. Ефимов, «изучение идиостиля выражается главным образом в определении того, что берется писателем из языка и как, в каких целях употребляется, и чем отличается “голос” данного писателя от “голосов” других» [2, с. 166.]. На наш взгляд, статистика дает самые убедительные ответы на такие вопросы, но для полного представления об идиостиле писателя, разумеется, необходимо проанализировать все его творчество.

Список использованной литературы

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 23.02.2020.
2. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – М. : МГУ, 1957. – 448 с.

А. В. Гурьянова (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ЭРГОНИМИКОНЕ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ДЕЛОВЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ БЕЛАРУСИ)

В современном мире с развитием экономики, сферой обслуживания, с усилением конкуренции все большую коммерческую, маркетинговую роль играют названия предлагаемых рынком товаров, а также их производителей – многочисленных предприятий (фирм, агентств, корпораций и т. д.). Рекламное имя – первый шаг в борьбе за потребителя. Выполняя, с одной стороны, чисто коммерческую задачу, оно при этом способно многое сказать о самом номинаторе: его вкусе, языковых и иных предпочтениях, понимании психологии своего клиента и т. д. [1, с. 14], о духовной и материальной культуре, зафиксированной в языке.

Предметом нашего исследования стал лингвокультурологический потенциал современной эргонимии, объектом – названия туристических предприятий и организаций санаторно-курортного лечения, оздоровления, рекреации Брестской, Гродненской, Минской областей.

Для взаимопонимания между адресатом и адресантом рекламного имени важен общий культурный фон, обращение к которому вызывает необходимые оценочные ассоциации. Одним из приемов вербализации фоновых знаний являются прецедентные феномены. Прецедентными называют имена, высказывания, тексты, ситуации, которые: 1) хорошо

известны всем представителям определенного национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей данного сообщества [2, с. 9].

Прецедентность проявляется в разной степени, и, соответственно, эргонимы могут быть универсально-, социумно- и национально-прецедентными [3, с. 173].

Универсально-прецедентные феномены считаются известными любому среднему современному человеку и входят в универсальное когнитивное пространство [3, с. 174]: *туристическое агентство «Дон Кихот»* (коммерческая номинация отсылает к главному герою романа М. Сервантеса, к *странствующему рыцарю Дон Кихоту*); *туристическая компания «Альфа-тур»* (от греч. *ἄλφα* ‘первая буква греческого алфавита; популярное название для всего первого, главного или лучшего’ [4]) и др.

Социумно-прецедентные феномены принадлежат коллективному когнитивному пространству, известны любому среднему представителю того или иного социума [3, с. 174]: *детский оздоровительный лагерь «Зарница»* (цель военно-спортивной игры «Зарница», которая популярна с советских времен, – патриотическое воспитание молодежи); *туристическая фирма «Роза ветров»* (вокруг этого метеорологического термина сформировалось «облако романтических образов»: моряки в XVIII–XX вв. набивали татуировки, изображающие *розу ветров*, считая, что такой талисман поможет им вернуться домой; на современном этапе *роза ветров* считается символом путеводной звезды [5]) и др.

Национально-прецедентные феномены известны любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества и входят в национальную когнитивную базу [3, с. 174]: *физкультурно-оздоровительный комплекс «Вячоркі»* (бел. *вячоркі* ‘древний обычай деревенских девушек собираться осенними и зимними вечерами за работой в одном доме’ [4]) и др.

Источниками прецедентности выступают:

а) мифология: *детский оздоровительный лагерь «Купалинка»* (*Купалинка* – дочь Купалы, языческая богиня любви; праздник Купалле, посвященный ей, белорусы отмечают летней ночью в июле; она, согласно легенде, осчастливит того, кто найдет цветущий папоротник, и молодежь ночью уходила в лес искать «папараць-кветку» [6]); *туристическая фирма «Фортуна тур»* (*Фортуна* – древнеримская богиня удачи, плодородия и урожая; считалась защитницей роженец); *туристическая компания «Аврора-тур»* (*Аврора* – древнеримская богиня утренней зари, приносящая дневной свет богам и людям; существует поверье, что от *Авроры* произошли все горящие звезды’) и др.;

б) фольклор, народный календарь: *туристическая фирма «Коляда Тур»* (*коляда* ‘славянское народное название рождественского Сочельника (чаще всего), праздника Рождества Христова, а также Святки от Рождества до Крещения’ [4]) и др.;

в) литература: *база отдыха «Паўлінка»* (белорусское женское имя *Паўлінка* принадлежит героине известной одноименной комедии Янки Купалы: это яркая, красивая, острая на язык девушка, способная постоять за себя, за свою любовь, выбирающая самостоятельную дорогу в жизнь, стала олицетворением лучших черт белоруски; поставленный по этой пьесе на сцене Национального академического театра имени Янки Купалы и 70 лет с успехом идущий спектакль стал национальным брендом); *детский оздоровительный лагерь «Теремок»* (эргоним восходит к названию русской народной сказки) и др.;

г) фразеология: *база отдыха «Без проблем»* (устойчивое выражение употребляется в значении ‘легко, запросто, проще простого’); *туристическая компания «Путеводная звезда»* (*путеводная звезда* ‘о том, кто / что направляет на верный путь’); *туристическое агентство «4 стороны света»* (в номинации ощущается связь с фразеологизмом *на все четыре стороны*, который может иметь отрицательную коннотацию, но в эргониме она отсутствует; более того, способность предложить потребителю самые *разные направления* становится в туристическом бизнесе только плюсом); *туристическое агентство «Горячие туры»* (заметна схожесть рекламного имени с выражением *горящий тур* ‘путевка, на которую туроператор значительно снижает цену перед вылетом’ [7]) и др.;

д) кино, мультфильмы: *туристическая компания «Алые Паруса»* (для эргонима мотивирующим выступило название одноименной повести-сказки А. Грина о вере в чудо); *оздоровительный лагерь «Голубая волна»* (название отсылает к локации именуемого объекта, расположенного на берегу Зельвенского водохранилища, а также перекликается с наименованием американского спортивного фильма «Голубая волна» 2002 г., снятого на Гавайских островах и посвященного серфингу [4]); *туристическая фирма «Зет»* (название буквы латинского алфавита порождает многочисленные культурные смыслы; например, имя *Зет* носит персонаж фильма «Эта веселая планета», командир летающей тарелки; в комедии пришельцы становятся участниками земного праздника) и др.;

е) музыка: *оздоровительный центр «Орленок»* («Орленок» – одна из широко известных советских песен, оставившая заметный след в истории СССР); *база отдыха «Комарово»* (номинации делового объединения актуализирует цитату из известной песни «На недельку, до второго / Я уеду в Комарово»); *детский оздоровительный лагерь*

«**Бригантина**» (эргоним ассоциируется с одноименным произведением Г. Лепского, ставшим популярной советской бардовской песней) и др.;

ж) история: *туристическое агентство «7 Чудес Света»* (под 7 чудесами света понимают самые прославленные сооружения архитектуры – это пирамида Хеопса, сады Семирамиды, статуя Зевса в Олимпии, храм Артемиды, мавзолей в Галикарнасе, Колосс Родосский, Александрийский маяк [4]; таким способом имядатель (и рекламное имя) «обещает» клиенту возможность посетить самые удивительные места) и др.;

з) реклама: *туристическая фирма «Бауер» / «Bauer»* (немецкий бренд был основан в 1863 г. Ф. Байером и его партнером И. Ф. Вескоттом [4]; как комментирует директор предприятия, «Bauer – это купленный товарный знак»).

Таким образом, создатели эргонимов достаточно активно обращаются к прецедентным феноменам, которые отличаются степенью известности, восходят к разным культурным источникам, вводятся в коммерческие названия в облике как каноническом, так и семантически, формально трансформированном и, привлекая к себе внимание, стимулируют адресата коммерческой номинации к дешифровке прецедентности. Все это делает рекламные имена узнаваемыми, интересными, устанавливающими эмоциональный контакт с потенциальным клиентом.

Список использованной литературы

1. Годуйко, Л. А. Названия продовольственных товаров Брестчины: опыт лексикографического описания регионального ономастикона / Л. А. Годуйко, О. Б. Переход // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2018. – Ч. 2. – С. 5–14.
2. Красных, В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. ; ред. В. В. Красных, А. И. Изотов – М. : Филология, 1997. – Вып. 2. – С. 5–12.
3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
4. Википедия : свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 03.10.2020.
5. Что такое Роза ветров и как она составляется? [Электронный ресурс] // Всезнайка.org. – Режим доступа: <https://www.vseznaika.org/priroda/chto-takoe-roza-vetrov-i-kak-ona-sostavlyaetsya/>. – Дата доступа: 11.06.2021.
6. Купалинка – темная ночь [Электронный ресурс] // Livejournal. – Режим доступа: <https://galeneastro.livejournal.com/487942.html>. – Дата доступа: 09.12.2020.
7. Горящий тур: что это и где его найти [Электронный ресурс] // Tutu.ru. – Режим доступа: <https://story.tutu.ru/gorjashhij-tur-chto-jeto-i-gde-ego-najti/>. – Дата доступа: 01.06.2021.

Х. Т. Гылычбаева (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)
Научный руководитель – Н. М. Гурина, канд. филол. наук, доцент

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Обучение русскому языку требует разнообразных средств наглядности, интересных и доступных школьникам. В этом ряду репродукции с картин имеют важные дидактические преимущества: стимулируют развитие речи, дают возможность реализовать творческие потребности, вносят вклад в общекультурное развитие учащихся.

Произведения живописи – полифункциональное средство обучения, так как они могут занимать достойное место на интегрированных уроках. Успех работы по произведениям живописи на уроках русского языка во многом зависит от того, какие репродукции картин будут предложены для рассмотрения. Методические аспекты отбора художников и произведений живописи разнообразны: выбор картины должен соответствовать требованиям программы и отвечать учебным задачам, стимулировать речевую деятельность, соответствовать возрасту, выполнять эстетическую функцию.

Рассмотрим, работа с какими картинами предлагается в учебниках по русскому языку для 8-9 классов базовой школы. В текстах упражнений затрагиваются следующие темы: творческая биография художника, характеристика картин, история создания картин.

Умение смотреть картину – это целая наука, которая раскрывается постепенно и тесно связана с возрастными и психологическими особенностями учащихся. С помощью живописных произведений формируются такие коммуникативно-речевые умения, как умение определять тему, основную мысль картины, наиболее яркие изобразительные средства (цвет, свет, соотношение центра и фона), умение различать картины разных жанров и тем, полотна, созданные разными художниками. Репродукции с полотен известных мастеров обогащают знания детей об окружающей действительности, помогают развитию у них мышления, воображения, эстетического вкуса. В данной работе мы рассмотрим, какие виды упражнений синтезируют эстетическое и коммуникативное развитие школьников.

В учебник 8 класса (2018) включены рассказ о картине И. Репина «Лунная ночь. Здравнёво», репродукции картин В. Серова «Мика Морозов», В. Сурикова «Взятие снежного городка», И. Хруцкого «Цветы и плоды», «Плоды и птичка», «Портрет мальчика в соломенной шляпе» [1].

В учебнике 9 класса (2019) есть текст о картине В. Серова «Зимой», репродукции картин А. Саврасова «Грачи прилетели» и пейзажей И. Грабаря «Березовая аллея», «Майский вечер» [2]. Готовясь к урокам по картинам, учитель может использовать искусствоведческие тексты, собранные в пособии Л. А. Ходяковой [3].

В учебнике 8 класса есть семь упражнений, связанных с восприятием живописи. Их целью является развитие ассоциативности мышления учеников, эмоционального отношения к картинам, формирование умений сравнения и обобщения художественных явлений. В девятом классе три упражнения направлены на формирование умения выполнять доступный школьникам целостный анализ картины в единстве его содержания, структуры и изобразительных средств (упр. 79, 316 и 347). Они готовят школьников к написанию сочинения по картине. Но это завершающий этап работы над живописным произведением, а накопление материала о художнике и картине идет постепенно. Репродукцию картины можно вывесить в классе заранее, подготовку к сочинению вести рассредоточенно, составить тексты по биографии художника и работать с ними на предшествующих уроках, решая орфографические и пунктуационные задачи.

Работа над «живописным словарем» также ведется в течение всего года. В толковом мини-словаре учебника 8 класса только три слова, относящихся к жанрам живописи: *натюрморт*, *пейзаж*, *портрет*; в учебнике 9 класса – только одно слово *этюд*. Этого недостаточно для понимания искусства, поэтому новые понятия можно взять в «Энциклопедическом словаре юного художника»: *акварель*, *пастель*, *батальный жанр*, *бытовой жанр*, *репродукция*, *гравюра*, *графика*, *панорама*, *мольберт*, *палитра*, *колорит*, *светотень*, *эскиз* [4]. На уроке по развитию речи отрабатывается умение прокомментировать творческую историю картины и проследить ее путь от замысла к воплощению. Обычно школьникам трудно войти в эмоциональный мир картины, сформулировать свои впечатления. В активном словаре школьников мало слов для выражения различных эмоциональных состояний и их оттенков. Поэтому Л. А. Ходякова рекомендует составлять словари настроений с обозначением эмоций.

Другая группа упражнений – это упражнения по восприятию и воссозданию текстов, тематически связанных с содержанием картины или посвященных жизни и творчеству художника. В качестве элементов, помогающих школьникам создавать собственные речевые высказывания, могут служить модели текстов, опорные компоненты (ключевые слова, заданные фрагменты текста), составление нескольких вариантов вступительной части к сочинению по картине. В учебнике 8 класса три

упражнения, связанные с творчеством белорусского художника И. Хруцкого. Недавно о нем вышли монографические альбомы, например «Иван Фомич Хруцкий» (2010), из которых можно брать дополнительный дидактический материал» [5].

При подготовке выставки произведений художника, приуроченной к его 175-летию, Государственным художественным музеем БССР в 1985 году были найдены новые сведения о жизни художника, выявлены 98 произведений, хранящихся в государственных и частных собраниях нашей страны и в Польше. Собранный материал дал возможность представить творчество И. Хруцкого в развитии, его поиски в области композиции, света, цвета. В наследии И. Хруцкого значительное место занимают натюрморты. И. Хруцкий в своем творчестве был очень постоянным в изображении предметного мира. Из натюрморта в натюрморт кочуют одни и те же предметы: граненый стакан, медный подсвечник с огарком свечи, стеклянный графин, плетеные корзинки и лубянки, наполненные ягодами и фруктами. Рассматривая каждый предмет из натюрмортов художника, дети учатся не только утилитарному взгляду на искусство («Виноград такой спелый, что хочется съесть его»), но и видеть мастерство живописца, творившего «услладу для глаз».

В рамках текстоцентрического подхода к обучению школьников русскому языку можно обновить дидактический материал учебника и собрать свою текстотеку о жизни и творчестве белорусских художников. Для среднего звена доступными являются сказочные иллюстрации Николая Селещука (1947–1996), белорусского Сальвадора Дали. В 1992 г. он стал лауреатом Государственной премии Республики Беларусь, а биографический центр Кембриджского университета признал его человеком года в области культуры.

Культурологический подход в обучении русскому языку означает реализацию единства и взаимодействия языка, культуры и личности в процессе обучения и развития ученика.

Список использованной литературы

1. Русский язык : учеб. пособие для 8-го класса учреждений общего среднего образования с белорус. рус. яз. обучения / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Ж. Ф. Жадейко. – Минск : НИО, 2018. – 248 с.
2. Русский язык : учеб. пособие для 9-го класса учреждений общего среднего образования с белорус. рус. яз. обучения / Л. А. Мурина, Ф. М. Литвинко, Н. М. Пипченко. – Минск : НИО, 2019. – 240 с.
3. Ходякова, Л. А. Произведения живописи на уроках русского языка / Л. А. Ходякова. – М. : Флинта: Наука, 2000. – 168 с.
4. Энциклопедический словарь юного художника / сост.: Н. И. Платонова, В. Д. Синюков. – М. : Педагогика, 1983. – 416 с.

5. Великие художники: И. Ф. Хруцкий / гл. ред. А. Баграмян. – М.: Директ-Медиа, 2010. – 48 с.

Н. А. Драчикова (*г. Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова*)
Научный руководитель – О. Ф. Сенькова, старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Жизнь современного, быстро развивающегося общества очень динамична: она постоянно меняется, совершенствуется в различных областях. Язык, который служит обществу, в свою очередь, быстро реагирует на эти изменения. Все социальные преобразования, как в зеркале, отражаются в языке. Публицистический стиль, в отличие от других стилей языка и речи, в большей степени воспринимает эти изменения.

В эпоху глобализации и интенсивного развития международных отношений зарубежные газетные публикации становятся все более актуальными и интересными для современного читателя. Язык средств массовой информации чувствителен к изменениям в обществе.

Согласно стилистическому энциклопедическому словарю русского языка публицистический стиль – это один из функциональных стилей, обслуживающий широкую область общественных отношений: политических, экономических, культурных, спортивных, рассматриваемых, однако, сквозь призму определенных политико-идеологических установок. Публицистический стиль используется также в политической литературе, его представляют средства массовой информации (СМИ) – газеты, журналы, радио, телевидение, документальное кино [1, с. 204].

Обращаясь сперва к газетным заголовкам, можно сказать, что сегодня они пестрят разнообразными шрифтами, стилями, формами выражения, скрытыми метафорами и эпитетами. Издатели используют всевозможные доступные методы для продвижения своего продукта и привлечения наибольшего количества внимания к нему. Наиболее «кричащий», волнующий и ярко оформленный заголовок непременно привлечет к себе большее количество заинтересованных читателей.

Что же касается зарубежных, иностранных средств массовой информации, важной грамматической особенностью английских газетных заголовков является распространенность в них эллиптической формы пассивного залога с опущением вспомогательного глагола *to be* для описания событий как в прошедшем, так и в настоящем времени. Например, «*Paris Protest March Staged by Students*», «*8-Year-Old Boy Kidnapped in Miami*», «*All Piers Paralysed on East Coast*» и др.

В английских и американских газетах преобладают глагольные заголовки типа: «*Floods Hit Scotland*», «*William Faulkner Is Dead*», «*Exports to Russia Are Rising*».

Глагольность обычно сохраняется также в заголовках, состоящих из вопросительного предложения: «*Will There Be Another Major Slump Next Year?*»

Специфическая особенность английского заголовка заключается в возможности опустить подлежащее: «*Hires Teen-Agers as Scabs*», «*Want No War Hysteria in Toronto Schools*», «*Hits Arrests of Peace Campaigners*» и другие.

Для обозначения будущего времени в заголовках широко используется инфинитив: «*America To Resume Testing*», «*Laundry Workers To Vote on New Contract*», «*World Unions To Fight Monopoly*» и т. д.

Другой особенностью англоязычных газетных публикаций является употребление неологизмов, образованных при помощи некоторых продуктивных суффиксов, например: *-ism* (*Bevinism*), *-ist* (*Gaullist*), *-ite* (*Glasgovite*), *-ize* (*to atomize*), *-ation* (*marshallization*). Используются также префиксы: *anti-* (*anti-American campaign*), *pro-* (*pro-Arab movement*), *inter-* (*inter-European relations*) и др.

Однако, главная особенность публицистических текстов заключается, несомненно, в наличии многочисленных клише, например: *on the occasion of* – ‘по случаю’, *by the decision of* – ‘по решению’, *in reply to* – ‘в ответ на’, *in a statement of* – ‘в заявлении’, *with reference to* – ‘в связи с’, *to draw the conclusion* – ‘прийти к заключению’, *to attach the importance* – ‘придавать значение’, *to take into account* – ‘принимать во внимание’ и т. д.

В книге И. Р. Гальперина «Очерки по стилистике английского языка» публицистическому стилю посвящен большой раздел главы о речевых стилях. Внутри газетно-публицистического стиля автор различает две разновидности:

а) стиль газетных сообщений, заголовков и объявлений, которые и составляют, по мнению автора, существо газетного стиля;

б) стиль газетных статей, куда также входят стиль ораторский и эссе.

Газеты в своей направленности подразделяются на два типа. Прежде всего, это массовая газета, печатающая, материалы сенсационного характера с большим числом фотографий и издающаяся многомиллионным тиражом. К числу таких газет относятся «*Daily Mirror*», «*Daily Express*» и «*Sun*» [2, с. 112].

Типичными как для «письменной», так и для «электронной» прессы являются:

- аналитические обзоры;
- комментарии;
- новости;
- рекламные материалы;

– интервью.

Все эти виды публицистического текста можно найти как в Интернете, так и на страницах журналов и газет. Несомненно, каждое средство массовой информации имеет свои отличительные особенности, а каждый из жанров воплощается в них по-разному.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: при переводе заголовков англоязычных публицистических текстов не исключается возможность возникновения проблемы выбора способа перевода для максимального сохранения стилистической окраски заголовка. Именно поэтому тема перевода публицистики охватывает большое количество особенностей, которые всегда актуальны для изучения.

Список использованной литературы

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 708 с.
2. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 459 с.

А. С. Дыдзік (*г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна*)

Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, канд. філал. навук, дацэнт

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫЯ КАНАТАЦЫІ Ў ПРЫКАЗКАХ З ТВОРАЎ ПІСЬМЕННІКАЎ БЕРАСЦЕЙШЧЫНЫ

Нацыянальна-культурную аснову твораў берасцейскіх пісьменнікаў складаюць прыказкі. Яны з’яўляюцца ўнікальным матэрыялам, які адлюстроўвае адметнасць мовы, асаблівасці культуры і менталітэту беларускага народа. Устойлівыя выразы, ужытыя ў мастацкіх кантэкстах з твораў берасцейскіх пісьменнікаў, адлюстроўваюць своеасаблівае бачанне свету, нясуць звесткі пра побыт беларусаў.

З’яўляючыся яркім моўным сродкам, прыказка вылучае такія вызначальныя рысы беларусаў, як шчодрасць, дабрыня, шчырасць. Акрамя гэтага, нацыянальны характар беларусаў выяўляецца і праз гасціннасць, ветлівасць, на што паказвае выслоўе *Госць на парог – радасць у хату: – Заходзьце, калі ласка, – пачціва запрашала Ядвіга. – Гасцямі будзеце. А госць на парог – радасць у хату* [1, с. 157]. Прыведзеная прыказка канстатуе, што прыход гасця выступае вялікай радасцю для гаспадароў. Гасціннасць як характэрная рыса беларусаў вылучаецца і праз парэмію *Бывайце здаровы, як у небе анёлы*. Ужываючы названую прымаўку, У. Гніламёдаў у рамане “Уліс з Прускі” падкрэслівае нацыянальна-

культурную адметнасць у паводзінах беларусаў: – **Бывайце здаровы, як у небе анёлы!** – падзякавалі калядоўнікі [2, с. 75].

У якасці запрашэння сесці ўжываецца такая прыказка, як **У нагах праўды няма: – Сядайце. У нагах праўды няма** [1, с. 37]. Кантэкст раскрывае запрашэнне сесці як вялікі гонар для гасцей. Слушна заўважыла А. С. Дзядова, што “ў нацыянальнай карціне свету нашага народа гасціннасць выступае як адна з асноўных станоўчых рыс характару і паводзін беларусаў” [3, с. 114].

У творах берасцейскіх пісьменнікаў сустракаюцца і такія парэміялагічныя адзінкі, якія адлюстроўваюць маральны ідэал беларуса – “сукупнасць патрабаванняў, правіл і нормаў паводзін паміж людзьмі” [3, с. 110]. І адной з такіх якасцей чалавека з’яўляецца дабрыня, якая праяўляецца праз спагадлівасць, чуласць у адносінах да іншых. Вельмі часта пісьменнікі ў творах праз прыказкі перадаюць парады. Для прыкладу, такія моўныя адзінкі: **Дапамажы іншаму і табе дапамогуць; Не капай другому яму, бо сам у яе ўвалішся; Не плюй у чужы калодзеж – давядзецца вады напіцца; Не рабі бліжняму таго, чаго не хацеў бы, каб зрабілі табе**. Прыведзеныя парэміі вучаць адносіцца да іншых з добрым сэрцам. Выкарыстаны яны ў наступных кантэкстах: – ...*На бульбу, хлеб і малако – зарабіць можа кожны. А тут дай, дай, дапамажы...* Чаму? *Хоць, дапамажы іншаму і табе дапамогуць* [4, с. 20]; – *Так і многія нашы... Думаюць, што яна ім ужо ніколі і не спатрэбіцца...* **Не плюй у чужы калодзеж – давядзецца вады напіцца** [5, с. 165]; **Не рабі, як кажучь, бліжняму таго, чаго не хацеў бы, каб зрабілі табе** [2, с. 133]. Так, ужываючы парэмію **Не капай другому яму, бо сам у яе ўвалішся**, У. Гніламёдаў у рамане “Вяртанне” перадае перасцярогу, што “непрыемнасць можа здарыцца з тым, хто жадае ці робіць яе іншым” [6, с. 272]. Прыказка вучыць спачуваць іншым: *Конь ішоў роўна, і Лявон паступова супакойся, уздыхнуў: “Не капай другому яму, бо сам у яе ўвалішся”* [7, с. 332].

Яшчэ адным крытэрыем паводзін чалавека з’яўляецца шчырасць – “адна з праяў сумленнасці і праўдзівасці” [5, с. 111]. Выслоўе, ужытае В. Супрунчуком, **Шчыраму сэрцу і чужая болька баліць** перадае ўнутраны стан персанажа, яго жаданне быць шчырым, чулым у адносінах з іншымі. Прыгаданая моўная адзінка выкарыстоўваецца ў наступным кантэксце: – *Нічога. А вось табе!.. Што, можа, перашкодзіў, дык не турбуйся: адзін раз жывём, не спяшайся. Старыя людзі гаварылі, – ён узняў уверх палец, – паспееш з козамі на торг. Альбо таксама вельмі разумна: шчыраму сэрцу і чужая болька баліць* [8, с. 7]. Названая парэмія ў мікратэксце дазваляе станоўча ахарактарызаваць персанажа, які мае высакароднае сэрца і вельмі моцна перажывае, клапаціцца пра іншых.

Заўважана, шмат прыказак берасцейскія пісьменнікі выкарыстоўваюць для характарыстыкі маўленчых паводзін персанажаў. Гэта тлумачыцца тым, што “маўленне “суправаджае” розныя бакі чалавечага жыцця і дзейнасці на працягу ўсяго жыцця” [3, с. 64]. У парэміялагічных адзінках адлюстроўваюцца становішчы і адмоўныя бакі маўлення. Так, напрыклад, праз прыказку **Пасмяяўся гаршчок з катла** асуджаецца жаданне высмеяць кагосьці: *Асабліва гучна смяяўся Сяргей Сталетнік. – Пасмяяўся гаршчок з катла, – не вытрымаў, сярдзіта глянуў на яго Гамон* [7, с. 314]. Выслоўе **Я ёй – пра Фаму, яна мне – пра Ярому** выяўляе незадаволенасць ад непаразумення паміж суразмоўцамі: – *На гарышча скокні. Там, пад кроквінай, шынка і сухая кілбаса ветраць. – Вынюхаў, абжора! Глядзі ж, сам не ўходай. То для ўнукаў хаваю. На восень Пеця абяцаў прыехаць. Толькі і Жэнька тэж даўно не былі – у гасці сышчуцца. – Я ёй – пра Фаму, яна мне – пра Ярому, – накрыўдзіўся Дзям’ян. – Без пачастунку тая Глафіра і не падумае выпісваць пенсію* [9, с. 275]. Прыведзены кантэкст раскрывае нежаданне персанажаў прыслухоўвацца адзін да аднаго.

Нярэдка, каб падкрэсліць, што персанажы твора не ўмеюць быць разважлівымі, вельмі многа гавораць, пісьменнікі выкарыстоўваюць прыказку **На чужы рот гузік не прышыеш**. Названая моўная адзінка раскрывае свой змест у наступным кантэксте: – *Зрабіць гэта нялёгка “На чужы рот гузік не прышыеш”* [1, с. 128]. У прыведзеным сказе паказваецца адмоўная рыса людзей – гаварыць многа і абы-што. Такіх людзей характарызуюць адмоўна, таму што яны распаўсюджваюць розныя чуткі, плёткі пра іншых.

Ужываючы прыказку **Хлебам не кармі – дай выгаварыцца**, В. Праскураў у творы “Бярозавы сок” асуджае марныя, бессэнсоўныя размовы, якія забіраюць шмат часу. Для прыкладу, такі кантэкст: *Тут іх ужо, сапраўды, хлебам не кармі – дай выгаварыцца* [1, с. 109]. Народ заўважыў, што пустыя размовы перашкаджаюць працы. Гэта яскрава выяўляецца праз прыказку **Брахаць – не цэпам махаць: брахнуў і аддыхнуў**, ужытую ў наступным кантэксте: *Сарамліва адварнуўшыся, выцерла рогам фартуха вусны, а потым рукі, глянула на Паліну, як старшыня ўспрыняла яе прамову, і дадала з жартам: – Брахаць – не цэпам махаць: брахнуў і аддыхнуў* [8, с. 46]. Нястрыманасць у выказваннях перадаецца праз прыказку **Язык мой – вораг мой**. Залішняга гаманлівасць, балбатлівасць перашкаджаюць чалавеку. Галоўны герой прызнаецца, што гэта вельмі яму шкодзіць: **Язык мой – вораг мой**. *Ляпнеш, а пасля не ведаеш, што рабіць* [4, с. 53]. У прыказкавым кантэксте кампанент-саматызм **язык** выступае як орган маўлення, які чалавек кантраляваць не ў сілах.

Разам з тым у творах пісьменнікаў Берасцейшчыны сустракаюцца парэміялагічныя адзінкі, якія даюць мудрыя парады: **Як гукнеш, так**

і адгукнеш; На лес гукні, то і ён адзавецца. Яны нясуць у сабе галоўную думку: як чалавек сам адносіцца да іншых, так і да яго адносіцца будучь: **Як гукнеш, так і адгукнеш** [1, с. 66]; – *От ужо няпраўда! – пачулася ў адказ. – Быццам сам не ведаеш: на лес гукні, то і ён адзавецца* [1, с. 104].

Выкарыстоўваюцца пісьменнікамі-берасцейцамі і прыказкі, якія станоўча характарызуюць красамоўства ў размовах паміж людзьмі. Да такіх моўных адзінах адносяцца: **На скразняку душина, калі гавораць слухна; Без субяседніка ў дарозе – што без кажуха на марозе: і на золку волка, і падвечар пахваліцца нечым.** У народзе вельмі цэняцца людзі, якія валодаюць уменнем гаварыць прыгожа, валодаюць добра развітымі камунікатыўнымі навыкамі маўлення: *Праўду кажуць: і на скразняку душина, калі гавораць слухна* [1, с. 108]; – *Праўду кажаце. Без субяседніка ў дарозе – што без кажуха на марозе: і на золку волка, і падвечар пахваліцца нечым* [1, с. 38].

Разгледжаныя намі парэміялагічныя адзінкі ярка раскрываюць маральныя ідэалы чалавека, характарызуюць маўленчыя паводзіны беларусаў. Агульнапрынятыя нормы паводзінаў беларусаў, адлюстраваныя ў творах берасцейскіх пісьменнікаў, выяўляюць наступныя рысы характару нашага народа: справядлівасць, добразычлівасць ва ўзаемаадносінах, гасціннасць, шчырасць, годнае стаўленне да чалавека.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Праскураў, В. Наўсцяж вяковай вуліцы: аповесць, апавяданні, нарысы, дакументальныя матэрыялы / В. Праскураў. – Брэст: Упраўленне інфармацыі аблвыканкама, 1995. – 229 с.
2. Гніламёдаў, У. Уліс з Прускі: раман / У. Гніламёдаў. – Мінск: Маст. літ., 2006. – 382 с.
3. Дзядова, А. С. Чалавек у люстэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі: манаграфія [Электронны рэсурс] / А. С. Дзядова. – Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – 162 с. – Рэжым доступу: <https://lib.vsu.by/jsui/bitstream/123456789/3208/5/Дзядова%20А.%20С..pdf>. – Дата доступу: 01.05.2021.
4. Супрунчук, В. Цвіў белы-белы бэз: аповесць, апавяданні / В. Супрунчук. – Мінск: Маст. літ., 2013. – 271 с.
5. Дамашэвіч, У. Камень з гары: раман / У. Дамашэвіч. – Мінск: Маст. літ., 1990. – 334 с.
6. Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск: Бел. навука, 2002. – 511 с.
7. Гніламёдаў, У. Вяртанне: раман / У. Гніламёдаў. – Мінск: Маст. літ., 2008. – 429 с.
8. Супрунчук, В. Жывеш толькі раз: раман / В. Супрунчук. – Мінск: Маст. літ., 1998. – 254 с.
9. Гардзеі, В. К. З мінулага не вяртаюцца...: аповесці, апавяданні / В. Гардзеі. – Мінск: Маст. літ., 2013. – 511 с.

В. Э. Елисеева (г. Тула, ТГПУ имени Л. Н. Толстого)
*Научный руководитель – Н. А. Красовская, доктор филол. наук,
 доцент*

ДИАЛЕКТИЗМЫ В РУКОПИСИ В. Н. ГЛАГОЛЕВА «ПЕСНИ, ОБРЯДЫ И ПОВЕРЬЯ»

Любой национальный язык, в том числе русский, представляет собой сложную систему, включающую полярно противоположные формы: литературную и диалектную. В условиях современной всеобъемлющей урбанизации частота проявления диалектных явлений активно снижается. Вымирание русской деревни последовательно приводит к уничтожению или сокращению фонда диалектного языка.

Одним из методов изучения диалектного языка с точки зрения диахронии является анализ краеведческих дневников и зафиксированных фольклорных текстов. В данной работе исследуется рукопись В. Н. Глаголева «Песни, обряды и поверья», работа над которой велась с конца XIX века в Новосильском уезде Тульской губернии. Изучение подобных текстов помогает составить общую лингвистическую и культурную картину рассматриваемого периода.

Прежде всего необходимо рассмотреть дефиницию центрального понятия. В учебном пособии Д. Э. Розенталя зафиксировано следующее толкование: «Диалектизмы – самобытные народные слова, известные только в определенной местности» [1, с. 88]. Такое значение противопоставлено определению О. С. Ахмановой, которая толкует диалектизмы как диалектные явления, «употребляющиеся в языке художественной литературы как средство стилизации слога» [2, с. 126]. Идентичная интерпретация представлена в словаре методических терминов под редакцией Э. Г. Азимова [3, с. 60], учебном пособии Л. Г. Самотик [4, с. 60] и у других лингвистов.

Таким образом, в данной части исследования был заложен фундамент для дальнейшей практической части, подразумевающую непосредственную работу с текстом.

Первые песни, представленные в рукописи В. Н. Глаголева [5], стоит рассматривать как части единого целого, поэтому, на наш взгляд, уместно называть каждую песнь фрагментом большой песенной композиции. Мы наблюдаем «диалог» между участниками свадебного обряда, которые поочередно сменяются в следующей последовательности: невеста, сестра невесты, невеста, сестра невесты, мать невесты (к дочери и к мужу).

Перед первой частью указано название и условия пения: «*Пади ко мне сестрица! Взывает невеста, если входит ее сестра в избу*». Текст

начинается со слов «*пади-ка сестриса на мою веселую беседушку*». Автор графически указывает на особенность написания слова *сестриса*, исправляя первоначально написанный вариант *сестрица*, однако в других строчках песни, как и в названии, исправление отсутствует и употребляется форма, идентичная литературной. Мена аффрикаты [ц] на [с] является особенностью курско-орловской группы говоров. Так как содержание слова совпадает с литературным, мы можем предположить, что перед нами лексико-фонетический диалектизм.

Отметим, что в следующей строчке («...*наведай сестрици при таком горюшку*») вместо литературной формы винительного падежа (*сестрицу*) используется вариант *сестрици*, идентичный форме родительного падежа. Данное явление может иметь диалектную природу, однако в рукописи не были найдены другие примеры такой же падежной инверсии. Встречается использование форм дательного падежа на месте родительного (*из-за лесу, из-за саду*).

Существительное среднего рода *горюшко* в предложном падеже употреблено с окончанием -у, что является чертой курско-орловской группы. Явление, обусловленное похожими причинами, наблюдается в словосочетании *счастье хорошую*, где прилагательное, относящееся к существительному среднего рода, приобретает форму с окончанием -ую. Все названные языковые факты можно классифицировать как лексико-грамматические диалектизмы.

В этом же фрагменте следует отметить местоимения *маму* (в значении *моему*, что отмечает автор рукописи) и *мене* (в значении 'меня', что тоже отмечено автором). Форма личного местоимения единственного числа первого лица *мене* в родительном и винительном падеже встречается как в курско-орловской группе, так и в тульской, относящейся к межзональной группе говоров типа Б. Является лексико-грамматическим диалектизмом. Форма *маму* может быть обусловлена не диалектной природой, а особенностью песенного исполнения.

Слово *грубно* в строчках «*может я горькая / с глупава разума / што грубно сказала?*» можно толковать как 'обидно, досадно' [6] (здесь и далее толкование дано по Словарю народных говоров под редакцией Ф. П. Филина), то есть план выражения не совпадает с литературным эквивалентом в том же значении, следовательно, — это собственно-лексический диалектизм.

Значение глагола *среки* в строчках «*среки ты мне сестрица / у чужи люди долюшку добрую / и счастье хорошую*» можно описать как 'пожелай, закляни', однако в словарях данное слово отсутствует. Словосочетание «*у чужи люди*», в котором наблюдается стяжение прилагательного и соответствие формы родительного падежа форме именительного,

обусловлено не диалектной природой, а другими причинами, так как такое явление не встречается среди особенностей говоров курско-орловской или тульской группы.

В следующем отрывке (песня сестры) в строчках «*не разгадывай / по своей девичьей крósоте / и по батюшкиной волюшке*» представлен семантический диалектизм *разгадывать*, означающий ‘раздумывать’. Предлог *по* употребляется в значении предлога *о*. Слово *крósота* в фольклорных произведениях может использоваться в значении ‘девичья коса’ (коса незамужней женщины), однако мы не можем считать это территориальной особенностью.

В строчке «*у чужих людях жить умеючи*» существительное *люди* употреблено в форме предложного падежа. Инверсия родительного и предложного падежа существительных первого склонения наблюдается в говорах курско-орловской группы. Найденное явление лексико-грамматическое.

Следующие фрагменты (поочередно невеста и ее сестра обращаются к родителям, потом мать к невесте и мужу) построены по общему сценарию с повторяющимися строчками, поэтому мы не будем рассматривать каждую часть отдельно, а суммируем найденные явления: приставки *з-/с-* в лексико-словообразовательных диалектизмах *здумать* (задумать, придумать) и *сгадать* (загадать, захотеть); собственно-лексические диалектизмы *закабалить* (неудачно жениться) и *дружечка/дружечек* (ласковое обращение, чаще – по отношению к супругу или жениху); лексико-грамматический диалектизм *дитятка* или *дитяточка* (ребенок, ж. р.) и семантический диалектизм *желанная* (любимая, дорогая).

После песенной композиции невесты и ее семьи (*голошения*) записаны шесть фрагментов песен, исполняемых *игрицами*, то есть представительницами хора женских голосов.

В первом фрагменте найдены следующие типы диалектных явлений: лексико-грамматический диалектизм *путя* в строчке «*там лежали три путя*» (в литературном языке существительное *пути* мужского рода, второго склонения, здесь же употреблена форма, идентичная второму склонению у существительных среднего рода на *-ия*); собственно-лексический диалектизм *молодён* (название жениха и невесты во время проведения свадебного обряда; молодожены).

Во строчках «*звонко дерево в лесу / звончей её нетути / вумная дитятка / умней ево в роду нетути / краше ево во свету нету*» второго фрагмента можно выделить лексико-словообразовательный диалектизм *нетути* (нет), лексико-фонетический диалектизм *вумная* (умная) и инверсию предложного и дательного падежа (*во свету* вместо *на свете*).

В третьем фрагменте, кроме повтора названных слов, стоит отметить устаревшее слово *плотничек* в значении *умелец* и лексико-словообразовательный диалектизм *веревьюшка*.

В предпоследней части стоит выделить такие слова, как *друзьев* (друзей), *поддружков* (подружек), являющихся лексико-словообразовательными диалектизмами, лексико-фонетический диалектизм *зымчуг* (жемчуг), а также синтаксическую конструкцию «*на што пиво варишь? / на што зелено-вино куришь?*» в значении ‘зачем пиво варишь? / зачем зелено-вино куришь?’.

В последнем фрагменте песенной композиции в выражениях *конь бежить*, *земля дрожить*, *солнышко светить*, *добрый молодец сидить*, *спит ли она* в глаголах третьего лица единственного числа настоящего времени представлено окончание *-ить*, вместо литературного *-ит*. В строчках «*подъезжает ён к тестеву двору*» и «*ускричал ён громким голосом своим*» можно выделить йотированную форму местоимения *он*, характерную, как и предыдущее явление, курско-орловским говорам. Глаголы *ускричала* (закричала) и *искричал* (закричал) являются лексико-словообразовательным. В конце следует выделить прилагательное *баярцевый*, значение которого неизвестно, хотя точно можно сказать, что это название материала и краткое прилагательное *долог* в значении ‘длинный’ (лексико-семантический диалектизм).

Таким образом, мы рассмотрели языковые особенности в песнях свадебного обряда, записанных В. Н. Глаголевым в Новосильском уезде Тульской губернии в конце XIX века, в результате чего были выявлены разнотипные диалектные явления.

Список использованной литературы

1. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык : учеб. пособие / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М. : Айрис-пресс, 2017. – 448 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Азимов, Э. Г., Новый словарь методических терминов и понятий / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
4. Самотик, Л. Г. Лексика современного русского языка : учеб. пособие / Л. Г. Самотик. – М. : Флинта, 2012. – 510 с.
5. Глаголев, В. Н. Песни, обряды и поверья : рукопись [Электронный ресурс] / В. Н. Глаголев // ТОНБ – URL: http://opac.tounb.ru/opacg/Skaner/1_SRK/119514.PDF. – Дата доступа: 11.05.2021.
6. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – М. : Наука, 1965-2019. – Вып. 1–51.

М. И. Ермолова (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ТЕМАТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ НОМИНАЦИИ ШВЕЙНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ БРЕСТЧИНЫ (НА ПРИМЕРЕ НЕОТОБЪЕКТНЫХ ЭРГОНИМОВ)

Реклама прочно вошла в нашу жизнь, а вместе с ней – рекламное имя (РИ), роль которого в репрезентации, продвижения именуемого объекта на рынке так важна. РИ «апеллирует к сознанию человека, привлекая его внимание и возбуждая интерес к рекламируемому товару» [1, с. 15].

Один их продуктивных разрядов РИ – названия деловых объединений людей. Основанием для связи именуемого объекта и эргонима выступает принцип/принципы номинации, т. е. «своеобразные ономазиологические модели, обобщающие наиболее характерные аспекты и признаки, по которым происходит называние однородных предметов» [2, с. 12].

Данное исследование посвящено сегменту региональной эргонимии – неотобъектным номинациям швейных предприятий Брестчины. Основным мотивом появления подобных РИ выступает ориентация на участников номинативного акта, его адресанта и адресата, на их индивидуальные особенности, т. е., как отмечает С. О. Горяев, основное классификационное противопоставление образовано векторами «имя → человек» и «имя → предмет» [3, с. 113]. Зафиксированные эргонимы (87 единиц) объективируют тематические мотивы (ТМ) «целевая аудитория» и «выгода для потребителя».

Номинации с ТМ «целевая аудитория» характеризуются востребованностью (81) и отсылают: 1) к антропонимам; 2) к белорусскоязычному потребителю; 3) к его возрасту, полу, предпочтениям; 4) к психографическим признакам адресата РИ.

1) Эргонимы первой подгруппы (16) восходят в основном к женским антропонимам, преимущественно иноязычным (часть из них закрепились и в русском/белорусском именнике): *швейная мастерская «Фелиция»* (женский вариант к *Феликс*; лат. *felix* ‘удачливый, счастливый’); *швейное предприятие «MILANA»*, *«Сабрина»*; *швейная фирма «NIKA»* (краткую форму *Ника* имеет ряд имен: Вероника, Доминика, Николь, Моника), *«Эльга»*, *«Angelina»*, *«Лилиана»*, *«Росни»* (иран. *Rosni* ‘блеск’); *ателье «Тесса»*, *«Натали»*, *«Светлана»*; *швейная фабрика «Каролина»* и др.

В целом активность «иноязычия» свидетельствует о стремлении владельцев повысить статус своего швейного предприятия. К слову, аналогичную задачу решают и РИ, мотивированные теонимами, мифонимами: *ателье «Орион»* – в античной мифологии так звали

охотника, отличающегося красотой; *швейная фирма «Эола»* – эргоним ассоциируется с именем древнегреческого бога ветров *Эолом*; *швейное предприятие «Velona»* – РИ представляет собой результат трансонимизации и образовано от имени литовской богини вечности *Велоны/Велионы*; и др.

2) Номинации, ориентированные в первую очередь на белорусскоязычного потребителя, немногочисленны (3): *ателье «Калінка»* – мотивирующий апеллатив обозначает растение, которое в народной обрядовости, фольклоре является многозначным символом (женского здоровья, красоты и плодovitости и т. д.); *швейная фирма «Надзея»*; *швейная фабрика «Крыніца Палесся»*. По оценкам специалистов, маркетинговые кампании на родном языке стали «маркером открытости и душевности» [4, с. 239], но это, к сожалению, не нашло отражение в анализируемом сегменте РИ.

3) Эргонимы третьей подгруппы указывают на возраст, пол, предпочтения потребителя (13): *швейная фирма «Diva», «LadyStyleClassic»* (англ. *lady*), *«ЛадисЛайн»* (англ. *lady's* ‘женский’), *«Леди Лайн»* – РИ отсылают к женской аудитории, к самой красивой ее части; *швейное предприятие «Кокетка»*; *швейная фирма по пошиву одежды для беременных «Lucky mum»* (англ. ‘удачливая мама’); *швейное производство свадебных платьев «Robe Blanche»* (франц. ‘белое платье’) – РИ акцентирует специализацию предприятия (наряды для невест), его целевую группу; *швейная фирма «Lemur», «PANDA»/«Панда»* – названия животных, которые часто встречаются в мультфильмах, подсказывают, что именуемые деловые объединения производят в том числе детскую одежду; и др.

4) Четвертая подгруппа РИ (49) вербализует разные психографические признаки покупателей: их ценности, мнения, взгляды, интересы, образ жизни. Для этого активно используются: а) притяжательные местоимения, сближающие производителя и потребителя, так как у последнего подсознательно возникает доверие к объекту рекламы: *швейное предприятие «НАШАМОДА»*; *ателье «Твой стиль»*; *швейная фирма «Твой имидж», «Твой юрс», «Мода-Юрс»* (англ. *yours* ‘твой’); б) существительные, называющие стили, течения в искусстве (его видах); связанные с искусством (прежде всего музыкой) термины, многие из которых стали символами, – все это подчеркивают эстетичность, утонченность эргонима, делают комплимент хорошему вкусу и имядателя, и адресата РИ: *ателье «Ли́ра»* (*ли́ра* ‘струнный смычковый инструмент украинских и белорусских певцов’); *швейная фирма «Мода-версаль»* – имя нарицательное *версаль* называет стиль интерьера, сочетающий величие и королевскую сдержанность; и др.; в) существительные *стиль, мода, тренд, имидж* (см. пример выше), *fashion* ‘мода’ и подобные, подчеркивающие направленность эргонима на особого потребителя,

который следит за модой, старается следовать ей: швейная фирма «**Ксения Стил**», «**Ришелье Стил**» (*ришелье* ‘одна из самых изысканных кружевных вышивок’); *ателье* «**Икона Стиля**» – мотивирующая фразама называет знаменитость с выраженным индивидуальным *стилем*, ставшую примером для подражания, музой дизайнеров, эталоном даже для будущих поколений; швейная фирма «**Стил Фэшин Люкс**», «**Arita Style & Denissa Fashion**», «**Mira Fashion**», «**ELZA-FASHION**», «**Фантазия мод**», «**Магия моды**», «**Тренд сезона**» и др. Отметим, что подобные эргонимы актуализируют не только ценности, предпочтения потребителя, но и выгоду для последнего, а потому формируют своеобразную зону переходности между данной и последующей номинативными подгруппами.

Названия, объективирующие ТМ «**выгода для потребителя**» (6), указывают на эффект от использования изделий рекламируемого предприятия, от качества (разумеется, высокого) его продукции; на прикосновение, если можно так сказать, к «красивой жизни»: *ателье* «**Позитив**»; швейная фирма «**Beautiful and Free**» (англ. ‘красиво и дешево’), «**Бьюти Стил**» (англ. *beauty* ‘красота’), «**Pretty**» (англ. ‘приятный, милый, красивый’) – РИ напоминает о любимом многими художественном фильме «*Pretty Woman*» (на русском языке он известен под названием «Красотка»; главные роли исполняют харизматичный Р. Гир и очаровательная Д. Робертс), «**Нинель шик**», «**Новелла Шарм**».

Итак, собранный языковой материал подтверждает антропологичность неотобъектно мотивированных названий деловых объединений, поскольку при их создании номинаторы в первую очередь ориентируются на личностные особенности, представления, ценности, выгоду участников рекламной коммуникации, ее адресанта и адресата. Продуктивностью отличаются эргонимы, указывающие на целевую аудиторию, на потребителя, которого интересуется мода, ее тенденции, тренды.

Список использованной литературы

1. Исакова, А. А. Эволюция прагматического пространства: структура, семантика, прагматика (на материале современной механонимии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. А. Исакова. – Краснодар, 2008. – 48 с.
2. Голев, Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны / Н. Д. Голев // Русские говоры Сибири. – Томск : Изд-во ТГУ, 1981. – С. 12–20.
3. Горяев, С. О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагматонимов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. О. Горяев. – Екатеринбург, 1999. – 165 л.
4. Фукова, И. А. Использование белорусского языка в маркетинге / И. А. Фукова, Л. Л. Соловьева // Стратегия и практика производственных хозяйственных систем : материалы X междунар. науч.-практич. конф., к 20-летию гуманитарно-экономич. ф-та. – Гомель, ГГТУ им. П. О. Сухого. – С. 236–239.

В. В. Жук (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, канд. філал. навук, дацэнт

ГУТАРКОВЫЯ СЛОВЫ І ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ Ў КАНТЭКСТЕ ТВОРАЎ ВІКТАРА ГАРДЗЕЯ

Гутарковыя словы і фразеалагізмы ў мастацкім кантэксце Віктара Гардзея з’яўляюцца яркімі моўнымі сродкамі, якія выяўляюць розныя функцыі. Побач з называннем прадмета, дзеяння яны гэты прадмет яшчэ характарызуюць, звычайна з адмоўнага боку, валодаюць вялікім экспрэсіўным патэнцыялам.

Многія гутарковыя словы – яркія экспрэсіўна-ацэначныя дзеясловы, што адносяцца да розных лексіка-семантычных груп. Вылучаюцца: 1) дзеясловы руху: **гайсануць** ‘пабегчы’: *З вялікага болю ён у тую сваю апошнюю суботу гайсануў у лес* [с. 79]; **матляцца** ‘часта рухацца з боку ў бок, хістацца’: *З расплатаных валасоў з’ехала стракатая хустка і канцамі матлялася на шыі* [с. 45]; **пудлаваць** ‘гнаць’: – *Помню, здрава мы пудлавалі хрыцаў* [с. 37]; **пацялёпкаць** ‘марудна пайсці’: *А Вінцусь – шорх-шорх – і пацялёпкаў далей, у Загор’е, не западозрыўшы унукавых штукарстваў* [с. 47]; **прыкльпаць** ‘марудна прыйсці’: *Насця думала пра Сямёна, успамінала той халодны зімовы вечар, калі, абмарозіўшы нагу, Сямён прыкльпаў дахаты* [с. 59]; **клыгаць** ‘марудна рухацца’: *У сяле як ніштодня то задных, то з другіх весніц вырываўся адчайны плач і лямант, а потым па вуліцы марудна клыгаў яшчэ адзін жалобны воз* [с. 41]; 2) дзеясловы стану: **надзюдзюкацца** ‘напіцца’: – *Дык ты сам не можаш ісці! – дзівіцца Алена. – Надзюдзюкаўся...* [с. 86]; **здзяцінець** ‘стаць як дзіцё’: – *Гэта ж да слёз хлопца давялі. Здзяцінелі, дальбо* [с. 78]; **намэнчыцца** ‘намучыцца’: *Намэнчыўся-такі ж за жніво* [с. 101]; 3) дзеясловы адносін: **скасавурыцца** ‘коса паглядзець на каго-н.’: *Міцька скасавурыўся на другую яе руку, якая трымала вузенькую дзедаву напружку* [с. 47]; **пацвяліцца** ‘пасмяцца з каго-н.’: *Той падшыванец адразу пацвяліўся: “Гаспадыня, хлеб не ўдаўся, пад скарынкай кот схаваўся”* [с. 50]; 4) дзеясловы фізічнага дзеяння: **сцібрыць** ‘украсці’: *Бітка не дай Бог пагнецца, ці хто з воза што сцібрыць* [с. 92]; **назубіць** ‘натачыць што-н.’: *Хай Танец назубіць, яны пад застрэшкам замкнёныя* [с. 36]; **прапрышчыць** ‘прапаліць’: – *От прапрышчыла трохі ў печы, ды дай паляжу, думаю* [с. 57]; **паквэцаць** ‘памазаць што-н.’: – *Леней пайду калёсы дзёгцям паквэцаю* [с. 73] і інш.

Назоўнікі ў мастацкім кантэксце В. Гардзея таксама часта валодаюць яркай ацэначнасцю. Праз назоўнікі, часцей адмоўна ацэначныя, характарызуюцца персанажы твораў. Напрыклад, словы **гіцаль**, **губашлён**

выкарыстоўваюцца ў адносінах да Яўхіма Шастуна з твора Віктара Гардзея “Кармакухня”, словы даюць агульную ацэнку паводзінам персанажа. Аднавяскоўцы хлопца кажуць пра яго: – *Гэта ж такі паглядны хлопец! Рослы, плячысты, ды грамацей не абы-які. Школу кончыў, галава ў спраўнасці. А ён, гіцаль, на што яе спатрэбіў. На ферме, у гразі калупаецца. Ды табе, браце ты мой, у тым Пінску ці Баранавічах любая дзеўка сама на шыю навесілася б* [с. 118]; – *Эх, губашилён! Мне б тваю маладосць, ці нудзіўся б я каля гэтых смярдзючых катлоў?* [с. 116].

У якасці характарыстычных намінацый Віктар Гардзея выкарыстоўвае дзеепрыметнікі. Ацэначны патэнцыял гэтых слоў таксама высокі. Словы дазваляюць падкрэсліць ў прадмеце найбольш яркую характарыстычную рысу ў знешнім выглядзе ці ва ўнутраным стане прадмета ці персанажа: **расхлябешчаны** ‘адчынены’: *Дзверы ў хаце засталіся расхлябешчанымі насцеж, у хату залезлі куры і да крошкі здзяўблі мокры, незвычайна салодкі пернік* [с. 6]; **зашмальцаваны, выбрынданы, заляпаны** ‘вельмі брудны’: *Танец, высокі, немалады ўжо мужчына, стаіць ля кавадла, абапнуты зашмальцаваным брызентавым фартуком* [с. 69]; *Палатняная кашуля, выбрынданая знізу і заляпаная тванню і багавіннем, уросным жыце намокла як не да самых пахаў, тонкае кужэльнае палатно стала што луб* [с. 7]; **навярэджаны** ‘намучаны’: *Нылі і гулі навярэджаныя ногі* [с. 7].

Сканцэнтраванае ўжыванне размоўных слоў можа ствараць у кантэксце патрэбны эмацыянальны тон грубасці або іранічнасці: **псюк** ‘сабака’: – *Уцёк стары псюк!* [с. 80]; **губашилён** ‘разява, расцяпа’: – *Эх, губашилён!* [с. 118].

У кантэксце твораў Віктара Гардзея гутарковыя словы валодаюць багатай семантыкай, развітай семантычнай структурай. Іх значэнні ў значнай меры адрозніваюцца ад значэнняў стылістычна-нейтральных слоў, бо такія словы перадаюць не толькі рух, але і асаблівасці праяўлення гэтага руху, дастасоўна да канкрэтнага персанажа. Яны працуюць на стварэнне вобраза персанажа, а персанаж паўстае ў поўным вобліку – перадаецца яго маўленне, паводзіны, рухі і іншыя асаблівасці.

Так, у аповесці “Жыта ганьбу не заслониць” удала паяднаны між сабой два пачаткі ў творчасці В. Гардзея – цвяроза-рэалістычны і паэтычна-ўзвышаны. З першым звязаны вобраз Сямёна Барабана. Далёка не ардынарны характар гэтага, па ўсім відаць, моцнага чалавека, але трываласць глебы, на якой стаіць Барабан, усё ж хістка. Як ні імкнецца ён паказваць і даказваць, што таксама змагаўся з ворагам, супраць праўды-маткі не пойдзеш. Самы суровы маральны суддзя яму – Насця Санцэвіч. Пакуль што суддзя маральны, а далей хто яго ведае, як будзе, бо Насця ўсё больш пераконваецца, што ў смерці зацкаванага фашысцкай аўчаркай яе

мужа Сямёна вінаваты Барабан. Гэта ён падказаў, што Сямён ноччу наведася ў родную хату. У аўтаравым аповедзе пра гэту падзею шырока выкарыстоўваюцца ацэначныя гутарковыя намінацыі: *Сямён павінен быў расстраляць Барабана, свайго суседа, павінен быў звесці са свету гэтага шкурніка, гэтага ашуканца і злыдня. Кару Барабан заслужыў справядлівую. Даўшы міну, яго паслалі ў Ганцавічы ўзарваць вадакачку, але палахлівец збаяўся смерці і не вярнуўся ў атрад. Насустрэч марознай ночы, цераз халену і завіруху Сямён ішоў у Загор'е, каб выканаць загад свайго камандзіра* [с. 65].

У мове твораў Віктара Гардзея ўжываецца таксама шмат размоўных фразеалагізмаў, што робіць і аўтарскую мову, і мову герояў больш выразнай, уносіць дадатковыя сэнсавыя адценні. Шырокае выкарыстанне фразеалагізмаў з'яўляецца паказчыкам экспрэсіўнасці аўтарскіх кантэкстаў: *на адзін капыл* 'аднолькавыя, падобныя адзін да аднаго', *без хвігі не да носа* 'ганарыстыя': Мужчыны ж усе на адзін капыл: чуць што, дык і ў гонар адразу, без хвігі не да носа [с. 103]; *аж пыл закурэў* 'хутка пабегчы': – І праўда, Павел! Турні ты іх, каб аж пыл закурэў, – ашчэрыла жоўтыя зубы Барабаніха [с. 80]; *вырачыць бельмы* 'зрабіць вялікімі вочы': – Чаго вырачыць бельмы? [с. 79]; *лынды біць* 'гультаяваць, займацца пустымі справамі; пасіўнічаць': – Некалі мне тут лынды біць [с. 79]; *захадзіць ходырам* 'прыйсці ў рух': Барабаніха знячэўку папярхнулася едкім, гідлівым смехам, выпрасталася, быццам дрын праглынула, і рукі ў яе нервова задрыжалі, пацпенуліся, захадзілі ходырам [с. 32]; *глухая цяцера* 'глухі чалавек': І так, відаць, Хвядосу было прыемна валтузіцца з возам, што ён не пачуў, калі падышла Насця. Яна пабаялася, каб хоць не злякаць гэтую глухую цяцеру, і яшчэ за колькі метраў моцна кашлянула: – Кхе-кхе! [с. 89].

Экспрэсіўныя ўстойлівыя словазлучэнні выконваюць у творах Віктара Гардзея найперш вобразна-выяўленчую функцыю, таксама даюць колькасна-якасную характарыстыку асобам, прадметам, з'явам, здольныя ўзмацняць або паслабляць інтэнсіўнасць дзеяння ці прадмета.

Так, у аснове ўнутранай формы гутарковага фразеалагізма *чухаць патыліцу* ляжыць словазлучэнне, якое перадае ўнутраны стан чалавека і сваім узнікненнем звязана з пэўным жэстам. Пісьменнік ужывае яго з мэтай паказаць заклапочанасць, засмучанасць героя, што звычайна выяўляецца ў падсвядомым імкненні за што-небудзь схапіцца або звязваецца з пэўнымі дзеяннямі. Ужыванне фразеалагізма надае кантэксту асаблівую выразнасць і з'яўляецца дзейсным стылістычным сродкам: *Склаўшы тры пальцы, як вучыла маці, Міцька зрабіў нейкі незразумелы выкрунтас каля лба, пасля торкнуў у левую і правую палавінкі грудзей. Вінцусь яшчэ больш задумаўся. Пачухаў патыліцу, ссунуў на пачуханае*

месца саламяны капялюш. Сваёй дапытлівасцю дзед славіўся не менш, чым унук, і таму сказаў з трывогай у голасе: – Трэба праверыць. Барабаны мо што бачылі? [с. 62].

Асобна можна вылучыць групу прыслоўных фразеалагізмаў з узмацняльным капанентам у іх семантычнай структуры. Для прыкладу, кантэкст: *Тыя пяць вёрст, нягледзячы на завіруху, Барабаніха адолела адным махам – набегла і выдала ворагам Сямёна. Вось чаму раптоўным і нечаканым быў налёт паліцаяў, вось чаму марозным золкам снег каля Насцінай хаты афарбаваўся ў чырвоны колер* [с. 98]. Прыслоўны фразеалагізм *адным махам* ужыты пісьменнікам са значэннем ‘вельмі хутка, адразу, з راشучасцю і злосцю’. Узмацняльны кампанент у семантычнай структуры фразеалагізма робіць яго вельмі выразным, надае экспрэсіўную афарбоўку не толькі фразеалагізму, але і ўсяму сказу.

Прымета ўзмацняльнасці ўласціва і размоўнаму фразеалагізму *хоць адным вокам*, ужытаму Віктарам Гардзеям са значэннем ‘на кароткі час’. Трэба адзначыць, што ўведзены фразеалагізм значна лакалізуе аўтарскае маўленне, стварае адзінае яркае ўражанне, павышае ступень канкрэтызацыі, нагляднасці: *Загор’е даўно ўжо засумавала на Антолі, і цяпер насустрач ёй бразгаюць дзверы, рыпцяць весніцы. Дайце ж падзівіцца і пацешыцца, **хоць адным вокам** глянуць на падарожніцу, якая ездзіла ў далёкі і невядомы свет, дзе на вакзалах гармідар і таўкатня, дзе стаяць такія чароўныя, дзіўныя і таямнічыя белыя ночы!* [с. 107].

Такім чынам, значная колькасць слоў і фразеалагізмаў у творах Віктара Гардзея характарызуецца экспрэсіўнай насычанасцю. Іх стылістычнае прызначэнне не абмяжоўваецца толькі экспрэсіўнай функцыяй, гэта выразна пацвярджалі прыведзеныя прыклады. Гутарковыя словы і фразеалагізмы, называючы тую ці іншую з’яву, адначасова выражаюць пэўную ацэнку яе і адносіны суб’екта да выказвання.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Абабурка, М. В. Ад гутарковай мовы да літаратурна-мастацкага тэксту. На матэрыяле твораў М. Зарэцкага : дапам. / М. В. Абабурка, І. М. Ячмянёва. – Магілёў : МДУ, 2005. – С. 84–106.
2. Гардзей, В. Карані вечнага дрэва : Аповесць, апавяданні / В. Гардзей – Мінск : Маст. літ., 1988. – 254 с.

А. О. Кажарнович (г. Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)
 Научный руководитель – Л. В. Рычкова, канд. филол. наук,
 профессор

РУССКАЯ «ТОСКА» В ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МОДУЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Перевод национально-специфичной лексики зачастую вызывает проблемы, так как это связано с различным восприятием тех или иных явлений человеком, принадлежащим к той или иной культуре. Зачастую безэквивалентными оказываются номинации, отражающие психоэмоциональное состояние человека. К таким номинациям относится русская лексема *тоска*. Данная статья имеет целью рассмотрение возможных способов передачи в переводах на английский язык смыслов, которые несет русскоязычное слово *тоска*.

Слово *тоска* считается специфично русским, ключевым для понимания русской культуры и дает «поистине неоценимое» представление о ней [1, с. 33; 6, с. 31]. Д. Н. Володина считает, что «в русском языковом сознании «Тоска» концептуализируется как сгусток эмотивных смыслов: ‘томление’, ‘грусть’, ‘печаль’, ‘скука’, ‘уныние’, ‘хандра’, ‘душевная тревога’, ‘тоска по Родине’, ‘сожаление об утраченном’, ‘стремление к чему-либо, пока не происходящему’, ‘тоска по любимым, близким людям’, ‘тоска по прошлому’, ‘тоска по хорошим чувствам’, ‘тоска по воле и свободе’» [2, с. 53]. Широкое употребление данная лексическая единица имеет как в литературных произведениях русских классиков, так и в современной литературе. Ю. С. Степанов отмечает, что в результате «религиозного воспитания нашего народа» чувство тоски стало неотъемлемой частью жизни русского человека [3, с. 876–890], а Н. А. Красавский пишет о том, что все смысловые оттенки слова «тоска» «глубоко, детально и специфически “проработаны” сознанием» [4, с. 211–212].

В толковом словаре Д. Н. Ушакова слово *тоска* описывается как «сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой» [5]. В словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой для этого слова даны три значения: «тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога», «скука, уныние, царящие где-либо, вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему» и «то, что вызывает у кого-либо состояние душевного томления, сильной скуки,

уныния» [6]. Электронный ресурс «Карта слов» [7] дает следующие синонимы лексемы *тоска*: *грусть, печаль, безнадежность, горечь, уныние*.

С целью исследования того, как передается слово *тоска* в переводах на английский язык, мы обратились к параллельному русско-английскому модулю Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [8]. В результате поиска было выявлено 714 контекстов с вхождениями различных грамматических форм лексемы *тоска* и параллельных этим контекстам фрагментов текстов переводов. Наиболее частотные варианты переводов лексемы *тоска* приведены в таблице ниже. Семантизация англоязычных лексем, использованных переводчиками, дается в таблице 1 по англо-русскому словарю «Cambridge dictionary» [9], а толкования – по словарю системы Lexico [10].

Таблица 1 – Семантизация англоязычных лексем, использованных переводчиками

Варианты перевода на английский язык	Количество переводов	Толкование в словаре Lexico
<i>Anguish</i> ‘страдание, мука’	150	<i>Severe mental or physical pain or suffering</i> ‘Сильная психическая или физическая боль или страдание’
<i>Longing</i> ‘страстное желание, тоска’	78	<i>A yearning desire</i> ‘Страстное желание’
<i>Sorrow</i> ‘печаль’	50	<i>A feeling of deep distress caused by loss, disappointment, or other misfortune suffered by oneself or others</i> ‘Чувство глубокого страдания, вызванное потерей, разочарованием или другим несчастьем, перенесенным самим собой или другими людьми’
<i>Despair</i> ‘отчаяние’	47	<i>The complete loss or absence of hope</i> ‘Полная потеря или отсутствие надежды’
<i>Melancholy</i> ‘унылый, подавленный’	40	<i>A feeling of pensive sadness, typically with no obvious cause</i> ‘Чувство задумчивой печали, как правило, без очевидной причины’
<i>Grief</i> ‘горе, печаль’	35	<i>Intense sorrow, especially caused by someone's death</i> ‘Сильное горе, часто вызванное чьей-то смертью’
<i>Depression</i> ‘депрессия’	30	<i>Feelings of severe despondency and dejection</i> ‘Чувство сильного уныния и подавленное настроение’
<i>Sadness</i> ‘грустный, печальный’	23	<i>The condition or quality of being sad</i> ‘Состояние или ощущение грусти’

Обратившись к системе Lexico [10], имеющей опцию тезауруса, мы выявили, что слова, представленные в первом столбце таблицы, рассматриваются в английском языке как синонимы. Это дает возможность

подчеркнуть смыслы, которые они не в состоянии передать. В ходе анализа выяснилось, что большинство смыслов слова *тоска* передаются с легкостью, однако отражение некоторых вызывает трудности. Например, ни одно из приведенных вариантов перевода не отражает чувства «тоски по родине». Ошибочно можно посчитать, что слово *longing* ‘страстное желание, тоска’ отражает эту эмоцию, однако чувство «тоски по родине» изначально не является проявлением желания чего-либо. Отражение чувства невозможности контроля своего будущего (ощущения неподвластности собственной жизни) в контексте «тоски по будущему» не нашло полноценного англоязычного эквивалента. Также ни одно приведенное англоязычное слово не отражает состояния предчувствия конца (что с легкостью делает слово *тоска*).

В результате корпусного исследования выяснилось, что нет какой бы то ни было закономерности в выборе англоязычных эквивалентов лексики *тоска* переводчиками. Переводчик является независимым в выборе того или иного варианта перевода. Передача описанных выше эмоций, эквиваленты которых отсутствуют в английском языке, требуют описательного метода перевода, примеры которого, к сожалению, не были найдены нами в корпусе. Тем не менее, обращение к корпусным данным позволило выявить наиболее частотные варианты перевода, которые не зависят ни от особенностей оригинальных текстов, ни от личности переводчика.

Список использованной литературы

1. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание. / А. Вежицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Володина, Д. Концепт «тоска» в структуре языковой личности Р. М. Рильке. / Д. Володина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7. – Ч. 2. – С. 52–56.
3. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянской культуры, 1997. – 824 с.
4. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
5. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117. – Дата доступа: 12.05.2021.
6. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований / А. П. Евгеньева. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 4-е изд.
7. Карта слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/>. – Дата доступа: 12.05.2021.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ruscorpora.ru/>. – Дата доступа: 12.05.2021.
9. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Date of access: 14.05.2021.

10. Lexico [Electronic resource]. – Mode of acces: <https://www.lexico.com/>. – Date of access: 14.05.2021.

Т. М. Катовіч (*г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна*)
Навуковы кіраўнік – *Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт*

НАМІНАЦЫІ ДРЭЎ У КАНТЭКСТЕ ПАЭЗІІ ЯЎГЕНІІ ЯНІШЧЫЦ

Дрэвы лічаць вышэйшым прыродным сімвалам развіцця і росту. Кожны народ выбірае сваё сакральнае дрэва, з якім звязвае паходжанне і існаванне жыцця на зямлі. Для японцаў – гэта сакура, для іспанцаў – лаўр, для англічан – ціс і г.д. Для беларусаў дрэвы таксама маюць асаблівае значэнне. У адрозненні ад іншых народаў, беларусы шануюць не адно, а некалькі дрэў адразу: дуб, бярозу, вярбу. А ў нацыянальным фальклоры і паэзіі часта сустракаюцца найменні і іншых дрэў: арабіны, каліны, вішні, яблыні, явара, асіны.

У творчай спадчыне слаўнай мастачкі беларускага слова Яўгеніі Янішчыц, якая тонка і глыбока адчувала духоўную сувязь з прыродай, з родным краем, розныя дрэвы выступаюць вобразамі-сімваламі, што дапамагаюць раскрыць пачуцці лірычнай гераіні.

На тэрыторыі беларускага Палесся найчасцей сустракаюцца такія дрэвы, як бяроза, сасна, ці хвоя, дуб, вольха, асіна і іншыя. Таму менавіта гэтыя дрэвы паэтызуе Я. Янішчыц.

Палессе – родны і дарагі сэрцу край для Я. Янішчыц. Белая маладая бярозка стала сімвалам гэтага краю, яркім прыпамінкам пра радзіму: *Бунтуе рошчына ў дзяжы, // Свой хлеб пячэ на свята вёска. // Палагаднела на мяжы // Пакінутая мной **бярозка** (“Бунтуе рошчына ў дзяжы”)* [2, с. 32]; *Тут самы лёгка ў свеце сон. // Для кожнай хаты – на **бярозы**. // І камарыны звон чуён // Аж у другой, суседняй, вёсцы.* (“Жыву сярод глухіх балот...”) [2, с. 38]; *Густых **бяроз** мільгае пагранічча. // Не пазнаю цябе, Гарынь-рака. // Шуміць вадой і пеніцца аблічча // Быліннага Давыда-Гарадка.* (“Давыд-Гарадок у час паводкі” [1, с. 83]); *Я думала, лёсам мне дадзена многа, // І многае, праўда, мне лёс падарыў: // Вось гэтую вечную ў вёску дарогу // І тую **бярозку** як памяць між ніў.* (“За дзень пехаты прытаміліся ногі...”) [2, с. 61].

Рабіна для паэткі таксама неад’емная прыкмета палескага краю: *Бліńczовы пах дымоў. // **Рабіна** каля плота. // Пажухлых палыноў // Знямелая гаркота* (“Самае блізкае”) [1, с. 38]; *Там перапёлка плача, // Агні **рабін** гараць. // Там крэўная задача – // Пасеяць і сабраць.* (“Ірвёмся ў неабжытае...”) [2, с. 46].

Вярба ў народнай культуры сімвалізуе жыццёвую моц, хуткі рост, здароўе і плоднасць, абараняе ад уздзеяння нячыстай сілы. Такой моцнай малое гэтае дрэва і Я. Янішчыц: *Пад гэтай даўняю вярбой, // Што не згарэла ў час някельны, // Мяне адтуліць ціхі боль, // Разважыць рупны дзень арцельны.* (“Бунтуе рошчына ў дзяжы”) [2, с. 32].

Дубы і сосны – векавыя вартаўнікі роднага краю, сведкі падзей, добрых і ліхіх часоў, што перажыла радзіма: *Дубоў ды сосен сцішаная варта. // Тут лепшы грыб не возьмеш напавер. // Стары ляснік падсыпле жару-жарту: // “Глядзі, чым мухамор – не кавалер?”* (“Па грыбы”) [1, с. 125]; *Старажытных соснаў вечна. // Птушак грай і смех людзей. // Да сустрэчы. Да сустрэчы. // Сіні вецер. Белы дзень.* (“Да сустрэчы”) [2, с. 24].

На жаль, не змаглі яны абараніць родную старонку ад адной з самых жахлівых аварый – чарнобыльскай катастрофы. І Я. Янішчыц бачыць у гэтай трагедыі не толькі пагрозу знішчэння прыроды роднага Палесся, але і ўсяго жывога на зямлі: *Журавы гуртуюцца журліва, // І чарнее карань у сасны. // Бачу, як хістаецца жахліва, // Як трымціць на вагах шар зямны.* (“Чаша”) [1, с. 60].

Сочаць сосны і за лёсам самой паэткі і могуць пра яе многа раскажаць: *Таму раскажуць сасны, // Жытоў наспелых звон // Пра лёс мой высакосны // І невыносны сон.* (“Жывіце і любіце...”) [1, с. 67].

Ліст клёна сімвалізуе для паэткі яе сына, на долю якога выпалі выпрабаванні, але ён “учэпіста” трымаецца за жыццё, і яна верыць у яго шчаслівы будучыню: *Заступнічак харобры, абарона, // Маёй няшчоты песенны выток! // ...Гляджу на крону восеньскага клёна, // Дзе ўчэпіста трапечацца лісток.* (“Так аціхаюць восеньскія рэкі...”) [1, с. 53].

Сябе ж Я. Янішчыц часам параўноўвае з калючай ёлкай. Але стала яна такой, спазнаўшы расчараванне і падман, і, каб абараніць сябе, вымушана “сыпаць калючкі”: *За стольнай бяседай – што толку! – // Шукаю цябе між усіх // І сыплю калючкі, як ёлка, // На гэтых звычайных, другіх.* (“Ні крыўдай, ні скрухай ліхою...”) [1, с. 212].

Такім чынам, Яўгенія Янішчыц у сваіх паэтычных радках часта звяртаецца да фальклорных вобразаў дрэў – бярозы, рабіны, вярбы і г. д. Яны, як і ў традыцыйных народных песнях беларусаў, дапамагаюць паэтцы перадаць самыя тонкія пачуцці гераіні, перажыванні і клопаты – усё тое, без чаго немагчыма ўявіць жыццё чулага і чуйнага чалавека.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Янішчыц, Я. Выбранае / Я. Янішчыц. / Уклад. А. Канапелькі і В. Коўтун ; прадм. Д. Бугаёва. – Мінск : Маст. літ, 2000. – 351 с.
2. Янішчыц, Я. Пачынаецца ўсё з любові... : вершы, паэмы / Я. Янішчыц. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 339 с.

С. С. Климович (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОНИМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В современном мире культура развивается и пополняется невероятными темпами. При этом разные культуры активно взаимодействуют друг с другом. Фильмы, как представители той или иной культуры, несут в себе ряд ценностей, черт и идей, присущих этой культуре. И в связи с этим возникает необходимость качественного перевода текстов фильмов на разные языки, и в особенности названий кинолент. Несмотря на всю кажущуюся простоту, название имеет сложную структуру и играет важную роль в создании единства фильма.

По аналогии с другими терминами ономастики Ю. Н. Подымовой и Р. Ю. Намитковой был предложен термин *фильмоним* – разряд имен собственных, обозначающих названия кинолент [1].

По причине быстрого появления новых фильмов переводчики не всегда уделяют достаточно внимания и сил качественному переводу. Исследователь Е. Ж. Бальжинимаева отмечает, что комплексный анализ переводов заголовков англоязычных фильмов показывает, что зачастую изменения обусловлены влиянием культурно-языковой специфики страны, где выходит в прокат иностранный фильм [2].

В связи с этим выделяют 3 способа перевода:

1) *прямой перевод*. Чаще всего такому способу подвергаются названия фильмов, в которых отсутствуют непередаваемые культурно-специфические компоненты и нет конфликта формы и содержания. Сюда также относятся такие приемы перевода, как транслитерация и транскрипция имен собственных.

2) *трансформация названия*. Многие названия фильмов переводятся при помощи приемов замены или добавления лексических элементов, также может использоваться и прием опущения.

3) *замена названий фильмов*. Замена исходного названия происходит из-за невозможности полностью передать смысл.

В ходе исследования был собран корпус из 245 англоязычных фильмонимов и их переводов на русский язык. В результате анализа выяснилось, что большая часть фильмонимов с английского языка переводится на русский язык путем прямого перевода, при помощи прямой подстановки эквивалентных соответствий. Таким способом было переведено 116 фильмонимов (47,35%), что свидетельствует о популярности данного вида перевода. Данный прием нашел отражение

при переводе следующих фильмонимов: *First Kill* – *Первое убийство*; *Avengers: Age of Ultron* – *Мстители: Эра Альтрона*; *The Curious Case of Benjamin Button* – *Загадочная история Бенджамина Баттона*; *Man of Steel* – *Человек из стали*; *Isle of Dogs* – *Остров собак* и др.

Следует отметить, что при прямом переводе используют 2 вида перевода: **дословный перевод** и **транслитерация**. Так, при помощи дословного перевода было переведено 86,21 % названий, например, *Gravity* – *Гравитация*; *The Catch* – *Ловушка*; *Home* – *Дом*; *Man of Steel* – *Человек из стали*; *Game of Thrones* – *Игра престолов*. Транслитерация была использована в 13,79 % названий кинофильмов: *Nebraska* – *Небраска*; *Dunkirk* – *Дюнкерк*; *Deadpool* – *Дэдпул*; *Mary and Martha* – *Мэрри и Марта*; *Lucifer* – *Люцифер* и др.

Итак, большая часть фильмонимов, переведенных при помощи транслитерации, представляет собой антропонимы и топонимы. Это связано с тем, что названия фильмов зачастую простые и лексически, и грамматически, что позволяет осуществить адекватный перевод без применения переводческих трансформаций.

Непрямой перевод используется тогда, когда невозможно осуществить прямой перевод, поэтому некоторые названия фильмов подвергаются полной трансформации, то есть переводчик создает новый фильмоним.

При помощи непрямого перевода было переведено 139 названий кинофильмов, что составляет 56,73 % от собранного материала. Из них 29,5 % переведены при помощи **трансформации**. Это связано с тем, что, несмотря на простоту названий, иногда их приходится адаптировать лексически, грамматически и стилистически для лучшего звучания и понимания носителями переводящего языка.

К стратегии трансформации относятся 6 фильмонимов, переведенных при помощи приема **добавления** (*100 girls* – *Сто девушек – Сто девчонок и одна в лифте*; *Last Night* – *Прошлой ночью – Прошлой ночью в Нью-Йорке* и др.) и 4 фильмонима, переведенных при помощи приема **опущения** (*How to train your dragon* – *Как приручить твоего дракона – Как приручить дракона*; *The fault in our stars* – *Вина в наших звездах – Виноваты звезды* и т. п.).

Следующая по частоте применения стратегия – полная лексико-семантическая замена – 40 %. В эту категорию попадают названия с непереводаемыми грамматическими конструкциями, аллитерацией или игрой слов, а также названия с прагматикой, непонятной носителям переводящего языка: *Over the Hedge* – *Через изгородь – Лесная братва*; *Mozart and the Whale* – *Моцарт и Кит – Без ума от любви*; *Cloverfield* – *Кloverфильд – Монстро*; *Terra Willy* – *Земля Вилли – Маугли дикой планеты*; *Dan in real life* – *Дэн в реальной жизни – Влюбиться в невесту брата* и др.

Таким образом, перевод фильмонимов предполагает использование различных способов и приемов с целью установления тесной связи между языком оригинала и переводом. При сопоставлении различных переводов названий кинофильмов было выяснено, что наиболее употребительным является не прямой перевод, в частности, полная лексико-семантическая замена. Такой результат свидетельствует о проблеме наличия в исходном языке безэквивалентной лексики, игры слов, идиом, которые при прямом переводе будут непонятны реципиентам. Поэтому самой удачной стратегией перевода будет считаться та, что несет максимальную смысловую нагрузку, имеет связь названия с содержанием фильма и выполняет ряд других функций фильмонима.

Список использованной литературы

1. Александрова, О. И. Стратегия перевода современных англоязычных фильмонимов на русский и испанский языки / О. И. Александрова, У. А. Николаева // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – Вып. 2. – С. 113–122.
2. Бальжинимаева, Е. Ж. Стратегии перевода названий фильмов [Электронный ресурс] / Е. Ж. Бальжинимаева. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/3099824.html>. – Дата доступа: 20.04.2021.

Д. Д. Кобяtko (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – М. П. Концевой, старший преподаватель

СЛОВО И ДЕЛО «ДИКТАНТА ПОБЕДЫ»

В настоящее время стремительно развивается тенденция падения интереса к чтению, что является тревожным явлением для многих стран. Научное историческое сообщество считает единственно верным путем решения данной проблемы путь культурного просвещения широких масс, популяризации исторических знаний, прежде всего среди молодого поколения. Большое внимание уделяется активизации интереса к изучению истории и формированию чувства уважения к прошлому своей страны; углублению знаний граждан о событиях, ставших основой государственных праздников и памятных дат; повышению интереса к военной истории Отечества и популяризации подвигов героев.

Чтобы приобщить учащихся к чтению, в рамках празднования 75-летия дня Победы в России был разработан проект «Диктант Победы». Проект ориентирован на все социальные слои и возрастные группы граждан при сохранении приоритета патриотического воспитания детей и молодежи. Цели проекта: организация информационного пространства школы, ориентированного на формирование и развитие интереса к чтению, привлечение учащихся к изучению истории Великой Отечественной

войны, повышение исторической грамотности и патриотического воспитания молодежи. Задачи: формирование читательской компетенции учащихся; развитие навыков вдумчивого чтения, критического рефлексивного мышления. За 45 минут участники должны ответить на 25 вопросов, которые посвящены знаменательным датам, событиям, военной географии, историческим личностям, а также произведениям о войне изобразительного и монументального искусства.

«Диктант Победы» уже третий год проходит на территории России, и с каждым годом география проекта стремительно распространяется, занимая все больше и больше площадок. На официальном сайте «*диктантпобеды.рф*» [1] каждый желающий может пройти «Диктант Победы» онлайн, углубиться в последние новости в разделах «Новости», «Анонсы» и «Статьи», а также многое узнать о самом тесте в разделах «Медиа» и «Вопросы». Благодаря данной платформе, у иностранных участников есть возможность пройти диктант на английском языке, что помогает распространить историю победы.

Концепт победы в современной культурной ситуации обладает ценностной значимостью. Концепт – это единство слова и понятия. Поэтому самое общее и, как правило, самое существенное в концепте представлено прежде всего лексикографически. Концепт победы в современном языковом сознании синхронически представлен, например, в словарях В. И. Даля и Д. Н. Ушакова, а диахронически – в этимологических словарях.

При сравнении словарей В. И. Даля и Д. Н. Ушакова можно заметить, что словарь В. И. Даля дает образную интерпретацию русского слова, довольно кратко описывает слово «победа» [2]. Словарь же Д. Н. Ушакова, в отличие от словаря В. И. Даля, нормативен и рационалистичен, имеет большой объем статьи, разграничен по прямому и переносному значению, содержит фразеологизмы [3].

По данным этимологических словарей, «победа» связана с такими смыслами, как «беда», «поражение», «несчастье» [4], «убеждение силой».

По мнению большинства исследователей, представление о победе является неотъемлемой составляющей концепта «война» – важнейшего концепта русской культуры. В структуре данного концепта выявляется более 70 компонентов, среди которых «кровь», «раненый», «бойня», «оружие», «ужас», «сражение», «армия», «смерть», «огонь» и, безусловно, субконцепт «победа». Подобная же картина выявляется при анализе языковых элементов русскоязычных толковых словарей, которые провела В. А. Маслова. По ее мнению, вспоминая о войне, русский человек выстраивает ряд ассоциаций, связанных, прежде всего, с отрицательными явлениями: с врагом, боями, борьбой, сражением, поражением, фронтом,

обороной, атаками, боевыми заданиями и приказами. Крайне редко встречаются положительные составляющие – это, безусловно, победа в Великой Отечественной войне [5; 201–211].

Таким образом, концепт «победа» в русской лингвокультуре может рассматриваться как субконцепт образа войны. Анализ многих научных работ показывает, что концепт «победа» как самостоятельный феномен обнаруживается в контексте Великой Отечественной войны. Представление о победе в Великой Отечественной войне характерно для носителей тех лингвокультур, чья история так или иначе связана с военными действиями на территории Советского Союза в период с 1941 по 1945 г. В иноязычных лингвокультурах (европейских, американской) представление о Великой Отечественной войне не сформировано, поскольку она исторически вписана во Вторую мировую войну.

В английской лингвокультуре концепт «победа» несет пару значений: 1) *victory – the act of winning or state of having won in war or in any kind of struggle* [6] – акт победы или состояние победившего в войне или в любом виде борьбы; 2) *defeat – the act of defeating* – акт поражения. Бинарность словесного знака «победа» и сопричастность «поражению» показывает анализ его внутренней формы.

Лексема *victory* эксплицирует синонимический ряд: *to overcome* ‘побороть, превозмочь’, *to win/score/gain* ‘победить, выиграть, одержать победу’, *to conquer* ‘завоевывать, покорять’. Словарь Webster’s School Dictionary приводит для лексемы *victory* синонимы: *conquest – implies the subjugation* ‘покорение’, *of defeated opponent*; *triumph – suggests acclaim* ‘шумное приветствие’. Определенно можно сказать, что денотат *victory* ‘победа’ включает значения *conquest* ‘завоевание, покорение’ и *triumph* ‘триумф’, когда цель войны считается достигнутой, а победа полной – при выполнении ряда условий, дополняющих понятийный объем лексемы *victory*: 1) *defence* ‘защита’; 2) *defeat of the enemy army* ‘разгром вражеской армии’; 3) *the acquisition of territory* ‘приобретение территории’; 4) *obtaining and establishing the superiority and dominion over the enemy* ‘установление власти над врагом’.

Фактором сходства для русской и английской лингвокультур является бинарность, основанная на том, что цель любой войны (победа – триумф) связана с ее следствием (потери).

Мы живем во время информационных войн, где одним из применяемых методов является дезинформация населения той или иной страны, а также мирового сообщества в целом об историческом прошлом. В связи с этим многие страны вынуждены противостоять продвижению разного рода ложной информации, искажающей события прошлого. Нередко в Интернете можно найти не только поверхностную, но и

неточную информацию по истории, которая способствует распространению исторических мифов и фальсификации истории. Привлечь и заинтересовать, прежде всего, молодое поколение изучать историю посредством чтения научно-популярной исторической литературы и исторических источников – одна из важнейших просветительских задач в наше время.

Международная просветительно-патриотическая акция «Диктант Победы» является важным шагом на пути к борьбе с дезинформацией и фальсификацией истории. Благодаря данной акции, участники могут не только узнать свой уровень знания истории Великой Отечественной войны, но и восстановить в памяти исторические события, окунуться в историю и открыть что-то новое для себя. Знание истории войны играет немаловажную роль в воспитании. Исторические события приучают ценить все, что нас окружает, прививают уважение и гордость за события прошлого и за героев, отдавших свою жизнь в боях за Родину. Такого рода мероприятия имеют своей целью не столько оценить уровень знаний о событиях прошлого, сколько привлечь внимание общества к затрагиваемым темам, подтолкнуть граждан прослушать лекцию, посмотреть документальный фильм, почитать исторические документы, познакомиться с новыми историческими исследованиями, находящимися на просторах сайта «*диктантпобеды.рф*». Обладание такой информацией и знаниями не позволит манипулировать взглядами и умами общества, навязывать другую, альтернативную точку зрения на те или иные события как далекого, так и недавнего прошлого.

Список использованной литературы

1. Диктант Победы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://диктантпобеды.рф>. – Дата доступа: 04.05.2021.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1982. – Т. 3. – 555 с.
3. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ТЕРРА, 1996. – Т. 3. – 712 с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3. : Муза – Сят. – 832 с.
5. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
6. Longman Dictionary of Contemporary English / Словарь современного английского языка : в 2-х т. – М. : Рус. яз., 1992. – Т. 1. – 626 с.

Н. В. Ковалевич (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
 Научный руководитель – Переход О. Б., канд. филол. наук, доцент

НАЗВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ В СЛОВАРЯХ

Русские и польские религиозные праздники как факт объективной реальности систематизируются с точки зрения их значимости для церкви и костела. Геортоним, как название праздника, является своеобразным «языковым памятником». «...Основное назначение геортонимов – фиксировать события во временном континууме, <...> определенное наименование праздника связано с известным временем, местом и эпохой. Это пространственное и временное распределение геортонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной информации. Они хранит в себе сведения о духовной культуре людей» [1, с. 80].

Целью статьи является рассмотрение лингвокультурологических комментариев к русским и польским религиозным праздникам, представленных в словарях. **Материалом** послужили названия русских и польских религиозных праздников (источники см. в списке сокращений).

Анализ онимического материала показал, что в словарях русского языка лингвокультурологический комментарий к названиям религиозных праздников дан непосредственно в словарных статьях, сопровождающихся ремарками и энциклопедическими справками.

В НСРЯ названия религиозных праздников введены с помощью ремарок: 1) согласно евангельскому преданию, в память... или согласно церковному вероучению...: **Благовещение** – *согласно евангельскому преданию, в память* о принесенной архангелом Гавриилом – благовестником тайн Божиих – благой вести Пресвятой Богородице о скором рождении у нее Спасителя мира (НСРЯ, т. 1, с. 102). **Введение** – *согласно евангельскому преданию, в память* о том дне, когда родители Марии (Иоаким и Анна), во исполнение данного ими обета – посвятить свое дитя служению Господу, торжественно ввели в Иерусалимский храм трехлетнюю дочь (НСРЯ, т. 1, с. 149). **Вербная** – *согласно евангельскому преданию, в память* о торжественном входе Господа в Иерусалим накануне своих страданий (НСРЯ, т. 1, с. 158). **Крещение** – *согласно евангельскому преданию, в память* о крещении Господа Иисуса Христа в реке Иордан в возрасте 30 лет (НСРЯ, т. 1, с. 737). **Пасха** – *согласно евангельскому преданию, в память* чудесного воскресения Иисуса Христа, распятого на кресте по приговору иудейского суда,

утвержденному римским наместником Понтием Пилатом (НСРЯ, т. 2, с. 24). **Преображение** – согласно евангельскому преданию, в память чудесного преобразования Иисуса Христа на горе Фавор перед тремя апостолами: Петром, Иаковом и Иоанном (НСРЯ, т. 2, с. 283). **Сретение** – согласно евангельскому преданию, в память о встрече – сретении – Младенца Иисуса со старцем Симеоном и пророчицей Анной в храме, куда Дева Мария, согласно ветхозаветному закону, принесла Иисуса через 40 дней после рождения (НСРЯ, т. 2, с. 689); 2) согласно церковному вероучению...: **Рождество Пресвятой Богородицы** – согласно церковному вероучению, в память рождения Девы Марии, матери Иисуса Христа, в Назарете в Галилее (НСРЯ, т. 2, с. 514).

В НБТС встречаем следующие ремарки: 1) в память...: **Троица** – в память о сошествии Святого Духа на апостолов, вследствие чего они «заговорили на разных языках, никогда им не учившись» (НБТС, с. 1346). **Покров** – в память о явлении в Константинополь в 910 г. Богородицы, которая простерла над молящимися покрывало и вознесла молитву о спасении мира от бед и страданий (НБТС, с. 897); 2) в честь...: **Воздвижение** – в честь установления для поклонения на горе Голгофе близ Иерусалима креста, на котором был распят Иисус Христос (НБТСРЯ, с. 142). В НБТС некоторым названиям религиозных праздников сопутствуют энциклопедические справки: **Благовещение** – • Традиционный сюжет церковной живописи. Название иконы с таким сюжетом, входящей обычно в дежурный чин. Употребляется в названиях церковных храмов, освященных в честь этого события (НБТС, с. 81). **Богоявление** – • Во время крещения Иисуса Бог сошел с небес в виде голубя, что укрепило присутствующих в вере в божественную суть Иисуса Христа (НБТС, с. 87).

В лингвокультурологических комментариях к русским названиям религиозных праздников, приведенных в словарных статьях, кроме геортонимов, встречаются имена собственные других разрядов: 1) антропонимы: **Иисус Христос, дева Мария, архангел Гавриил, апостолы Петр, Иаков, Иоанн, старец Симеон, пророчица Анна, Иоаким, Понтий Пилат**; 2) оронимы: **Фавор, Голгофа**; 3) потамонимы: **Иордан**; 4) астионимы: **Иерусалим, Константинополь, Назарет**, 5) хоронимы: **Галилея**.

В толкованиях к польским названиям религиозных праздников отмечены следующие ремарки: 1) upamiętniająca / upamiętniające / upamiętnia: **Niedziela Palmowa**, rel. – *upamiętniająca* wjazd Chrystusa do Jerozolimy (WSJP). **Spotkanie Pańskie** – *upamiętniające* ofiarowanie Jezusa Chrystusa w Świątyni Jerozolimskiej, zgodnie z prawem Mojżeszowym, w nadzwyczajnej formie rytu rzymskiego zwane Oczyszczeniem Najświętszej

Maryi Panny (СЭА). **Święto Reformacji** – *upamiętnia* początek reformacji, czego symbolem stało się ogłoszenie 31 października 1517 r. przez Marcina Lutra w Wittenberdze 95 тез (СЭА); 2) **w/ według Ewangelii: Trzech Króli** – pochodzi od trzech mędrców Kacpra, Melchiora i Baltazara ze Wschodu, którzy **według Ewangelii** świętego Łukasza przybyli z daleka, podążając za gwiazdą, aby oddać pokłon Jezusowi narodzonemu w Betlejem (WSJP). **Pięćdziesiątnica** – opisane w Dziejach Apostolskich i zapowiedziane przez Chrystusa w **Ewangelii** zstąpienie Ducha Świętego na apostołów zebranych w wieczerniku w Jerozolimie niedługo po śmierci Jezusa (EPWN); 3) **w wyznaniach chrześcijańskich...: Zwiastowanie Bogurodzicy** – w **wyznaniach chrześcijańskich** objawienie się Marii Archanioła Gabriela i jego zapowiedź narodzenia Jezusa Chrystusa, Syna Bożego (СЭА).

К польским религиозным праздникам дан справочный (энциклопедический) материал, например: **Święto Świętych Młodzianków Męczenników** – święto to dedykowane jest Rzezi Niewiniątek dokonanej na rozkaz namiestnika Galilei Heroda w Betlejem. Młodziankowie – dzieci – oddając za Boga życie, otrzymali chrzest krwi i zasłużyli u Boga na podwójną aureolę: dziewictwa i męczeństwa (СЭА). **Dzień Świętego Błażeja** – dzień biskupa, męczennika, patrona chorych na gardło. Święty Błażej żył na przełomie III i IV ww. w mieście Sebaste (Sivas w Turcji). Był lekarzem, porzucił swój zawód i oddał się służbie Bogu (СЭА).

В толкованиях польских религиозных праздников встречаем следующие группы онимов: 1) анторопонимы: *archaniol Gabriel, Maria, Marcin Luter, Kacper, Melchior, Baltazar, Herod, Łukasz*; 2) астионимы: *Wittenberg, Jerozolima, Betlejem, Sebaste, Sivas*; 3) хоронимы: *Galilea*.

Таким образом, лингвокультурологический комментарий к названиям русских и польских религиозных праздников, основанный на словарных материалах, показывает: 1) геортонимы содержат в себе информацию об определенных событиях, связаны с библейскими сюжетами, конкретными лицами, что подтверждается выделением групп онимов, упоминающихся в словарных статьях; 2) лингвокультурологический «контекст» вводится с помощью ремарок или энциклопедических справок.

Список сокращений и условных обозначений

НБТС – Новейший большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт; М. : Рипол классик, 2008. – 1534 с.; **НСРЯ** – Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2001. – 2 т.; **СЭА** – Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/>. – Дата доступа : 21.04.2021.; **EPWN** – Encyklopedia PWN [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://encyklopedia.pwn.pl/>. – Дата доступа : 21.04.2021.; **WSJP** – Wielki słownik języka polskiego [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.wsjp.pl/>. – Дата доступа : 21.04.2021; • – энциклопедическая справка.

Список использованной литературы

1. Андреева, О. С. Православные геортонимы в составе пословиц и поговорок с прогностическим значением [Электронный ресурс] / О. С. Андреева // Известия Волгоград. гос. педагог. ун-та. – 2009. – С. 80–83. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnye-geortonimy-v-sostave-poslovits-i-pogovorok-s-prognosticheskim-znacheniem/viewer>. – Дата доступа: 06.04.2020.

П. Ю. Косицина (г. Тула, ТГПУ имени Л.Н. Толстого, Россия)
Научный руководитель – Н. А. Красовская, доктор филол. наук, профессор

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В НАДПИСЯХ НА ФОТОГРАФИЯХ

Интерес к продуктам письменной речи, отражающим наряду с устной характерные особенности человека, возник сравнительно недавно. Отечественные психологи: Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, А. Р. Лурия и многие другие впервые исследовали данный тип речи как сложный по структуре и функциональности психический процесс. Под термином «естественная письменная речь» понимается речевая деятельность (и ее результат – тексты), которая обладает письменной формой, спонтанностью и непрофессиональностью исполнения [1, с. 3]. Естественная письменная речь соседствует с тремя смежными речевыми сферами: устно-разговорной, искусственной устной речью и искусственной письменной речью [2, с. 257]. При изучении письменной речи важнейшим фактором, влияющим на ее выражение, является особенный для каждого конкретного индивида социальный опыт. Поэтому письмо как вид деятельности основывается на таких психофизиологических процессах как память, мышление, восприятие, внимание и речь.

Речь устная и письменная имеют свои специфические особенности, благодаря которым мы различаем языковую личность и письменную языковую личность в одном субъекте. К таким специфическим особенностям относятся: способ передачи сообщения (акустический код/графический код), непосредственный контакт коммуникаторов (наличие/отсутствие), виды норм (орфоэпические/орфографические), временные характеристики проявления процессов мышления и изложения информации (одновременность/последовательность). Подобные подходы мы встречаем в работах И. А. Бодуэна дэ Куртене [3, с. 14], Т. М. Николаевой [4, с. 78], Й. Вахека [5, с. 524] и других исследователей.

Проблема передачи характерных черт личности через письменную речь является актуальной, поскольку сейчас мы прослеживаем тенденцию полного перехода коммуникации в интернет-сферу, в сферу соединения

черт разговорной речи и письменной формы. В интернет-общении мы также стараемся увидеть за написанным личность, уловить проявление ее особенностей. Наконец, эпоха «цифры» оказывает влияние и на практически полное исчезновение фотографий, распечатанных на бумаге. В связи с распространением фотографий в цифровом формате бумажный их вариант исчезает. Вместе с ним уходит в прошлое и такое явление, как надписи на фотографиях.

Мы проанализировали несколько надписей на фотографиях и выявили некоторые особенности. Так мы заметили, что молодые люди и романтические девушки охотно используют нестандартное расположение текста. На обороте одной из фотографий, адресантом которой является молодой человек-курсант, надпись структурирована диагонально. Первоначально автор пишет небольшое послание, в котором интерес для филолога представляет употребление обращения к адресату «*любимому другу Юрику*», где словоформа *любимому* имеет эмоционально-экспрессивную окраску и информирует о теплом, дружеском отношении. Далее так же по диагонали мы увидели различного рода пометы: дата написания и наименование учебного заведения *ВВВУТ* (Вольское Высшее Военное Училище Тыла). Данные пометы погружают адресата в хронотоп, который указывает на события тридцатилетней давности: процесс обучения и курсантской жизни. После основной надписи мы видим слово *Цуна* – прозвище автора. Обратим внимание на интересную деталь: само прозвище, конечно, относится к разговорному стилю, а вот его расположение и скобки, в которых оно употребляется, свидетельствуют о некоторых тенденциях к сохранению черт официально-делового стиля. Это, с одной стороны, может говорить о том, что автору знакомы официально-деловые бумаги, а с другой стороны, может говорить о самоиронии. Несколько слов скажем о почерке: явно отмечается хорошее владение основами черчения, буквы напоминают графические знаки, которые обычно используются на чертежах. Последнее замечание связано с личной подписью: она обведена, прописана четко и аккуратно, что также свидетельствует об определенных чертах личности пишущего, скорее всего, об уверенности в себе и своих силах.

Далее, проводя сравнительный анализ с предыдущей надписью, мы обратили внимание на одну немаловажную деталь: несмотря на то, что автором текста является женщина, а им более свойственно эмоциональное проявление чувств в письмах, эмоционально-экспрессивные лексические средства отсутствуют, можно предположить, что дружеские отношения подруг не такие крепкие, как у друзей-курсантов. Однако определенным средством выражения эмоций выступает рисунок, по нашему мнению, он является своеобразным компенсатором несказанных слов. Рисунок,

с одной стороны, передает настроения автора, с другой же стороны – он довольно нейтрально выражает чувства, не так ярко и конкретно, как слова. Рисунок создает общее приятное впечатление, связанное с летом, морем, романтикой. Помимо того, мы отметили сильное выделение букв, они выведены сильным нажатием ручки неоднократное количество раз, что свидетельствует об импульсивном характере адресата, желании выделиться самыми разнообразными способами. Интересно отметить, что подписью является аббревиатура начальных букв фамилии, имени, отчества *ИТН*. В этом также проявляется определенная загадочность, романтика, которая свойственна людям юного возраста.

Следующей для анализа предстал весьма необычный тип надписи – коллективный на память одному человеку. Среди эмоционально-экспрессивных средств мы отметили уменьшительно-ласкательную форму имени – *Юрику*. Это говорит о том, что авторы тепло и по-свойски относились к адресату. Мы обратили внимание также на указание места и на дату (*м. Гилёва, р. Аляска, 6.08.97*), что позволяет точно определить, где и когда была сделана фотография. Это, безусловно, важно для авторов-туристов (данное замечание было сделано на основе слов *от туристов*). Об определенной коллективности сознания свидетельствует и сама предложно-падежная форма, которая позволяет точно сказать, что люди, подписывающие фотографию, мыслили себя как единое целое, несмотря на то, что стоит подпись одного лица.

В надписи, которую мы анализировали следующей примечательно количество эмоционально-экспрессивных лексических средств, выраженных уменьшительно-ласкательными формами слов и имени собственного, формальными показателями которых являются суффиксы-деминутивы: *сестренке, Людуньке, братика*. Интерес представляет уменьшительная форма имени собственного, по нашему мнению, она либо может считаться окказиональной, либо диалектной. Но в любом случае ее можно отнести к своеобразным «камерным», семейным языковым средствам, которые позволяют передать не просто нейтральную информацию, а выразить бережное, нежное, родственное отношение к человеку. Последняя фраза позволяет говорить о важности межличностных отношений для пишущего, о его неравнодушии к адресанту: *«помни Людунька братика»*. Хронотоп представлен лишь указанием на дату – *30/11 – 52 года*.

Следующая фотография с надписью погружает в хронотоп Советского Союза. Из текста *«в дни моей службы в ВС СССР»* становится понятно, что пишущий проходил службу в этих структурах. Помимо этого, ценно то, что пишущий использует термины родства и имена собственные *«бабушке соне, жене Вале и Людмиле»*, это делает саму надпись в большей

степени точной и сориентированной именно на конкретных адресантов. Дата указана с помощью сочетания арабской (день), римской (месяц) и вновь арабской (год) цифр – 19.VI.69 г. Точность указанной надписи придает и имеющийся топоним – г. Пермь.

Интерес представляет надпись на еще одной фотографии. Здесь мы не увидели традиционных слов, связанных с выражением семантики памяти, но надпись содержит точное указание на тех лиц, которые представлены на фотографии: «*т. Маня, ее муж, дочка Нина с мужем и двумя детьми и сын т. Мани Шура*». Можно предположить, что данная надпись была адресована близким родственникам, которые знают всех членов семьи по именам. Однако, скорее всего, родственники давно не виделись, потому что вторая часть надписи уточняет информацию, связанную с изменением возраста детей: «*теперь дочка учится в 10 классе, а мальчик в 5*».

Попытка проанализировать надписи на фотографиях приводит нас к целому ряду довольно интересных наблюдений:

1) Надписи на фотографиях по выражаемой коммуникативной цели и интенции можно разделить на несколько разновидностей: сделанные «на память», сделанные с целью оставить официальную информацию, сделанные с целью выразить эмоции, сделанные с целью сообщения личной информации, ее уточнения и конкретизации.

2) Надписи на фотографиях не только способны передать сведения о времени и месте события, но и роде деятельности, эпохе, степени близости людей.

3) Выражение эмоций пишущего может осуществляться не только с помощью семантики слов, суффиксов, но и с помощью расположения надписи, рисунков, почерка и т. д.

Безусловно, работа имеет интересные перспективы рассмотрения пунктуационного, орфографического оформления надписей, их расположения на самой фотографии и т. д.

Список использованной литературы

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 29 с.
2. Лебедева, Н. Б. Жанр «Заметки на полях» / Н. Б. Лебедева, И. В. Казанцева // Вестник Кемеров. гос. ун-та. – 2008. – Вып. 2(34). – С. 146–149.
3. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Об отношении русского письма к русскому языку: избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Санкт-Петербург, 1912. – С. 9–39.
4. Золотова, Е. С. Жанры естественной письменной речи предпринимателей / Е. С. Золотова [Электронный ресурс] // Языкознание и литературоведение. – 2012. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-estestvennoy>. – Дата доступа: 06.02.2021.

5. Вахек, Й. К проблеме письменного языка. / Й. Вахек // Пражский лингвистический кружок / Перевод с немецкого Т. В. Булыгиной. – 1967. – С. 524.

Е. В. Косынюк (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)
Научный руководитель – И. А. Швед, доктор. филол. наук,
профессор

ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА В БЕЛОРУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

В белорусской и зарубежной фольклористике до сих пор не выработан единый подход к трактовке повествовательных жанров фольклора и их классификации. Исчерпывающий историографический анализ исследования прозаических жанров белорусского фольклора и анализ имевшихся в конце прошлого века подходов к классификации жанров народной прозы дан белорусским фольклористом К. П. Кабашниковым [1, с. 5–88]. Общая картина классификации сказочного эпоса, по его заключению, сводится к следующей схеме. Сказка как общее жанровое понятие объединяет четыре основные жанровые разновидности: сказки о животных, волшебные сказки, бытовые и новеллистические. Первые два жанра отражения действительности основаны на древних представлениях, на вере в существование различных сверхъестественных сил, которые персонифицируются в сказках. По наличию сверхъестественного к сказкам приближаются произведения переходного типа – легендарные сказки, многие сюжеты и образы которых повторяют легенды, но развиты в типичном сказочном стиле. Правда, сатирическая направленность отдельных сказок-легенд приближает их к социальным и бытовым сказкам, но разделить эти произведения, имеющие общую образную систему, прочный круг сюжетов и другие точки соприкосновения и с этой точки зрения представляющие единое целое, по мнению К. П. Кабашникова, непрактично. Две другие упомянутые выше жанровые разновидности – сказки и рассказы – даже в большей степени, чем первые две, сочетают в себе общие принципы отражения действительности, которые оставляют мало места для древних представлений о существовании сверхъестественных сил. Общность мировоззренческой основы бытовых и новеллистических сказок иногда не позволяет провести четкую грань между этими произведениями, но по многим другим параметрам можно заметить разницу. Вместе с тем некоторые белорусские фольклористы используют более дробное членение жанровых форм белорусской повествовательной традиции.

Феноменологический подход к исследованию народной прозы разрабатывает белорусский фольклорист Т. В. Лукьянова [2]. Ю. Ю. Отрощенко предприняла попытку рассмотрения прозаических жанров белорусского фольклора в гендерном аспекте [3]. Как совершенно справедливо в обзорной статье отмечает Т. В. Володина [4, с. 79–98], очевидно, что даже рассмотрение традиционной прозы подталкивает к выходу за границы чисто литературоведческой рубрики жанров. СобираТЕЛЬСКАЯ практика также «освобождалась от многих стереотипов; обнаружилось, что огромное количество явлений, фольклорная природа которых не подлежит сомнению, не может быть “расклассифицировано” традиционными методами. Еще более утвердились в этом мнении фольклористы, обратившиеся к ранее “закрытым” или попросту длительное время игнорировавшимся по разным причинам коллекциям предшественников. Оказалось, количество нерегулярных явлений, трудно поддающихся жанровой интерпретации, огромно» [5, с. 65]. «Подобные обстоятельства, – продолжает Т. В. Володина, – подвигают к предложениям новых классификаций, которые вызывают, однако, некоторые возражения. Так, авторский коллектив под руководством Р. М. Ковалевой [6; 7] выделяет, по словам Т. В. Володиной, «магическую прозу – область фольклора, в которой отсутствуют жанры. Она включает свод правил и предписаний, относящиеся к магическим действиям. От магической прозы отделяются календарно-обрядовая и календарно-праздничная проза, и снова вопросы возникают относительно критериев разведения календарно-обрядовой и календарно-праздничной прозы, не говоря о взаимоотношениях этих блоков традиции с прозой вообще» [4, с. 82].

Среди собирателей и публикаторов белорусского фольклора, в том числе прозаического, особо вслед за Т. В. Володиной надо назвать Г. И. Лопатина из Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Р. Шклярова, хорошо известного своими публикациями в «Живой старине», «Антропологическом форуме», «Palaeoslavica» и многочисленных сборниках и материалах конференций. Г. И. Лопатин сумел открыть, записать, преподнести и профессионально прокомментировать редкие данные о доброхожих, русалках, заговорах, обрядах и т. д. [8]. Особенно ценно представление им фольклорно-этнографического портрета личности в традиции, в данном случае – Варвары Александровны Грецкой – талантливого самородка, от которой были записаны и системно представлены собирателем тысячи фольклорных единиц. Г. Лопатин поставил перед собой задачу определить, что представляет собой «человек традиции», основным принципом формирования личности которого является следующий: «Ўсё ета бярэцца ад пакаленія» [8, с. 3], а также понять, как фольклорная личность

существует внутри родной для нее культуры и одновременно анализирует ее. Еще одной задачей, которую решает автор, является рассмотрение механизма передачи межпоколенческой информации и жизненного опыта: «навесці на пуць», «даць жызню» – эти установки диалога поколений, выдержавшие проверку временем, не устарели и сейчас [8, с. 30]. Как отмечает Г. Лопатин во введении [8, с. 3–17], для своего выживания народная культура формирует в своей среде и выделяет из социального коллектива личности, способные объединять социум песней и обрядом и одновременно в условиях оторванности от коллектива оставаться носителями традиции. Эта особенность самосохранения, по справедливому замечанию российского фольклориста О. В. Беловой [9] – рецензента книги Г. Лопатина – оказалась чрезвычайно важной для Гомельщины, самобытная народная культура которой оказалась под угрозой исчезновения в результате Чернобыльской катастрофы, уничтожения сотен населенных пунктов и массового переселения жителей в другие регионы Беларуси.

Говоря о разработанности исследований репертуара и языка «фольклорной личности» в славянской фольклористике и этнолингвистике, О. В. Белова отмечает, что предметом изучения становятся песни и рассказы матерей и бабушек исследователей, репертуар ярких представителей отдельных локальных традиций, а также опыты самоописания народной культуры, словари диалектной языковой личности и словари отдельных семей. Но, как подчеркивает Г. Лопатин, случай В. А. Грецкой уникален в том смысле, что впервые от одного информанта зафиксирован весь фольклорно-этнографический комплекс населенного пункта, и, О. В. Белова добавляет от себя – весь материал представлен в аутентичной форме (сохранены диалектные особенности речи рассказчицы), без сокращений или авторского пересказа (ограниченность объема журнальных публикаций иногда вынуждает к этому исследователей). В перспективе материалы, записанные от Грецкой, как справедливо подчеркивает О. В. Белова, могут стать основой для составления словаря диалектной личности; при этом лексический фонд индивида должен быть описан без купюр – ведь в языке культуры органично сочетается нормативная и экспрессивная лексика и нередко обценные (с точки зрения литературного языка) термины несут в себе архаические смыслы. Поэтому можно только пожалеть, как пишет О. В. Белова, что высказывания о внебрачных детях оказались «отцензурированы» и экспрессивные номинации женщины, родившей внебрачного ребенка, скрылись за многоточием [9].

В заключение отметим, что в белорусской фольклористике наиболее пристальное внимание уделялось сказочной прозе (в которой традиционно выделяются сказки о животных, волшебные сказки, социально-бытовые,

народные шутки и анекдоты). Новеллистическим сказкам и сказкам легендарным, имеющим специфические черты, уделялось меньше внимания. В несказочной прозе рассматриваются легенды, предания и сказы, и если первые два вида (либо жанра) прозаического фольклора довольно глубоко изучены белорусскими фольклористами, то сказы еще ждут своего исследователя, который бы реализовал междисциплинарный подход к раскрытию их природы. Можно также заключить, что академическое издание «Народная проза» [1] на сегодняшний день является наиболее репрезентативным в плане реализации фольклористического подхода к исследованию повествовательных жанров белорусского фольклора.

Список использованной литературы

1. Народная проза / К. П. Кабашнікаў, А. С. Фядосік, А. В. Цітавец ; навук. рэд. А. С. Ліс. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 517 с.
2. Лук'янава, Т. В. Няказкавыя жанры беларускай фальклорнай прозы: феноменалагічны аналіз : дап. для студэнтаў філал. ф-та [Электронны ресурс] / Т. В. Лук'янава. – Режим доступа: <https://urok.shkola.of.by/nyakazkaviya-janri-belaruskaj-faleklornaj-prozi-fenamenalagich.html?page=14>. – Дата доступа: 01.03.2021.
3. Атрошчанка, Ю. Ю. Празаічныя жанры беларускага фальклору: гендарны аспект : аўтарэферат дысртацыі на атрыманне вучонай ступені кандыдата філалагічных навук : 10.01.09 / Ю. Ю. Атрошчанка ; Дзярж. навук. установа «Цэнтр даслед. беларускай культуры, мовы і літаратуры Нац. акад. навук Беларусі». – Мінск, 2018. – 28 с.
4. Володина, Т. В. Успехи и болевые точки белорусской фольклористики последних лет / Т. В. Володина // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Н. Е. Котельникова. – М. : ГРЦРФ, 2013. – С. 79–98.
5. Брицина, А. Ю. Проблемное поле современной украинской фольклористики / А. Ю. Брицина // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов : сб. материалов. – М. , 2010. – С. 63–76.
6. Кавалева, Р. М. Абрысы рытуальна-магічнай сферы беларускага фальклору / Р. М. Кавалёва. – Мінск : Бестпрынт, 2005.
7. Кавалёва, Р. М. Фалькларыстычны калейдаскоп: зб. арт. / Р. М. Кавалёва. – Мінск : Бестпрынт, 2009. – 266 с.
8. Лапацін, Г. Варвара Грэцкая як з'ява беларускай народнай культуры. – Гомель : Выд-ва ГДУ, 2015. – 248 с.
9. Белова, О. В. Варвара Грэцкая как явление белорусской народной культуры / О. В. Белова // Славяноведение. – 2017. – № 2. – С. 115–119.

Д. С. Кот (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Т. М. Лянцевич, канд. филол. наук, доцент

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНЕНИЯ

Исследование категории сравнения – тема, интерес к которой не ослабевает. Сравнение рассматривалось ещё в античности как один из наиболее простых, но в то же время эффективных инструментов познания, поскольку 1) через сравнение познаются единичное, особенное и всеобщее; 2) изменчивость, развитие вещей и явлений познаётся посредством сравнения; никакое движение не может быть обнаружено и познано без сравнения; 3) сравнение служит познанию причин явлений; 4) при помощи сравнения производится систематизация предметов и явлений; всякая классификация пользуется сравнением; 5) при участии сравнения совершается опосредствованное познание объективной действительности путем умозаключения, сравнение используется в качестве одного из наиболее необходимых средств доказательства. Ещё Аристотель пришёл к выводу, что познание есть сравнение, так как познавательная деятельность человека всегда сопряжена с необходимостью выделения одних объектов через их отличие от других [1, с. 45].

Существенный вклад в осмысление сущности этого языкового явления внесли такие лингвисты XX в., как В. М. Огольцев, М. И. Черемисина, Е. Т. Черкасова, В. П. Берков, Д. М. Калашников, Ю. П. Князев, О. Н. Кочинова. В коммуникативном и когнитивном аспектах его изучали Н. М. Девятова, Я. Ф. Казакова, С. Т. Капралова и др. Сравнениям посвящено большое количество научных трудов, но изучение данной языковой единицы в структурно-семантическом аспекте до сих пор остаётся актуальным.

Существует большое количество дефиниций понятия сравнения: 1) сравнение – «слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации – другой» [2, с. 1254]; 2) сравнение – «фигура образной речи – уподобление одного предмета другому» [3, с. 3966]. Эти определения, данные в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова и «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова, представляют сравнение как выражение, фразу, основанную на уподоблении чего-либо чему-либо. По мнению В. В. Виноградова, «сравнение – это такой логический приём, с помощью которого устанавливается сходство и различие предметов, явлений объективного мира» [4, с. 31]. И. Б. Голуб считает, что «сравнением называется сопоставление одного предмета с другим с целью художественного описания первого» [5, с. 247]. Д. Э. Розенталь определял

сравнение как сопоставление двух явлений с тем, чтобы пояснить одно из них при помощи другого. Все эти дефиниции объединяет то, что их авторы определяют сравнение, как сопоставление объектов с целью подчеркнуть их сходство или различие.

До сих пор не существует единого мнения относительно классификации сравнений. В зависимости от признаков, которые лежат в основе классификаций, выделяют разные виды сравнений.

В книге «Сравнение как лингвистическое средство» Д. Н. Фельдмане разделяет сравнения по пяти основным признакам:

1) **по авторству:** *индивидуальные*, или *свободные*, (рождаются спонтанно в потоке речевой деятельности и довольно быстро утрачиваются: *мне кажется, что душа моя ссохлась, превратилась в маленькую, злую собачку* (А. П. Чехов)) и *традиционные*, или *общенародные, устойчивые*, сравнения (не изобретаются каждый раз заново, а входят в привычные, общеупотребительные обороты: *смелый как лев, тонкий как былинка*);

2) **по объёму:** *краткие, расширенные и развёрнутые* сравнения, определяются объёмом компонентов модуля (признака сравнения) и эталона (субъекта сравнения). *Краткое* – это сравнение, в котором модуль и эталон содержат только одно название соответствующего признака или понятия, не объясняя его подробнее: *у него нос крючком*. В случае более подробного пояснения модуля и эталона мы имеем *расширенные* сравнения: *раньше был он звонкий, точно птица, как родник, струился и звенел...* (Н. А. Заболоцкий). *Развёрнутые* сравнения представляют собой сравнительные конструкции или сложноподчинённые сравнительные предложения с группой различных, придаточных (*Он нежен, сладостен, мягок, как рокот волны, тягуч и густ, как смола, ярок, как молния, прозрачен и чист, как кристалл, душист и благовонен, как весна, крепок и могуч, как удар меча в руках богатыря* (В. Г. Белинский));

3) **по логическим отношениям между сопоставляемыми в сравнении понятиями** выделяются: *настоящие* (сходство наблюдается по одному признаку: *глаза как блюдца*) и *мнимые* сравнения (когда одно и то же понятие в одной и той же ситуации сопоставляется само с собою: *он заговорил медленно, как бы нехотя*);

4) **по основной функции:** *объективные* (служат для передачи объективной оценки реально существующих фактов: *сладкий, как сахар*) и *субъективные* сравнения (передают субъективную оценку адресанта, претендуют на эмоциональное воздействие на адресата: *луна взошла сильно багровая и хмурая, точно больная* (А. П. Чехов));

5) **по наличию или отсутствию базы сравнения в теме:** *положительные* и *отрицательные* сравнения (где соответственно

лексическими средствами подтверждается или отрицается наличие базы сравнения, как у эталона, так и у темы: *то не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит – то моё сердечко стонет, как осенний лист дрожит* (С. Н. Стромилов)) [6, с. 25].

Д. Н. Фельдмане отмечает, что всякое сравнение может относиться одновременно к различным группам.

Г. Н. Пospelов выделял только два вида сравнений: **простое** и **развёрнутое**. **Простое сравнение** – это сравнение двух предметов, явлений по одному общему у них признаку: *несчастья свалились на него, как лавина; гол как сокол; кроток, как голубь*. **Развёрнутое сравнение** находит сходство при отсутствии тождества. В развёрнутом сравнении различают два члена, два образа – **основной** и **вспомогательный**: *Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крыльями, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, – так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею веревку* (Н. В. Гоголь). Здесь *Остап* является основным членом, а *ястреб* – вспомогательным. Учёный рассматривает сравнение в поэзии, поэтому большое внимание уделяет синтаксическому параллелизму [7, с. 301].

Почти всеми исследователями выделяются **логические сравнения**, т. е. выражающие только логическую информацию, сообщающие факты объективной реальности, и **образные**, содержащие субъективную интерпретацию объективных фактов: *Ты, Верочка, <...> очень стала похожа на покойную мать* (А. И. Куприн) – логическое сравнение; *Стан твой похож на пальму* – образное сравнение. В этом примере объекты сравнения *Верочка* и *мать* соотносимее, с точки зрения логики, чем *твой стан* и *пальма*.

На данный момент у лингвистов сложилось представление о сравнении как о сложноорганизованной разноуровневой системе средств выражения: морфологических (степени сравнения прилагательных и наречий: *сильнее кошки зверя нет*), синтаксических (сравнительные предлоги и союзы, падежные окончания, сравнительные обороты и т. д.: *они не только вспыхивали, сколько трепетали и подёргивались, как крыло умирающей птицы* (И. С. Тургенев)), лексических и словообразовательных (*пирамидальные тополя похожи на траурные кипарисы* (А. С. Серафимович)) [8, с. 228].

Д. Э. Розенталь отмечает, что сравнения могут выражаться 1) формой творительного падежа: *снежная пыль столбом стоит в воздухе* (Б. Л. Горбатов); 2) формой сравнительной степени прилагательного или наречия: *она была намного старше своего брата*; 3) оборотами с различными союзами: *впрочем, это были скорее карикатуры, чем портреты*

(И. С. Тургенев); 4) лексически (при помощи слов подобный, похожий и т. п.): *её любовь к сыну была подобна безумию* (М. Горький) [9, с. 379].

М. И. Черемисина выделяет в русском языке следующие типы сравнительных конструкций: 1) конструкции со сравнительной степенью и показателями *чем* и *нежели* или родительным падежом: *куда лучше, чем Рубахин, он умел и сказать правду и задурить голову* (В. Маканин); 2) конструкции со сравнительными союзами (*как, словно, точно, будто* и под.): *страшно медленно, скучно и тяжело, точно длинный сон, тянулся для Буланина этот первый день гимназической жизни* (А. Куприн); 3) конструкции со сравнительными частицами (*вроде как, как бы* и под.): *он стал как бы связным лицом между математиками, физиками и биологами* (Д. Гранин); 4) конструкции с предлогами, близкими по смыслу к союзам (*типа, вроде*): *это греческое слово означает что-то вроде «не грусти»* (В. Аксёнов); 5) конструкции с прилагательными типа *похожий* и глаголами типа *различаться*: *всем знакомы маргаритки, очень похожие на низкорослые ромашки; эти два понятия сильно различаются* [10, с. 35].

Таким образом, сравнения – это особое художественное средство, несущее огромную смысловую нагрузку, играющее огромную роль в тексте и выполняющее множество функций. Использование сравнения как стилистического приёма в произведении отражает специфику не только языковой картины мира писателя, но и того направления в литературе, представителем которого он является.

Сочетая в себе различные компоненты, функции и способы оформления, сравнения позволяют писателю использовать их разнообразие в своём творчестве в качестве выразительного средства. Так, сравнение является ярким отражением специфики авторской поэтики и представляет собой её неотъемлемый элемент.

Список использованной литературы

1. Дингилевская, Е. И. Вопросы сравнения в трудах логиков и лингвистов / Е. И. Дингилевская // Мир языков: ракурс и перспектива : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2013 г. – Минск : БГУ, 2015. – С. 45–50.
2. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2005. – 4824 с.
4. Виноградов, В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Акад. наук СССР, 1963. – 259 с.
5. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М. : Рольф, 1997. – 448 с.
6. Фельдмане, Д. Н. Сравнение как лингвистическое средство (на материале современного немецкого языка) / Д. Н. Фельдмане // Сб. науч. трудов. – Рига : Латв. гос. ун-т им. П. Стучки, 1968. – Т. 89. – С. 24–35.

7. Пospelов, Г. Н. Введение в литературоведение : учеб. для филол. спец. ун-тов / Г. Н. Пospelов, П. А. Николаев, И. Ф. Волков и др. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1988. – 528 с.

8. Черемисина, М. И. Сравнительные конструкции русского языка / М. И. Черемисина. – М. : КомКнига, 2006. – 272 с.

9. Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. – М. : Высш. шк., 1977. – 435 с.

10. Черемисина, М. И. Сравнительные конструкции русского языка / М. И. Черемисина. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1976. – 270 с.

К. С. Кулик (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

Термин *ассоциация* используется в различных науках: в психологии, философии, педагогике, астрономии, химии, генетике, программировании и т. д. Идеи о взаимосвязях, которые существуют между предметами и объектами, зарождались еще в античности. Однако лишь в 1698 г. данный термин ввел английский учёный Джон Локк, который считал, ассоциация – это неверное соединение идей, которые, будучи изначально никак между собой не связаны, в сознании некоторых людей соединяются и начинают работать как единое целое, сопровождая друг друга [1].

В лингвистике интерес к ассоциациям проявляется, по сравнению с философией и психологией, намного позже. Изучением данной темы занимались такие лингвисты, как А. А. Потебня, Н. В. Крушевский, М. М. Покровский, В. В. Красных, Р. М. Фрумкина, А. А. Залевская и др. Если философов более привлекало исследование «ассоциаций идей», а психологам было интересно использование ассоциаций в психодиагностике и психиатрии, то интерес лингвистов был обусловлен предположением о том, что в ассоциациях отражаются существенные черты значения слов.

Наше исследование посвящено изучению словесных ассоциаций качественных прилагательных в русском языке, в данной статье мы рассмотрим ассоциации на два слова – *красивый* и *полезный*. Оба этих прилагательных выражают положительную оценку, но в разных аспектах – эстетическом и прагматическом.

Материалом для нашего исследования послужил «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю. Н. Караулова (далее РАС) в электронной версии [2], а также результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента.

На слово *красивый* в РАС 102 реакции, из них мужских 26 и женских 76.

У женщин слово *красивый* ассоциируется в первую очередь со словом *парень* (15,79 %), то есть самая частотная реакция – синтагматическая. Относительно частотными женскими реакциями оказались имена существительные мужского рода *цветок* (6,58 %), *человек* (6,58 %), *мужчина* (6,58 %), *юноша* (3,95 %).

Среди частотных мужских реакций, как и у женщин, оказались слова *человек* (11,53 %) и *цветок* (11,53 %), а также *дом* (11,53 %), хотя у женщин частота такой реакции всего 1,31 %.

Как оказалось, реакции с негативной коннотацией встречаются чаще у женщин: *урод* (2,63 %), *кривой* (2,63 %), *страшный* (1,31 %).

Среди единичных реакций у женщин встречаются названия предметов одежды (4): *наряд*, *мех*, *песец*, *плащ*; у мужчин такая реакция единична – *галстук*.

В нашем ассоциативном эксперименте принял участие 91 человек (40 мужчин и 51 женщина в возрасте от 12 до 50 лет). В ходе исследования выяснилось, что самой частотной реакцией у женщин является, как и в РАС, слово *парень* (13,72 %), у мужчин же такая реакция наблюдалась в 5,5 раз реже и составила всего 2,5 %.

Самой частой реакцией у мужчин является слово *человек* (30 %). Данная реакция является синтагматической. У женщин ассоциация *человек* встречается в 2,5 раза реже и составляет 11,76 %. При этом в РАС такая реакция у женщин встречалась еще почти вдвое реже (6,58 %).

Относительно частотными женскими реакциями оказались одушевленные имена существительные мужского рода: *мальчик* (9,8 %), *мужчина* (9,8 %), *юноша* (3,95 %). Необходимо заметить, что наблюдалась единичная реакция-антоним: *некрасивый* (2,5 %). А реакция-синоним, напротив, встретила только у мужчин: *ухаженный* (1,96 %).

На прилагательное *полезный* в РАС представлено 103 реакции, из них 59 – мужские и 44 – женские. Различных реакций на стимул: 45, одиночных: 33. Самая частотная реакция у мужчин и женщин синтагматическая – слово *совет* (у женщин – 36,36 %, у мужчин – 25,42 %). В нашем эксперименте данная реакция является также самой частотной у мужчин (20 %), а у женщин самая распространенная реакция – *фрукт* (17,64 %).

Необходимо заметить, что на стимул *полезный* наблюдались реакции-антонимы у мужчин: *вредный* (8,08 %), *ненужный* (1,69 %) в РАС, *не полезный* (2,5 %) в нашем эксперименте. На стимул *красивый* антонимические реакции были только у женщин.

Среди одиночных реакций встречаются устойчивые выражения: *ископаемые* (1) – у женщин, *ископаемое* (1) – у мужчин.

В нашем эксперименте как у женщин, так и у мужчин оказалось большое количество реакций, которые имеют отношение к пище: *продукт*

(5), *овощ* (4), *еда* (2), *зелень* (1), *завтрак* (7), *чай* (1), *овощи* (2), *овощи и фрукты* (1), *гриб* (1), *лимон* (1), *суп* (1), *обед* (1), *витамины* (3), *хлопья* (1), *пищевой продукт* (1), *салат* (1), *йогурт* (1). В сумме их 34: у мужчин 12 – это 30 %, у женщин в 2,3 раза больше – 27, что составляет 52,94 %. В РАС также наблюдались слова-реакции, связанные с данной тематикой, однако их в 8,5 раз меньше – всего 4 слова: у мужчин (3,38 %) – *гриб* (1), *уксус* (1), у женщин (4,54 %) *пища* (1), *мед* (1). Такое значительное расхождение можно объяснить тем, что в последние десятилетия заметно вырос интерес к здоровому образу жизни, важнейшим элементом которого является полезная пища.

В РАС наблюдались реакции, выраженные одушевленными именами существительными: *человек* (10), *людям* (2), *жук* (1), *игрок* (1), *идиот* (1), *кривляка* (1). Всего таких ассоциаций 16, из которых 11 мужские – 18,64 % и только 4 женские – 9,09 %. В проведенном нами эксперименте таких реакций в 4 раза меньше: у женщин *человек* (1) (1,96 %), у мужчин *работник* (1), *друг* (1), *учитель* (1) (7,5 %).

Ассоциации в виде слова с предлогом в РАС встречаются лишь у женщин в *доме* (1), в *работе* (1). У мужчин наблюдалась реакция-словосочетание *лимонная водка* (1). В проведенном нами эксперименте наблюдались 2 такие реакции: у мужчин *свежий воздух*, а у женщин *пищевой продукт*.

Анализируя анкету «Словаря ассоциативных норм русского языка», в которой представлено 100 слов-стимулов и реакций на них, Ю. Н. Караулов отмечает переплетение в них лексикона, тезауруса и прагматикона. По его мнению, преобладают не семантико-парадигматические (тезаурусные) связи, а грамматико-синтаксические и ситуативно-тематические связи [3, с. 98–99]. По результатам нашего исследования, самые частотные реакции в большей степени синтагматические как в РАС, так и в нашем эксперименте;

Негативные оценочные реакции характерны как для мужчин, так и для женщин. К примеру, на слово-стимул *красивый* такие реакции встречались лишь у женщин: *урод* (2,63 %), *кривой* (2,63 %), *страшный* (1,31 %), а на слово-стимул *полезный* реакции-антонимы наблюдаются лишь у мужчин: *вредный* (8,08 %), *ненужный* (1,69 %) в РАС, *не полезный* (2,5 %). В нашем эксперименте негативных реакций существенно меньше, чем в РАС, что может говорить о большей мягкости, доброжелательности современного общества, либо о большей закрытости респондентов.

Весьма заметен по ассоциациям существенно возросший интерес современных людей к полезным продуктам питания.

Ассоциативные тесты способны показать как индивидуальные различия респондентов, так и социокультурные различия между группами людей. Они наглядно показывают, как окружающая коммуникативная

среда формирует ассоциативную систему человека, а значит, вторгается в его мировосприятие.

Список использованной литературы

1. Галустова, О. В. Шпаргалка по истории психологии : учеб. пособие / О. В. Галустова [Электронный ресурс] // Uchebnikfree.com. – М. : ТК Велби, 2005. – 48 с. – Режим доступа: <https://uchebnikfree.com/istoriya-psihologii-uchebniki/ponyatiya-soznaniya-opyita-dushi-assotsiatsiy-14016.html>. – Дата доступа: 09.02.2021.
2. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/index.php>. – Дата доступа: 09.02.2021.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов ; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1987. – 263 с.

Н. С. Куликова (г. Тула, ТГПУ имени Л. Н. Толстого, Россия)

Научный руководитель – Ю. А. Разоренова, канд. фил. наук, доцент

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ НЕСОВПАДЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ УМЕНИЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Развитие умений письменной речи неразрывно связано с осознанием социокультурных особенностей англоязычного дискурса и адаптацией студентов к этим особенностям в процессе создания письменного текста на английском языке. Необходимо отметить, что социокультурные несовпадения возникают в результате столкновения разных языковых картин мира. Картина мира индивида состоит из концептуальной и языковой моделей мира. Концептуальная модель мира, в свою очередь, состоит из знаний, которые закреплены в понятиях, а языковая модель включает в себя всю информацию о мире, заключенную в языке. Чувственная концептуальная модель мира и языковая картина мира универсальны, не зависят от конкретного языка, и благодаря этому представители разных культур способны понимать друг друга [1, с. 201]. Однако существует и варьируемая часть, которая выражает культурную и национальную специфику языка. Социокультурные несовпадения, которые возникают в процессе развития умений письменной речи, затрагивают, таким образом, варьируемую часть картины мира. Социокультурные ошибки и недопонимания в письменной коммуникации возникают из-за недостатка соответствующих знаний, неподготовленности к восприятию «чужой» культуры. Знания, которые становятся причиной таких ошибок, выявляются при сопоставлении моделей личностей, говорящих на разных языках. Несовпадения русскоязычной и англоязычной языковых

личностей – это и есть те потенциальные несовпадения социокультурного характера, которые нарушают процесс коммуникации.

Рассмотрение трех элементов культуры, а именно ментальности, национального достояния и средств связи с проекцией на письменную речь позволяет сделать вывод о том, что наибольшему изменению в процессе обучения письму на неродном языке подвергаются знания в области менталитета (соблюдение норм культуры письма) и средств связи (организационный аспект построения письменного высказывания).

Разработкой принципов классификации социокультурных различий, которые становятся основой для потенциального нарушения межкультурной коммуникации, занимались как отечественные, так и зарубежные методисты. Так, К. Триббл выделил следующие компоненты, обучение которым необходимо в процессе развития умения письменной речи: 1) структура и организация текста (базовый организационный уровень); 2) механизмы построения аргументации; 3) стилистические особенности [2, с. 65]. Дополнить и расширить предложенную классификацию помогает схема культурных несоответствий на письме А. Брукса и П. Гранди, которые также выделяют три уровня: организационный, лингвистический, общий или уровень социологии письма [3, с. 98].

Исходя из описанных классификаций кажется рациональным рассмотрение следующих видов социокультурных несовпадений на письме: различия организационного, лингвистического и мотивационного уровней. В таблице 1 отражены основные социокультурные несовпадения, которые возникают на обозначенных уровнях при написании эссе. Эссе как основной вид академического текста, с которым сталкиваются студенты в процессе обучения, подразумевает овладение целым набором риторических моделей и способов организации, обусловленных социокультурным контекстом. Таким образом, целесообразно рассмотреть социокультурные несоответствия мотивационного, организационного и лингвистического уровней именно в контексте написания эссе на английском языке.

Таблица 1 – Социокультурные несовпадения в процессе написания эссе на английском языке

Уровень социокультурных несоответствий	Социокультурные несовпадения
Мотивационный уровень	Различие целей коммуникации; нетерпимость к нормам и традициям англоязычной культуры; неспособность к критической оценке информации; незнание риторических моделей написания текстов; отсутствие баланса субъективного и объективного начал; неумение организовывать аргументацию в соответствии с социокультурными нормами конкретного жанра; неумение

	увидеть и исправить допущенные социокультурные ошибки; несоответствие формы презентации нормам оформления эссе на английском языке.
Организационный уровень	Неверная интерпретация целевой установки; транслирование социокультурных стереотипов; несоответствие формы эссе композиционным нормам письменной речи в англоязычной культуре; несоблюдение риторических особенностей организации текста на уровне предложения, параграфа, сверхфразового единства; неумение объединять идеи в структурные единицы; неумение организовывать текст на всех уровнях: предложение – абзац – сверхфразовое единство; неумение убедительно выстроить аргументацию и отсутствие логики и критического осмысления текста с учетом жанрово-композиционных особенностей; неумение перерабатывать структуру текста, отсутствие понимания способов организации аргументации в письменном тексте.
Лингвистический уровень	Неверная расшифровка предлагаемой темы и заключенных в ней понятий (неверная трактовка социокультурно маркированных единиц), незнание синтаксических структур, линейных форм организации предложений; неумение использовать различные типы сложных грамматических конструкций и предложений; отсутствие понимания отличий письменной и устной норм речи; некорректное употребление социокультурно маркированной лексики; несоответствие стиля и регистра эссе жанру и цели написания текста; нарушение иерархии норм письменной речи; ошибки в создании образности средствами английского языка; некорректное использование символов, принятых в культуре изучаемого языка; пунктуационные и орфографические ошибки.

Анализ основных социокультурных ошибок, которые возникают в процессе написания академического эссе на английском языке, показывает, что социокультурные несоответствия возникают на всех трех уровнях. Основными причинами таких несовпадений можно назвать следующие:

- несовпадение целевых установок создания письменного текста в жанре эссе в русскоязычной и англоязычной культурах;
- несовпадение критериев эффективности письменного высказывания;
- отличия в иерархии норм письменной речи;
- несовпадение роли жанра эссе в русскоязычной и англоязычной культурах.

Необходимо отметить, что различия в мотивационной сфере, а именно несовпадение мотивов, ценностных установок и потребностей письменной речи в родной культуре и англоязычной культуре, а также

различия организационного и лингвистического характера становятся преградой для более эффективного развития умений письменной речи на английском языке. Осознание данных социокультурных несовпадений и адаптация к ним в ходе написания письменных работ различного плана позволит студентам сократить количество коммуникативных барьеров и достичь цели коммуникации.

Список использованной литературы

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов ; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
2. Tribble, C. Writing / C. Tribble. – Oxford University Press, 1996. – 172 с.
3. Brookes, A. Writing for Study Purposes / A. Brookes, P. Grundy. Cambridge University Press, 1991. – 172 с.

К. Кунгратбаев (г. Сумы, СумГУ, Украина)

Научный руководитель – Н. А. Пилипенко-Фрицак, преподаватель

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО И ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТОВ КОНЦЕПТА «РОДИНА» В СОЗНАНИИ УЗБЕКСКИХ СТУДЕНТОВ

Современное языкознание характеризуется расширением круга объектов изучения и изменением взглядов на традиционные объекты лингвистики. Все больше внимания уделяется принципу антропоцентризма как проявления человеческого фактора в языке, изучению взаимодействия человека и языка как транслята национальной специфики этноса, как культурного кода нации [2, с. 160–161]. Это повышает интерес к изучению языковых единиц в контексте антропоцентризма, исследованию ментальных образований как наиболее глубокой части духовного мира нации.

Для обозначения ментальных образований используются различные термины: логозпистема, ментефакт, архетип, мифологема, культурема, символ, концепт и др. [1], что свидетельствует о богатстве признаков, свойств, характеристик данных ментальных единиц, разнообразных подходах в их изучении. Задача данной работы состоит в определении понятийного и ценностного компонентов концепта «Родина» в сознании узбекских студентов посредством исследования средств вербализации и объективации данного концепта и построения его ассоциативного поля.

Благодаря исследованиям концептов такими учеными, как: Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Н. А. Красовский, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия и др., концепт занял одну из ключевых позиций в лингвокультурологии и стал основным понятием концептуальной

лингвистики. Обобщая разнообразные дефиниции концепта, мы пришли к выводу, что объединяющим в них является констатация концепта как многомерного ментального образования, характеризующегося взаимосвязью мышления, сознания, культуры и языка, что подчеркивает актуальную для современной лингвистики идею антропоцентричности – ориентацию на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания. В нашей работе мы понимаем концепт как многомерное ментальное образование, включающее описательно-классификационные, чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики, отражающее содержание человеческой деятельности и характеризующее носителей определенной этнокультуры, представленное в плане выражения вербальными реализациями.

Одним из ключевых концептов культуры является концепт Родина, поскольку он присутствует в любой этнической культуре и представляет собой универсалию. Любовь к Родине можно считать неотъемлемой чертой национального характера, эта любовь всегда проявляется открыто и эмоционально, свидетельством чего являются языковые средства, которыми человек передает это чувство. Анализ языковых средств, эксплицирующих концепт, сообщает не только культурно значимую информацию всего народа, но и информацию о личностном ценностном опыте индивидуума, что открывает широкие возможности для изучения менталитета этноса и отражения содержания концептов в сознании отдельных его представителей.

В узбекском языке слово *Родина* передается лексемой *Vatan*. Согласно Этимологическому словарю в современный узбекский язык слово *Vatan* пришло из арабского языка (арабск. وطن ‘родина’), в котором оно обозначает ‘место жительства, жилье’ [5]. Анализ словарных дефиниций [3; 4; 5] показал, что в содержательной структуре концепта Родина выделяются следующие компоненты, характеризующие его ценность для узбекского народа: отечество; место рождения человека; место жительства; дом человека; страна предков; единственное священное место.

Для получения данных о языковой экспликации понятийного и ценностного компонента концепта Родина в сознании узбекской молодежи респондентам – студентам Сумского государственного университета, приехавшим из Узбекистана, была предложена анкета, содержащая словостимул *Vatan* и включающая следующие задания-вопроса: 1) напишите любые слова, с которыми у Вас ассоциируется понятие *Родина*; 2) напишите имена существительные, с которыми у Вас ассоциируется понятие *Родина*; 3) напишите имена прилагательные, с которым у Вас ассоциируется понятие *Родина*; 4) напишите глаголы, с которым у Вас ассоциируется понятие *Родина*.

В ходе анкетирования были получены следующие данные:

1) в сознании узбекской молодежи концепт Родина ассоциируется со словами *дом* (39), *любовь* (33), *семья* (22), *страна* (22), *родители* (19), *гордость* (14), *папа* (11), *мама* (11), *патриотизм* (10), *мир* (7), *счастье* (6), *друзья* (4), *жизнь* (2), *природа* (2), *родственники и близкие люди* (2), *удача* (1), *рай* (1), *долг* (1);

2) носители узбекского языка характеризуют Родину как *любимая* (17), *родная* (15), *красивая* (9), *добрая* (2), *незаменимая* (1);

3) узбекская молодежь ассоциирует понятие Родина со следующими действиями: *защищать* (10), *работать* (6), *служить* (4), *жить* (4), *отдыхать* (3), *умереть за родину* (1), *хранить* (1).

Слова-реакции были распределены на несколько ассоциативных групп по принципу их принадлежности к различным сферам деятельности человека: политическая, социальная, духовная и понятия, обозначающие родственные связи. Также были выделены группы ассоциаций, указывающие на место и условия проживания человека: периоды жизни человека, территория, природа, продукты. Самая большая группа слов соотносится с политической сферой. Можно отметить, что в данной группе слово Родина представлено в историческом контексте, а именно в связи с героическим прошлым Узбекистана, так как наиболее часто повторяются следующие слова: *гордость* (14), *патриотизм* (10), *защищать* (10), *умереть за родину* (1), *хранить* (1), *мир* (7). Наиболее часто встречаются ассоциации, соотносимые с понятиями социальных привязанностей. Большое количество респондентов ассоциируют Родину с *домом* (39). В группе ассоциаций, указывающих на понимание Родины как природной сферы, чаще всего повторяются следующие слова: *земля* (7), *красивая природа* (5), *любимые фрукты* (3). В группе ассоциаций, связанных с периодами жизни человека, Родина упоминается как *место рождения* (6). Также в сознании узбекских студентов Родина ассоциируется с такими конкретными физическими предметами, как *флаг* (1), *школа* (1), *колледж* (1), *улица* (1), *любимые фрукты* (3).

При анализе речевых репрезентаций слова-стимула *Vatan* (Родина) была выявлена ценностная значимость их представлений в языковом сознании студентов посредством количественного сравнения полученных словесных реакций. Такое сравнение и подсчет количества частотных словесных реакций на слово-стимул позволили распределить по значимости в языковом сознании студентов ассоциативные номинации и выявить наиболее и наименее частотные ассоциации. Из вербальных реакций респондентов было сформировано ассоциативное поле, представляющее собой упорядоченный по частотности набор всех ассоциативных реакций на слово-стимул – имя концепта и позволяющее

выявить национальную модель сознания, которая отражает образ мира данной культуры. Поле имеет следующую структуру. Ядро поля составляют лексемы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, стилистически нейтральные, без эмоционально-экспрессивной окраски, представляющие ближайшее окружение студента: *дом, родители, семья, страна*. В околядерную зону входят слова (существительные и прилагательные) с меньшей частотностью употребления, слова стилистически нейтральные и эмоционально окрашенные: *папа и мама, любовь любимая, родная*. Меньшей частотностью представлены лексические ассоциации (существительные и глаголы) *гордость, патриотизм, защищать*, которые попали в ближайшую периферию. В дальнюю периферию входят слова с еще более низкой частотностью: *место рождения, мир, счастье*. Крайняя периферия представлена национально окрашенной лексикой, определяемой культурно-историческими традициями узбекского народа и отражающей различные аспекты культурно-исторического опыта студентов: *любимые фрукты, плов, хлопок, доппе* (головной убор, тюбетейка), *мадраса* (место захоронения знаменитых людей).

Проанализировав полученные в результате эксперимента данные, мы сделали следующие выводы: 1) с пониманием Родины как *дома* связаны особые эмоционально окрашенные слова-реакции у большого количества респондентов. Это положительные ассоциации с уверенностью, комфортом, определенностью, поддержкой; 2) в образ Родины вкладываются и патриотические чувства современной узбекской молодежи. Такие понятия как «достоинство», «незаменимая», «долг перед родиной», «гордость» формируют особое представление о Родине, как об источнике гордости и уважения; 3) на формирование образа Родины во многом оказывают воздействия стереотипы, обусловленные историческими событиями, советским прошлым, на что указывают ассоциации, относящиеся к политическим и социальным сферам. Ключевым аспектом понимания Родины является ее восприятие в качестве государства как определенной формы организации общества со всеми необходимыми атрибутами, символикой.

Список использованной литературы

1. Вишневська, Г. Б. Співвідношення концепту і суміжних понять / Г. Б. Вишневська // Національний часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 10 : Проблеми граматики і лексикології української мови. – 2012. – Вип. 9. – С. 9–14.
2. Маслова, В. А. Концепты разных типов и пути их реконструкции / В. А. Маслова // Проблемы концептуализации действительности и моделирование языковой картины мира : сб. науч. тр. : вып. 6 / сост., отв. ред. Т. В. Симашко. – М. : Архангельск, 2013. – С. 160–169.

3. Толковый словарь узбекского языка: в 2-х т. / под ред. Ж. М. Магруфова. – Т. 2. – М. : Рус. яз., 1981. – 715 с.

4. Ходжаев, А. Узбекско-русский словарь (O`zbekcha-ruscha lug`at) / А. Ходжаев, Х. Мухиддинова. – Ташкент : O`qituvchi, 2009. – 144 с.

5. Этимологический словарь тюркских языков : в 7 книгах / под ред. Э. В. Севортяна / АН СССР, Институт языкознания. – Кн. 3. – М. : Наука, 1974. – 395 с.

М. Г. Лабай (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – С. А. Королевич, канд. филол. наук, доцент

МЕТАФОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОЛЕКТЕ

С. А. ЕСЕНИНА

Без метафоры не существовало бы лексики
«невидимых миров» (внутренней жизни человека)

Н. Д. Азнаурова

Метафоричность языка – одна из характерных черт поэтического идиостиля С. А. Есенина, благодаря которой поэт получил признание любовь читающей публики. Его стихи легко воспринимаются, эмоциональны и мелодичны, замечательно ложатся на музыку, понятны читателю любого времени. Многие из произведений Есенина не только можно читать, слушать и петь, но их можно «видеть» благодаря ярким метафорическим образам, переживать вместе с автором его настроения и эмоции. Это не случайно: поэт был наделен удивительным восприятием мира как живого органического целого, не отделял человека от мира природы, ощущал себя его частью.

В творческой биографии Есенина известен особый период исповедания эстетики имажинистов, для которых единственным методом было выявление жизни через образ, через метафору. Сам Есенин считал при этом, что «словом, звуками и движениями человек передает другому человеку то, что им поймано в явлении внутреннем или явлении внешнем» [1]. Изучая теорию метафоры, Н. Д. Арутюнова отмечала, что внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего как раз с помощью метафоры [2, с. 387]. В художественной речи главным приёмом объективации образа тоже выступает металоги́я (активное использование переносных значений слова) Металогический способ создания словесного образа реализуется через метафору или метонимию [3, с. 603]. Тем более это касается поэзии, где именно метафора является её душой, интегральным элементом поэтического стиля [4, с. 56].

В данной статье предметом изучения является метафора, функционирующая как способ создания словесных образов в идиолекте

Есенина. Для анализа особенностей семантики и структуры этого тропа мы привлекли около 40 поэтических текстов разных лет.

«Метафора представляет собой ментальный и языковой механизм, состоящий во взаимодействии или сопоставлении двух сущностей, явлений на основании сходства, аналогии между ними, т. е. нахождения их общих признаков» [5, с. 46]. В связи с этим метафору обозначают как перенос из области-источника в область-мишень. Область-источник – это та основа, признаки, свойства и значимые характеристики которой переносятся на другую сферу описания, и в связи с этим исследователи выделяют антропоморфную, натуроморфную, зооморфную, фитоморфную метафорические модели [6, с. 279]. Для Есенина источник метафорических переносов – это мир природы, поэтому мы сосредоточим внимание на фитоморфных метафорических моделях.

В структуре фитонимных метафор Есенина выступают названия деревьев, характерных для средней полосы России: черемуха (*Сылет черемуха снегом*), тополь, ива (*Плачут ивы, шепчут тополя*), клён (*клён танцует пьяный*), осина (*Мир осинам, что, раскинув ветви, / Загляделись в розовую воду*), рябина (*В саду горит костер рябины красной*), ель (*Темным елям снится / Гомон косарей*) и, конечно, берёза. Такие метафорические образы понятны читателю со времён глубокой древности, они несут отголоски анимализма, типичны для фольклора. Как правило, С. Есенин использует метафоры-олицетворения, хотя изредка бывают отступления.

Излюбленный образ у Есенина, наиболее часто реализуемый в контексте метафоры, – берёза. Для поэта это символ русской природы, его малой родины, светлых воспоминаний детства. Не случайно в его творчестве есть удивительная перифраза «страна березового ситца». Поэт находит разные аналогии между воспетым в фольклоре деревом и окружающим миром. В раннем стихотворении «Темна ноченька, не спится» появляется субстантивная метафора на основе зрительного сходства этого объекта природы с предметом: *На бугре береза-свечка...* Однако в последующих стихах Есенина образ берёзы переживает смысловую трансформацию: берёза предстает перед читателем как олицетворение девушки. Сначала – юной и нежной, как в стихотворении «С добрым утром»: *Улыбнулись сонные берёзки, / Растрепали шелковые косы*. По мере «взросления» поэта изменяется и метафорический ряд с названным фитонимом: берёза ассоциируется с нескромной женщиной из телесной плоти: *Так и хочется к телу прижать / Обнаженные груди берёз* («Я по первому снегу бреду»). Однако доминантный есенинский образ берёзы – это скромная русская девушка. В позднем творчестве такой образ, построенный на основе скрытого сравнения с осенней берёзой, появляется снова: *Я навек*

за туманы и росы / Полюбил у берёзки **стан**, / И её **золотистые косы**, / И **холицовый её сарафан**» («Ты запой мне ту песню...»).

Фитоморфные образы в поэтическом языке Есенина разнообразны в формальном отношении. Здесь можно видеть субстантивные метафоры (*береза-свечка*, *девушки-ели*, *мать голубая осина*), чаще генитивные, где название деревьев выступает как опорный компонент в родительном падеже (*бёдра* ив, *костёр* рябины, *грудь* берез, *песни* черемух, *стан* берёзки, *косы-ветви*), изредка предикативные (*ивы – кроткие монашки*).

Самые распространённые и продуктивные у Есенина в грамматическом плане – глагольные метафоры. Они позволяют ярко и красочно представить тот или иной образ природы, добиться эффекта одушевленности природного объекта, тем самым передавая внутреннее состояние лирического героя, его чувства от созерцания этого объекта. Мир природы для поэта живой, чувствующий и сочувствующий, отзывающийся на его настроения: *липы манят* (нас), *березка загляделась* (в пруд), *черемуха машет* рукавом, (косынкой) *повязалась сосна, улыбнулись* ... березки, *спит* черемуха, клён *танцует*, елям *снится* (гомон) и др. Адъективные метафоры в идиолекте Есенина выявляются тоже, хотя несколько реже: *сонные берёзки*, клён *пьяный*, *облезлый* клён, *бедный* клён, *голубая осина* и др.

Однако метафорические образы поэта редко бывают изолированными, одиночными. Как правило, в идиостиле Есенина используются развёрнутые метафоры, в которых «носителем образа является группа ассоциативно (например, тематически или в рамках «семантического поля») связанных единиц» [3, с. 141]. Слово-образ в поэтическом контексте начинает жить собственной жизнью, вступать в разного рода отношения с другими образными средствами. В результате возникает развёрнутый метафоризованный поэтический контекст, иногда равный целому стихотворению.

Выделим в идиостиле Есенина некоторые способы создания развёрнутых метафор, описанные в научной литературе [7, с. 58]. Один из них – концентрация вокруг метафоры других тропеистических средств. В этом случае ядром является глагольная метафора, а образные средства нанизываются на нее, расширяя и развивая её смысл. Обнаружены фитоморфные метафоры, структура которых осложнена сравнением: *Как метель* (сравнение), *черемуха машет* рукавом (метафора-олицетворение) («Край ты мой заброшенный...»); эпитетом: *Улыбнулись* (олицетворение) *сонные* (эпитет) *берёзки*, / *Расстрепали* (олицетворение) *шелковые косы* (эпитет+метафора) («С добрым утром») и др.

В поэтическом языке Есенина отмечено также использование вложенных метафор, то есть сложной метафоры, которая включает в свою

структуру еще несколько метафор, распространяющих ядерную глагольную метафору. Например: *Отрок-ветер по самые плечи / Заголил на березке подол* («Закружилась листва золотая...»). Здесь выступает образ озорного юного ветра (субстантивная метафора *отрок-ветер*), который играет (глагольная метафора *ветер заголил*) с березовой кроной (*на березке подол*) не совсем пристойно (*заголил по самые плечи*). Вложенная метафора *берёзка-девушка* не включена в контекст, но обозначена названиями частей тела (*плечи*) и одежды (*подол*). Аналогичное развёртывание метафорического образа видим в контексте: *И вызванивают в чётки / Ивы – кроткие монашки* («Край любимый...»). Здесь глагольная метафора-олицетворение *вызванивают ивы* создаёт образ живой природы, предикативная субстантивная метафора *ивы – кроткие монашки* формирует зрительный образ деревьев и особенности их авторского восприятия, а далее образ ив-монахинь по ассоциации развивается за счёт включения в текст слова *чётки*.

Ещё один способ развёртывания метафоры – параллельное использование однотипных метафор. В результате этого образуется метафорическая цепочка: *Плачут вербы, шепчут тополя* («Спит ковыль...»); *Я навек за туманы и росы / Полюбил у березки стан, / И ее золотистые косы, / И холщовый ее сарафан* («Ты запой мне ту песню...»).

В результате развёртывания фитоморфных метафор в идиостиле Есенина может появиться метафоризованный контекст значительного объёма, представляющий образ эмоционально и экспрессивно, в динамике, а главное – понятно, хотя и необычно: *Клён ты мой опавший, клён заледенелый, / Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой? // Или что увидел? / Или что услышал? / Словно за деревню погулять ты вышел. // И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу, / Утонул в сугробе, приморозил ногу.*

Анализ даже небольшого круга фитонимных метафор приводит к заключению, что физическая лексика является для поэта важным источником номинации эмоций. Так подтверждается мысль Есенина о том, что слова – это «образы всей предметности и всех явлений вокруг человека». Для поэта в творчестве «нет слова беспредметного и бестелесного, и оно неотъемлемо от бытия, как и все многорукое и многоглазое хозяйство искусства» [1].

Список использованной литературы

1. Есенин, С. А. Быт и искусство (Отрывок из книги «Словесные орнаменты») [Электронный ресурс] / С. А. Есенин. – Режим доступа: <http://esenin-lit.ru/esenin/text/articles/byt-i-iskusstvo.htm>. – Дата доступа: 09.05.2021.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Москвин, В. П. Стилистика русского языка : Теоретический курс / В. П. Москвин. – Ростов на Дону : Феникс, 2007. – 640 с.

4. Шувалов, В. И. Метафора в поэтическом дискурсе / В. И. Шувалов // Филологические науки. – 2006. – № 1. – С. 56–63.

5. Попова, Т. Г. Метафора как языковой и ментальный механизм в создании образно-эстетической составляющей художественного произведения [Электронный ресурс] / Т. Г. Попова, Е. В. Курочкина. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/view/524489045/>. – Дата доступа: 03.05.2021.

6. Облецова, Е. В. Метафорическая репрезентация эмоционального концепта PASSION (на примере натурморфной и зооморфной метафорических моделей) / Е. В. Облецова. – Вестник ИрГТУ. – № 2 (85). – 2014. – С. 278–282.

7. Станкевіч, А. А. Роля метафары ў арганізацыі сэнсавай структуры паэтычнага тэксту М. Багдановіча // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин : материалы Междунар. науч. конф. – Ч. 1. – Мозырь : МозГПИ им. Н. К. Крупской, 2001. – С. 57–60.

В. П. Лавринович (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА И ИХ ФУНКЦИИ В ПОВЕСТИ ОЛЬГИ ГРОМЫКО «ПРОРОЧЕСТВА И ИЖЕ С НИМИ»

Ольга Николаевна Громыко, популярная писательница, обладатель нескольких литературных премий, работающая в жанрах юмористического (Белорский цикл романов о ведьме Вольхе) и героического (роман «Верные враги») фэнтези. В Интернете известна под псевдонимами Ведьма или Volha. Фанаты творчества Ольги Громыко часто называют её ВБП, что значит – Великая Белорусская (либо Белорская – по месту действия нескольких её книг) Писательница [1]. Её произведения легко читаются, их отличает увлекательный сюжет, колоритные герои, тонкий юмор. Главными героями книг Ольги Громыко являются персонажи, в традиционном фэнтези относящиеся к отрицательным: ведьмы, вампиры, оборотни, драконы, тролли, мантихоры и другие.

Повесть «Пророчества и Иже с ними» – это продолжение рассказов о приключениях Вольхи Редной в Белории. В повести встречаем как уже знакомых персонажей Белорского цикла, так и новых героев. Произведение привлекает читателя легким слогом, искромётным юмором и захватывающим сюжетом, который до самого конца оставляет читателя на волне интриги, а конец не может быть предсказан заранее. Эта повесть представляет интерес и со стилистической точки зрения, поскольку одним из элементов стиля фэнтези является употребление устаревших слов, которые изображают средневековый славянский мир.

Традиционно устаревшие слова делятся на историзмы и архаизмы. Обе группы слов представлены в повести. Роль устаревшей лексики разнообразна. В художественно-исторической прозе устаревающая

(нотиолизмы) и уже устаревшая лексика (архаизмы и историзмы) выполняет номинативно-стилистические функции. Способствуя воссозданию колорита эпохи, она служит стилистическим архаизирующим средством художественной характеристики времени. Устаревшие слова (особенно архаизмы) выполняют и собственно стилистические функции. Они нередко являются средством создания особой торжественности, возвышенности текста. Архаизирующая лексика может способствовать также созданию комического эффекта.

Уже в самом названии повести «Пророчества и Иже с ними» встречаем лексический архаизм *иже*. Это устаревшее местоимение означает ‘который, которые’, а выражение *И иже с ним (с ними)* – ‘и те, которые с ним, и его единомышленники’ имеет в словарях пометы *книжн., неодобр., ирон.* [2]. Встречаем в повести и другие архаизмы, используемые как средство стилизации речи героев и как прием создания иронического контекста: сравнительный союз *аки* ‘как будто, подобно тому, как’ (– *Аки град небесный, – услужливо подсказал Всерадетель, – за наши грехи богами ниспосылаемый* (с. 54) [здесь и далее цитируем по – 3]); глагол *есмь* – вышедшая из употребления форма глагола *быть* (*Война есмь занятие жестокое и бессмысленное, недостойное истинного монарха, – нравоучительно изрек Всерадетель исключительно назло министру* (с. 60)); указательное местоимение *оный* – ‘тот, тот самый’ (*Подтянулась остальная челядь, начавшая надрывно сетовать о моей безвременной кончине и тут же подсчитывать, не придется ли седмица похорон на Праздник Воды, бессовестно испоганив оный* (с. 6)); лексико-фонетический архаизм церковнославянского происхождения *дщерь* – дочь, употребленный в ложно пафосном ироническом контексте (*Дщерь моя! – входя в раж, все надрывнее вопил дайн, размахивая широкими рукавами так, что, кажется, даже приподнялся над землей* (с. 11)); устаревший глагол высокого стиля *возопить* (– *Доченька! – не обманув всеобщих ожиданий, горестно возопил он, заламывая руки. – Умоляю тебя, не делай этого!* (с. 6)) и др.

В повести употреблен ряд архаизмов, которые сохранили предметно-логический план, но заменены в современной жизни другими словами или описательными сочетаниями слов: *посыльный* (курьер), *градоправитель* (мэр города, председатель горисполкома), *стражник* (часовой, охранник), *золотарь* (ювелир), *седмица* (семь дней недели), *покои* (комнаты), *темница* (тюрьма), *яства* (изысканные обильные кушанья), *трапеза* (прием пищи), *наперсник* (доверенное лицо, приближенный).

Устаревшие слова в повести Ольги Громыко являются элементами имитирующего стиля, поскольку в «Пророчествах» не все предметы и

вещи относятся к одной эпохе. Историзмы, используемые автором, можно объединить в несколько тематических групп.

1. Названия профессий, рода занятий персонажей: *глашатай, ключник, оруженосец, подмастерье, рыцарь*, например: *Все прекрасно помнили, как месяц назад этот святоша благословлял отряд **рыцарей** в поход против расплотившихся в северных лесах разбойников (с. 60). – Сколько у тебя корзин было, пять или шесть? – назойливо допытывался **ключник**, пытаясь разобраться в пометках на пергаменте (с. 165). Причем так увлекся, что парочка молоденьких **оруженосцев** упала в обморок от описания предстоящей битвы (с. 60).*

2. Номинации оружия и рыцарского обмундирования: *алебарда, баллиста, доспехи, копье*, например: – *Ерунда, – запальчиво отрезал министр. – Мобилизовать все торговые суда, снарядить **баллистами** ... посадить на каждое по три дюжины воинов и парочке магов, вон их тут сколько ерундой мается (с. 59). У каждого поворота стояла охрана, которую я вначале приняла за пустые **доспехи** – так неподвижно она несла службу (с. 78).*

3. Сословные наименования: *вельможа, знать, прислуга, слуга, смерд, челядь*, например: *К тому же он не особо отличался от белорусского, куда мы с отцом и Даром ездили уже три раза кататься на паруснике знакомого **вельможи** (с. 179). За ними шли самые почетные и безопасные места, где расположилась **знать** (с. 49). Еще пугать меня вздумали, **смерды!** (с. 102).*

4. Письменные документы. К этой тематической группе мы отнесли лексемы *грамота, пергамент, свиток*: – *Благодарю. – Отец, взмахом руки отпустив слугу, сломал печать и расправил **пергамент** (с. 38). Слуга невозмутимо перешагнул порог, и я только сейчас заметила у него в руках поднос, на котором лежал перетянутый алой лентой **свиток** (с. 38).*

5. Единицы измерения: *аршин, дюжина, сажень*: *Мальчишка перегнулся через подоконник и попытался дотянуться до меня рукой. Разумеется, без результата, до которого не хватало больше **сажени** (с. 13). Посадить на каждое судно по три **дюжины** воинов и парочке магов, вон их тут сколько ерундой мается (с. 59).*

6. Строения, особенности архитектуры. Эта тематическая область представлена словами *замок* и *гаргулья*: *Сама же стояла на крыше фамильного **замка** рядом с украшавшей карниз **гаргульей** (с. 4). Просвищу мимо **гаргульи**, как пущенное по желобу яблоко (с. 15). Слово **замок** имеет несколько значений, все устаревшие: 1) дворец владетельного рода; усадебный дом крупного помещика; 2) дворец и крепость феодала. *Средневековый замок*; 3) название некоторых дворцов. *Петровский замок*; 3) то же, что тюрьма.*

Слово *гаргулья*, также *гаргуйль* или *горгулья*, в готической архитектуре – ‘каменный или металлический выпуск водосточного жёлоба, чаще всего скульптурно оформленный в виде гротескного персонажа или многофигурного сюжета, предназначенный для отвода стока воды’.

Историзмы в тексте повести выполняют изобразительную функцию, показывая предметный мир, быт средневековья, способствуют ощущению времени, созданию колорита эпохи.

Список использованной литературы:

1. Громыко Ольга Николаевна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cultin.ru/writers-gromyko-olga-nikolaevna> – Дата доступа: 17.07.2021.
2. И иже с ними [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://phraseology.academic.ru/4978/И_иже_с_ними. – Дата доступа: 17.07.2021.
3. Громыко, О. Н. Пророчества и Иже с ними / О. Н. Громыко // Белорские хроники. – М. : Альфа-книга. – 163 с.
4. Гаргулья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаргулья#:~:text=Гаргу́лья>. – Дата доступа: 17.07.2021.

С. Н. Ларшина (г. Тула, ТГПУ имени Л. Н. Толстого, Россия)
*Научный руководитель – Д. А. Романов, доктор филол. наук,
 профессор*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

В повседневной речи мы употребляем разнообразные слова и выражения, зачастую даже не задумываясь, что они обозначают. В результате происходит нарушение лексических норм современного русского литературного языка (употребление слов без соответствия со своим значением, неуместность их использования в данном стиле речи). Это нередко можно наблюдать в средствах массовой информации. Сегодня носители языка осознают, что нужно внимательнее относиться к словарному богатству родного языка, изучать и беречь его.

Для того чтобы правильно употреблять слово, необходимо знать его происхождение, изменение значения в процессе жизни слова, его значения в современном русском языке. Так как слова в русском языке являются не пассивными, а активными лексическими единицами, т. е. способны менять значение и сферу употребления.

Предлагается рассмотреть изменения значения и сферы функционирования двух лексических единиц: *диаспора* и фразеологизма *шить дело*.

В современном языке слово *диаспора* употребляется в значении ‘религиозные и этнические группы, живущие в новых для себя районах на

положении национально-культурных меньшинств'. Нетрудно заметить, что в настоящее время значение термина «расплылось», несмотря на то что в прошлом это слово имело четкое смысловое содержание – ‘рассеяние, распыление’. Так называли евреев, живущих за пределами Палестины. В древнерусском языке соответствующие обозначения *рассеять*, *рассеяние* употреблялись только в церковной книжности (в русском переводе), будучи стилистически высокими: ...*простру руку свою на тя, истлю и расью вы...* Церковнославянское значение поддерживалось текстами библейского типа как частью литературного языка.

Исследуя историю слова, Т. С. Кондратьева отмечает: «После 1917 года, когда библейские тексты были исключены из обращения, слово *рассеяние* эту поддержку потеряло. Вместо него в русский язык пришло слово *диаспора* (именно та форма, с которой 1000 лет назад было переведено первое обозначение). Источником его появления был уже не греческий, а английский язык. В советский период термин вернулся на страницы справочников, энциклопедий и словарей только в конце 60–70-х годов. Однако слово оставалось для русского языка либо историзмом, либо иностранной реалией, будучи идеологически табуированным. После распада Советского Союза и образования независимых республик национальные проблемы вышли на первый план. Этот факт послужил толчком для активизации термина, сопровождавшейся различными семантическими и словообразовательными процессами. Перед нами пример влияния внеязыковых (экстралингвистических) факторов на развитие системы языка. Пресса в настоящее время содержит огромное количество примеров употребления данного обозначения: *русская диаспора, марийская диаспора, чеченская диаспора...*» [3, с. 23–25].

Таким, образом, термин, попав в публицистику, и употребляясь чрезмерно широко, утратил конкретность значения. Сегодня данное название используется в качестве собственного наименования, например, во Владивостоке зарегистрирована фирма с названием «Диаспора» – факт, свидетельствующий, во-первых, о проникновении слова в общий язык, во-вторых, об ассоциации с чем-то необычным, красивым. Налицо факт нарушения лексической нормы, причиной чего является незнание семантики «модного» слова.

Итак, значение слова *диаспора*, бывшего некогда термином, стало очень расплывчатым, аморфным. Однако оно «прижилось» в лексической системе языка.

Слово считается прижившимся в языке и не засоряющим его, если от него образуются новые слова. Слово *диаспора* смело можно назвать прижившимся. В настоящее время встречается такое его производное, как

относительное прилагательное *диаспоральный* (ср. *диаспоральная политика* ‘политика в отношении диаспоры’, *диаспоральные ресурсы*).

Итак, понятие *диаспора*, зародившись много веков назад и долгое время оставаясь фактом специального употребления, в русском языке конца XX века вышло за рамки религиозной лексики и, подкрепленное реальными событиями социально-политической жизни, приобрело новый статус в системе языка, то есть изменило сферу своего функционирования (перешло в публицистический стиль), не изменив в основных чертах своего значения.

Рассмотрим фразеологизм *шить дело*, который является примером того, как лексическая единица может менять не только сферу употребления, но и свое значение.

С точки зрения современного литературного языка, устойчивое сочетание *шить дело* имеет ограниченную сферу употребления, соотносимую с уголовным жаргоном.

Но так было не всегда. Глагол *шить* в значении ‘создавать, сплетать’ и в древности употреблялся при выяснении отношений, в случае тяжбы, но это не было уголовной сферой в нашем понимании; только тогда шили не дело, а сшивали ложь, клевету, лесть и злобу. В «Грамоте Новгородского архиепископа Геннадия» (1490) читаем: ...*а ныне на меня лжу сшивают...* Приведенный пример относится к языку книжному, литературному, а отнюдь не к жаргону.

Когда подобные сочетания ушли из книжного языка на периферию и попали в уголовную сферу, сказать трудно, но до нашего времени сочетания *сшивать ложь/клевету* дошли в виде *возводить клевету/ложь*, а *шить* стало возможно только *дело*, что связано, видимо, с реальным процессом подшивания многочисленных бумаг уголовного дела в одну папку [2, с. 237].

Выражение *шить дело* именно в таком виде, скорее всего, принадлежит XX веку. Оно воскресло и распространилось по причине нашей печальной истории, когда чрезвычайно актуализировалась и активизировалась уголовная тематика, но корнями фразеологизм уходит в глубокую древность.

И потому сейчас, когда появилась тенденция возрождения старославянских, церковнославянских по происхождению слов и значений, появилась надежда, что когда-нибудь словосочетание *шить дело* будет употребляться в своем исконном значении и станет принадлежать литературному языку, обогащая его новыми красками смыслов и значений.

Таким образом, история слова тесно связана с историей народа, с его культурой, а если слово заимствовано, то и с историей других народов.

Поэтому для любого интеллигентного человека важно знание этимологии – науки, изучающей историю слов, для того чтобы грамотно строить своё высказывание, употреблять слова в своих истинных значениях, красиво, образно говорить по-русски.

В науку прочно вошло понятие *языковая личность*, которое включается в понятие *менталитет*. В соответствии с этим уместно привести слова лингвиста В. В. Колесова из книги «Жизнь происходит от слова...»: «Менталитет – мирозерцание, выражающееся в категориях и формах родного, русского языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [1, с. 43].

Только тогда, когда человек сможет красиво и ясно выражать свои мысли и чувства на родном языке, можно говорить об интеллектуальных, духовных и волевых качествах русского национального характера.

Список использованной литературы

1. Колесов, В. В. Жизнь происходит от слова... / В. В. Колесов. – М. : Златоуст, 2015. – 368 с.
2. Шустенко, Е. Ю. Социальные диалекты русского языка / Е. Ю. Шустенко // Вестник Камчат. гос. технич. ун-та. – 2005. – № 4. – С. 235–241.
3. Кондратьева, Т. С. К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе / Т. С. Кондратьева // Актуальные проблемы Европы. Политологические науки. – 2009. – С. 17–43.

Е. А. Литвинович (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В АКТИВНОМ И ПАССИВНОМ СЛОВАРНОМ ЗАПАСЕ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

После распада СССР и крушения старой идеологической системы лексико-фразеологический состав русского языка пережил довольно существенную трансформацию: активно появляются неологизмы (главным образом заимствования), часть слов и выражений выходит из активного употребления, некоторые же возрождаются (*Дума, гимназия, полиция* и др.). Это делает актуальным изучение изменений в частотности употребления библейских фразеологизмов в современной русской речи, особенно в речи молодых носителей русского языка.

С этой целью нами было проведено анкетирование учащихся ГУО «Средняя школа № 10 г. Бреста». Школьникам было предложено выполнить три задания:

1) выбрать и подчеркнуть фразеологизмы библейского происхождения из следующего ряда единиц: *попасть впросак, ноев ковчег, сломя голову, в мгновение ока, соломоново решение, тютелька в тютельку, Содом и Гоморра, вздохнуть полной грудью, метать громы и молнии, чечевичная похлёбка, манна небесная, вавилонская башня, сгущать краски, сбросить ярмо, соль земли, золотой телец, бить баклуши, кот наплакал, тёртый калач, валаамова ослица, козел отпущения*;

2) восполнить пропуски в тексте: *Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил _____ серебеников первосвященникам и старейшинам; Возглас остался гласом вопиющего в _____; И не лавровый, а _____ венец ждёт его, если он поэт; Прошло уже три недели, как _____ сын вернулся под мирный отцовский кров; Вместо привычного _____ в овечьей шкуре мы видим льва*;

3) объяснить значение фразеологизмов *метать бисер перед свиньями, запретный плод, сучок в глазу замечать, святая святых, змей-искуситель*.

Таким образом, анкета была направлена на изучение как пассивного, так и активного фразеологического запаса школьников, а также на выявление их культурологических знаний. Мы отбирали для заданий только общеизвестные и довольно частотные фразеологизмы, восходящие как к Ветхому, так и к Новому Заветам. В анкетировании приняли участие 47 школьников 13–14 лет.

Выполняя первое задание, учащиеся должны были среди 21 фразеологизма опознать 10 библеизмов. Самыми узнаваемыми стали фразеологизмы *ноев ковчег* (подчеркнули 87 % респондентов), *Содом и Гоморра* и *манна небесная* (по 85 %). Более двух третей школьников отметили единицы *Соломоново решение* (74 %) и *Валаамова ослица* (68 %), чуть больше половины – *вавилонская башня*, *золотой телец* (по 53 %), *соль земли* и *козел отпущения* (по 51 %). А вот фразеологизм *чечевичная похлёбка* подчеркнули всего 36 % учащихся, то есть библейская история о продавшем первородство Исаве оказалась наименее знакома современным подросткам.

Данные обобщены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты выполнения первого задания

Фразеологизм	Кол-во верных ответов	Процент верных ответов
Ноев ковчег	41	87,2
Содом и Гоморра	40	85,1
Манна небесная	40	85,1
Соломоново решение	35	74,5
Валаамова ослица	32	68,1

Вавилонская башня	25	53,2
Золотой телец	25	53,2
Соль земли	24	51,1
Козел отпущения	24	51,1
Чечевичная похлёбка	17	36,2

Все 10 библеизмов подчеркнули трое учащихся, 9 фразеологизмов выбрали 5 учащихся, 8 и 7 – по 5 учащихся, 6 – 14 учащихся, 5 – 10 учащихся, 4 – трое, всего 3 – двое. Таким образом, не более половины библейских фразеологизмов опознали 32 % респондентов, всего 28 % школьников смогли правильно определить библейское происхождение 8–10 единиц.

Из небиблейских фразеологизмов чуть меньше половины учащихся подчеркнули *метать громы и молнии* (48 %) и *сбросить ярмо* (44 %), треть респондентов выбрали *в мгновение ока* (36 %). Вероятно, это вызвано наличием в составе данных идиом устаревших слов (*ярмо*, *око*) или форм (*громы*). Такие идиомы, как *сломя голову*, *тютелька в тютельку*, *сгущать краски*, *кот наплакал*, не подчеркнул ни один учащийся.

В активный словарный запас современных школьников библейская фразеология входит весьма фрагментарно. При выполнении второго задания никто не смог восстановить все компоненты фразеологизмов. Наиболее употребительным оказалось выражение *блудный сын* – его дописали 53 % респондентов. На втором месте – *волк в овечьей шкуре* – 34 %. А вот обороты *тридцать сребреников*, *глас вопиющего в пустыне* и *терновый венец* узнали единицы – 6 %, 4 % и 2 % учащихся соответственно.

В третьем задании следовало описать значение библейских фразеологизмов, то есть проверялся пассивный словарный запас учащихся. Как и при выполнении второго задания, только 53 % школьников проявили знание хотя бы одного библеизма – *запретный плод*. Фразеологизмы *сучок в глазу замечать*, *святая святых*, *змей-искуситель* правильно понимают 34–36 % учащихся, а идиому *метать бисер перед свиньями* – всего 6 % (3 человека).

В данном задании учащиеся давали следующие ошибочные определения:

- *метать бисер перед свиньями* – ‘заниматься ерундой’ (5 учащихся), ‘ничего не делать’ (3), ‘хвастаться’ (4), ‘выпендриваться’ (2);
- *запретный плод* – ‘то, что нельзя есть’; ‘то, что нельзя трогать’;
- *сучок в глазу замечать* – ‘быть очень внимательным’ (8 учащихся), ‘видеть всё’, ‘зоркий человек’, ‘лезть в чужую жизнь’;
- *святая святых* – ‘церковь’, ‘правильный человек’, ‘что-то очень дорогое’, ‘лучше всех’, ‘что-то волшебное’;
- *змей-искуситель* – ‘вредитель’, ‘манипулятор’, ‘враг’, ‘порода змей’.

Таким образом, результаты нашего анкетирования показывают, что современные русскоязычные подростки неглубоко знакомы с библейской фразеологией, она лишь фрагментарно входит как в пассивный, так и в активный словарный запас сегодняшних школьников. Наиболее успешно они справились с заданием на опознавание библеизмов среди других фразеологических единиц, а вот значение фразеологизмов библейского происхождения учащимся малопонятно, компонентный состав анкетир�уемые знали недостаточно хорошо.

Н. А. Лявошка (*г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна*)
Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт

ФУНКЦЫЯНАВАННЕ Ё БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ НАЙМЕННЯЎ РАСЛІН, ВЫТВОРНЫХ АД НАЗВАЎ ДЗІКІХ ЖЫВЁЛ

Прадметы ці з’явы рэчаіснасці маюць патэнцыяльна незлічоную колькасць матывацыйных прымет, але адносна нязначная іх частка выдзяляецца чалавекам як аснова для намінацый. Як правіла, найперш выкарыстоўваюцца знешнія, відавочныя прыметы рэаліі (колер, памер, абрысы) або такія прыметы, якія выконваюць важную для чалавека функцыю, вылучаюць прадмет ці з’яву сярод іншых, маюць пэўную сацыяльную значнасць.

Батанічная наменклатура характарызуецца наяўнасцю вялікай колькасці такіх матывацыйных прыкмет. Знешнія прыкметы раслін, месца іх росту, падабенства з жывёламі і птушкамі, уласцівасці раслін і іншае часта бярэцца за аснову ўтварэння таго ці іншага батанічнага номена. Напрыклад, гэта можа быць месца, дзе расліна расце (*амежнік, багноўка*); назвы пэўнага адрэзку часу (*размай, падснежнік*); уласныя імёны (*сапежынка, Іван-ды-Мар’я*); народныя павер’і, паданні, прымхі (*бацькі, гарнік, нятубіц*) і пад.

У артыкуле мы разгледзім номены, якія ў сваёй аснове маюць назвы дзікіх жывёл. Фактычны матэрыял выбраны з “Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы” [1], тэрыторыя функцыянавання дыялектных адзінак акрэсліваецца па матэрыялах даведніка “Раслінны свет: тэматычны слоўнік” [2].

Ваўчуг ‘расліна стальнік, *Oponis argensis* L.’, таксама **ваўчук, ваўчуга**, укр. *вовчуг*. Бясспрэчна, ад *воўк* (матывацыя можа быць рознай: расліна пакрыта валаскамі, мае моцныя карані). Параўн. назвы *Oponis* ва ўкр. мове: *плугодержка, стальник, вовча, вовчак, вовче зілля* і г. д. [1, т. 2, с. 77–78]. Дадзены дыялектная назва зафіксавана ў гаворках Магілёўскага і Гродзенскага раёнаў.

Воўчае во́ка ‘воўчыя ягады’. Ад воўк. Прыметнік *воўчы* ўказае на атрутнасць расліны [1, т. 2, с. 204]. Назва зафіксавана толькі ў дыялектнай мове ўсходнемагілёскага рэгіёна.

Воўчае лы́ка ‘расліна, *Daphne mezereum* L.’. Ад воўк. Прыметнік *воўчы* ўказае на атрутнасць расліны [1, т. 2, с. 204]. Назва сустракаецца ў Магілёўскім, Мінскім, Віцебскім раёнах.

Воўчая ступня́ ‘герань крывяна-чырвоная, *Geranium sanguineum* L.’, **воўчая ста́па** ‘тс’. Відавочна, паводле формы лісця, параўн. назвы для *Geranium pratense* L. Рус. *орлиная лапка, медвежья лапка*, укр. *вовчі лапки* [1, т. 2, с. 204]. Назва фіксуецца ў Віцебскім, Магілёўскім, Гродзенскім раёнах.

Воўчая крапі́ва ‘залозніца вузлаватая, *Scrophularia nodosa* L.’. Расліна названа пападабенству да крапівы. Прыметнік указвае на тое, што расліна “несапраўдная”, дзікарослая [1, т. 2, с. 205]. Назва адзначаецца ў межах Мінскага і Чэрвеньскага рэгіёнаў.

Воўчая мя́та ‘чысцік лясны, *Stachys germanica* L. і балотны *Stachys palustris* L.’. Прыметнік указвае на тое, што расліна “несапраўдная”, дзікарослая; азначэнне *воўчы* пастаянна ўжываецца ў адносінах да неядомых і дзікарослых раслін [1, т. 2, с. 205]. Назва зафіксавана ў межах Магілёўскага і Чэрвеньскага рэгіёнаў.

Воўчыя спі́чкі ‘зяюлін лён, *Polytrichum commune* L.’. Відавочна, ад *спічка* < *спіца* па знешняму падабенству (кароткае прамастойнае сцябло з прызматычнай каробачкай наверху). Прыметнік *воўчы*, якія часта сустракаецца ў назвах дзікарослых раслін, не звязаны непасрэдна з воўк, а паказвае “несапраўднасць” расліны; параўн. *воўчая мята* [1, т. 2, с. 205]. Назва адзначаецца толькі ў межах Чэрвеньскага рэгіёна.

Воўчыя я́гады ‘расліна, *Daphne*’; ‘паслён чорны’. Аб матывах намінацыі гл. *воўчае лыка* [1, т. 2, с. 205]. Назва замацавалася ў навуковай наменклатуры і сустракаецца ва ўсходнепалескім рэгіёне, віцебска-магілёўскіх гаворках.

Лі́сік, лі́сяк ‘дзіванна скіпетрападобная, *Verbascum thapsiforme* Schrad.’. Да *ліс*. Названа паводле формы кветканосу, падобнага да лісінага хваста [1, т. 6, с. 6]. Адзначаецца ў Гродзенскім, Віцебскім, Магілёўскім, Мінскім, Смаленскім рэгіёнах.

Мышалоз ‘вярба размарыналістая, *Salix rosmarinifolia* L.’. Да *мыш* і *лаза*. Названа паводле невялікага росту вярбы [1, т. 7, с. 124]. Назва адзначаецца ў дыялектнай мове Гродзеншчыны.

Сайгачья капу́ста ‘расліна расходнік звычайны, *Sedum vulgare* L.’. Да *сайгак*. Аб матывацыі слова гл. *заячья капуста* [1, т. 11, с. 293]. Расліна з’яўляецца ежай для дзікіх жывёл (зайцаў, сайгакаў і пад.). Сінанімічнай назвай з’яўляецца *заячья капуста*.

Тур ‘капытнік горны, *Arnica Montana L.*’. Да *тур* ‘першабытны дзікі бык’, ежа зуброў у Белавежскай пушчы. Аднак не выключана метафарычнае ўжыванне назвы *тур* тое, што прыносіць здароўе і сілы [1, т. 14, с. 240]. Назва адзначаецца толькі на Гродзеншчыне.

Такім чынам, у аснове батанічных номенаў адзначаны назвы наступных дзікіх жывёл: *воўк* (8 адзінак), *ліса* (2 адзінкі), *мыш* (1 адзінка), *заяц* (1 адзінка), *сайгак* (1 адзінка), *тур* (1 адзінка). Асновай матывацыі номена ў большасці выступае назва ваўка. Прыметнік *воўчы*, які ў асноўным уваходзіць у склад састаўных батанічных назваў, указвае на атрутнасць расліны, рэдка – на яе знешнія прыкметы. У дыялектнай батанічнай наменклатуры назвы дзікіх жывёл часцей становяцца матывацыйнай асновай, чым у навуковай.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : у 14 т. – Мінск : Навука і тэхніка, Беларус. навука, 1978–2017. – 14 т.
2. Раслінны свет : тэматычны слоўнік / склад. В. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 655 с.

В. Р. Мандра (*г. Брэст, БрДТУ*)

Навуковы кіраўнік – Я. Р. Самуйлік, канд. філал. навук, дацэнт

ДА ФАНЕТЫЧНЫХ АСАБЛІВАСЦЕЙ ГАВОРКІ ВЁСКИ ПЕЛІШЧА КАМЯНЕЦКАГА РАЁНА

Аграгарадок Пелішча (да 2008 г. вёска) – цэнтр аднайменнага сельсавета – размешчаны за 12 км на паўднёвы ўсход ад раённага цэнтра горада Камянца. Паводле пісьмовых крыніц, паселішча вядома з другой паловы XVI ст. пад назвай *Пелішчава*. Гэта дзяржаўная ўласнасць у складзе Берасцейскага павета ВКЛ. У канцы XVIII ст. Пелішча – цэнтр шляхецкага ўладання. Пасля трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай (1795) паселішча далучана да Расійскай імперыі. У сярэдзіне XIX – пачатку XX ст. Пелішча (Пелішчы) – гэта вёска ў Жыцінскай воласці Брэсцкага павета Гродзенскай губерні. Паводле перапісу 1897 г., паселішча ў складзе Пелішчанскай сельскай грамады. У гэты час у вёсцы быў 851 жыхар, 109 двароў, народнае вучылішча, хлебазапасны магазін, піцейны дом; у выселках Пелішча – 24 жыхары, 5 двароў, карчма. У 1905 г. у вёсцы налічвалася 1085 жыхароў, у народным вучылішчы – 93 навучэнцы.

У 1921–1939 гг. паселішча ў складзе Польшчы: спачатку ў Жыцінскай гміне, з 1928 г. – у Камянец-Літоўскай гміне Брэсцкага павета Палескага ваяводства. У 1923 г. у Пелішчы налічвалася 786 жыхароў і 157 двароў.

З 1927 г. тут дзейнічаў механічны млын, у 1934 г. пабудаваны цагляны касцёл Найсвяцейшага Сэрца Ісуса – помнік архітэктуры стылю мадэрн.

З 1939 г. Пелішча ў складзе БССР. З 12 кастрычніка 1940 г. года Пелішча – цэнтр аднайменнага сельсавета, тут налічвалася 950 жыхароў і 188 двароў. З канца чэрвеня 1941 г. вёска акупавана нямецка-фашысцкімі захопнікамі і вызвалена 19 ліпеня 1944 г. У 2000 г. у Пелішчы жыло 2299, у 2005 г. – 1500, у 2009 г. – 1378 чалавек. На 20 красавіка 2021 г. у вёсцы налічвалася 1269 жыхароў і 548 гаспадарак (апошнія статыстычныя даныя атрыманы ад супрацоўніцы Пелішчанскага сельсавета А. В. Пыжык) [1, с. 11; 2, с. 488; 3; 4; 5, с. 7, 74–75; 6, с. 18–19, 20, 81–82, 517; 7, с. 263; 8; 9; 10, т. 1, с. 95–99, 134, 228; 10, т. 2, с. 39, 67–71, 107, 289; 10, т. 3, с. 18, 80–81, 157–159, 189, 299; 10, т. 4, 22, 26, 42–45, 111–115, 144, 234; 11, с. 235; 12; 13, с. 437].

У аснове назвы вёскі – балтыйскі тэрмін са значэннем ‘торф, чорны перагой’ (параўн.: літ. *pėlke* ‘балота’, ст.-прус. *pelku* ‘багна, твань’, лат. *pelce* ‘лужа’) [6, с. 95; 14, с. 17]: паселішча, верагодна, ўзнікла каля старажытнага перасохлага возера (тарфяніку).

Дыялектны матэрыял у вёсцы Пелішча быў запісаны ў ліпені – жніўні 2019 г. асабіста мною ад мясцовых жыхароў Івана Браніслававіча Аўсяніка (1954 г. нар.), Ганны Браніславаўны Аўсянік (1956 г. нар.), Галіны Іванаўны Мандра (1981 г. нар.). Для запісу дыялектнага матэрыялу былі выкарыстаны праграма “Атласа гаворак Выганаўскага Палесся. Фанетыка. Марфалогія. Лексіка” [15, с. 32–35] і праграма: “Як у вас гавораць?” (рукапіс).

Разгледзім асноўныя фанетычныя асаблівасці гаворкі в. Пелішча Камянецкага раёна.

Для даследаванай гаворкі характэрны шасціфанемны склад галосных гукаў – [i], [y], [e], [a], [o], [u]. Спецыфічная рыса гаворкі – рэалізацыя галоснага [y] на месцы ***о** ў ненаціскных складах пасля цвёрдых зычных (уканне): *вудá, хурóд* ‘агарод’, *дурóна* і інш. Аднак у канцавых адкрытых складах ***о** захоўваецца: *с’іно, л’іто, выsóко* і інш.

Наступная фанетычная адметнасць гаворкі – вымаўленне галоснага [e] на месцы ***е**, ***ѣ** ў складах пад націскам пасля мяккіх, часам паўмяккіх зычных: *пумн’éw* ‘памяў’, *мн’éсо* ‘мяса’, *м’эта* ‘мята’, *ж’эла* ‘жала’, але (на месцы ***а**, ***е**, ***ѣ**): *ша́пка, йа́блыко, вэ’aw, з’ат’, п’ат’, д’ад’ко* і інш.

Адной з найбольш выразных асаблівасцей гаворкі з’яўляецца таксама наяўнасць гука [i] пасля мяккіх губных (зрэдку – [y] пасля цвёрдых зычных) і заднеязычных на месцы ***о** ў новых закрытых складах пад націскам: *w’із, w’іл, w’ін, м’іст, б’іл’ш*, але: *пуйдыш; к’ін’, к’іт, к’іл’ко* і інш. Аднак галосны [u] (сярэдні паміж [i] і [y]) [16, с. 32, 151–152] у акрэсленай пазіцыі звычайна ўжываецца тут пасля цвёрдых і паўмяккіх пярэднеязычных: *нис, стил, ж’інка, пл’ит*, але: *н’іж, н’іж’ка* і інш.

Вельмі значная і паказальная адметнасць гаворкі – гэта рэалізацыя гука [i], часам – [u] на месцы націскага ***Ѣ** адпаведна пасля мяккіх і паўмяккіх і цвёрдых зычных: *л'іс, с'іно, сн'іh^x, л'іто, хл'іw, д'ід, w'іт'ор, кв'ітка, р'ічка, д'іwчына* ‘дзяўчына’, *тин* ‘цень’ і інш.

Выразнай асаблівасцю гаворкі з’яўляецца таксама вымаўленне галоснага [ы] ў першым пераднаціскным складзе ў наступных пазіцыях: на месцы ***е**, ***Ѣ** пасля губных: *высна́, быда́, выдро́, мышо́к, пысо́к*; на месцы ***е** (***ѣ**) пасля ***з**, ***н**, ***с**, ***т**, ***д**: *зымл'а́, нымá, сыло́, тыпéр, дын'о́к*.

Адрозная і характэрная адметнасць гаворкі – гэта наяўнасць гукаў [i], [ы] на месцы ***е** ў паслянаціскных складах у словах тыпу *за́йіц', па́мыт'*. Аднак у пераднаціскных складах у акрэсленай пазіцыі зафіксаваны галосныя [a], [u] ў лексемах *wз'ала́, зл'іка́wс'а, зл'іка́тыс'*.

І нарэшце, істотнай асаблівасцю гаворкі ў галіне вакалізму з’яўляецца вымаўленне гукаў [i] і [ы], [o] на месцы націскага і паслянаціскага ***е** адпаведна ў словах *uw'іс* ‘авёс’, *м'ід* ‘мёд’; *бе́рыh, wéчор*. Аднак у націскным становішчы названы этымалагічны галосны захоўваецца ў лексеме *дал'э́ко*.

Найбольш яркая адметнасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта розная рэалізацыя зычных. Губныя цвёрдыя перад рэфлексамі ***е** (ва ўсіх пазіцыях), ***Ѣ** (у ненаціскных складах), ***і**: *высна́, бе́рыh, wéчор, ду мыне́* ‘да мяне’, *пе́ршый, быда́, выдро́, мышо́к, пысо́к; забыра́ты, луwы́ты, мы́ска, пыса́ты, рубы́ты* ‘рабіць’. Пярэднеязычныя ***з**, ***н**, ***с**, ***т**, ***д** цвёрдыя, ***л** звычайна паўмяккі і мяккі перад рэфлексамі ***е** (***ѣ**), ***і**: *зымл'а́, нымá, сыло́, тыпéр, дын'о́к; зымá, кусы́ты, худы́ты; л'ед', по́л'е; кул'і́, л'і́па, л'і́ты, худы́л'і*. Да таго ж паўмяккі ***л** мае месца тут і перад рэфлексамі ***е** ў пераднаціскных складах у словах тыпу *зл'іка́wс'а, зл'іка́тыс'*, а таксама перад ***е** ў лексеме *дал'э́ко*. Губныя (пераважна) і заднеязычныя мяккія перад рэфлексамі ***о** ў новых закрытых складах пад націскам: *w'із, w'іл, w'ін, м'іст, б'іл'ш*, але: *пуйдыш; к'ін', к'іт, к'іл'ко, ск'іл'ко* і інш. Аднак пярэднеязычныя ў акрэсленай пазіцыі звычайна цвёрдыя і паўмяккія: *нис, стил, ж'інка, пл'ит*, але: *н'іж, н'іж^мка*. Зычныя пераважна мяккія, часам паўмяккія і цвёрдыя перад рэфлексамі націскага ***Ѣ**: *л'іс, с'іно, сн'іh^x, л'іто, хл'іw, д'ід, w'іт'ор, р'ічка, ц'і́wка, д'іwчына, тин* і інш.

Паказальнай асаблівасцю гаворкі з’яўляецца таксама ацвярдзенне паўмяккіх ***д**’, ***т**’ перад рэфлексамі ***е**, ***і**, мяккага ***т**’ на канцы дзеясловаў у форме трэцяй асобы адзіночнага і множнага ліку: *ден', тыпéр, ты́хо, худы́ты; но́сыт, хо́дыт, но́с'ат, хо́д'ат*. Заўважым, што перад рэфлексамі націскага ***Ѣ** адзначана розная рэалізацыя мяккіх ***д**’, ***т**’: *д'ід*, але: *тин*’.

Адрозная адметнасць гаворкі – гэта пераход цвёрдых зычных у мяккія ў этымалагічных спалучэннях ***гы**, ***кы**, ***хы**, што ўзніклі пры

ўтварэнні поўных форм прыметнікаў, а таксама ў пазіцыі перад галосным [e] ў прыметніках ніякага роду адзіночнага ліку: *dówh'íi*, *kurótk'íi*, *tých'íi*; *dówh'e*, *kurótk'e*, *tých'e*.

Значнай асаблівасцю гаворкі з'яўляецца таксама наяўнасць як мяккіх і паўмяккіх, так і цвёрдых *р, *ж, *ч, *ш, *ц у пэўных пазіцыях: *por'ízaw*, *r'íčka*, *na myž'í*, *ž'er*, *úwih'ek* 'вушак /бакавы брус у дзвярной асадзе/', *dubr'íi*, *íi* 'дабрэйшы', *muludyć'a*, *ć'íwka* і інш. і *purádok*, *šánpka*, *žýto*, *óчы*, *ćáćka*, *xlóćы* і інш.

Істотная адметнасць гаворкі – гэта зычны *в, што паходзіць з *в, *л. У пазіцыі перад галосным, а таксама пасля галоснага гука перад зычным і ў канцавым становішчы ён даў рэфлекс губна-губнога [w]: *wáta*, *wudá*, *swubódnый*, *w'ít'or*, *plywú*, *lávka*, *práwda*, *dówh'íi*, *купыw* і інш. Сустрэкаецца губна-губны [w] і ў пачатковым становішчы перад зычнымі: *wz'alá*, *wdárыты*, *w хáты* 'у хаце', *w л'ісы* 'у лесе' і інш.

Вельмі выразнай асаблівасцю гаворкі з'яўляецца наяўнасць фрыкатыўна-фарынгальнага зычнага [h]: *hустый*, *hóруд*, *huród*, *had'úka*, *з нуh'í* 'з нагі' і інш.

Значная адметнасць гаворкі – гэта захаванне (зрэдку частковае аглушэнне) звонкіх зычных у канцавым становішчы: *w'íz*, *дуб*, *н'іж*, *б'іб* 'фасоля', *крыж*, *hólуд*, *мыdw'íd* 'мядзведзь', *дурóh^x* 'дарог' і інш. Аднак у сярэдзіне слова адбылася частковая асіміляцыя па глухасці: *zahád^mka*, *сыруй^{bi}ж^uka* 'сыраежка', *н'іж^uka*, але: *húbⁿka* і *húpka* і інш.

Істотнай асаблівасцю гаворкі з'яўляецца рэалізацыя на месцы этымалагічнага спалучэння “**мяккі зычны + ьj**” у становішчы паміж галоснымі падоўжаных зычных: *з'іл'л'e*, *нас'ін'н'e*.

Гаворку вылучае адсутнасць пратэтычных зычных або часам наяўнасць прыстаўнога [h] перад галоснымі [o], [y]: *óзыро*, *óсын'*, *óчы*, *урáты* 'араць', *уну́ча* 'ануча', *ныуднуhó* 'ніводнага', *hóстрый*, *hу́лиц'a*.

Такім чынам, гаворка в. Пелішча Камянецкага раёна характарызуецца цэлым комплексам фанетычных асаблівасцей і адносіцца да паўднёвазагародскіх гаворак, адной з чатырох асобных разнавіднасцей заходнепалескіх, або загародскіх, гаворак [16, с. 150–157, 201–202, 204–206, 211–212; 17, с. 133–135, 136; 18, с. 27–28, 38–39].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Брестская область [Карты] : общегеогр. атлас / сост. и подгот. к печати РУП «Белкартография» в 2003 г. ; ред. Н. И. Шлык. – 1 : 200 000, 2 км в 1 см. – Минск : Белкартография, 2003. – 1 атлас (33 с.) : цв.
2. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук ; ред. Т. Г. Мартыненко. – Минск : БелЭн, 2004. – 576 с.
3. Пелище [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пелище>. – Дата доступа: 22.04.2021.

4. Пелище [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <https://radzima.org/ru/miesca/pelishche.html>. – Дата доступа: 22.04.2021.5. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Т. 4, кн. II : Брэсцкая вобласць / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2007. – 608 с.
6. Памяць : Кам. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэд.-уклад.: Г. П. Парафянюк, Р. Я. Смірнова ; рэдкал.: А. Л. Петрашкевіч [і інш.]. – Мінск : Ураджай, 1997. – 526 с.
7. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 12 : Палікрат – Праметэй. – 2001. – 560 с.
8. Пелішчава [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Рэжым доступу: <https://be.wikipedia.org/wiki/Пелішча>. – Дата доступу: 17.04.2021.
9. Пелішчанскі сельсавет [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Рэжым доступу: https://be.wikipedia.org/wiki/Пелішчанскі_сельсавет. – Дата доступу: 17.04.2021.
10. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 3 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – [Маштабы розныя]. – Мінск : Белкартаграфія, 2009–2018. – 4 т.
11. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / Акад. наук БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. совет. энцикл. ; редкол.: С. В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 417 с.
12. Касцёл Найсвяцейшага Сэрца Ісуса [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Рэжым доступу: [https://be.wikipedia.org/wiki/Касцёл_Найсвяцейшага_Сэрца_Ісуса_\(Пелішча\)](https://be.wikipedia.org/wiki/Касцёл_Найсвяцейшага_Сэрца_Ісуса_(Пелішча)). – Дата доступу: 18.04.2021.
13. Мароз, В. В. Драўляныя сакральныя храмы Берасцейшчыны : нарысы гісторыі, археалогіі і культуры / В. В. Мароз. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2018. – 512 с.
14. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : у 14 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Беларус. навука, 1978–2017. – Т. 9 : П / уклад. І. І. Лучыц-Федарэц [і інш.] ; рэд. Г. А. Цыхун. – 2004. – 367 с.
15. Самуйлік, Я. Р. Атлас гаворак Выганаўскага Палесся / Я. Р. Самуйлік ; Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст : БрДТУ, 2013. – 322 с.
16. Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 293 с.
17. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Берасцейскай вобласці / Ф. Д. Клімчук // Gdzie bije źródło... Pieśni ludowe pogranicza Polski i Białorusi / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, M. Żygalska. – Lublin – Wyszynice, 2015. – S. 129–143.
18. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся: фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук ; [рэд. М. І. Талстой] ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 126 с.

Д. С. Мартэн (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
 Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

НАЗВАНИЯ КИНОПРОИЗВЕДЕНИЙ ПО ТИПУ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМОГРАФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КИНОСТУДИИ «БЕЛАРУСЬФИЛЬМ»)

Жизнь современного социума тесно связана с кинематографом. Он учит, просвещает, воспитывает, пропагандирует, развлекает... По некоторым оценкам, воздействие кинопродукции на умы людей превосходит влияние газет и книг вместе взятых.

Выбор фильма определяется рядом факторов (жанр, актерский состав, режиссер и т. д.), но один из наиболее важных – его название. В ономастике для имен собственных (ИС) кинопроизведений используют термин «фильмоним». Ввела его в научный оборот Ю. Н. Подымова, а первое системное описание таких ИС сделала в кандидатской диссертации «Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке» (1992) Н. В. Кныш [2]. Материалом нашего исследования стали номинации фильмов, выпущенных Республиканским унитарным предприятием «Национальная киностудия “Беларусьфильм”», – всего 300 единиц. Источниками онимического материала послужили интернет-сайты [5; 6].

Зафиксированные названия демонстрируют разные типы передачи информации о кинопроизведении и распадаются (классификация по [3, с. 14]) на три группы: собственно информативные, информативно-концептуальные и информативно-образные фильмонимы.

Собственно информативные ИС (184 единицы; 61,3 %) – это нейтральные, безоценочные номинации, которые называют героя, время, место событий, деталь, которые содержат указание на жанр [3, с. 14]: *художественный фильм (х/ф) «В августе 44-го»* – события за год до окончания Великой Отечественной войны (ВОВ) разворачиваются на территории Беларуси; *х/ф «Белые росы»* – ИС восходит к названию белорусской деревни (она оказалась в черте города и идет под снос), в которой разгораются семейные страсти; *х/ф «Бронзовая птица»* (по повести А. Рыбакова) – история про особняк с легендой, веранду в котором украшает *бронзовая скульптура птицы*; и др.

Обращают на себя внимание синкретичные названия, построенные, например, по схемам «жанр и герой», «жанр и объект», «жанр и время», «жанр и место»: *х/ф «Записки юного врача»* (экранизация по циклу рассказов М. Булгакова) – ИС отсылает к жизни, *врачебной* деятельности молодого Булгакова; *х/ф «Хроника ночи»* – фильм рассказывает про *ночное* нападение террористов на экипаж самолета; *х/ф «Весенняя сказка»* (по мотивам пьесы А. Островского) – в *сказочной* истории любовь

Снегурочки к пастуху Лелю оборачивается смертью героини, растаявшей под лучами *весеннего* солнца (после этого – а существование Снегурочки нарушало законы природы – Ярило перестанет сердиться, и в царстве Берендея восстановится счастливая жизнь); и др.

Собственно информативные фильмонимы нередко представляют собой номинативные конструкции: они невелики по объему, лаконичны, при этом семантически емки, хотя смысл, заложенный в ИС, может раскрываться ретроспективно – после просмотра фильма [2, с. 14].

Информативно-концептуальные номинации (86 единиц; 28,6 %) тесно связаны с идейным замыслом кинотекста, выражают авторские интенции (намерения) [3, с. 14]: *х/ф «Пока мы живы»* – фильм повествует о любви (во время перестройки и становления суверенной Беларуси), которой уготована проверка на прочность: главный герой, Корней, пытается подстроиться к политической ситуации в стране, думает только о карьере и готов предать любовь, а его возлюбленная Ольга всеми силами пытается сохранить их союз; *х/ф «Человек не сдается»* (по одноименной повести И. Стаднюка) – герой кинопроизведения, молодой политрук, в начале войны, не простившись с невестой, идет в первый бой; и, хотя танковая бригада Петра Маринина не готова к схватке с фашистами, он верит в свои силы, мечтает о встрече с возлюбленной, он *не сдается...*; и др.

Подобные ИС являются по сути своей отадресатными (в отличие от рассмотренных выше собственно информативных фильмонимов, демонстрирующих отобъектный принцип номинации), обращены к зрителю и потому нередко отличаются диалогичностью, эмоциональной окрашенностью, представляют собой побудительные конструкции: *х/ф «Внимание! В городе волшебник!»* – история про волшебника, который превращает плохих людей в кукол, а за хорошие поступки они снова становятся людьми; *х/ф «Давай поженимся»* – повествование о случайно встретившихся людях, которые в шутку друг другу сделали предложение и совместными усилиями обустроили свою семейную жизнь; *х/ф «Не забудьте выключить телевизор»* – рассказ о мальчике, которого мама на время командировки оставляет няне; именно ей ребенок раскрывает свою тайну (его родной отец – ведущий одной из телепрограмм), и няня решает восстановить семью; и др.

Как видим, рассмотренные и подобные им фильмонимы в той или иной степени объективируют концепцию авторов произведения, его идею.

По **информативно-образным** ИС (30 единиц; 10 %), в силу их образности, не всегда можно определить содержание фильма [3, с. 15]: *х/ф «Иллюзия охоты»* – главная героиня ведет достаточно своеобразную «охоту», а именно ищет своего отца; *х/ф «Кукушкины дети»* – произведение посвящено тяжелой судьбе советских детдомовских детей

(сирот при живых родителях сравнивают с *детьми кукушки*), которых во время ВОВ немцы вывозили в Германию для обучения диверсантской деятельности на территории СССР; и др.

Созданию интриги способствует обращение при создании таких номинаций к различным тропам (словам, фразам в переносном значении [4, с. 23]) и стилистическим фигурам (экспрессивным конструкциям, средствам передачи эмоций, оценок и мнений [1, с. 7]). Например, в нашей выборке отличаются активностью фильмонимы, построенные на метафоре, метафоризации, т. е. на сходстве: х/ф *«Восточный коридор»* – так назывался путь отхода (на востоке Беларуси) подпольщиков в годы ВОВ; х/ф *«Черное солнце»* – произведение посвящено *черному* континенту, жаркой, залитой *солнцем* Африке в политическом кризисе, в период переворота (*черный* цвет и отсюда), становления независимости; и др.

Менее востребована при создании ИС в нашей выборке метонимия, т. е. перенос по смежности: *документальный фильм «Краповый берет»* – рассказ о нелегкой службе бойцов спецназа (названный головной убор является высшей формой отличия таких подразделений); х/ф *«Парашиюты на деревьях»* – история о группе разведчиков, сброшенных на парашютах на вражескую территорию, без всякой надежды на помощь; и др.

Отмечены и другие виды тропов, в частности, эпитет, аллегория: х/ф *«Нечаянная любовь»* – повествование о моряке, который приехал в отпуск в родную деревню и узнает, что его девушка выходит замуж за ленивого и непутевого Веню, оставившего семью в Мурманске, – и Алексей Концевой пытается сорвать свадьбу; х/ф *«Раскиданное гнездо»* (по мотивам одноименной пьесы Янки Купалы) – *гнездо* является символом дома, и его потеря для семьи крестьянина Лявона Зяблика, которую молодой паньч согнал с выкупленной земли, стала настоящей трагедией; и др.

В целом использование средств выразительности деавтоматизирует восприятие фильмонима, вызывает у потенциального зрителя интерес, желание дешифровать ИС, понять замысел произведения, авторскую идею.

Таким образом, исследованные фильмонимы отражают номинативные тенденции, типичные в целом для ономастической системы современного русского (белорусского) языка, характеризуются информативностью и лаконичностью. На соотношение, активность различных групп названий кинопроизведений влияют вид, жанр последних, намерения номинаторов, ориентация на интересы, запросы, вкусы целевой аудитории. Это и делает изучение, описание данной группы ИС интересным, перспективным.

Список использованной литературы

1. Боженкова, Н. А. Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Боженкова. – М., 1998. – 20 с.

2. Кныш, Е. В. Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Кныш. – Одесса, 1992. – 191 л.

3. Подымова, Ю. Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Подымова. – Майкоп, 2006. – 25 с.

4. Петренко, В. Ф. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов / В. Ф. Петренко, Е. А. Коротченко // Психология. – 2008. – Т. 5, № 4. – С. 19–40.

5. Республиканское унитарное предприятие «Национальная киностудия “Беларусьфильм”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.belarusfilm.by>. – Дата доступа : 13.04.2021.

6. Фильмы киностудии «Беларусьфильм» // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1638568#.D0.A1.D1.81.D1.8B.D0.BB.D0.BA.D0.B8>. – Дата доступа : 10.04.2021.

Д. С. Мартэн (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ТЕМАТИЧЕСКИЙ МОТИВ «ГЕРОЙ» В НОМИНАЦИЯХ КИНОПРОИЗВЕДЕНИЙ

Знакомство с произведением искусства обычно начинается с его названия. Артионимы как имена собственные (ИС) являют собой пеструю группу и могут быть классифицированы по нескольким признакам, в частности – по семантическим, номинативным особенностям.

Изучаемые нами названия фильмов, выпущенных национальной киностудией “Беларусьфильм” (300 ИС) [3; 4], демонстрируют многообразие тематических мотивов: «пространство, место», «время», «герой», «тема/идея», «деталь». В данном исследовании мы обратились к фильмонимам, вербализующим тематический мотив «герой» и формирующим самый продуктивный номинативный тип (124 единицы, 41,3%): *художественный фильм (х/ф) «Княгиня Слуцкая»* – ИС отсылает к знаменитой Анастасии *Слуцкой*, которая возглавила дружину вместо своего погибшего мужа и обороняла город от крымских татар; *х/ф «Майор Ветров»* – фильм посвящен ветерану афганской войны, *кадровому офицеру спецназа*, который пытается сорвать преступный план международной наркомафии; *х/ф «Репетитор»* – произведение рассказывает о 26-летнем философе Евгении: он знакомится с девушкой, которая впоследствии нанимает его в качестве *репетитора*; и др.

Персонаж в анализируемых фильмонимах обозначается по-разному: с помощью либо антропонима, либо апеллятива, т. е. личной номинации, либо комбинации первого и второго.

В нашей картотеке зафиксированы киноназвания, в структуру которых входят следующие виды **антропонимов**:

а) фамилия: документальный фильм *«Доктор Шуба»* – снят в честь знаменитого советского врача, героя Социалистического труда Алексея Ивановича *Шубы*; х/ф *«Дела Лоховского»* – фильм знакомит с недавно освободившимся из тюрьмы заключенным, который сразу же находит себе работу (лечит пьяниц от алкоголизма), а позже выдвигается кандидатом в депутаты; таким образом, на протяжении всего повествования герой доказывает, что прозвище *лох* – это не про него; и др.;

б) имя (оно дается и в официальной, и в неофициальной формах, по-разному называя, характеризуя персонажа, выражая отношение к нему): х/ф *«Дунечка»* – история про девочку, которая влюбилась в 17-летнего парня Колю, а он к ней безразличен; х/ф *«Берег принцессы Люськи»* – номинация отсылает к главной героине *Люське*, студентке-практикантке, которая прилетает из Москвы для работы с геологами на берегу озера и шутя объявляет себя *принцессой*, а трех ребят – своими рыцарями; х/ф *«Павлинка»* (по одноименной пьесе Янки Купалы) – рассказ о судьбе белорусской крестьянки *Павлинки* и ее чувствах к сельскому учителю Якиму, о препятствиях на пути к этой любви и о борьбе с ними; и др.;

в) имя и фамилия: х/ф *«Авантюры Прантиша Вырвича»* – повествование о шляхтиче *Прантише*, сбежавшем из Минского иезуитского колледжума, и о начинающихся с этого момента его *приключениях*; и др.;

г) имя и отчество: х/ф *«Степан Сергеевич»* – история бывшего боевого офицера *Степана Сергеевича* Шелагина, который постоянно находится в состоянии борьбы с несправедливостью во всех ее проявлениях, пусть иногда и в ущерб своему авторитету; и др.;

д) псевдоним: х/ф *«Купала»* – фильм посвящен жизни, творческому пути, трагическим событиям в судьбе белорусского народного поэта Ивана Доминиковича Луцевича (Янки Купалы);

е) прозвище: х/ф *«Рыжик в зазеркалье»* – 12-летняя *рыжеволосая* озорная девочка должна победить злого волшебника; х/ф *«Батька»* – героем фильма стал Минай Филиппович Шмырев, прозванный *Батькой*, чей партизанский отряд наводил страх на немцев: фашистам удалось взять в плен четверых детей Миная, за которых он мстит; х/ф *«Черный пес»* – главный персонаж, майор спецназа Андрей Рубцов по прозвищу *Черный пес*, борется с бандой террористов, готовящей глобальную катастрофу; и др.

Создатели кинономинаций зачастую обращаются к прецедентным именам, известным «среднему» представителю национально-лингвокультурного сообщества: х/ф *«Гамлет Щигровского уезда»* (по мотивам рассказов из цикла «Записки охотника» И. С. Тургенева) – фильм представляет собой монолог-воспоминание мелкопоместного дворянина

Василия Васильевича, прозванного *Гамлетом* (как и центральный персонаж одноименной пьесы В. Шекспира, главный герой фильма полон внутренних противоречий и сомнений) Щигровского уезда, о неудачной, бесцельно прожитой жизни; х/ф *«Казанова»* – именем итальянского авантюриста, соблазнителя женщин (прославился многочисленными любовными похождениями благодаря автобиографической книге «История моей жизни»), называют главного героя Антонова Александра: он со штрафбатом четыре года был на передовой, а по вечерам, после отбоя, направлялся к местным *жительницам*, чьи мужья ушли на фронт; х/ф *«Чудо-остров, или Полесские Робинзоны»* – школьники Илья, Мирон и Юля отправились на поиски острова, описанного Янкой Мавром в популярной повести *«Полесские робинзоны»*, и, подобно Робинзону (Робинзон Крузо – герой одноименного романа английского писателя Д. Дефо) вынуждены жить вдали от людей и добывать все своим трудом; и др.

Фильмонимы, объективирующие тематический мотив «герой», нередко включают в свой состав **имена существительные нарицательные**, называющие лицо по тем или иным признакам (такие апеллятивы также могут входить в состав синтаксически неделимых словосочетаний). Вслед за О. Н. Гуцалюк мы выделили следующие группы личных номинаций [1, с. 6, 19–21] в составе ИС кинопроизведений:

а) релятивные (указывают на семейные отношения, на родственные связи персонажей): х/ф *«Дочь командира»* – фильм повествует о дочке одного из командиров, Вале, которая со своими друзьями бесстрашно помогала защитникам Брестской крепости; х/ф *«Отцы и дети»* (по одноименному роману И. С. Тургенева) – название отсылает к вечному противостоянию разных поколений, *отцов и детей*; х/ф *«Сын за отца»* – в произведении показаны отношения родных людей, их взаимоподдержка в самые трудные моменты жизни (ИС отсылает к цитате И. В. Сталина «Сын за отца не отвечает», но акценты расставляет по-иному); и др.;

б) функциональные (указывают на род деятельности персонажа): во-первых, на профессию, специализацию героя: х/ф *«Вашингтонский корреспондент»* – рассказ о советском журналисте, *корреспонденте* одного из популярных изданий Петре Громе, который подводит итоги своего 8-летнего пребывания в *столице* США; х/ф *«Водитель автобуса»* – история про *водителя* Семена, который вместе с лейтенантом Советской армии задержал шайку бандитов; х/ф *«Снайпер»* – повествование о старшем лейтенанте Яшине, который, будучи отличным *снайпером*, отважно борется с немцами и даже вызывает на дуэль немецкого капитана Карла Кляйста; и др.; во-вторых, на увлечение, занятие героя: х/ф *«Великий укротитель»* – рассказ про Савву Куликова, очень хорошего экономиста, хобби которого – *дрессировать* животных (собак, кошек, попугаев); а в один прекрасный

день в его руки попала обезьянка, и герой фильма решил выступить с ней в цирке; х/ф *«Кадет»* – история Дениса Мешко, курсанта суворовского училища, который хочет мстить за смерть своего дяди; и др.;

в) демографические (указывают на происхождение, национальность, на социальный статус героя, точку зрения на него других персонажей): х/ф *«Леди на день»* – рассказ о молодой уличной торговке, которая ради богатого жениха попробовала стать светской дамой и прозвала себя *леди на день*; х/ф *«Немец»* – история немецкого туриста Ральфа Мюллера, приехавшего в Россию искать следы погибшего на войне дяди; и др.;

г) оценочные (указывают на внешние и/или внутренние качества героя): х/ф *«Прикованный»* – повествование про афганца Павла, который не может найти себе место в мирной жизни: он *прикован* к бесконечным и мучительным воспоминаниям о войне в «горячей точке»; и др.

Коннотация характеризующих личных наименований может быть как отрицательной (х/ф *«Ятринская Ведьма»* – жену ятринского священника Раину считали *ведьмой*: люди были уверены, что она околдовала воеводу Корсака; и др.), так и положительной: х/ф *«Мировой парень»* – фильмонимом стало прозвище молодого специалиста Минского автозавода Виктора Логинова: в командировке по стечению обстоятельств ему предстоит заменить профессионального водителя в гонке, и герой, несмотря на препятствия, чинимые иностранными конкурентами, с честью выходит из сложившейся ситуации; х/ф *«Надежный человек»* – ИС кинотекста характеризует врача Веру Павловну Занемонец, которая по срочному вызову едет к попавшей в аварию сестре и, так как в деревне нет хирурга, берется за операцию сама; х/ф *«Счастливый человек»* – главный герой считает себя *счастливым*, потому что смог перебороть себя и простить возлюбленную, которая выходит замуж за его друга; и др.

Подведем итоги. Мотивема «герой» в структуре фильмонима может быть представлена гетерогенными языковыми средствами: антропонимами, в том числе прецедентными, и апеллятивами. Последние объективируют разную информацию о персонаже и представляют собой личные номинации: релятивные, функциональные, демографические, оценочные. В целом исследованные названия многоаспектно обозначают героя, который является одной из основных категорий кинотекста.

Список использованной литературы

1. Гуцалюк, О. Н. Типы и функции номинаций персонажа: на материале романов М. А. Булгакова Мастер и Маргарита и В. В. Набокова Лолита / О. Н. Гуцалюк: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. Н. Гуцалюк. – М., 2013. – 27 с.

2. Республиканское унитарное предприятие «Национальная киностудия «Беларусьфильм»» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belarusfilm.by>. – Дата доступа: 13.04.2021.

3. Фильмы киностудии «Беларусьфильм» // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1638568#.D0.A1.D1.81.D1.8B.D0.BB.D0.BA.D0.B8>. – Дата доступа: 10.04.2021.

А. Матар (м. Суми, СумДУ, Україна)

Науковий керівник – А. А. Силка, канд. філол. наук, доцент

СПОСОБИ ТВОРЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ АНАТОМІЧНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ (У ПОРІВНЯННІ З АРАБСЬКОЮ)

Іноземні студенти, що вивчають медицину українською мовою, мають засвоїти українську медичну термінологію, яка нараховує кількасот тисяч слів і словосполучень. Щоб опанувати їх, важливо розуміти, за якими правилами створюються ці терміни, які способи творення слів і які словотвірні моделі є продуктивними і регулярними.

Основою створення української медичної терміносистеми є народна термінологія, яка формувалася протягом багатьох віків. Українська анатомічна термінологія включає в себе спільнослов'янські елементи, які відомі також в інших сучасних слов'янських мовах (*брова, вуха, голова, горло, зуб, ніс, око, печінка, рот, серце, травлення, черево, чоло*). Частина термінів є власне українськими утвореннями (*потилиця, м'яз, верхня щелепа, нижня щелепа, очна ямка*) [1, с. 25, 33, 35, 67].

Анатомічна термінологія використовується для найменування органів і систем органів тіла людини. Тому основною частиною мови серед анатомічних термінів є іменники. Використовують як однослівні найменування (*стравохід, піднебіння, носоглотка, надгортанник*), так і багатослівні – термінологічні словосполучення, у яких головним словом є іменник (*воротарний отвір, нижній край печінки*).

В однослівних назвах використовують іменники чоловічого (*шлунок, мозок, язик, череп*), жіночого (*гортань, печінка, кишка, залоза, очеревина, щелепа, нирка*), середнього роду (*серце, склепіння, піднебіння, травлення, дно*), а також іменники, що вживаються тільки в множині (*нутроці, ясна*).

Серед однослівних найменувань є непохідні іменники, у складі яких можна виділити тільки корінь і закінчення: *серце, криж, хребет, язик, хрящ, шкіра, зуб, зів, губа, ікло*. Проте більша частина однослівних анатомічних термінів в українській мові є похідними словами. Вони утворені різними способами словотворення: суфіксальним, суфіксально-префіксальним, безафіксним, основоскладанням.

До суфіксальних похідних належать іменники, утворені від інших іменників (*кінець → кінцівка, кістка → кістяк, кишка → кишечник, голос → голосник*), від прикметників (*грудний → груднина, кривий → кривина, порожній → порожнина*), від дієслів (*різати → різець, згинати → згинач*,

перетинати → *перетинка*, *зв'язати* → *зв'язка*). Деякі анатомічні терміни утворилися додаванням суфіксів із значенням зменшеності до слів, які є назвами конкретних предметів (*лопатка, черевце, шийка, коронка, головка, острівець, комірка, часточка*).

Нечасто трапляються серед анатомічних термінів префіксальні утворення, пор.: *перенісся* → *надперенісся*, *типовий* → *атиповий*.

Якщо термін утворюється одночасним приєднанням до основи префікса і суфікса, маємо префіксально-суфіксальні похідні: *кістка* → *окістя*, *хрящ* → *охрястя*, *сіни* → *присінок*, *небо* → *піднебіння*, *гортань* → *надгортанник*, *черев* → *очеревина*. Цим способом утворюються також прикметники, що входять до термінологічних словосполучень: *шлунок* → *підшлунковий* (*підшлункова залоза*), *черев* → *надчеревний* (*надчеревна ділянка*), *суглоб* → *міжсуглобовий* (*міжсуглобовий хрящ*).

Безафіксний спосіб не є продуктивним утворенні медичної термінології, але деякі загальноновживані слова, утворені цим способом, використовують і як анатомічні терміни: *перелом, опік, обмін*.

Багато анатомічних термінів являють собою складні слова. Серед них є іменники, утворені об'єднанням двох основ (*стравохід, носоглотка, сечовипускання, півсуглоб*), а також ті, де основоскладання супроводжується додаванням суфікса (*сухожилок, середостіння*). Значну кількість складних слів спостерігаємо серед прикметників, які входять до складу термінологічних словосполучень. Тут продуктивними є моделі з другими компонентами *-подібний* (*чашоподібний, щитоподібний, перснеподібний, серпоподібний, грушоподібний* тощо), *-носний* (*повітроносний, кровоносний*), *-головий* (*одноголовий, двоголовий, триголовий*), *-перистий* (*одноперистий, двоперистий, багатоперистий*).

Частина анатомічних термінів і термінологічних словосполучень утворилися переосмисленням загальноновживаних слів: *воротар, корінь зуба, пучок м'язових волокон, шлункове дно, хвіст підшлункової залози, ворота печінки, лійка жовчного міхура, крила носа* та ін.

Багатослівні анатомічні терміни включають до свого складу іменник у називному відмінку та слова різних частин мови, що поширюють, уточнюють значення цього іменника.

Найбільш поширені такі моделі творення анатомічних терміносполучень:

1) Прикметник + іменник: *хребетний стовп, кістковий мозок, підшлункова залоза, товста кишка, колінний суглоб, шлункове дно, носова перегородка, шийний хребець, губчаста кістка, кутова вирізка, жовчний міхур, сполучна тканина, вивідна протока*.

2) Іменник + іменник у родовому відмінку: *орган травлення, тіло шлунка, корінь носа, ворота печінки, присінок рота, порожнина таза, верхівка легені.*

3) Прикметник + іменник + іменник у родовому відмінку: *неперервне з'єднання кісток, нижній край печінки, серединна лінія живота, передня стінка шлунка, квадратна частка печінки.*

4) Іменник + сполучення прикметника з іменником у родовому відмінку: *орган внутрішньої секреції, тіло підшлункової залози, пучок м'язових волокон, шийка жовчного міхура.*

5) Дієприкметник + прикметник + іменник: *посмугована м'язова тканина, непосмугована м'язова тканина.*

6) Прикметник + прикметник + іменник: *спільна жовчна протока, задня черевна стінка, міжчасточкова вивідна протока, одношаровий циліндричний епітелій, великий криловий хрящ, червоний кістковий мозок, довга трубчаста кістка.*

На основі цих моделей утворюються різні типи комбінованих словосполучень: *кістки основи черепа, брижова частина тонкої кишки, голосовий відросток черпакуватого хряща.*

У сучасній українській анатомічній термінології є чимало запозичень, переважно з латинської мови, наприклад: *аорта, інсулін, гормон, осеїн, діаліз, епіфіз, міокард* тощо. Ці терміни стали універсальними для медицини багатьох країн світу. Так, в арабській мові теж є ці терміни, пор.: *هرمون, انسولين, أورطي*. На основі латинських слів утворилися українські медичні терміни *колоноterapia, коронарна судина, панкреатит*. Ці латинські слова відомі і в арабській мові, пор.: *colon – قولون, cornea – رنية, pancreas – بنكرياس*. Хоча в цілому запозичень з інших мов серед арабської анатомічної термінології лише близько 5%, а її основу складають власне арабські, синтетично створені терміни, які є мотивованими і семантично прозорими [2, с. 367].

Знання української анатомічної термінології дуже важливе для професійної підготовки студентів, адже «анатомічні терміни часто лежать в основі клінічних термінів, а тому знання кореня, основи складних слів, префікса і закінчення допоможе зрозуміти їх діагностичний зміст» [3, с. 81].

Список використаної літератури

1. Черкасов, В. Г. Міжнародна анатомічна термінологія (латинські, українські, російські та англійські еквіваленти) / В. Г. Черкасов, І. І. Бобрик, Ю. Й. Гумінський, О. І. Ковальчук ; за ред. В. Г. Черкасова. – Вінниця : Нова книга, 2010. – 392 с.
2. Осадча, Ю. Б. Особливості функціонування й сутнісні характеристики арабської медичної термінології / Ю. Б. Осадча // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики. – Вип. 16. – 2009. – С. 361–368.
3. Король, Т. Сучасна українська анатомічна термінологія в професійній освіті та практиці / Тетяна Король, Соломія Бичкова, Володимир Манько // Проблеми

української термінології: зб. наук. праць учасників XII Міжн. наук. конференції «Проблеми української термінології СловоСвіт 20012». – Львів, 2012. – С. 78–81.

А. В. Мецюн (г. Брест, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт

НАЗВЫ ДЗІКІХ І КУЛЬТУРНЫХ КУСТАРНІКАЎ У ПАЭТЫЧНЫМ КАНТЭКСЦЕ Р. БАРАВІКОВАЙ

Для Р. Баравіковай паэзія стала справай жыцця. Калі абпірацца на сцвярджэнне пра адно з найважнейшых прызначэнняў паэзіі – пазнанне свету і чалавека, – то неабходна зазначыць, што кожны паэт раскрывае, у першую чаргу, уласны духоўны свет. Спознаўшы сябе, паэт-лірык, як заўважыў І. Шпакоўскі, “стварае “аўтапартрэт” сваёй душы, выяўляе розныя бакі свайго духоўнага стану” [1, с. 76]. Р. Баравікова валодае сваім адметным мастацка-эстэтычным поглядам на паэта і паэзію, заключаным у поўнай самаадданасці творчасці.

Арыгінальная і своеасаблівая паэзія Р. Баравіковай уражвае багаццем вобразаў, якія часта ствараюцца і раскрываюцца праз выкарыстанне разнастайных намінацый раслін: найменняў дрэў, кустоў, траў, кветак.

Сярод шматлікасці батанічных найменняў, што вылучаюцца ў паэзіі бярозаўскай аўтаркі Р. Баравіковай, можна вылучыць групу намінацый кустовых раслін, якія сустракаюцца і на радзіме паэткі – Бярозаўшчыне, і на ўсёй тэрыторыі Беларусі. Паназіраем за асаблівасцямі ўключэння дадзеных намінацый у кантэкст паэтычных твораў Р. Баравіковай.

Бружмель ‘кустовая расліна з папарна размешчаным лісцем і рознакаляровымі духмянымі кветкамі’. Для Р. Баравіковай гэтая расліна нагадвае пра родны парог, бацькоўскую хату. У вершы “Успаміны” яна згадвае так:

*...Плот захінаў густы бружмель,
і над верандай
цяжкаю сеткай віўся хмель,
звісаў гірляндай...*

“Успамін” [2, с. 212].

Падобныя ўспаміны пра родную старонку навяваюць і кусты **бэзу** ‘дэкаратыўнай кустовай расліны з блакітна-ліловымі або белымі пахучымі кветкамі, якія ўтвараюць вялікія суквецці’:

*Мне сёння прыснілася хата...
У ёй мы калісьці жылі!
Вясною там бэзу багата,
Звіняць над лугамі чмялі...*

“Мне сёння прыснілася хата...” [2, с. 15].

Вінаград ‘плодовая павойная расліна са спажыўнымі ягадамі, сабранымі ў вялікія гронкі’. Р. Баравікова ўказвае на асноўную асаблівасць гэтай расліны – павойнасць, што дапамагае паказаць усю моц пачуццяў, якія, як вінаград, абвілі лірычную гераіню:

*...З пахам кмену і каляндры,
толькі выйдзі ў сад,
абаўе, як хмель, гірляндай
дзікі **вінаград**...*

“Раптам сонечна і блізка..” [2, с. 71].

Каліна ‘кустовая расліна з белымі кветкамі і чырвонымі горкімі ягадамі-касцяніцамі, сабранымі ў гронку’. Белы колер кветак, што густа пакрываюць увесь куст каліны, сталі асновай стварэння яркага параўнання ў наступных радках:

*...Над светам глыбока ўздыхне завіруха,
і ў белай, бы з цвету **каліны**, начы
заплача няшчасны – някельная скруха,
шчаслівы падумае – песня гучыць...*

“Кароткіх сустрэч на прыпынку не будзе...” [2, с. 102];
*Не шкадавала ціхага святла,
якім цвіце палеская **каліна**,
зыначыла дарогу да сяла,
дзе ботамі мясілі бабы гліну...*

“Доля” [2, с. 161].

Шыпына ‘кустовая расліна з буйнымі (немахровымі) ярка-чырвонымі кветкамі і са сцяблом, пакрытым калючкамі’. Для Р. Баравіковай – гэта кветка, якая выклікае супрацьлеглыя пачуцці, бо яна адначасова можа вабіць сваёй прыгажосцю і палохаць сваёй калючасцю, жорсткасцю:

*Нібыта ішла па вуголі
цёмнаю ноччу жанчына.
Не лаічыла плечы голле,
ног не калола **шыпына**...*

“Мак” [2, с. 26];

*У мяне палянка ёсць за садам,
многа там **шыпыны** і травы,
дам табе высокую пасаду, –
будзь майго бяссоння вартавым...*

“З твоего саду да мяне на агеньчык.” [2, с. 76].

*З-за далягляду выпывае світанне,
як пікі, промні ўрэжуцца ў страху...
Я смерць прыму, бы ў край чужы выгнанне,
шыпыны куст ля хаты – на шляху...*

“З-за далягляду выпывае світанне...” [2, с. 57].

Дэкаратыўны куст **язміну** з белымі пахучымі кветкамі сабранымі ў невялікія гронкі – прыемны напамінак пра маленства:

*... Запомніўся ламачча зябкі хруст,
калі мой дзед унукам для ўспаміну
садзіў ля той дарогі кволы куст
загадкавага пахкага язміну...*

“Доля” [1, с. 161].

Як бачым, батанічныя намінацыі-назвы дзікіх і культурных кустарнікаў, што выкарыстоўвае Р. Баравікова ў сваіх вершах, напаўняюцца разнастайнай сімволікай, дапамагаюць паэтцы глыбока і ярка перадаць пачуцці лірычнай гераіні.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Шпакоўскі, І. С. Тыпізацыя ў лірыцы: формы і сродкі / І. С. Шпакоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 144 с.
2. Баравікова, Р. А. Дрэва для райскай птушкі : лірыка / Р. Баравікова ; прадм. І. Штэйнера. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 270 с. – (Залатое пярэ).

Е. А. Милохова (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ В СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ОСНОВЕ РОМАНА «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

«Братья Карамазовы» являются последним романом Ф. М. Достоевского. В произведении до тончайших мелочей отражаются все основные постулаты, разработанные великим писателем в течение его творческого пути. Достоевскому свойственно распространённое в русской философии представление о нераздельности добра и красоты. Добро прекрасно. Добро в душе человеческой эстетически притягательно, оно располагает к себе других людей, очаровывает. А подлинная красота имеет нравственное, воспитывающее значение, она просветляет. Красота в искусстве должна иметь нравственное содержание. Красота человека есть условие любви как к ближнему, так и к дальнему. Зло же отталкивающе безобразно во всех своих проявлениях. Безобразны жестокость, злодейства. Безобразны болезни, нищета, распущенность и прочее из негативного ряда. Достоевский задаётся вопросом: как можно любить безобразное? Как возможно выполнить заповедь о любви к ближнему, если повсюду в людях ты замечаешь зло? Если лик ближнего обезображен злодейством,

испорченностью, жестокостью и напоминает скорее звериный оскал, то где в нем человек? И даже звери иногда не бывают так жестоки, как иные люди.

Эту сложную тему Достоевский обдумывает в диалогах Ивана и Алексея Карамазовых. Пессимист Иван говорил о том, что возможно допустить существование любви к «дальнему», т. е. абстрактному человеку, к человеку вообще, и ни к кому конкретно. Но такая любовь лицемерна, пуста. Любовь же к ближнему невозможна. Богу она доступна, но люди – не боги. Достоевский связывал возможность любви человека к человеку с верой в Бога и в бессмертие души. Без всеобщей веры любовь к человечеству невозможна. «Отсутствие бога нельзя заменить любовью к человечеству, потому что человек тотчас спросит: для чего мне любить человечество?» [1, с. 64].

Эту же мысль Достоевский вложил в уста Ивана Карамазова. В природе человеческой не заложена любовь к себе подобным. Она становится возможной лишь при условии веры в бессмертие. Исчезнет вера – исчезнет и любовь, и нравственность, и смысл жизни. В лице Ивана Карамазова Достоевский вывел образ безнадёжного скептика, обличителя мирового зла. Иван не преувеличивает в своём живописании зла. Проявляя удивляющую осведомлённость, на обширном эмпирическом материале мировой истории он делает важные обобщения. Он выносит приговор человечеству. В судебном слушании по обвинению человека и мира он – прокурор, а Алексей – адвокат. Иван задает действительно сложные, экзистенциальные вопросы о бытии человека в мире. Они сложны для человека, верящего в благость и всемогущество Бога и в совершенство сотворенного им мира. «Я не бога не принимаю... я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю...» [1, с. 63].

Со всей присущей ему остротой, с беспощадностью реалиста Достоевский заставляет задуматься о вечном и бесконечно сложном для любого религиозного человека вопросе – о проблеме теодицеи. Если Бог благ и всемогущ, как он допускает существование в мире зла? Почему он не остановит руку убийцы, занесшую нож над ребёнком? Или он не хочет это сделать, или не может. Или он не добр, или не всемогущ. И в том, и в другом случае он утрачивает нравственный авторитет и перестает быть объектом поклонения. А может, и нет его вовсе? Как сохранить веру в высшую справедливость, если повсюду видишь торжество несправедливости? А если не верить, то как и зачем жить в этом кошмаре? Достоевский хорошо знал темную сторону человека и говорил не об абстрактном зле, а о вполне конкретных его проявлениях, без преувеличения и очернения. Невозможно очернить то, что и так черное. Он отслеживал хронику преступлений, посещал судебные заседания. Он

обращал внимание на любые сообщения о злодеяниях, творившихся в местах боевых действий, национальных конфликтов.

Не щадя душевный покой читателя, он живописал эти примеры в своих романах и в «Дневнике писателя». «Бунт» Ивана Карамазова – это сомнения, через которые прошёл и сам Достоевский. В лице своих персонажей он описал собственные искания Бога, обретение веры через сомнения, через поиск ответов на сложные вопросы. И любой человек, чья вера не слепа, а способна размышлять, неизбежно проходит через эти сомнения, вынужден отвечать на эти вопросы.

Столкновение мировоззрений Ивана и Алексея продолжилось в «Легенде о Великом инквизиторе». В ней Достоевский затронул сразу несколько сложных философских проблем, одна из которых – это проблема соотношения свободы и счастья. «Бог создал человека по образу и подобию своему, таким же свободным, как и он сам. Свобода – это ценный дар Бога или тяжёлое испытание? Это возможность познать счастье, или приговор к страданиям? Этот экзистенциальный вопрос является одним из стержней мировой философии» [2, с. 56].

При всей кажущейся желанности свободы (как возможности и способности делать выбор) она становится для человека испытанием, потому что выбор может оказаться нелёгким и потому что придётся отвечать за последствия. Как хочется иногда не иметь выбора или передать право на него другому. Библейская история гласит, что, получив свободу, человек получил возможность выбрать зло, чем и воспользовался. Если бы Бог хотел любой ценой уберечь человека от зла, то не дал бы ему свободы, создал бы его послушным животным.

Получается, что из любви к человеку и уважения к его свободе Бог допускает существование в мире эмпирического зла, с которым человек сталкивается на каждом шагу, неизбежно страдая. Сам человек, ощущая тяжесть свободы, часто пытается освободиться от этого бремени, выбирая жизнь несвободную, но благополучную, обеспеченную и стабильную. Свобода для него связана с неизвестностью, непредсказуемостью будущего, с анархией и хаосом, с борьбой всех против всех и самоуничтожением. Создание порядка требует ограничения свободы или полного отказа от неё. Что нужно человеку для счастья: сытость или свобода? В такой форме ставит вопрос Достоевский устами Великого инквизитора и даёт неутешительный ответ. Большинство людей ищет, кому бы поклониться. Кто накормит, тот и господин.

Но человеку важно не просто жить сыто. Важно также понимать, ради чего следует жить, а наличие свободы и в этом вопросе порождает смятение и растерянность. Когда смысл и цель жизни не заданы, их приходится искать в мучительных раздумьях, через ошибки и

разочарования. Не нашедшие часто идут на крайний шаг – убивают себя, настолько важно им понимать смысл. Какими бы убедительными ни были аргументы Великого инквизитора, Достоевский показывает, что власть его от дьявола и построена на обмане. А рассуждения о нежелательности для людей свободы и готовности пожертвовать ею ради сытого счастья – не более чем оправдание для его претензий на абсолютную власть над душами человеческими.

Достоевский предостерегал о возможности появления власти, которая под предлогом заботы о счастье людей лишит их свободы. «Словами Алексея он подытожил, что сочинённая Иваном легенда – это не обвинение Иисуса, а его прославление. Для себя Достоевский сумел разрешить сомнения, которыми мучился Иван Карамазов. Средства спасения он искал в духовных учениях русских православных старцев – Сергия Радонежского, Феодосия Печерского, Тихона Задонского, Паисия Величковского, чей пример считал орудием нравственного преобразования человека. Средства спасения он видел в покаянии и смиренной любви ко всему сотворенному Богом» [3, с. 77].

Покаяние предполагает не только признание своих грехов, но и принятие на себя чужих, признание своей ответственности за зло в мире. Более всего надо страшиться чувства мести. Если негодование против злодеев становится невыносимым, а жажда совершить возмездие нестерпимой, следует добровольно принять на себя муки, как если бы сам был виновен в том, что допустил это злодейство, что недостаточно сделал, чтобы освободить мир от зла. Осознание собственной виновности помогает примириться с виновностью других и простить. Нельзя судить никого, кроме себя.

Светлая, жизнеутверждающая сторона мировоззрения Достоевского проявляется в конце романа, в сцене погребения Илюшеньки. «Ах, деточки, ах, милые друзья, не бойтесь жизни! Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое» [1, с. 204]. Достоевский призывает полюбить жизнь прежде её смысла. Это очень важная мысль, характеризующая его мироощущение к концу жизни. Проблема теодицеи не имеет логического решения. Разум опровергает благодать мира.

Нельзя рационально обосновать смысл жизни и благодаря этому полюбить её. Живое чувство не пробудить отвлечённой мыслью. Надо сначала взрастить чувство, полюбить жизнь, и тогда в ней увидится смысл. Даже Иван Карамазов несмотря на весь безысходный пессимизм признаётся, что любит жизнь, хоть и не видит в ней смысла. Пока не видит. Признаётся, что жить хочется вопреки логике. Хочется любить людей, хоть он и не видит, за что. В этом также видно жизнелюбие самого Достоевского. Несмотря на разницу мировоззрений Ивана и Алексея, он

наделяет их общей основой – потребностью любить жизнь, любить людей, потому что без этого невозможно любить добро.

Мысль о том, что в каждом мгновении человеческой жизни заключена вечность – важнейший пункт содержательной основы «Братьев Карамазовых», «героями этого произведения многократно выражается уверенность в том, что впереди „целая вечность времени, бессмертие!“». В поучениях старца Зосимы утверждается мысль о существовании „бесконечного бытия, не измеримого ни временем, ни пространством“, идеальное существо, живущее в этих пределах, говорит Зосима, имеет возможность „...сказать себе: «Я есмь, и я люблю»“. Земная его жизнь предназначена для „любви деятельной, живой“; в земной жизни есть „времена и сроки“, в отличие от бесконечного бытия, где времен и сроков нет. Исходя из представления о том, что человек духовной ипостасью укоренен в пятом или N измерении, Достоевский предположил, что на свойства пространства, меру его кривизны (сходимость или расхождение параллельных линий), влияет нравственное состояние человека» [4, с. 304].

Иван Карамазов описан как несчастная жертва рационализма, как не способный к освоению идеи о многомерных мирах и многомирных пространствах, в то время как об этом пророчески говорят Зосима в своих записках и Грушенька своей метафизикой «луковки»; практически прикасается к иным мирам его ученик Алеша. Это объясняет все, включая время и бессмертие, придает новый смысл жизни и смерти человека, на этом новом уровне понимания своей роли и значения, верил Достоевский, человечество ждет новая жизнь, в которой состоится его глубокое преображение.

Список использованной литературы

1. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы: роман в 4-х частях [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=7363> – Дата доступа: 09.03.2021.
2. Кудрявцев, Ю. Г. Три круга Достоевского / Ю. Г. Кудрявцев. – М. : Машиностроение, 1979. – 340 с.
3. Фомина, В. А. Достоевский и экзистенциализм: «пограничная ситуация» смерти в романе «Братья Карамазовы» (к постановке вопроса) / В. А. Фомина // Литература и философия. – СПб., 2000. – С. 77–82.
4. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / Российская акад. наук, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького, Комис. по изучению творчества Ф. М. Достоевского ; под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : Наука, 2007. – 835 с.

С. А. О. Мірзазаде (м. Суми, СумДУ, Україна)

Науковий керівник – А. Г. Ярова, канд. філол. наук, доцент

КОНКУРЕНЦІЯ НОМІНАЦІЙ У СУЧАСНОМУ УКРАЇНСЬКОМУ ЛЕКСИКОНІ

Динаміку лексичної системи української літературної мови останніх двох десятиріч дослідники окреслюють як доволі інтенсивну. Мова чутливо реагує на всі процеси, які відбуваються в суспільстві, новими явищами.

Прийнято розрізняти позамовні та внутрішньомовні фактори впливу на словниковий склад. До позамовних відносять переорієнтацію суспільної свідомості, зміну мовних смаків соціуму, контакти з носіями інших мов, орієнтацію на певну країну-еталон, моду, реформу правопису тощо. До внутрішньомовних – семантичне словотворення, появу нових функціонально-стилістичних властивостей слів, запозичення, термінізацію і детермінізацію семантики відомих номінацій, зміцнення автохтонних лексичних, словотвірних варіантів.

Серед тенденцій, які змінюють сучасний український лексикон, назовемо актуалізацію слів, що тривалий час перебували в пасиві лексичного складу, активне поповнення лексики новотворами, побудованими як за наявними в мові моделями, так і запозиченими, прямі запозичення нових слів та термінів, основ і афіксів, збереження самотності національного лексичного фонду.

Такі процеси часто приводять до постання нових слів, тотожних уже наявним, що зумовлює конкурентність номінацій. Відома українська дослідниця Є. Карпіловська відзначає, що конкурентні номінації сигналізують про певні зони «напруження» в сучасному українському лексиконі, в яких можливі рух його складників, переорганізація наявних їхніх угруповань або формування нових, зміна формально-семантичних чи функціонально-стилістичних властивостей номінацій. Через аналіз процесу конкуренції лексем дослідники мають можливість прогнозувати тенденції оновлення номінаційного корпусу української мови та шляхи його можливого розвитку [1, с. 5].

Проілюструємо лексичну конкуренцію в українському лексиконі на прикладі слів *діяч* і *дієвець*.

В українській мові функціонує кодифікована лексема *діяч*, утворена за допомогою суфікса **-ач**, який разом із суфіксами **-ник/-льник**, **-ець**, **-ар** та ін. слугує творенню іменників на позначення особи за видом діяльності, особи – виконавця дії. Іменник *діяч* багатозначний: 1. Той, хто відзначається своєю активністю та енергійністю на якій-небудь роботі, в якійсь галузі життя. 2. Той, хто займає керівну посаду [2, с. 775]. 3. *заст.*

Дійова особа художнього твору [3, с. 183]. Словник асоціативних означень іменників в українській мові до лексеми *діяч* подає такі найуживаніші епітети: *громадський, народний, політичний, державний, активний, партійний, видатний, відомий, культмасовий, розумний, суспільний, професійний, багатослівний, революційний, великий, веселий, науковий, підпільний, радянський, заслужений* та ін. [4, с. 85]

Водночас у сьогоденній українській мовній практиці спостерігаємо появу лексико-словотвірної інновації *дієвець*, яку не фіксують словники. *Невдовзі постала проблема звернення до історичного перебігу процесів культури. Здійснити це міг лише дієвець культуротворення* [5, с. 241]. *Досить показовим є автономізм, у межах якого відбувається пошук революційного дієвця поза пролетаріатом* [5, с. 268].

Спільнота U: акт у соцмережі Facebook тлумачить новотвір так: *«Дієвці чи дієвець – це ті, хто не робить «як усі». Ти не почувши, щоб дієвці посилалися на анонімну масу людей, виправдовуючи власні дії. Дієвці діють власним чином. Тому і відповідальність лише особиста.*

Дієвці – ті, хто не погодиться давати навіть мінімального хабара, щоб обійти численні бюрократичні процедури. Вони радше зберуться разом і спростять бюрократичний процес, зменшуючи ризик хабарництва взагалі. [...]

Дієвці – це ті, хто реагує на проблеми, з якими зустрічається. Вони не чекають, доки хтось прийде і вкрутить лампочку, реформує систему освіти, встановить прилади сортування пляшок у супермаркеті. Вони не чекають, а діють. [...]

Їм не потрібно чекати, доки суспільні проблеми розростуться до катастрофічного масштабу. Вони не розводять руками і не жаліються на несправедливий світ, а роблять щось з ним. Дієвці знають, що країна, місто чи вулиця змінюються тут і зараз, а не там і потім.

Якщо тобі колись підіймала настрій посмішка незнайомця на вулиці – знай, тобі посміхався хтось з дієвців. Посмішка – найлегіша та найефективніша з дій. З неї все починається. [...] Починається активність спільноти, починається ранок громадянського суспільства» [6].

Діяч і дієвець являють собою похідні лексеми зі спільною словотворчою основою, але різними словотворчими формантами. Зауважимо, що в цьому випадку поява новотвору не пов'язана з тенденцією блокування неавтохтонних суфіксів на користь самобутніх національних, бо і формант *-ач*, і формант *-ець* (*дієвий* > *дієвець*) належать до продуктивних суфіксів, що є маркерами української національної ідентичності в словотворі.

Обидва слова синонімізуються в значенні «той, хто відзначається своєю активністю та енергійністю на якій-небудь роботі, в якійсь галузі

життя». Контексти, в яких уживаються *діяч* і *дієвець*, не дозволяють нам говорити про них як про абсолютні синоніми. Мовці цілеспрямовано розмежовують комунікативні ситуації, в яких послуговуються тою чи тою лексемою. *Діяч* має свій усталений узус, а *дієвець* тільки входить до мовної системи, його функціональний потенціал лише формується. Для новотвору *дієвець* не властиві стилістичні конотації офіційності, піднесеності, пафосу. Він не вживається з означеннями «державний», «видатний», «багатослівний», «партійний», «заслужений». На відміну від *діяча*, *дієвець* не стане складником сталих словосполучень на позначення почесних звань (*заслужений діяч освіти*). *Дієвець* асоціюється з такими поняттями, як «демократизація», «громадянське суспільство», «новий тип громадянина», «прогресивна людина», «діяльна особистість», «агент змін».

Прогнози щодо стійкості нової лексики, перспектив її функціонування в мовній практиці потребують подальших кількісних і якісних досліджень, хоча вже сьогодні на підставі наших спостережень можемо впевнено говорити, що лексемі *діяч* не загрожує витіснення в лексичний пасив.

Список використаної літератури

1. Карпіловська, Є. Тенденції розвитку сучасного українського лексикону: чинники стабілізації інновацій / Є. Карпіловська // Українська мова. – 2007. – № 4. – С. 3–15.
2. Новий тлумачний словник української мови: у 4 т. / уклад. В. Яременко, О. Сліпушко. – Київ : Аконіт, 1998. – Т. 1. – 930 с.
3. Словник синонімів української мови: в 2 т. / А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк [та ін.] – Київ : Наукова думка, 1999–2000. – Т. 2. – 960 с.
4. Бутенко, Н. П. Словник асоціативних означень іменників в українській мові / Н. П. Бутенко ; наук. ред. А. Є. Супрун. – Львів : Вища школа, 1989. – 328 с.
5. Лютий, Т. Культура припад і спротиву / Т. Лютий. – Київ, 2020. – 576 с.
6. Хто такі дієвці? // Facebook. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/ukraineact/posts/778104039060928>.

А. Э. Моисейчик (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. А. Годушко, канд. филол. наук, доцент

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ В ГЕОРТОНИМИИ БЕЛАРУСИ ПРИНЦИПА НОМИНАЦИИ ПРАЗДНИКА ПО СВЯЗИ С АБСТРАКТНЫМ ПОНЯТИЕМ

Праздник является наиболее древним, постоянно воспроизводимым компонентом культуры. Он мощно воздействует на эмоциональный аспект внутренней организации человека. Праздник никогда не принадлежал к одному определенному срезу культуры, он всегда пронизывал его

по вертикали, приходил из прошлого и уходил в будущее [1, с. 8]. Торжество как важнейший элемент любой цивилизации выступает главным механизмом, посредством которого функционирует система ценностей – ключевой по своей значимости социальный интегратор [3].

Исследователи, в частности С. П. Гурин, обращают особое внимание на многомерность **праздника**, его универсальный характер в культуре и бытии человека [4], что объясняет полифункциональность названного явления. Самыми важными его **функциями** являются: 1) коммуникативная: праздник способствует объединению людей в коллектив, благодаря чему они могут вступать во взаимодействие с такими же участниками торжества, устанавливать эмоциональные связи, организовывать креативное сотрудничество с другими коллективами; 2) идеологическая: исторически праздник являлся способом приобщения подрастающего поколения к традициям, идеям и верованиям предков; выступает средством прививания идеологии, верований и ценностей; 3) компенсаторная: праздник способен доставить удовольствия, которые невозможны в будние дни; 4) эстетическая: праздник способствует развитию вкуса и умения видеть прекрасное в повседневном [5].

Будучи сложной социокультурной реалией, праздник стал объектом исследования разных наук. Так, ономастику интересуют имена собственные (ИС) праздников. Данные индивидуализирующие номинации обозначают по-разному (эортоним, фестоним, инвентоним и др.), но наиболее удачным, емким представляется термин **«геортоним»**. Наша статья посвящена практически не изученному сегменту современной геортонимии Беларуси – названиям студенческих массовых торжеств (по данным сайтов УВО, таких ИС около 500).

Аксиологическая значимость праздника для представителей конкретной культуры, его полифункциональность, востребованность в социуме торжеств, связанных с выдающимся событием, обычаем, общественным деятелем, находят отражение в комплексе **принципов номинации** анализируемого феномена. По нашим наблюдениям, основными среди них являются следующие: по связи с человеком, по связи с местом, по связи со временем, по связи с деловым объединением людей и **по связи с абстрактным понятием**.

Для геортонимов (102 ИС), представляющих последний принцип номинации, исходными вполне закономерно выступают абстрактные имена существительные, которые могут обозначать: 1) свойства, состояния человека; 2) свойства, состояния обстановки, в которой находится человек; 3) действия, их результаты; 4) философские категории.

В праздничный период человек пребывает в особом, отличающемся от повседневного состоянии. Войдя в сферу праздника, он становится

носителем другого настроения, раскрывает свои внутренние качества, свойства. Так, многие геортонимы (53,9 %) вполне обоснованно указывают **на свойства, состояния человека** – участника торжества. Исходными для зафиксированных номинаций явились отвлеченные имена существительные, которые могут называть:

1) чувства человека (21): *выставка «Счастье по имени театр»* (здесь лексема *счастье* употреблена метонимически: ‘объект → чувство, которое он вызывает’; ИС подчеркивает, что театр, как и искусство в целом, способен доставлять нам эстетическое наслаждение, делать *счастливыми*; отметим, что в словарях *счастье* трактуется и как ‘чувство...’, и как ‘состояние полного, высшего удовлетворения’, поэтому рассматриваемый геортоним может быть отнесен и к нижеследующей номинативной группе); *акция «Подари ребенку радость»*; *выставка к 205-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова «Мятежный пророк вдохновенья»*; *вечер «Всё начинается с любви...»* (отсылка к одноименному стихотворению Р. Рождественского); *выставка «Живу любовью к Беларуси»*; *конкурс «Любовь – дыхание души»*; *акция «Любовь, любовь...»*; *акция «Любовь – это...»* и др. Последние геортонимы мотивированы лексемой *любовь*. Данное чувство (и состояние) является одной из загадок человеческого бытия, которая фиксирует в своем содержании глубокое индивидуально-избирательное, интимное переживание. Лексема *любовь* полисемантическая и может обозначать ‘чувство глубокой привязанности к кому-либо или к чему-либо’, ‘чувство, основанное на взаимной симпатии’, ‘отношения двух лиц, взаимно связанных таким чувством’ и др. Многогранность названного чувства отражена и в ИС праздников (*любовь к Родине, человеку и др.*);

2) свойства человека (34), разумеется, положительные, которые присущи (на воспитание, развитие которых нацелено торжество) участникам праздника. Отметим, что свойства могут быть как внешние: *вечер «Красота, благородство и честь»* (праздник был посвящен Дню защитника Отечества); *праздничная программа «Здоровье, сила, красота»*; *спартакиада «Здоровье – 2020»*; *конкурс «Агромастерство»* (номинация представляет собой результат сложения: *агро+мастерство*; праздник собрал учащихся учреждений образования, реализующих образовательные программы по направлению «Сельское хозяйство») и др.; так и внутренние: *выставка к 150-летию со дня рождения А. Куприна «Совесть, истина, человечность»*; *акция «Живи с позитивом и с умом!»*; *акция «День позитива: я знаю точно невозможное возможно»* (последняя часть геортонима отсылает к популярной песне Д. Билана «Невозможное возможно»); *спартакиада «Академия мужества – 2018»*; *спартакиада «Мужество – 2018»*; интеллектуально-

развлекательная игра «**Мир! Труд! Ум!**» (в ИС заменили один из компонентов известного советского лозунга «Мир, труд, *май!*»); конкурс «**ТехноИнтеллект**» (геортоним образован основословосложением: *технический*+*о*+*интеллект*; республиканский проект направлен на поддержку научно-технического творчества учащейся молодежи) и др.

Некоторые ИС праздников (4,9 %) содержат указание **на состояние среды, обстановки**, в которой находятся участники торжества и которая, в свою очередь, оказывает на них влияние (опять же позитивное). Таким образом, анализируемые абстрактные существительные в составе геортонимов могут указывать:

1) на внешнее состояние среды, обстановки (3): акция «**Безопасность на дорогах**»; акция «**Безопасность в каждый дом**»; акция «**За безопасность вместе**»;

2) на внутреннее состояние среды, обстановки (оно связано с эмоциями, чувствами, которые испытывают участники праздника) (2): акция «**Рождественское тепло**»; акция «**Подари тепло детям**» (в данных примерах лексема *тепло* употреблена метафорически и обозначает сердечную, душевную обстановку, сложившуюся во время торжества).

Названия праздников также могут указывать **на действия их участников, на результаты действий** (21,6 %). Мотивирующие для ИС субстантивы имеют отглагольное происхождение и называют:

1) действие, процесс (20): вечер «**Znakomstvo.by**» (номинация имитирует адрес / название сайта, что делает ее современной, привлекательной для молодежной аудитории); фестиваль «**Грани творчества**»; спортландия «**Движение к здоровью**»; акция «**Забей на курение!**» (просторечное *забей* отражает коммуникативную тенденцию к раскрепощению языковой личности, к демократизации, экспрессивности, к публичного дискурса); литературно-музыкальный праздник «**Прощание с Букварём**»; фестиваль «**Дружба народов**»; интерактивная площадка «**Мир. Дружба. Жвачка**» (устойчивое выражение, означающее предложение дружбы, перемирия, появилось в результате переосмысления лозунга «Мир. Дружба. Фестиваль» международного праздника молодежи и студентов (1957 г.): иностранные студенты не могли провезти на территорию СССР популярную в то время жевательную резинку, в результате появилась шутливая замена компонента *фестиваль* на *жвачка*); акция «**Новогодняя елка желаний**» и др.;

2) результат действия (2): выставка-просмотр «**Единение – это наш исторический выбор**»; фестиваль «**Наш выбор – здоровый образ жизни!**».

Часть рассматриваемых геортонимов (23,5 %), содержит указание на предельно общие понятия, т.е. категории. В нашей картотеке ИС вербализуют **философские категории**, отражающие духовную,

интеллектуальную деятельность студенческой молодежи: конкурс «100 идей для Беларуси»; конкурс «100 идей для СНГ» (лексема *идея* обозначает ‘замысел, определяющий содержание чего-н’, т. е. имеет более конкретную семантику, чем философская категория); акция «Дарите добро»; акция «Всегда спасительно добро»; праздник поэзии «Душа поет на разных языках»; выставка «Душа женщины»; конкурс «В памяти сохраним» (торжество посвящено 75-летию Великой Победы); акция «Память сердца»; конкурс «Минувших лет живая память» и др.

Таким образом, значительная часть массовых торжеств в УВО Беларуси направлена на формирование у студенческой молодежи ценностных ориентиров, на воспитание высоких нравственных, моральных качеств, что обусловило востребованность анализируемого номинативного типа геортонимов. Названия торжества по связи с абстрактным понятием отражают внешние и внутренние качества, действия (их результаты) участников праздника, содержат сведения о состоянии обстановки, среды, в которой он отмечается.

Список использованной литературы

1. Берестовская, Д. С. Диалогичность праздника (на примере культуры народов Крыма) / Д. С. Берестовская, О. В. Брыжак. – Симферополь : Ариал, 2015. – 147 с.
2. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1990. – 541 с.
3. Шемякин, Я. Г. Праздник как историко-культурный феномен: мир идеала и реальность власти [Электронный ресурс] / Я. Г. Шемякин. – Режим доступа: <https://mipt.ru/education/chair/uchebno-nauchnyy-tsentr-gumanitarnykh-i-sotsialnykh-nauk/departament-istorii/chitaemye-kursy/prazdnik.php>. – Дата доступа: 22.09.2020.
4. Гурин, С. П. Маргинальная антропология [Электронный ресурс] / С. П. Гурин. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000963/st000.shtml>. – Дата доступа: 24.09.2020.
5. Бурменская, Д. Б. К вопросу о роли праздника в жизни общества / Д. Б. Бурменская // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 61. – С. 43–48.

А. Э. Моисейчик (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

СТРУКТУРНЫЕ И НОМИНАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕМЕРОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ СМИ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ БЕЛАРУСИ)

Средства массовой информации являются особой областью человеческой деятельности, без которой в XXI в. невозможно представить функционирование мирового сообщества. Медиа оказывают значительное влияние на жизнь социума в целом и на социально-психологический,

нравственный облик каждого его представителя в частности [1, с. 109]. Будучи сложным, динамично развивающимся явлением, СМИ становятся объектом исследования различных наук. В частности, лингвистику, ономастику интересуют имена собственные (ИС) медиаорганов. Постоянный рост числа последних, их разнообразие по тематике, направленности, формам собственности, целевой аудитории и т. д. привели к образованию в языке открытой, активно пополняющейся группы ИС, для именования которых используют термин «гемеронимы» [2, с. 46].

Наша статья посвящена малоизученному фрагменту современной гемеронимии Беларуси – названиям СМИ Витебской и Могилевской областей, структурному и номинативному своеобразие более 300 ИС – названий печатных (газет, журналов), радио- и телевизионных медиа, а также востребованных в связи с активным развитием информационных технологий электронных изданий [3, с. 132]. Отметим, что в нашу выборку вошли ИС интернет-ресурсов, порталов и т. д., которые и зарегистрированы официально в качестве интернет-СМИ, и не зарегистрированы (согласно Закону Республики Беларусь о средствах массовой информации, интернет-ресурс, не зарегистрированный в качестве сетевого издания, СМИ не является [4]), однако достаточно популярны в исследуемом регионе, дают ценную информацию о способах и принципах номинации медиа.

Так, исходя из **структурных особенностей**, гемеронимы восточных областей Беларуси можно разделить на:

1) однословные ИС (способ деривации – словообразование, онимизация, заимствование – при этом не учитывается), которые, в свою очередь, представлены единицами: а) простыми (в основе гемеронима – один корень): газеты *«Радзіма»*, *«Параллель»*; телеканал *«Свята»*; телепередача *«Баланс»*; духовно-просветительская телепередача *«Лампада»* (лампада – символ неугасимой веры человека в Бога); радиостанция *«Могилев»* и др.; б) сложными (два и более корней): газеты *«Автобизнес»*, *«Медвузовец»*; телепередача *«Хит-парад»*; радиопередача *«АРТ-пятница»*; интернет-портал *«masheka.by»* (Машека – герой белорусского фольклора, персонаж поэмы Янки Купалы «Магіла льва»; по легенде, около могилы Машеки основан г. Могилев) и др.;

2) многословные ИС, представленные: а) сочетаниями слов, соединениями полнозначной и служебной частей речи, структурами сочинительного / бессоюзного типа: газеты *«На досуге»*, *«БЦК Инфо»*, *«Мы і час»*; телепередача *«По четвергам»*; радиопередача *«Деньги и бизнес»* и др.; б) словосочетаниями, т. е. структурами подчинительного типа, состоящими из двух, трех или более полнозначных компонентов: газеты *«Витебская ярмарка»*; журналы *«Секреты исцеления»*,

«Современное образование Витебщины», «Вестник Полоцкого государственного университета»; телеканал «Наше ТВ»; телепередача «Азбука здоровья»; радиостанция «Кричевское районное радио»; радиопередача «Вечерняя смена» и др.; в) предложениями, одним или несколькими: телепередачи «Адвокат советует», «Встретимся у Звездочета», «Движение – жизнь» и др.; телепередачи «Краски августа. Тысячники Поставского агрохолдинга: на работе и дома», «Особое призвание – дарить добро. К 100-летию социальной службы Беларуси», «Полацк. Дзе пачынаецца краіна» и др.

Для обозначения медиа, дальнейшей его регистрации имядатели создают новые, иногда необычные ИС. Нами были выявлены основные тематические мотивы, лежащие в основе названий СМИ:

1) место издания / выхода в эфир / регистрации СМИ: газеты «Лепельскі край», «Шестой регион» (6 – код Могилевского региона на автономерах); журнал «Современное образование Витебщины»; телеканал «Бобруйск 360»; интернет-порталы «babruysk.by», «gorod214.by» (214 – телефонный код г. Полоцка и г. Новополоцка), «bobrlife.by» (свое ИС г. Бобруйск получил от протекающей в его пределах р. Бобруйки, где некогда водились бобры; сегодня эти животные являются символом города); интернет-ресурс «gorki.gov.by» и др.;

2) основная идея / тематика СМИ: газеты «Наш спорт», «Наше православие»; журнал «Новости хирургии»; телепередачи «Погода города», «Здоровье», «Литературная гостиная», «Желайка» (программа музыкальных поздравлений); радиопередачи «Гараскон», «Деньги и бизнес», «Смачна есці» (ИС восходит к белорусскоязычной этикетной формуле – пожеланию приятного аппетита, так как кулинарно-историческая передача рассказывает о традиционных блюдах нашей страны) и др.;

3) информация, способ ее передачи: газеты «Коммерческий курьер», «Полацкі веснік», «Витебские вести», «Информ Плюс»; журнал «Вестник фармации»; телепрограмма «Инфо ТВ-Ком»; телепередачи «Госконтроль информирует!», «Спорт-информ»; радиостанция «Вестник Быховщины»; радиопередача «Новости»; интернет-порталы «mogilevnews.by», «vestnikmogileva.by» и др.;

4) канал распространения информации: газеты «Аришанская газета», «Газета віцебскай міліцыі», «Новая газета»; журнал «Домашний журнал»; телеканалы «Поставы-ТВ», «Лепель-ТВ»; радиостанции «Глусское районное радио», «Шарковщинское районное радиовещание», «Голас Лёзненшчыны»; радиопередача «Радио-бар. Ретро» и др.;

5) целевая аудитория / «герой» программы: газеты «Студенческий вестник», «Работа для Вас», «Патрыёт» (название возникло в 1967 г. после восстановления Ушачского района местными жителями –

истинными патриотами своего Отечества); телепередачи «Передача для девочек», «Рукодельница», «Нашему абитуриенту», «#Звездочки» (героями программы являются талантливые дети; в ИС наблюдается метафорический перенос 'яркое небесное тело → яркий, заметный человек'); радиопрограмма «Тутэйшыя» (проект о местных жителях; ИС отсылает к названию трагикомедии (1924) Янки Купалы) и др.;

6) положительная оценка СМИ, его контента: журнал «Золотые рецепты наших читателей»; телепередача «Полезная программа»; радиопередача «ХороШоу» (ИС образовано контаминацией лексем *хорошо* + *шоу*; за счет языковой, графической игры гемероним выглядит свежо, современно) и др.;

7) периодичность издания / выхода в эфир медиа: газета «Днепровская неделя»; телепередача «Неделя города» и др.;

8) время выхода СМИ: телепередачи «Утренний экспресс», «eXtreme среда», «Ранехонько»; радиопередачи «Тяжелый понедельник», «Правовой вторник», «Экосреда», «АРТ-пятница» и др.;

9) авторы, ведущие передачи: телепередачи «Прогулки в прошлое с Людмилой Хмельницкой», «На стиле с Еленой Рубекиной» и др.

Гемеронимы также неоднородны с точки зрения связи со своими денотатами и объективируют следующие три **принципа номинации** [5, с. 168]: идентифицирующий, условно-символический, символический.

Широко представлены идентифицирующие ИС, которые имеют прямое соотношение с объектом называния, отражают свойства, качества, функциональное назначение СМИ [5, с. 169]: газета «Сельская жыццё»; телеканал «Беларусь-4 Могилев»; телепередача «Здоровье»; радиопередачи «Про авто», «Гараскон»; интернет-ресурс «glusk.gov.by» и др.

К условно-символическим номинациям относятся гемеронимы, которые «не называя реальных свойств объектов, отражают их косвенно (или условно) посредством метафоры» [5, с. 169]: журнал «Самобранка» (*самобранка* – волшебная скатерть, на которой чудесным образом появляются кушанья; издание посвящено теме кулинарии); телепередачи «Рубикон» (*Рубикон* – метафорическое обозначение точки невозврата, к которой могут привести в том числе *чрезвычайные происшествия*, о чем и рассказывает программа), «Территория силы духа» (познавательный проект о Витебском центральном спортивном комплексе) и др.

Символические гемеронимы, которые характеризуются общей положительной оценкой, но не имеют «никакой смысловой связи с именуемыми объектами» [5, с. 170], немногочисленны. К данному номинативному типу относятся ИС, имеющие общие семы: а) «свет», «огонь»: газеты «Свято Кастрычніка», «Искра» и др.; б) «звук»: газета «Звон». Некоторые из рассматриваемых гемеронимов отсылают к советской

эпохе, мотивируются лексемами типа *красный / чырвоны, кастрычнік*, ставшими символами Октябрьской революции: газеты «*Чырвоны сцяг. Краснаполле*», «*Чырвоны прамень*» и др.

В целом названия СМИ, отражая тенденции называния, языковую моду и современного, и предшествующих этапов развития гемеронимии, отличаются структурным и номинативным своеобразием. В кругу ИС медиа представлены одно- (простые, сложные) и многословные (сочетания слов, словосочетания, предложения) единицы. Гемеронимы демонстрируют разную степень связи со своим денотатом: идентифицирующие ИС характеризуются информативной насыщенностью, смысловой нагруженностью; условно-символические ИС отличаются как информативностью, так и выразительностью, оригинальностью; ИС символические немногочисленны, имеют общую положительную оценку. Отмечен целый комплекс тематических мотивов, посредством которых имядатели емко, эффективно сообщают многоплановую информацию о медиа.

Список использованной литературы

1. Васильева, Л. В. Роль и функции СМИ в современном обществе / Л. В. Васильева // Вестник Амур. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 50. – С. 109–112.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 187 с.
3. Лекарева, Л. А. Псковские гемеронимы / Л. А. Лекарева // Вестник Псков. гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – № 9. – С. 132–136.
4. О средствах массовой информации : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г. № 427-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427>. – Дата доступа: 10.06.2021.
5. Крюкова, И. В. Основные номинационные процессы в периферийной зоне ономастического пространства / И. В. Крюкова // Ономастика Поволжья : материалы VII конф. по ономастике Поволжья. – М., 1997. – С. 168–172.

Н. Н. Мостыко (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – Т. М. Лянецвич, канд. филол. наук, доцент

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ДОМИНАНТЫ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «ТОБОЛ. МНОГО ЗВАННЫХ»

Творческая идея автора, историческая эпоха, мировоззрение и художественное мышление писателя, а также определённое отношение к языковой системе русского языка обуславливают словесную структуру художественного текста. Многие учёные-лингвисты стремятся определить

доминантные единицы языковой организации конкретного произведения, которые составляют уникальность и своеобразие его стилиевой структуры.

Термин «доминанта» – один из ключевых понятий в области литературоведения, стилистики, лингвистики текста и психолингвистики. Доминанта – «главенствующая идея, основной признак чего-либо» [1, с. 224]. В качестве текстовых доминант могут выступать единицы всех уровней языковой структуры произведения, которые участвуют в раскрытии семантики произведения. Следовательно, выделяются следующие типы доминант: 1) грамматические, включают словообразовательные (неологизмы и окказионализмы), морфологические (преобладание единиц определенной части речи, однотипные формы слов) и синтаксические (преобладающие синтаксические конструкции); 2) лексические доминанты (синонимия, антонимия, паронимия, метонимия, метафоризация, слова одной тематической группы и др.); 3) деривационные доминанты (преобладание производных слов, которые относятся к определённому способу словообразования); 4) стилистические доминанты (использование преимущественно лексем с определённой стилистической окраской).

Преобладающие единицы в каждом художественном произведении индивидуальны, так как они обусловлены стилем писателя и спецификой семантики конкретного текста. Нами же рассмотрены доминанты на примере современного исторического романа Алексея Иванова «Тобол. Много званых» [2]. В произведении писатель показал российскую действительность XVIII века, становление Сибири в рамках Российского государства. Этот период представляет в истории целую эпоху, и, как сказано в самом романе, «Сибирь – ключ к пониманию России» (А. Иванов).

Основным средством создания исторического романа Алексея Иванова «Тобол. Много званых» являются лексические языковые средства. Анализ лексической организации текста исследуемого романа показал, что автором использовалось большое количество устаревшей лексики. Данная лексика представлена различными тематическими группами, например: 1) действия человека: *обессудить, скоромиться, ведать* и др.; 2) должность: *фуражир, игумен, изограф, копиист, чернец* и т. д.; 3) одежда: *камзол, треуголка, епанча, шубейка, порты, кожан* и др.; 4) постройки: *светлица, фортеция, кунсткамера, погост* и т. д.; 5) части тела: *очи, выя, шуйца, десница, уста* и др. Устаревшая лексика исторического романа Алексея Иванова «Тобол. Много званых» выполняет следующие стилистические функции: 1) воссоздание колорита отдалённых времен; 2) имитация языковых особенностей прошедших лет; 3) придание речи возвышенного, торжественного звучания.

Стиль художественной литературы предполагает сочетание различных языковых элементов. Так, в исследуемом романе встречается большое количество книжной лексики, которая характеризуется тематическим многообразием: 1) религия: *капище, помазанник, иночество, обитель, покаяние* и др.; 2) род деятельности: *изограф, чернокнижник, каллиграф* и т. д.; 3) предметы: *фолиант, опахало, левиафан* и др.; 4) отвлечённые понятия: *праздность, воздаяние, тцание* и т. д.; 5) природные явления: *вертоград, светило, излучина, денница* и др.

Данные языковые единицы выполняют ряд специфических функций в рамках изучаемого литературно-художественного произведения: 1) номинативная: *твердь, изваяние, опахало, светило* и др.; 2) характерологическая: *казнокрад, деспот, нечестивец* и т. д.; 3) эмотивная: *благой, оскорбитель, взреветь, вопль* и т. д.

Книжной лексике противопоставляется лексика разговорная и просторечная лексика. Пласт разговорной лексики исторического романа Алексея Иванова «Тобол. Много званых» можно разделить на две группы: 1) лексемы с пейоративной коннотацией: *дрянь, дура, ворюга* и т. д.; 2) слова с мелиоративной коннотацией: *загончик, киса, яхонтик* и др.

Повышенная эмоциональность и экспрессия разговорной лексики создаётся за счёт включения в неё просторечных слов. Просторечные языковые единицы анализируемого романа можно подразделить на: 1) слова, отражающие неграмотную речь: *ихний, икап, энтой* и др.; 2) лексемы, имеющие сниженную стилистическую окраску: *стервец, хайло, свистопляска, сопляк* и т. д.; 3) бытовое просторечие: *прихвостень, потаскуха, голодранец* и др.

Использование разговорно-просторечной лексики в романе «Тобол. Много званых» обоснованно, т. к. она выполняет важные функции: 1) номинативная: *хлам, тряпица, закуток, кадушка, вязанка* и др.; 2) экспрессивная: *задира, забияка, балда, упырь, стервец* и т. д.; 3) создание словесного портрета персонажа.

На пути своего становления российское государство контактировало с другими странами, этносами, культурами. Общение между народами происходило посредством использования различных языков. Следовательно, происходил и обмен языковыми единицами. Для романа «Тобол. Много званых» свойственно разнообразие заимствований из следующих неславянских языков: 1) тюркских: *чубук, эфенди, артель, зайсанг, тулуп, тайша* и др.; 2) греческого и латинского: *келарь, эконом, схимонах, клир* и т. д.; 3) французского: *апель, батман, капрал, редут, рекрут* и др.; 4) нидерландского: *мортира, трап, верфь, ротмистр, канонир* и т. д. Включение заимствованной лексики в современный исторический роман Алексея Иванова «Тобол. Много званых» органично,

творчески осмысленно автором. Заимствования выполняют следующие функции: 1) номинативную: *гарем, рекрут, кюлоты, дьяк, келья* и др.; 2) национально-культурную: *чувал, кумган, малица, лачуга* и др.; 3) характерологическую. Например, грецизмы и латинизмы используются при описании преимущественно служителей церкви, так как греческий и латинский языки – языки христианской церкви.

Языковые единицы классифицируются не только с точки зрения происхождения, принадлежностью к активному или пассивному составу, но и с точки зрения сферы употребления. В современном историческом романе Алексея Иванова «Тобол. Много званых» встречаются диалектная (*колдобина, зипун, дроги, дощаник* и др.) и специальная лексика (*ложкарь, лука, смальта* и т. д.). Основная функция диалектизмов анализируемого романа заключается, прежде всего, в передаче подлинной народной речи, что обеспечивает реалистичность и достоверность исторического романа. Специальная же лексика указывает на жизненные условия персонажей, служит для создания профессиональной атмосферы и среды, а также сближает художественный текст с действительностью.

Таким образом, своеобразие современного исторического романа Алексея Иванова «Тобол. Много званых» и заключается в том, что в нём задействована лексика различных пластов, но при этом эстетическая целостность романа и языка не нарушается, т. к. все компоненты органично взаимодействуют.

Список использованной литературы

1. Словарь иностранных слов / под ред. Ф. Н. Петрова и И. В. Лехина. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. – 805 с.
2. Иванов, А. В. Тобол. Много званых : роман-пеплум / А. В. Иванов. – М. : АСТ, 2019. – 702 с.

Н. Н. Мостыко (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – Г. В. Писарук, канд. пед. наук, доцент

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В БАСНЕ И. А. КРЫЛОВА «КВАРТЕТ»: АНАЛИЗ РАБОТ УЧАЩИХСЯ

Ведущим подходом при изучении морфологии на современном этапе является функциональный подход, который предполагает перенос внимания при изучении языка от формы к значению и функции. Textoобразующая роль языковых единиц в соответствии с действующей программой [1] изучается сегодня на уроках русского языка в разных классах. Под текстообразующей функцией грамматических единиц

понимается их способность передавать разнообразные оттенки смысла в процессе передачи определенного содержания.

В ходе педагогической практики мы провели диагностический срез, целью которого было выяснить, насколько учащиеся владеют понятием «текстообразующая роль языковых средств». Мы предложили учащимся 9 «В» класса школы № 20 г. Бреста имени героя Советского Союза Д. М. Карбышева» (учитель русского языка и литературы Тамара Констанстиновна Плеханова) текст басни И. А. Крылова «Квартет», которая хорошо знакома школьникам, поскольку они изучали её на уроках русской литературы в 6 классе. Десять сильных учащихся класса получили 10 заданий на распечатанных бланках. Задания мы формулировали в соответствии с логикой изучения частей речи на II ступени языкового образования: имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, служебные части речи. Задания школьники выполняли дома.

В задании 1 необходимо было определить тему и основную мысль басни, без чего, согласно методике, нельзя приступать к каким бы то ни было другим заданиям.

Тему басни учащиеся сформулировали так: «делай то, что умеешь, не за свое дело не берись», «чтоб музыкантом быть, так надобно уменье», «дело мастера боится», «в деле важны способности, знания и опыт человека», «звери затеяли играть квартет, и у них ничего не получилось», «если ты ничего не умеешь, то твое место тебе не поможет», «высмеивание абсурдной ситуации», «неумелые музыканты». Основная мысль, по мнению учащихся, такова: «донести людям то, что в любом деле важны способности, знания и опыт человека», «каждый должен заниматься своим делом», «без умений и музыкального слуха звери не могут стать хорошими музыкантами», «без способностей и таланта нельзя сделать что-либо хорошо». Только двое учащихся увидели основную мысль в морали басни: «А вы, друзья, как ни садитесь, // Всё в музыканты не годитесь». Как видим, учащиеся смешивают понятия «тема» и «основная мысль», хотя в целом видно, что суть басни ими понята.

В задании 2 учащимся нужно было выписать неизвестные слова из басни и посмотреть в толковом словаре их значение. Для современных девятиклассников неизвестными словами оказались следующие: *пленять, втора, альт, чинно, пуще, ноты, смычок, прима, квартет, привести, баса*.

Задание 3 напрямую касалось уже текстообразующей роли частей речи – имён существительных. Необходимо было найти имена существительные в басне, посчитать их количество и выделить тематические группы. Всего в басне 53 существительных, и только трое учащихся нашли все 53 существительных, остальные нашли только половину (20–25). Учащимися были выделены следующие тематические

группы: музыка, герои басни, природа. Только 2 учащихся из 10 указали на одну из функций используемых в басне существительных: существительные используются для реализации художественного приема – аллегории. Остальные не указали ни тематические группы существительных, ни их функцию.

Задание 4 было посвящено именам прилагательным. Нужно было найти в басне прилагательные, посчитать их, определить роль. В басне всего 3 прилагательных. Большая часть учащихся, которые выполняли данное задание, не смогли найти в тексте имена прилагательные, в то же время некоторые назвали в качестве прилагательных по 6–7 других слов. Можно сделать вывод, что учащиеся путают части речи. По мнению учащихся, роль прилагательных в басне заключается в том, «чтобы можно было представить описываемый объект», «прилагательные описывают объект, уточняют, дополняют», «прилагательные раскрывают суть басни, если их убрать, то смысл текста был бы непонятен», «для описания Мартышки и Мишки», «обогатить слово Мишка», «описание персонажа». Таким образом, учащиеся выявили только одну из функций имен прилагательных – обозначение признака предмета (*косоплый Мишка, уши понежней*).

В задании 5 нужно было определить количество числительных и их роль в басне. В басне одно числительное (*две скрипки*). 8 из 10 учащихся справились с этим заданием: нашли числительное и определили его функцию: «указать на количество скрипок», «уточнить информацию о скрипках». Один из учащихся, кроме числительного «две», отнес к числительным и существительные «втора» и «квартет», исходя, наверное, из толкования слов.

Задание 6. Необходимо было найти местоимения, посчитать их количество, распределить по разрядам и определить функцию местоимений в басне. Всего в басне 23 местоимения. Учащиеся нашли от 15 до 19 местоимений. Проблем с нахождением личных и притяжательных местоимений не возникло, проблемы возникли с разграничением относительных и вопросительных местоимений. Учащиеся также отметили, что наиболее частыми в анализируемой басне являются личные местоимения. Функция местоимений в басне, по мнению учащихся, – «функция дополнения, подлежащего», «чтобы не было повторов, указывают на предмет или человека». Каждый второй учащийся из выполняющих исследование не определил функцию местоимений.

В задании 7 необходимо было проанализировать глаголы из басни, определить их вид и определить функцию. Всего в басне И. А. Крылова «Квартет» 46 глаголов. Только три учащихся из 10 нашли 40–42 глагола, четыре учащихся – 30 глаголов, треть учащихся нашли только половину из всех используемых глаголов – 16–23. По мнению учащихся, глаголы

выполняют следующие функции: «показать усилия и действия животных», «обозначить состояние или действия предмета». Трое из учащихся вовсе не определили функцию используемых в басне глаголов. Определение вида глаголов вызвало некоторые затруднения у учащихся. Распространенными ошибками являлось отнесение глаголов «поладим», «сыграть», «привести» к несовершенному виду и глаголов «садитесь», «дерут», «нейдет» к совершенному виду.

Задание 8. Нужно было найти в басне наречия, подсчитать их и определить роль. Всего в басне 7 наречий. Один учащийся не нашел ни одного наречия, но 4 учащихся нашли от 12 до 15 наречий. Такое большое количество наречий, которые нашли учащиеся, объясняется тем, что некоторые учащиеся путают наречия и предлоги, так как к наречиям ими были отнесены предлоги «на» и «под». К наречиям некоторые учащиеся отнесли и вводное слово «верно». Также учащиеся путают сравнительную степень прилагательного с наречием (*уши понежней*). К разряду наречий учащимися были отнесены и служебные части речи: частицы (*все-таки*), союзы (*коль, как*). 5 учащихся определили функцию используемых в басне наречий так: «обозначение какого-либо признака». 3 учащихся считают, что текстообразующей ролью наречий является «обогащение басни».

В задании 9 учащимся необходимо было проанализировать служебные части речи, распределить их в соответствующие колонки таблицы, подсчитать и определить функцию. Союзов в анализируемой басне 19, предлогов – 18, частиц – 12. Один учащийся не выполнил данное задание вообще, двое нашли только союзы (*и, а, чтоб, как*). Остальные учащиеся в целом справились с заданием, хотя нашли и не все служебные части речи, только большую их часть. Функция служебных частей, по мнению учащихся: «конкретнее рассказать все в басне», «функция дополнения выражений и предложений в басне», «указание на что-либо / кого-либо, уточнение, отрицание». Каждый второй учащийся вовсе не определил функцию служебных частей речи.

Наконец, в задании 10 необходимо было оценить проделанную работу (понравилось / не понравилось). Учащимся понравилось проводить лингвистическое исследование басни И. А. Крылова «Квартет»,: «понравилось, но трудно», «понравилось, потому что раскрываешь другой смысл после нескольких прочтений», «это очень увлекательно, тем более, когда басня легкая для нашего понимания», «это был интересный опыт», «текст интересный, осознаешь всю суть текста». Только одному учащемуся не понравилось проводить лингвистическое исследование, но причина не была указана.

Вывод. Таким образом, необходимо отметить, что некоторые сильные учащиеся имеют хорошую базу знаний по морфологии, поэтому

у них не возникло трудностей с заданиями по определению частей речи. Поскольку многие либо пропускали в заданиях часть, где нужно было определить текстообразующую роль частей речи, либо при попытке сформулировать ответ получалось не совсем верно, мы делаем вывод, что этот вопрос является для учащихся достаточно сложным. На наш взгляд, необходимо на уроках русского языка больше внимания уделять текстообразующей роль различных частей речи в различных художественных произведениях.

Список использованной литературы

1. Программа по русскому языку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adu.by/images/2020/08/up-Rus-yaz-X-kl_bazavi_uroven.docx. – Дата доступа: 29.01.2021.

Р. Назаров (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

ИНОЯЗЫЧНЫЕ КОНТЕКСТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИРИКИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

М. Ю. Лермонтов – классик русской литературы, без которого постижения художественного слова в средней школе немислимо. Его творчество включено в школьную программу на протяжении многих десятилетий. Содержанием программы курса по учебному предмету «Русская литература» учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания, утвержденной Постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 29.07.2019 № 123, предусмотрено изучение творчества М. Ю. Лермонтова с V по IX классы [1]. Сюда входят самые разные произведения, в том числе те, что отражают экзотические мотивы. Связано это и с пребыванием поэта на Кавказе, и с особым романтическим мировидением в ранний период творчества.

Иноязычные контексты функционирования лирики М. Ю. Лермонтова не ограничиваются восточным колоритом лексики, хотя это довольно яркий пример. Тем не менее на уроках русской литературы или при проведении внеклассных мероприятий по предмету можно дать учащимся возможность обратить внимание на данные особенности с точки зрения предметной наполненности. Именно потому представляется перспективной возможность «оживить» перед школьниками некоторые иноязычные аспекты лирики М. Ю. Лермонтова. Обратим внимание на то произведение, которое находится в списке «для дополнительно чтения» в разделе программы «Литературное произведение как художественная целостность» программы VII класса: стихотворение «Кинжал» [1].

Школьникам могут быть представлены различные темы для подготовки сообщений в рамках проведения внеклассного мероприятия по предмету. Если это ребята среднего школьного возраста, не исключено, что их заинтересует тема оружия. Даже одно слово «кинжал», представленное в поэтическом словаре М. Ю. Лермонтова, вызывает, как правило, живой отклик. При проведении мероприятия речь не идет о том, чтобы демонстрировать в школе холодное оружие, но средства наглядности могут усилить отклик обучающихся, знакомящихся с лирикой поэта. Обсуждение текста через сопоставление лексики и изображений дает возможность активизировать когнитивную составляющую.

Приветствие может перейти в краткое слово учителя, напоминающего о темах, пройденных в курсе изучения творчества М. Ю. Лермонтова ранее (с V по VII класс, когда, собственно, и может быть изучено названное стихотворение). После возможно обсуждения и вовлечения самих школьников в припоминание материала может быть озвучено стихотворение «Кинжал» (заранее подготовленным учеником, приглашенным «гостем» из другого класса, самим учителем – варианты определяет педагог).

*Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза – жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный [2].*

Желательно иметь текст для работы в классе. Это могут быть как распечатанные бумажные носители, так и электронное отображение текста, видимое всем присутствующим. Далее ребятам задается вопрос, о чем, как им кажется, данное стихотворение. Ведется относительно свободный диалог, направляемый учителем. Возможны рассуждения о свободе, любви, красоте природы Кавказа и тоске по ушедшему, равно как многое другое.

Позже можно перейти к обсуждению того, что создает неповторимый колорит стихотворения. Несомненно, обращают на себя внимание слова *кинжал*, *грузин*, *черкес*. Можно использовать выделение отдельных лексических единиц цветом или простым подчеркиванием. Предлагается список вопросов:

1. Кто такой «грузин»?
2. Кто такой «черкес»?
3. Чем они отличаются?
4. Где находится Кавказ?
5. В каких произведениях М. Ю. Лермонтов говорит о Кавказе?
6. Кто еще из русских писателей бывал на Кавказе?
7. Кто писал о нем?
8. Какие произведения вы можете вспомнить?

Можно предложить кому-то из учеников прочитать стихотворение А. С. Пушкина «Кинжал» 1821 г. для того, чтобы сопоставить, что общего у этих произведений, чем они отличаются, отметить схожесть мотивов у тех писателей-классиков, чей ранний период творчества приходится на расцвет романтической традиции в русской литературе, а значит, и внимание к возможному экзотическому наполненности произведений.

Возвращаясь к вопросу о значении иноязычных слов, придающих стихотворению М. Ю. Лермонтова соответственный колорит, можно объединить две первых лексемы общим определением: названия национальности.

Оставшееся же слово чаще всего понятно даже белорусским школьникам, но не всегда значение его ясно так глубоко, как кажется на первый взгляд.

Предлагаем задать вопрос, что такое *кинжал*. Нередко его определяют через понятие «нож». Резонно далее задать вопрос, отличаются ли они чем-то. Если последуют ответы, связанные с национальной принадлежностью, можно использовать далее для нахождения ответа картинки.

Приведем в качестве примера два изображения: кинжал и нож (они демонстрируются либо в распечатанном виде, либо на устройстве электронного отображения).

Можно предложить ученикам определить, где что изображено, не давая изначальных указаний в подписях. После этого может быть предложено уточнение: кинжал заострен с двух сторон, нож – только с одной.

Само различие видов оружия не должно стать ключевым моментом проводимого занятия. Важно обратить внимание учащихся на то, как с помощью отдельных слов автор мастерски создает ощущение далеких странствий, опасности, а в то же время привязанности к возлюбленной,

державшей в руках оружие, ранившее лирического героя не в прямом смысле слова, а в переносном, поскольку сердце его теперь принадлежит восточной красавице.

Список использованной литературы

1. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для VII класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]: утв. постановлением Министерства образования Респ. Беларусь от 29 июля 2019 г. № 123; в ред. постановления Министерства образования Респ. Беларусь от 19 июня 2020 г. № 140 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Лермонтов, М. Кинжал [Электронный ресурс] / М. Лермонтов – Режим доступа: <https://rustih.ru/mixail-lermontov-kinzhal/> – Дата доступа: 20.05.2021.

Ш. В. Отузов (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – Е. А. Зуева, преподаватель

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЮЗОВ И ЧАСТИЦ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (7 КЛАСС): СИСТЕМА ЗАДАНИЙ

В методике русского языка содержание курса 7-го класса составляет изучение служебных частей речи: союза, частицы. Семиклассники имеют знания о союзах как средстве связи однородных членов предложения и частей сложного предложения, частица незнакома школьникам. В действующей учебной программе отмечено, что на изучение союза отведено 3 часа [1, с. 88], на изучение частицы – 4 часа [1, с. 89]. Задача уроков в 7 классе – углубить и систематизировать имеющиеся знания по союзу, пробудить интерес к изучению частицы.

«При изучении союзов проявляется взаимосвязь между морфологией, синтаксисом, орфографией, пунктуацией, развитием речи» [2, с. 197]. «Изучение союза необходимо строить на понимании отличия между предлогами и союзами, на связи с темами «Однородные члены предложения» и «Сложные предложения» [3, с. 150–151]. «Изучение частиц требует повторения морфологии и синтаксиса, связано с выразительным чтением, стилистикой» [2, с. 200]. «Тема «Частицы» является одной из трудных, так как учащиеся затрудняются в отграничении частиц от других частей речи, а изучение орфографии частиц диктует необходимость приведения в систему правил, связанных с написанием частиц с различными частями речи» [3, с. 162–163].

Ниже представим упражнения, которые можно использовать при изучении служебных частей речи (союза и частицы) в 7 классе.

Упражнения, которые можно использовать при изучении союза:

Упражнение 1. Озаглавьте текст и определите его основную мысль и стиль. Какие из выделенных союзов соединяют однородные члены предложения, какие – простые предложения в составе сложного.

Во многих языках мира существует такая часть речи, как союз. В р..альн..м мире вещей и явлений нет (н..)чего, что бы соответствовало союзам. Союзы созда(н,нн)ы человеком как техническое средство для выражения логической связи между отдельными высказываниями. В этом легко убеди(т,ть)ся при (не)посредственн..м наблюдени.. различ(?)ных р..альных ситуаций. Если вы вид..те, что молния ударила в дерево и оно сл..малось, вы (не)нуждаетесь в каких(либо) связу..щих средствах между этими явлениями, так как пр..чина и следствие даны наглядно. Другое дело, когда сообщае(т,ть)ся об этом в речи или на письм..нно на бумаг.. . (Б. Серебренников).

Упражнение 2. Составьте и запишите десять сложных предложений с составными союзами *потому что, оттого что, после того как, с тех пор как, затем чтобы*.

Упражнение 3. Закончите предложения, используя сочинительные союзы *и, но*, подчинительные союзы *чтобы, когда*: 1. Ребята очень устали _____. 2. Путешественники приблизились к роднику _____. 3. Туристы разбили лагерь _____. 4. Поезд замедлил ход _____. 5. Мы выгрузили багаж _____.

Упражнение 4. Из данных простых предложений составьте сложноподчиненные предложения с подчинительными союзами: 1. Я в сотый раз пож..лел. Не родился художником. (**что**). 2. Обращаясь к примерам из собстве(н,нн)ой жизн.. . Я (в)первые увидел все разнообразие красок русского (не)настья после картины Левитана «Над вечным покоем». (**если ... то**). 4. Было так тихо. Город вымер. (**будто**). 5. Ст..рик называл мне ветер и следил. Я правильно записывал его названия. (**чтобы**).

Упражнение 5. Спишите, раскрывая скобки и расставляя пропущенные знаки препинания. Союзы заключите в овал, а наречие *поэтому* и указательные местоимения подчеркните как члены предложения: 1. К берегу реки лыжники направились дальним путем, через лес, (за)то получили огромное удовольствие. Спряч(?)ся (за)то дерево ск..зал мне брат. 2. На лыжах (по)этому лесу они шли впервые. Наш класс упорно готовился к лыжн..м соревнованиям, (по)этому мы и победили в кросс.. . 3. Ребята из нашей школы заво..вали немало призов (по)тому, что трениру..т их т..лантливый мастер спорта. Первая группа лыжников пойдет (по)тому берегу реки, а вторая – (по)тому пр..казал тренер.

Упражнение 6. Составьте по схемам сложные предложения: **I.** 1. [], и []. 2. [], (если...). 3. [], но []. 4. [], (потому что...). 5. [], а []. **II.** 1. [], (где...). 2. [], (потому что...). 3. [], (куда...). 4. [], (чтобы...).

Упражнения, которые можно использовать при изучении частицы:

Упражнение 1. Спишите. Найдите среди выделенных слов формообразующие частицы; над остальными надпишите, какой частью речи они являются: 1. *Давай же* помян..м (о)нем теперь с тобой вдвоем (К. Симонов) – *Давай-ка* мне скорее эту книгу. 2. *Пускай* довод..т дело (до)конца по всем стат..ям, (не)пож..лев усердья (К. Симонов) – *Пускай* змея: ветер усилился. 3. *Да* здравствует солнце! *Да* скро..тся тьма! (А. Пушкина) – *Свет..т, да* (не)гре..т.

Упражнение 2. Спишите отрывки из басен И. Крылова, расставляя пропущенные знаки препинания. Подчеркните частицы, выражающие удивление, восхищение, изумление. Какие еще частицы здесь есть?: 1. *Плут..ка* к дереву на ц..почках подход..т вертит хвостом с Вороны глаз (не)свод..т и говорит так сла..ко чуть дыша: Голубушка как хороша! Ну что за шейка что за гла..ки! 2. Как ост..рожно бы моя вода текла и мимо хижинк.. и каждого кусточ(?)ка! Благосл..вляли бы меня лишь берега и я бы освежал д..лины и луга но с них бы (не)унес листоч(?)ка. 3. Что за диковина! – пр..ятель отвечал. 4. Что за уха! Да как жирна.

Упражнение 3. Спишите, ставя пропущенные запятые. Суффикс **-то** обозначьте, частицу **-то** заключите в прямоугольник, местоимение **то** подчеркните как член предложения, союз **то** заключите в овал: 1. *Море* иногда м..лькало между деревьями, и тогда к..казалось, что уходя (в)даль оно в то(же) время подымается (в)верх спокойной могучей стеной. 2. *А мы(то)* старались! 3. *Рассудительн..м* басом уг..варивал мальчика господин в золотых очках при этом он накл..нял голову то на один то на другой бок. 4. *Кто(то)* угр..жающе зашипел. 5. *Откуда(то)* выле(з,с)ший дворник поместился (по)зади садовника. 6. *Сразу(то)* мне (не)понять (А. Куприн).

Упражнение 4. Переделайте предложения, включив в них частицу **-ка**. Какими по цели высказывания стали предложения? Какое дополнительное значение вносит частица **-ка**?: 1. *Вск..пяти* чай. 2. *Сходи* в м..газин за хлебом. 3. *Перестаньте* разговар..вать. 4. *Нач..найте* трен..роваться.

Упражнение 5. Спишите, ставя частицу **не** сначала только перед первым глаголом, затем только перед вторым и, наконец, перед обоими сразу. В каком случае предложение получило положительный смысл?: 1. *Я могу ответить на это письмо.* 2. *Товарищ сегодня может приехать ко мне.* 3. *Вы можете посмотреть эту телепередачу.*

Упражнение 6. Продолжите устойчивые сочетания, слова с *не* и *ни* подчеркните: 1. *Комар носу* _____. 2. *Палец в рот* _____. _____. 3. *Ни свет* _____. 4. *Ни дать* _____. 5. *Нельзя ни проехать* _____.

Таким образом, представленные упражнения: можно использовать на уроках в блоках «Теория» и «Практика», учебных элементах «Формирование новых понятий», «Формирование умений» и «Отработка навыков». Изучение союза и частицы связано с вопросами орфографии, морфологии, синтаксиса, культуры речи, т. е. обучение союзам и частицам является одним из средств повышения языковой грамотности учащихся.

Список использованной литературы

1. Русский язык V–IX классы : учебная программа для общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения. – Минск : НИО, 2017. – 120 с.
2. Рабчинская, И. А. Русский язык в 6–7 классах / И. А. Рабчинская, Ф. М. Литвинко, И. Г. Молодова ; под ред. П. П. Шубы. – Минск : Нар. асвета, 1989. – 208 с.
3. Богданова, Г. А. Уроки русского языка в 7 классе: из опыта работы / Г. А. Богданова. – М. : Просвещение, 1991. – 207 с.

Д. Л. Подмазова (г. Смоленск, СмолГУ, Россия)

Научный руководитель – Н. А. Максимчук, доктор филол. наук, профессор

ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИКРОТОПОНИМОВ ПСКОВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Микротопонимия – очень интересный и слабо исследованный раздел ономастики. Особенность микротопонимии в том, что она известна только узкому кругу людей на определенной территории. В данной работе будет исследоваться микротопонимия псковско-смоленского пограничья. Эта территория интересна тем, что стала приграничной сравнительно недавно. Только в первой половине XX века районы, микротопонимику которых мы рассматриваем в данном исследовании, окончательно вошли в состав современных Псковской и Смоленской областей. Историческая, культурная и языковая связь этих районов очевидна.

Первым этапом нашего исследования стало определение приграничной территории, микротопонимы которой мы будем исследовать. В Псковской области мы ограничились Усвятским районом, в Смоленской – Велижским.

Следующим этапом исследования стал сбор материала исследования: нами было выявлено, 334 названия географических объектов: 234 названия деревень, 47 названий рек, 30 названий озер, 4 названия болот, 15 названий

урочищ, 1 название ручья, 1 название канала, 1 название канавы, 1 название гор.

Следующим этапом данной работы стала характеристика внешних данных собранных нами названий. Нами было выявлено 40 составных названий и 294 простых названия.

Далее мы классифицировали составные названия по типу словосочетания, лежащего в их основе. Нам удалось выявить следующие группы:

а) прилагательное + существительное; б) прилагательное + субстантивированное прилагательное; в) существительное + число.

Следующим этапом нашей работы стала морфологическая характеристика исследуемого материала. Из 334 топонимов 309 названий являются именами существительными, 25 названий образованы при помощи субстантивации прилагательных. Из 309 микротопонимов, являющихся именем существительным, мы обнаружили 222 микротопонима ед. ч., 87 – мн. ч. Из 25 микротопонимов, образованных от субстантивированных прилагательных, 23 – ед. ч., 2 названия – мн. ч. Из 245 названий единственного числа 135 названий ср. р., 83 названия ж. р., 27 названий м. р.

Следующий этап нашей работы – выявление тематических групп на основе ведущего лексико-семантического признака названий.

На основе классификаций А. М. Селищева и В. А. Жучкевича мы выявили основные тематические группы, на которые можно разделить собранные нами микротопонимы.

1. Микротопонимы, образованные от антропонимов (Адамово, Васькино, Глазуново, Ильино, Цыгань) – 43 названия.

2. Микротопонимы, образованные от названий животных и растений (Березовка, Боброво, Мыший Бор, Рябинка, Селезни) – 28 названий.

3. Микротопонимы, отражающие особенности ландшафта (Бор, Верховье, Замошье, Пустынники, Холмы) – 28 названий.

4. Микротопонимы, отражающие административно-объектные особенности (Городец, Городище, Новгородцево, Старое Село) – 7 названий.

5. Микротопонимы, образованные от названий ремёсел (Бондарево, Копыльники, Лемеши, Поташня, Рудня) – 11 названий.

6. Цветовое восприятие мира, отражённое в названиях микротопонимов (оз. Белое, оз. Чернея, Красный Луг, Зеленый Луг) – 13 названий.

7. Микротопонимы с диалектными основами (Балбаи, Лобани, Маклок, Рындино, Чепли) – 29 названий.

8. Микротопонимы, отражающие религиозную тематику (Молитвино, Церковище, Чернецово) – 5 названий.

9. Микротопонимы, характеризующие особенности объекта (Большой Городец, Крутое, Кривка, Мокрая Нива, Сухие Ляды) – 35 названий.

10. Микротопонимы, которые трудно отнести к какой-либо из групп без дополнительного этимологического анализа (Карпекино, Ратьковина, р. Лонна, оз. Сертея, ур. Тхарино) – 124 названия.

11. Микротопонимы, в основе которых лежат другие топонимы (Вязьмены, Смоленский Брод, Усвятские Нивы) – 4 названия.

12. Микротопонимы, отражающие в семантике быт и жизненные ситуации (Калошино, Погорелье, Пожары, Щеткино и др.) – 7 названий.

Можно сделать вывод, что в исследуемом нами материале большинство названий нуждается в дополнительном этимологическом анализе, так как значение их производящей основы не совсем ясно.

Следующим этапом нашей работы стал словообразовательный анализ. Для анализа исследуемого нами материала мы взяли классификацию В. А. Никонова, который выделяет следующие исконные типы топонимического словообразования:

- а) основа – существительное в чистой форме;
- б) основа с суффиксом, префиксом, с тем и другим;
- в) словосложение (двуосновность) разных видов;
- г) словосочетание разных видов.

К первому типу относятся 93 названия (27,8 %), ко второму – 200 названий (59,9 %), к третьему – 1 название (0,3 %), к четвертому – 40 названий (12 %). Наиболее распространенным способом топонимического словообразования на исследуемой нами территории является морфологический. Внутри каждой области самым распространенным способом топонимического словообразования также является морфологический способ.

Если говорить отдельно про морфологический способ топонимического словообразования, то мы выявили следующие виды аффиксов, участвующих в словообразовании исследуемых нами названий: суффиксы *-ов / -ев* (Адамово), *-к(а/и/ое)* (Захарки), *-ич(и)* (Краслевичи), *-иц(а)* (Осиновица), *-ин(о/а)* (Кузьмино), *-ј* (Верховье), *-чин(о)* (Гатчино), *-ец* (Городец), *-иц(е)* (Поймище), *-ан(е)* (Горяне), *-щин(а)* (Лобынщина), *-ник(и)* (Пустынники), *-ниц(а)* (Будница), *-як(и)* (Орляки), *-н(я/а)* (Поташня), *-ик(и)* (Северики), *-ск(ая/ое)* (оз. Кобыльское), *-ен(о)* (Вязьмены); конфиксы: приставка *за-* + суффикс *-ј* (Замошье), приставка *за-* + суффикс *-ок* (Заселок), приставка *по-* + суффикс *-ј* (Погорелье), приставка *за-* + суффикс *-иц* (Залюбище). Наиболее распространенным морфологическим способом словообразования топонимов в обеих областях является суффиксация, а наиболее распространенными аффиксами являются

суффиксы *-ов / -ев, -к(а/и/ое), -ин(о/а)* – на их долю приходится 65,5 % всех топонимов, образованных морфологическим способом.

Наименее распространенным способом топонимического словообразования на исследуемой нами территории оказалось словосложение: мы нашли всего лишь один микротопоним на территории Смоленской области (деревня Староселье).

Х. Д. Раджабов (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – Н. М. Гурина, канд. филол. наук, доцент

РАБОТА С ТЕМАТИЧЕСКОЙ ТЕКСТОТЕКОЙ «ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ» НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Уроки словесности – «одно из средств формирования образованного, духовно развитого человека. Эти уроки развивают воображение, творческие способности, формируют образную речь учащихся, побуждают к поискам средств передачи ее экспрессивности» [1]. Творчески работающий учитель эти задачи решает на интегрированных уроках. «Интегрированные уроки давно вошли в практику работы. В программе по литературе 5–8 классов предусмотрены темы по изучению произведений русских поэтов о Родине и родной природе. Можно эти темы объединить и проводить интегрированные уроки, объединяющие задачи русского языка, литературы, а также предметы эстетического цикла – изобразительное искусство и музыку. Такие уроки способствуют сопереживанию, проникновению в мир прекрасного, постижению красоты и значимости окружающего мира. Интегрированные уроки развивают художественный вкус, прививают любовь к русскому языку, учат видеть истинное искусство и оценивать пейзажные зарисовки в произведениях» [2].

Каждый урок русского языка должен быть уроком постижения красоты языка, его богатства и неисчерпаемых возможностей. На каждом уроке ученики должны «всматриваться и вслушиваться» в язык, и тогда через постижение красоты языка придет понимание его законов, правил, системы, сформируются навыки грамотной устной и письменной речи.

Основой урока русского языка должна быть работа с текстом художников слова, а значит, главное на уроке – исследование языкового материала, анализ образцового текста. Прикосновение к таким примерам должно быть вдумчивым, чутким. «Уроки русского языка должны развивать речевые, интеллектуальные, нравственные стороны личности ученика, создавать эмоциональный настрой, который способствует повышению истинного интереса к предмету» [1]. Сквозной темой для уроков русского языка может быть образ осени. Времена года

в художественном мире поэтов описаны по-разному. Для кого-то осень пора увядания, для других – любимое время, когда любуются кружащим в небесной синеве последним кленовым листом или чуть покрытыми инеем, прихваченными первым морозом увядающими цветами и травой.

Самым большим поклонником осенней поры был А. С. Пушкин. Он не раз упоминал осень в своих поэзиях, повторяя, что осень его любимое время года. Аргументировал свою любовь просто – вдохновение. «Блаженное расположение духа, когда мечтания явственно рисуются перед вами, и вы обрываете живые, неожиданные слова, стихи легко ложатся под перо ваше и рифмы бегут навстречу стройной мысли» [2]. Н. А. Некрасов так пишет о русской осени в стихотворении «Славная осень»: *«Славная осень! Здоровый, ядреный / Воздух усталые силы бодрит. Славная осень! Морозные ночи, / Ясные, тихие дни... Нет безобразья в природе!»*. Ему мила ее осенняя краса. Он восхищается этой порой. Она ему кажется прекрасной. Н. А. Некрасов описал тоскливую осень настолько ярко, насколько не смог никто другой. Человек имел талант описывать природу во всей ее красе, при любой погоде и независимо от времени года. Писатель одушевлял неживые предметы, обыгрывая их с помощью ярких эпитетов и сравнений. Ф. И. Тютчеву настолько был близок романтизм золотой поры, что он писал отдельные произведения, посвящая и вкладывая в них всю душу. Это можно наблюдать в классическом стихотворении: *«Есть в осени первоначальной, / Короткая, но дивная пора – / Весь день стоит как бы хрустальный, / И лучезарны вечера»*. Поэт красочно и точно передал картину золотой осени. Образ осени в произведениях русских поэтов выступает как мечтательная, одновременно драматическая картина. Поэты об осени пишут с особой ноткой тепла и любви, как можно пронаблюдать в стихотворении С. Есенина «Закружилась листва золотая»: *«Я сегодня влюблен в этот вечер, / Близок к сердцу желтеющий дол. / Отрок – ветер по самые плечи, / Заголил на березке подол»*. Проанализировав стихотворение «Осень» К. Д. Бальмонта, мы думаем, что это далеко не самая любимая его пора. Он пишет про осень с легкой депрессией и тоской по теплым дням: *«Поспевает брусника, стали дни холоднее, / И от птичьего крика, в сердце только грустнее. / Стаи птиц улетают, прочь, за синие море, / Все деревья блистают в разноцветном уборе. / Солнце реже смеется, нет в цветах благовоний, / Скоро Осень проснется и заплачет спросонья»*. Анализируя стихотворения, мы видим, что у поэтов есть две осени. Одна – золотая осень – радостная, пышно убранная, богатая урожаем. Ее любят за щедрость, за богатство своих полей, садов, за ясные дни лазурно-голубого неба, за красоту лесов, писанных золотой и багряной краской. Вторая осень – поздняя – вызывает у человека чувство торжественного и

величественного. Оно дает человеку уверенность в том, что нескончаем свет солнца, что природа вечно жива, а увяданье придает ей особенную красоту.

Мы проанализировали материал учебника по русскому языку для 5 класса [3] и обнаружили там 15 текстов об осени следующих авторов: К. Бальмонта, И. Бунина, Ф. Тютчева, В. Бианки, Н. Сладкова, И. Соколова-Микитова, Б. Окуджавы. В учебнике по русскому языку для 6 класса – 9 текстов современных авторов [4]. Сочинения-миниатюры позволяют учащимся увидеть осенние пейзажи, услышать звуки и запахи осени. В учебниках есть осенние пейзажи И. Левитана, фотоэтюды для сочинений-описаний, в качестве музыкального сопровождения можно взять одну их фортепианных пьес П. Чайковского под названием «Осенняя песня». В своей курсовой работе мы составили тематическую подборку стихотворений А. Пушкина, А. Плещеева, Н. Некрасова, И. Бунина, А. Майкова, Н. Огарёва, Б. Пастернака и разработали два интегрированных урока на тему «Золотая осень» для учеников среднего звена.

Таким образом, предложенная нами система упражнений может служить дополнительным дидактическим материалом на уроках русского языка в 5–6 классах. Ценность использования текстотеки «Золотая осень» на уроках русского языка в том, что она обогащает кругозор учащихся, развивает культуру устной и письменной речи, обогащает словарный запас школьников, приобщает пятиклассников и шестиклассников к миру прекрасного, учит видеть, любить природу.

Список использованной литературы

1. Овсянникова, О. Ю. Комплексный анализ текста на уроках русского языка в 5 классе (из опыта работы) [Электронный ресурс] / О. Ю. Овсянникова // Педсовет. – Режим доступа: <https://pedsovet.org/publikatsii/professiya-i-pedagogicheskie-soobshchestva/kompleksnyy-analiz-teksta-na-urokah-russkogo-yazyka-v-5-klasse--iz-opyta-raboty-1>. – Дата доступа: 12.11.2020.
2. Тюленева, Н. Н. Образ осени в произведениях русских писателей, художников и композиторов (интегрированный урок) [Электронный ресурс] / Н. Н. Тюленева // Первое сентября. Открытый урок – Режим доступа: <https://urok.1sept.ru/articles/659115>. – Дата доступа: 12.11.2020.
3. Русский язык : учебник для 5 кл. учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения : в 2-х ч. / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Ж. Ф. Жадейко. – Минск : НИО, 2019. – 2 ч.
4. Русский язык : учебник для 6 кл. учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Ж. Ф. Жадейко. – Минск : НИО, 2020. – 239 с.

Х. Х. Рахманова (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – С. А. Королевич, канд. филол. наук, доцент

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ МАХТУМКУЛИ

Великий поэт и мыслитель туркменского народа Махтумкули Фраги своим бессмертным творчеством и самым своим именем вот уже около трёхсот лет прославляет туркмен. Его заслуги в исторической, общественно-политической и культурной жизни нации поистине неопределимы. Махтумкули прочно вошёл в сознание туркменского народа как ориентир в мире духовно-нравственных ценностей. Творчество Махтумкули, в котором дано эмоциональное описание мирской жизни не только туркменского народа, но и народов мира, стало образцом высокой любви к Богу, Родине, человеку, природе и самой жизни. Оно сейчас известно во всём мире. Произведения поэта – стихи-раздумья, стихи-поучения, стихи-песнопения – затрагивают почти все явления жизни, с которыми мог столкнуться человек его времени.

Европа (Англия, Венгрия, Германия) открыла для себя туркменского поэта в середине XIX в. Первая попытка передачи стихов Махтумкули на русском языке была предпринята в 1872 г. путешественником Ф. А. Бакулиным, побывавшим в Гургене и издавшим в своих записках подстрочный перевод двух стихотворений Махтумкули [1]. В XX в. произведения великого туркменского поэта стали объектом изучения востоковедов и историков, а также мастеров стихотворного перевода. Сейчас Махтумкули переводят на русский, узбекский, английский, даже на белорусский язык.

Творчество Махтумкули в русских переводах заняло достойное место в «Антологии туркменской поэзии», которая была издана в Москве в 1949 г. и представила туркменское поэтическое наследие за многовековой период его развития [2]. В кругу переводчиков особое место занимает Арсений Тарковский, блистательный мастер стихотворного перевода с туркменского, грузинского, дагестанского, армянского, арабского языков, начавший свою переводческую деятельность в 30-е годы XX в. Сопоставление его переводов с оригинальными текстами Махтумкули (мы проанализировали тексты 10 стихотворений) приводит к заключению, что под пером А. Тарковского поэзия Махтумкули как бы заново родилась на русском языке. Это закономерно. «Художественный перевод порождается подлинником, зависит от него, но в то же время обладает относительной самостоятельностью, так как становится фактом переводящего языка» [3, с. 24].

В стихотворном переводе, считают теоретики перевода, выступают особые законы эквивалентности оригиналу. Согласно В. С. Виноградову, термин *эквивалентность* обозначает сохранение в переводе информации (содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной), которая содержится в исходном тексте [3, с. 10]. Однако эквивалентность поэтического художественного текста и его перевода, особенно на язык неродственный, объективно не может быть полной в силу языковых различий, специфики ритма, рифмы, интонаций, системы образных средств и т. д.

Тем не менее в поэтических переложениях Арсения Тарковского стихи Махтумкули не только узнаваемы по содержанию, но в них сохраняется колорит туркменской истории и культуры вследствие использования в русских текстах безэквивалентной лексики оригинала. Безэквивалентная лексика – такие лексические единицы одного языка, которые не имеют регулярных соответствий в другом языке. Это слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями [4, с. 43]. Их нельзя семантизировать с помощью перевода, поэтому они в строгом смысле слова непереводаемы. В переводном поэтическом тексте именно такая лексика призвана обеспечивать национально-культурный колорит.

Прежде всего национально-культурный компонент свойствен именам собственным, особенно прецедентным (связанным с широко известными контекстами или прецедентными ситуациями). К ним относятся широко известные имена собственные, которые выступают в тексте как своего рода культурный знак, символ определенного времени и места, событий и судеб. Таким знаком в первую очередь являются имя и псевдоним самого *Махтумкули*, вошедшего в историю туркменской культуры как *Фраги*, а также имя его возлюбленной *Менгли*, с которой его разлучили в юности, выдав замуж за другого. Имя *Фраги* ‘разлученный’, ‘печальный’ обусловлено не только драматичной любовью поэта, но и его трагической судьбой в целом: Махтумкули перенес смерть отца – поэта Довлетмамеда Азади, гибель братьев, а позже ему довелось пережить смерть своих детей. Тарковский сохраняет в переводах названные имена, поскольку у туркменского поэта они играют текстообразующую роль: *И кто Махтумкули осудит / За то, что он не позабудет, / Что правде слово дал и будет / До гроба верен клятве той...* («Горы в тумане»); *На земле моя Менгли жила, / Обожгла мне сердце и ушла* («Лебеди»); *Фраги недугом истомлен...* («Желание») и др.

Пережитые поэтом драматические личные события сказывались на эмоциональной стороне его творчества, обусловив использование характерных для туркменской культуры прецедентных имён,

символизирующих настоящую, но трагическую любовь. Это имена заглавных персонажей поэмы XVI века «Лейли́ и Меджнун́». *Меджнуном*, что значит ‘безумный’, прозвали влюблённого в Лейли *Кайса*, который скитался по пустыне, теряя разум от любви. В стихах Махтумкули имена Лейли и Меджнун появляются не однажды, и переводчик всякий раз бережно их сохраняет: *Я полюбил – и стал Меджнуном я, / Красой Лейли опутан, как цепями («Сердцу»); Меджнун, от родины вдали, / В глухих краях чужой земли, / Своей смеющейся Лейли, / Слезами опьянен, желает («Желание»)*. В последнее стихотворение переводчик также переносит имена *Ширин* и *Фархад*, *Юсуп* и *Зулейха*, *Вамик* и *Азра*, тоже символизирующие в культуре народов Средней Азии истинную любовь.

Живущий в XVIII в. Махтумкули описывал реалии своей эпохи, и это важнейшая из причин наличия в оригинальных текстах безэквивалентной лексики разных семантических групп. Сохраняя в анализируемых переводах знаки иного времени и туркменской культуры, А. Тарковский использует характерные географические названия. Например, *Гулистан* – старинное поэтическое название Персии, что значит ‘розовый сад’, ‘символ цветущей страны’: *В Гулистане полюбил я; // Водоверть косы тяжёлой / Как в дурмане, полюбил я...* («Влюблённый скиталец»); *Туран* – название территории к северу от Ирана: *Судьбой влекомый, я попал в Туран («Сердцу»); Чин-Мачин* – название Китая и ряда других дальневосточных стран в старой восточной литературе и фольклоре (*Чин* – Китай, *Мачин* – за Китаем): *Зовешь ты, сердце, в Чин-Мачин...* («Сердцу»). Сравни также: *Хиндостан* (Индия), *Дехистан* (область на юге Туркмении); *Румистан* (Византия, общее название стран запада) в «Желании странствий» и др.

Будучи глубоко верующим человеком, Махтумкули Фраги часто строит образы своих стихотворений на основе слов религиозной тематики: *Арш* (высшее небо, где находится престол Аллаха); *Коран* (священная книга мусульман), *Мекка*, *Медина* (священные для мусульман города), *Кааба* (высшее мусульманское святилище в Мекке). Тарковский сохраняет эту лексику, что позволяет узнавать тексты туркменского поэта и в русском переводе: *Арша блестящий венец, / Упование сердец, / Мне тебя, благой отец / Мусульман, увидеть хочется («Желание странствий»); Пальцы грешного пира / Запятнали Коран («Несправедливость»); Предо мною промелькнули / Горы Мекки и Медины («Влюблённый скиталец»)* и др.

Обеспечению туркменского культурно-исторического колорита в текстах Тарковского служат и нарицательные номинации лица с характерной семантикой: *дервиш* ‘нищий’, ‘бродячий монах’; *шах* ‘правитель на Востоке’; *бай* ‘крупный землевладелец в Азии’, *пророк*, *джигит* и др. Во времена Махтумкули туркмены принадлежали к разным

племенам: теке, йомуды, гоклены, эрсари, салоры и др. Сам поэт был гокленом, и Тарковский считает тоже необходимым перенести это слово в перевод: *Я – раб любви, гоклен с Атрека...* («Ищу спасенья»).

Аналогичную функцию выполняют многочисленные номинации явлений туркменской культуры, предметов туркменского быта. Среди них есть иноязычные лексемы, уже давно ставшие достоянием русского языка (*алмаз, аркан, базар, шафран*), а также тюркизмы, отчасти известные по произведениям русских поэтов и писателей (слово *лал* ‘драгоценный камень алого цвета, рубин; в поэзии – синоним губ красавицы’ есть у Федора Сологуба; слово *пери* ‘фея, сказочная дева необычайной красоты’ известно с XIX в. благодаря повести М. Ю. Лермонтова «Бэла»; *духан* ‘трактир, харчевня’, а у М. Ю. Лермонтова отмечен дериват *духанища*. Тарковский переносит эти слова в русскоязычные поэтические переводы: *В моих садах цветет шафран* («Тревога»); *Лалы рождаются в ущельях немых* («Плач») и др.

Наиболее выразительны в переводах Тарковского редкие экзотизмы: *дутар* ‘двухструнный туркменский музыкальный инструмент’, *мазар* ‘мавзолей мусульманского святого’, *кошница* ‘корзина’, *кебаб* ‘поджаренные на углях куски баранины на вертеле’, *чарыки* ‘кустарная обувь из сыромятной кожи’, *дестан* (из персидского) ‘рассказ, исполняемый нараспев’, *майя* ‘белая верблюдица; в туркменской поэзии образ красавицы’, *фелуга* ‘небольшое палубное судно с косыми парусами’. Эти лексемы переводчик употребляет в качестве номинаций туркменских реалий – слов, имеющих культурно-обусловленный смысл: *Я звонкий свой дутар ищу* («Ищу спасенья»); ... *Печали / Спеть Фраги помешали / Самый лучший дестан* («Несправедливость»). Однако чаще безэквивалентные номинации выступают в структуре тропов и стилистических фигур: в гиперболах (*Есть ли на земле такой базар, / Где алмазы по грошу кошница?* («Лебеди»)); в сравнениях (*Как дервиш, раб Махтумкули бредет* («Сердцу»)); в метонимии (*И чарыки хромого / Не добьются стремян* («Несправедливость»)); в перифразе, например: *Ты – майя сказочных степеней* – так поэт называет свою возлюбленную в стихотворении «Тревога».

Безэквивалентная лексика в переводах Арсения Тарковского играет очень важную роль: такие названия служат знаками времени и пространства, в котором жил и творил Махтумкули Фраги, выступают знаками принадлежности этих прекрасных стихов к туркменской культуре.

Список использованной литературы

1. Ширинова, Р. Х. Национальная картина мира в художественном переводе [Электронный ресурс] / Р. Х. Ширинова // Вестник ТГУ. – 2012. – № 8. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya_kartina-mira-v-hudozhestvennom-perevode. Дата доступа: 02.03.2021.

2. Антология туркменской поэзии / под ред. Б. Кербабая, П. Скосырева. – М. : Госуд. издательство художественной литературы, 1949 г. – 546 с.

3. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

4. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. / Е. М. Верещагин, В. Н. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990 – 246 с.

С. Реджепов (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – Г. В. Писарук, канд. пед. наук, доцент

РАБОТА С КЛОУЗ-ТЕКСТОМ КАК СПОСОБ ОБОГАЩЕНИЯ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА УЧАЩИХСЯ

Обогащение словарного запаса, являющееся одним из направлений работы по развитию речи учащихся средней школы, осуществляется в процессе словарно-семантической работы и обучения грамматике [1, с. 299].

В ходе педагогической практики нами была организована работа учащихся 5 класса СШ № 23 (учитель русского языка и литературы Е. В. Иваровская) с клоуз-текстом в разделе «Повторение изученного в 5 классе». Цель диагностического среза – исследовать уровень речевых умений пятиклассников в процессе заполнения пропусков в клоуз-тексте именами прилагательными, соответствующими контексту. Имя прилагательное как часть речи не изучается в 5 классе, но оно изучалось в начальной школе, поэтому школьники знают, что такое признак предмета и какая часть речи его обозначает. Текст взят из действующего учебника по русскому языку – упр. 268 [2, с. 132–133]. В диагностическом срезе участвовало 28 учащихся.

Сначала учащимся был роздан текст в таком виде:

Однажды небо упрекнуло ниву в неблагодарности:

– Всё, что населяет землю, благодарит меня. Птицы посылают мне своё пение, цветы – благоухание и цвет, леса – шёпот, и только ты не выражаешь признательности, хотя я наполняю корни злаков водой и заставляю вызревать растущие колосья.

– Я тебе благодарна, – отвечала нива. – Я украшаю пашню вечно волнующейся зеленью, а осенью покрываю её золотом. По-другому я не умею выразить своей благодарности. Я не могу дотянуться до тебя.

– Да, это так, – согласилось небо. – Но если ты не можешь подняться ко мне, так я сойду к тебе.

И случилось чудо. Среди колосьев выросли синие цветы, схожие цветом с небом. С тех пор колосья хлебных злаков при каждом дуновении ветерка склоняются к василькам и шепчут им слова (по С. Красикову).

После чтения текста первые вопросы учащимся касались определения уровня понимания ими отдельных лексем. Поскольку дети – городские жители, нами было обращено их внимание на значение слова *нива* – большое поле, возделанное и засеянное, целенаправленно обработанное человеком. Учащиеся подобрали ряд синонимов, какой нива может быть: тучная, красивая, золотая, пшеничная, ржаная, богатая, колышущаяся и т. д. Значение слова *пашня* учащиеся объяснили сами: пашня – это вспаханное поле, используемое под посевы сельскохозяйственных культур; пашня бывает весенняя, чёрная, свежая, озимая, красивая, заболоченная, низинная, свежевспаханная. Со словом *злаки* учащиеся тоже были знакомы: злаки, или злаковые, – семейство однодольных растений, к которому относятся такие известные и давно используемые в хозяйстве растения, как пшеница, рожь, овёс, рис, ячмень. Труднее оказалось с пониманием слова *признательность*. Только с помощью толкового словаря выяснили, что признательность – это чувство благодарности за услугу, внимание, помощь и т. д. Выразить признательность – значит отблагодарить, сказать «спасибо».

Затем началось выявление уровня понимания смыслового ядра текста – темы и основной мысли. Учащиеся сказали, что этот текст о поле, о пашне и о ниве, о небе, о земле, о благодарности. В ответ на вопрос *В чём суть разговора неба и нивы?* школьники с охотой начали рассуждать, пересказывая содержание текста своими словами. Небо говорит, что оно наполняет корни злаков водой и заставляет вызревать растущие колосья, а в ответ всё, что есть на земле, выражает ему благодарность (птицы посылают небу своё пение, цветы – благоухание и цвет, леса – шёпот), а нива его никак не благодарит. Нива ответила, что она украшает пашню зеленью, а осенью покрывает её золотом, а по-другому она не умеет выразить своей благодарности, потому что не может дотянуться до неба. Небо согласилось и сделало чудо: среди колосьев выросли цветы, схожие цветом с небом. Это васильки. Небо будто бы подарило себя ниве. С тех пор небо и нива подружились, потому что мы можем видеть, что колосья злаков при каждом дуновении ветерка склоняются к василькам и шепчут им какие-то слова.

Дальше учащимся было предложено украсить этот небольшой текст именами прилагательными, чтобы он стал ещё красивее. Повторили, что обозначают имена прилагательные и на какие вопросы отвечают. Только после этого учащимся был роздан клоуз-текст:

Однажды небо упрекнуло ниву в неблагодарности:

– *Всё, что населяет землю, благодарит меня. Птицы посылают мне своё _____ пение, цветы – _____ благоухание и _____ цвет, леса – _____ шёпот, и только ты не выражаешь признательности, хотя я наполняю корни злаков _____ водой и заставляю вызревать растущие колосья.*

– Я тебе благодарна, – отвечала нива. – Я украшаю пашню вечно волнующейся зеленью, а осенью покрываю её золотом. По-другому я не умею выразить своей благодарности. Я не могу дотянуться до тебя.

– Да, это так, – согласилось небо. – Но если ты не можешь подняться ко мне, так я сойду к тебе.

И случилось чудо. Среди колосьев выросли _____ синие цветы, схожие цветом с _____ небом. С тех пор колосья хлебных злаков при каждом дуновении ветерка склоняются к василькам и шепчут им _____ слова (по С. Красикову).

Учащиеся получили задание вставить в текст 8 прилагательных, которые больше всего подходят в места пропусков, с условием, что при этом слова не должны повторяться.

Однажды небо упрекнуло ниву в неблагодарности:

– Всё, что населяет землю, благодарит меня. Птицы посылают мне своё чудесное пение, цветы – прекрасное благоухание и удивительный цвет, леса – таинственный шёпот, и только ты не выражаешь признательности, хотя я наполняю корни злаков дождевой водой и заставляю вызреть растущие колосья.

– Я тебе благодарна, – отвечала нива. – Я украшаю пашню вечно волнующейся зеленью, а осенью покрываю её золотом. По-другому я не умею выразить своей благодарности. Я не могу дотянуться до тебя.

– Да, это так, – согласилось небо. – Но если ты не можешь подняться ко мне, так я сойду к тебе.

И случилось чудо. Среди колосьев выросли великолепные синие цветы, схожие цветом со знойным небом. С тех пор колосья хлебных злаков при каждом дуновении ветерка склоняются к василькам и шепчут им нежные слова (по С. Красикову)

Проанализируем работы учащихся.

В первом предложении с пропущенными словами нужно было вставить четыре качественных прилагательных: ? пение птиц, ? благоухание цветов и их ? цвет, ? шёпот лесов.

Пение птиц у школьников: чудесное (= авторскому варианту) – 11 чел. (здесь и далее цифра обозначает количество учащихся, вставивших в контекст указанное слово), красивое – 7, прекрасное – 4, великолепное – 3. Эти прилагательные по значению соответствуют контексту. Один учащийся вставил прилагательное признательное, что говорит об очень хорошем понимании контекста, поскольку перед этим есть слова: все благодарят меня.

Благоухание цветов: прекрасное (= авторскому варианту) – 8, великолепное – 4, нежное – 1, милое – 1, с чем можно согласиться, но были варианты красивое – 3, хорошее – 2, доброе – 2, которые со словом благоухание не сочетаются.

При определении цвета цветов тоже немного попаданий в контекст: удивительный (= авторскому) – 4, прекрасный – 5, чудесный – 3, красивый – 2. Самые неудачные «находки»: зелёный (?) – 7, разный – 1 (?).

Шёпот лесов милый – 6, нежный – 6, тихий – 4. Три человека использовали слово добрый, которое не очень удачно в этом контексте.

Было слово *неповторимый*, что мы сочли за находку. Авторский вариант *таинственный шёпот лесов* – никто не нашёл.

В этом же предложении нужно было найти прилагательное к слову *вода*: *наполняю корни злаков дождевой водой*. Смысл в том, что небо посылает дождь ниве, однако учащиеся этого не поняли и искали опять-таки качественные прилагательные: вода у них *чистая* – 11, прозрачная – 2, голубая – 2, искристая – 2, нежная – 2. Только два человека вписали в пропуски слово *дождевая* (= авторскому варианту).

Определения к словосочетанию *синие цветы*, которые потом в тексте названы *васильками*, учащиеся нашли такие: *великолепные* (= авторскому варианту) – 5, *удивительные* – 7, *прекрасные* – 6, *красивые* – 3. Один учащийся нашёл слово *потрясающие*, это, на наш взгляд, возможно. Нельзя считать приемлемыми вариантами *хорошие* – 2, *огромные* – 2, *небольшие* – 1.

Выражение *знойное небо* никто не «отгадал», в основном учащиеся писали, что небо *голубое* и *синее* – 11, поскольку синие цветы в тексте схожи цветом с небом. У остальных небо *прекрасное* – 6 и *великолепное* – 6.

Результаты поиска слов, которые шепчут колосья хлебных злаков василькам, таковы: эти слова *нежные* (= авторскому варианту) – 3, *добрые* – 11, *милые* – 7, *хорошие* – 3, *ласковые* – 1, *приятные* – 1. Есть *сонные* – 1 слово.

В абсолютном большинстве учащиеся справились с работой. Самыми употребительными прилагательными (если учесть все 8 позиций) оказались оценочные прилагательные синонимического ряда *прекрасный* – 26, *чудесный* – 22, *великолепный* – 18, *красивый* – 17, *удивительный* – 15. Прилагательными не было заполнено только пять позиций у трёх человек. У трёх учащихся были ошибки типа *шепчут им шёпот*, *делают им нежные слова*, *шепчут им спасибо слова*. У семи человек, несмотря на предупреждение, были повторы: *красивое* пение и *красивый* цвет, *чудесное* пение и *чудесное* благоухание и т. п.

После того как работы были собраны, учащиеся прочитали авторский текст и увидели, какие имена прилагательные были использованы автором в пропущенных местах, сравнили их со своими вариантами.

Анализ результатов проведенного диагностического среза говорит о том, что пятиклассники пока ещё воспринимают текст «в общем», они ещё не умеют идти «от текста к слову», их словарный запас не всегда позволяет видеть оттенки значений слов для конкретного контекста. Поэтому при изучении вопросов лингвистики текста следует учить школьников прочитывать тексты «с карандашом в руке», обращая внимание на значимые для понимания текста слова.

Список использованной литературы

1. Литвинко, Ф. М. Методика преподавания русского языка в школе : учеб. пособие / Ф. М. Литвинко. – Минск : Выш. шк., 2015. – 448 с.
2. Русский язык : учеб. пособие для 5 кл. учреждений общ. и сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения ; в 2 ч. – Минск : НИО, 2019. – Ч. 2. – 143 с.

В. И. Самотуга (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – С. А. Королевич, канд. филол. наук, доцент

АНГЛИЦИЗМЫ В НОВОЙ РУССКОЙ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ: НОМИНАЦИИ ЛИЦА

С конца XX века одним из наиболее социально значимых языковых процессов оказался процесс заимствования иноязычных слов, отмечала Н. С. Валгина в книге «Активные процессы в современном русском языке» в 2003 г. [1, с. 108]. Несколькими годами раньше В. Г. Костомаров подчеркнул, что самой яркой чертой нашего сегодняшнего языкового развития считаются заимствования из американского варианта английского языка [2, с. 8]. США в большинстве стран мира воспринимают как центр, поставляющий стандарты жизненного уровня, эстетические представления, эталоны культуры, манеры поведения и общения. Поэтому современная русская речь характеризуется появлением англицизмов в разных сферах жизни, в том числе в профессиональном спорте. Однако поскольку спортивные состязания предполагают участие не только спортсменов, но и огромных масс болельщиков, то профессиональные термины иноязычного происхождения становятся популярными в языке в целом.

Обратимся к материалам Толкового словаря русского языка начала XXI века под редакцией Г. Н. Скляревской [3] и выясним, какие новые англицизмы вошли на рубеже тысячелетий в группу наименований лиц, связанных со спортом. Внимание к личным номинациям закономерно, так как в центре картины мира каждого времени находится человек.

К заимствованиям мы относим как готовые лексемы (*роллер, сёрфер*), так и полукальки, то есть слова, в которых иноязычный корень сочетается с исконной или ранее заимствованной служебной морфемой (например, *вейкбордист, раллист, скейтист*, где суффикс *-ист* греческого происхождения принадлежит к давно освоенным суффиксам лица, присоединяемым к субстантивной основе традиционно).

Вывявленные в словаре методом сплошной выборки иноязычные номинации лиц, связанных со спортом, образуют группу из 29 лексем. Это такие лексемы, как *аутсайдер, бодибилдер, боулингист, вейкбордист, геймер, дайвер, дриблёр, кайтер, кайтсёрфингист, картингист, кёрлер/кёрлингист, кикбоксер/кик-боксер, кипер* (разг.), *плеймейкер,*

раллист, роллер, сёрфер/сёрфингист, скейтер/скейтбордист/скейтист, сноубордер/сноубордист, стоппер, стритрейсер, хав/хавбек.

Составители и исследователи характеризуют словарь под редакцией Г. Н. Складневской как ненормативный [4, с. 67], поскольку он включает лексемы, функционирующие на рубеже XX–XXI вв. преимущественно в средствах массовой информации, иногда ещё не ставшие достоянием русского литературного языка. Поэтому в исследуемую группу входят профессиональные термины (*дайвер, роллер, скейтер, сёрфер*) и разговорные лексемы (*кипер, хав*), а также вариантные номинации (*скейтер/скейтист/скейтбордист; кайтер/кайтсёрфингист; хав/хавбек* и др.), отличающиеся по структуре или написанию (*кикбоксер/кик-боксер*).

Лексемы исследуемой номинативной группы можно распределить на несколько лексико-семантических подгрупп. Прежде всего это обозначения лиц, занимающихся определенным родом спортивной деятельности: *бодибилдер* ‘культурист’, ‘спортсмен, занимающийся строительством тела’ [3, с. 147]; *вейкбордист* ‘спортсмен, занимающийся вейкбордом – экстремальным видом спорта, сочетающим в себе элементы воднолыжного слалома, акробатику и прыжки’ [3, с. 180]; *дайвер* ‘лицо, занимающееся подводным плаванием’, ‘аквалангист, ныряльщик’ [3, с. 273]; *кайтер* ‘спортсмен, катающийся по поверхности воды или по снегу на кайте’ – управляемом воздушном змее [3, с. 435]; *кёрлер* ‘игрок в кёрлинг – командный вид спорта, в котором команды должны поочередно запускать по льду специальные камни в сторону мишени («дома»)’ [3, с. 451]; *сёрфер* ‘тот, кто занимается сёрфингом – экстремальным водным видом спорта, катанием на волнах на легкой доске’ [3, с. 907]; *скейтер* ‘тот, кто занимается скейтбордингом – экстремальным видом спорта, заключающимся в катании и в исполнении различных трюков на скейтборде’ [3, с. 922] и др.

Эти и некоторые другие заимствованные неологизмы появились с распространением спортивных занятий, ранее отсутствующих в русской культуре: *бодибилдинг, боулинг, вейкбординг, дайвинг, кайтинг, кёрлинг, сёрфинг, скейтбординг* и др. Соответствующие личные номинации были либо заимствованы из английского языка в готовом виде (на это указывает наличие омонимичных терминов в языке-доноре: *сёрфер* – англ. *surfer*; *кёрлер* – англ. *curler*; *дайвер* – англ. *diver*), либо образованы с помощью характерного англоязычного суффикса *-ер* с агентивным значением, когда названные выше формы деятельности получили статус официальных видов спорта. Параллельно могли создаваться и полукальки с давно освоенным суффиксом лица *-ист*, что обусловило появление соответствующих номинаций (*боулингист, вейкбордист, картингист*), в том числе дублетных к существующим в языке (сравн. *сёрфер/сёрфингист*).

Кроме этого, выделяется подгруппа наименований спортсменов, выполняющих определенные функции в командной игре: *дриблёр* ‘футболист, владеющий *дриблингом* – особой техникой ведения мяча’ [3, с. 328]; *кипер* (разг.) ‘голкипер, вратарь’ [3, с. 456]; *плеймейкер* ‘игрок (футболист), определяющий ход командной игры’ [3, с. 737]; *стоппер* ‘защитник, основной задачей которого является остановить атаку соперника и отобрать мяч с тем, чтобы началась атака его команды’ [3, с. 953–954]; *хавбек* ‘полузащитник в игре с мячом’ [3, с. 1044]. Такие лексемы тоже могут быть заимствованы из английского языка в готовом виде, ср.: *дриблёр* – англ. *dribbler*; *стоппер* – англ. *stopper*; *плеймейкер* – англ. *playmaker*.

В этой подгруппе отмечены две интересные номинации. Это, во-первых, разговорное слово *кипер* (от англ. *keeper*) из футбольного словаря. В языке-источнике оно имеет прямое значение ‘хранитель’, но переносно может называть вратаря. Для русских «спортивное» значение ‘вратарь’ – новое, заимствованное из английского. Производящая лексема *голкипер* пришла в русский язык в начале XX века и вполне могла бы стать дериватом для усечения *кипер*. Однако более ста лет назад слово *кипер*, согласно словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, и без того существовало в русском языке, называя либо хлопчатобумажную ткань, либо растение, сейчас известное как кипрей.

Вторая номинация – это лексема *хавбек*. Её, на наш взгляд, следует считать иноязычным неологизмом особого рода, который правомерно отнести к деархаизованной лексике. В русском языке названный спортивный термин впервые фиксируется в словаре Д. Н. Ушакова 1935–1940 гг. В словаре иностранных слов 1986 г. эта номинация полузащитника, помимо отсылки к английскому термину *half back*, сопровождается пометой «устарелое» [5, с. 545]. Между тем в новом толковом словаре Т. Ф. Ефремовой такая помета отсутствует. Авторы словаря под редакцией Г. Н. Складчиковой относят её к актуальной, новейшей лексике [3, с. 1044]. Следовательно, можно говорить о повторном заимствовании названной лексемы. Усеченная форма *хав*, свойственная разговорному стилю, является дериватом от *хавбек*.

Наконец, можно выделить подгруппу обобщённых номинаций, косвенно связанных со спортом, но способных называть не только спортсменов: *аутсайдер* 1. ‘тот, кто находится в конце турнирной таблицы’; 2. асоциальная личность, человек, отрицающий надобность общества, обходящийся без общества [3, с. 98]; *геймер* 1. ‘игрок, увлекающийся компьютерными играми’; 2. ‘участник соревнований по киберспорту’ [3, с. 237]; *стритрейсер* ‘тот, кто занимается *стритрейсингом* – незаконными автомобильными гонками на общественных дорогах’ [3, с. 958]. Каждое из названных обозначений заслуживает отдельного внимания.

Лексема *аутсайдер* (англ. *outsider*) не всегда соотносится со спортивными реалиями нового времени, но интересна тем, как эволюционировала её содержательная структура. В словаре иностранных слов 1986 г. названная лексема в первом значении была своего рода экзотизмом, так как прежде всего называла капиталистическое предприятие, не входящее в монополистическое объединение, и только во вторую очередь обозначала спортсмена или команду, занявших в соревнованиях одно из последних мест [5, с. 63]. Сейчас первое значение неактуально, а второе не только сохранилось, но стало мотивирующим для обозначения асоциальной личности, человека, отрицающего надобность общества, обходящегося без общества [3, с. 98]. Слово *геймер* (англ. *gamer* ‘игрок’) как спортивный термин является новым в русском языке, исконно имело значение ‘человек, играющий в видеоигры’, и только в 2013 году, когда получил признание киберспорт, вошло в группу новой спортивной лексики. Лексема *стритрейсер* (англ. *street racer* ‘гонщик’) на самом деле называет не спортсмена-гонщика, а злостного нарушителя правил дорожного движения.

Активное пополнение спортивного словаря заимствованиями на рубеже II и III тысячелетий не вызывает сомнений. Основным языком-донором выступает именно английский (в исследуемом словаре отмечена только одна лексема *капоэрист/капоэйрист* [3, с. 441] из португальского *capoeirista*).

Англицизмы пополняют спортивный словарь по разным причинам. Новые номинации спортсменов сейчас заимствуются вместе с новыми видами спорта (*боулингист, вейкбордист, геймер, дайвер, дриблёр, кайтер, кёрлер, скейтер* и др.). В этом случае они, безусловно, необходимы. Специальная спортивная лексика объективно востребована также для дифференциации и детализации понятий (*дриблёр, плеймейкер, стоппер, кипер* и др.). Кроме этого, в активный словарь спорта включаются – часто после обновления содержательной структуры – иноязычные лексемы, ранее находившиеся на периферии русского словаря (*аутсайдер, раллист, хавбек*). Наконец, англицизмы приходят в русский язык под влиянием моды на все американское, как правило, вместе с явлением (*бодибилдер, стритрейсер, геймер*). В этом случае в языке возникают семантические и стилистические синонимы, что отчасти тоже служит обогащению словаря.

Список использованной литературы

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособ. для вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2013. – 304 с.
2. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров. – М. : Педагогика-пресс, 1994. – 248 с.
3. Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – Москва : Эксмо, 2008. – 1136 с.

4. Жданова, О. П. Лингвоэкологический портрет толкового словаря начала XXI в. / О. П. Жданова. – Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 65–83.

5. Словарь иностранных слов. – 13-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2010. – 608 с.

Н. В. Сас (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

НОМИНАЦИИ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ Г. БРЕСТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Номинация выступает в качестве процесса называния, порождения материальных языковых знаков. Во время этого процесса происходит конкретное соотнесение слова с соответствующим референтом [1, с. 270]. Номинативная деятельность происходит непрерывно, поскольку развитие социума требует наименования регулярно появляющихся новых объектов внеязыковой действительности или переназначения объектов, уже имеющих названия. Целостный характер номинативных единиц, выступающих единством материального и идеального, возможен лишь тогда, когда между их планом выражения и планом содержания устанавливается определенная взаимосвязь, которая мотивирует выбор соответствующего материального комплекса для обозначения того или иного понятия.

Номинативные процессы приводят к тому, что, кроме появления новых наименований или развития новых значений, происходит также постоянное движение в рамках языковой системы, изменения как количественного, так и качественного плана.

Номинация является сложным и многоплановым явлением. В её сфере находится характеристика самого процесса появления новых названий, определение соотношения между знаком и тем, что обозначается, отбор языкового материала для выражения соответствующего понятия, наличие различных способов номинации и др. Урбанонимное пространство города очень изменчиво, так как границы города постоянно расширяются, появляются новые районы, улицы, которые требуют наименования.

Наиболее полная информация о брестских улицах относится к 1566 году. В «Описании Берестейского староства» упоминаются следующие топонимы: *улицы – Берестийская, Бискупская, улочка на Болоню, Виленская, Кобринская, Ковальская, Замуховецкая, Рождественская, Рыбацкая, Мудрицкая, улица отъ Стаень надъ Бугомъ, Немецкая, Вишвая, Гнилая, улица гостинцомъ Луцкимъ, улочка мимо паркан* и др. [2, с. 12].

Поскольку наиболее значимыми объектами молодых белорусских городов были купольные здания-церкви и монастыри, то и первые

зафиксированные урбанонимы, по данным памятников письменности, – это их названия. В «Описании Берестейского староства» упоминается *улица мимо церковь Михалувскую*. Современному городу свойственно употребление названий без индикаторов *церковь, монастырь, храм* – *ул. Благовещенская (Благовещенская церковь), Братская (Братская Церковь), Георгиевская (Георгиевская церковь), Монастырская (монастырь), Петровская (церковь Святого Петра), Петропавловская (Петропавловская церковь/собор), Покровская (Свято-Покровская церковь), Рождественская (церковь Рождества Пресвятой Богородицы), Свято-Афанасьевская (храм мученика Афанасия Брестского), Свято-Никифоровская, Успенская (Успенская церковь)* и др.

Во второй пол. XV в., особенно в конце века, обычными становятся названия, включающие термин-индикатор с определениями *Святой, Большой, Пречистая*, например, *ул. Большая Песоцкая*. Нередки в деловых документах XV в. названия церквей и монастырей в Восточной Руси с падежно-предложной формой, «конкретизирующей месторасположение объекта»: *улица мимо церковь Михалувскую* [3].

Вторую в значительной мере развернутую группу внутригородских названий XIV–XV вв. составляют наименования земельных участков, фольварков, дворов. Номинация их в отмеченный период происходила главным образом двумя путями. Прежде всего – именем владельца: *Андрея Златаря, Лаврина Василевица, Иванинский, Федково дворище* и др. Некоторая часть земельных участков имела названия описательного характера и мотивировалась названиями других внутригородских объектов [3].

В течение XVIII–XIX вв. значительно возрастает количество городов с зарегистрированными в них улицами, мотивированными именами собственными. В современной урбанонимии г. Бреста данная группа представлена следующими улицами: *ул. Александровская, Ильинская, Надеждинская, Татьянинская, Романовская* и др.

Названия мемориального характера в честь видных чиновников, выдающихся государственных деятелей появились во второй половине XIX в. В начале XX в. для номинации внутригородских объектов стали активно использоваться имена-посвящения. Большую часть от всех современных урбанонимов г. Бреста составляет группа наименований, фиксирующая отношение к тем или иным лицам – политическим деятелям, героям революции, войны и подполья, знаменитым деятелям науки, культуры и т. д.: *ул. Ленина, Крупской, Кирова, Тадеуша Костюшко, Жукова, Аржановой, Кижеватова, Мележа, Колесника, Чехова, Репина, Чайковского, Карвата* и др. Современные улицы Бреста называют именами почетных граждан города: *ул. Морозова, Махновича, Пронягина* и др., именами новаторов производства, заслуженных учителей, врачей,

первых строителей города, героев мирного времени и др.: ул. *Екельчика* (первым из брестчан получил Государственную премию СССР), *Сальникова* (первый директор Брестского электромеханического завода), *Мошенского* (основатель СП «Санта Импэкс Брест»), аллея *Гвишиани* (был награжден орденом «За личное мужество (посмертно)» и др.

К концу XIX – нач. XX вв. наблюдается проявление интереса к живописным названиям внутригородских объектов. Появляются наименования, характеризующие внутригородские объекты с точки зрения размера, конфигурации, физико-географических особенностей и др. (ул. *Угловая*, *Узкая*, *Высокая*, *Кольцевая*, *Центральная*, *Широкая*, *Косая* и др.); цветные (ул. *Алая*, *Зеленая*, *Розовая*, *Серая*, *Голубая* и др.), флористические (ул. *Вишневая*, *Тюльпановая*, *Тисовая*, *Пионовая*, *Жасминовая*, *Кипарисовая*, *Ландышевая*, *Земляничная*, *Васильковая*, *Ромашковая* и др.), фаунистические (ул. *Воронья*, *Лебединая*, *Журавлиная*, *Голубиная* и др.), эмоционально-характерологические (ул. *Веселая*, *Чистая*, *Спокойная*, *Радостная*, *Сердечная*, *Вольная*, *Мирная* и др.).

В смысловом плане преобразуются и названия, связанные с профессиональной и сословной дифференциацией жителей. Если в XVI в. урбанонимы типа ул. *Ковальская*, *Рыбацкая*, *Дворянская*, *Рабочая* и др. заключали в себе информацию о роде занятий жителей данной улицы, поскольку существовал обычай, предписывающий людям, занятым одинаковым ремеслом, селиться вместе, то в XVIII в. названия внутригородских объектов этого типа уже утратили информацию о профессии горожан, живущих на них, и являются своего рода историческими маркерами ранее существовавших на этих улицах ремесел.

Наконец, наиболее поздними являются урбанонимы, включающие лексемы с абстрактным значением, например, *1-й Веселый пер.*, ул. *Возрождения*, *Вольная*, *Добрая*, *Дружная*, *Дружный 1-й–5-й пер.*, ул. *Заветная*, *Звонкая*, *Сказочная* и др. К этому типу относятся и названия, содержащие отсылку к наименованиям месяцев: ул. *Августовская*, *Июльская*, *Октябрьская*, *Осенняя*, *Весенняя*, *Летняя*.

Таким образом, урбанонимия г. Бреста выступает транслятором богатой исторической, социальной, культурной информации. Названия внутригородских объектов являются носителями духовной культуры народа, поскольку в них воплощаются национальные ценности и значимые для этноса смыслы.

Список использованной литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Совет. энцикл., 1966. – 543 с.

2. Власюк, Н. Н. Историческая топонимия кобринского форштадта крепости Бресть-Литовск XIX-XXI вв. и нынешних городских земель / Н. Н. Власюк. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2020. – 180 с.

3. Урбанонимы в белорусском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.ru/871146/urbanonimy_belorusskom_yazyke. – Дата доступа: 14.07.2021.

К. А. Сіманюк (*г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна*)

Навуковы кіраўнік – Г. М. Канцавая, канд. філал. навук, дцэнт

ПРАЦА НАД СЛОВАМ ЯК КУЛЬТУРНЫМ ФЕНОМЕНАМ НА І СТУПЕНІ АГУЛЬНАЙ СЯРЭДНЯЙ АДУКАЦЫІ

Праца па выяўленні эстралінгвістычнай і фонавай інфармацыі аднаго слова дае магчымасць звярнуцца да розных галін ведаў, а нетрадыцыйная форма ўрока дазваляе выходзіць не толькі на паняццёвы, але і на сэнсавы і каштоўнасны ўзроўні слова, улічваць гісторыю, культурны фон і сувязі ўжытай у якасці аб'екта даследавання лексічнай адзінкі. Пры выбары слова вучні прыходзяць да вываду пра тое, што чым больш звыклае слова, тым больш яно глыбокае.

Структура ўрока прадугледжвае такія этапы працы, як: 1) прадстаўленне слова-тэмы (з выкарыстаннем рознага віду нагляднасці); 2) пастаноўка мэты, матывацыйны момант (пастаноўка пытанняў, якія ўзмацняюць зацікаўленасць і матывацыю вучняў); 3) стварэнне праблемнай сітуацыі (фармуляванне праблемнага пытання па словес-тэме; прадстаўленне слова ў незвычайным кантэксце); 4) этымалагічны этап (весткі аб паходжанні, гісторыі і шляхах слова ў часе, зварот да этымалагічных крыніц і слоўнікаў); 5) лексікаграфічны этап (супастаўленне інфармацыі па розных слоўніках, параўнанне аб'ёму слоўнікавага артыкула ў тлумачальным слоўніку і ў іншых слоўніках і даведніках); 6) культурознаўчы этап (аднаўленне культурнага фону слова, змены значэння і сэнсу слова ў гісторыі і культуры, весткі пра гісторыю, трансфармацыю графічнага і фанетычнага аблічча слова); 7) літаратурны этап (пошук, адбор і сістэматызацыя літаратурнага і фальклорнага матэрыялу, які ілюструе функцыянаванне слова ў тэксце); 8) прэзентацыя слова (падбор ілюстрацыйнага матэрыялу, ілюстраванне функцыянавання слова ў тэксце, відэаматэрыялы, музычны фон, чытанне вершаў і лірычных замалёвак); 9) аналіз тэксту (аналіз тэксту/кантэксту, у якім прадстаўлена слова-ключ: складанне ланцужка ключавых слоў, арганізацыя дыялогу з тэкстам, падрыхтоўка каментарыяў да тэксту); 10) этап творчай працы (сачыненне-разважанне па тэксце, ключавым слове, лінгвакультурны праект і інш.).

Нестандартныя ўрокі, ці “ўрокі аднаго слова”, дапамагаюць вучням адчуць і ўспрыняць слова як феномен культуры. Сцісла пакажам некаторыя этапы працы над словам *бяроза*.

Бяроза – адно з самых ушанаваных дрэў у беларусаў. У народнай традыцыі выступае як “шчаслівае” дрэва, якое ахоўвае ад зла. Хіба можна ўявіць сабе луг без белай бярозы? А лес без светлага бярозавага гаю? А лазню без бярозавага веніка? А вершы беларускіх паэтаў, жываніс без выявы гэтага дрэва? Бяроза любімая не толькі за прыгажосць. Гэта дрэва валодае многімі каштоўнымі ўласцівасцямі, у тым ліку і гаючымі. У сакавіку, калі пачынаецца рух соку ў дрэве, аматары бярозавага соку накіроўваюцца ў бярозавыя гаі. Там, напэўна, набывалі і паэты, і жыванісцы. Можна, менавіта таму паэты і мастакі любяць адлюстроўваць бярозку. Яна ж не толькі радуе вока, але і лечыць душу чалавека, яго арганізм.

1. Энцыклапедычная старонка.

Бяроза навіслая, або паніклая, або бародаўчатая, або гузаватая (Betula pendula) – від раслін роду Бяроза (Betula) сямейства Бярозавыя (Betulaceae).

Пры спрыяльных умовах дасягае 25–30 м у вышыню і да 80 см у дыяметры. Каранёвая сістэма бярозы моцна развітая, але пранікае ў глебу неглыбока. Кара ў маладых дрэў карычневая, а з 8–10 гадоў бялее. У больш старых дрэў кара ў ніжняй частцы ствала становіцца патрэсканай, чорнай. Ствол у ніжняй частцы рабрысты. Драўніна жаўтлява-белая, шчыльная і цяжкая. Галіны голыя, накрытыя шматлікімі смалістымі залозкамі-бародаўкамі. Маладыя галіны навісаюць уніз, што надае кроне бярозы вельмі характэрнае аблічча. Крона галінастая, але не густая, галінаванне сімпедыльнае. Лісце гладкае, у маладым узросце клейкае. Кветкі правільныя, дробныя, сабраныя ў навіслыя суквецці на канцах галінак. Плод – дробны арэх з крыльцамі. Працягласць жыцця бярозы складае 100–150 гадоў.

2. Этымалагічная старонка Слова *бяроза* вельмі старажытнае. Этымалагі паказваюць на сувязь слоў *бяроза* і *белы*. Зыходнае значэнне слова *бяроза* ‘белае (светлае) дрэва’. Само слова *бяроза* з’явілася прыкладна ў VII ст. [1, с. 439].

3. Фразеалагічная старонка. Слова *бяроза* і *бярозавы* сустракаюцца ў наступных фразеалагізмах: *бярозавая каша* ‘розгі або дубец, рэмень і пад.’ [2, с. 501]; *бярозаю ліцца* ‘горка плакаць’ [2, с. 580]; *пень бярозавы* ‘тупіца, дурань, бесталковы чалавек’ [3, с. 172].

4. Фальклорная старонка. У вуснай народнай творчасці нярэдка можна сустрэць народныя прыметы, прыказкі, прымаўкі, загадкі пра бярозу.

Народныя прыкметы: *З бярозы вясной цячэ шмат соку – да мокрага лета; Увосень лісце бяроз пачне жоўкнуць з верхавіны – вясна ранняя, зажаўцее знізу – позняя; Калі бяроза стане распускацца – сей авёс; Калі бяроза перад алешынай ліст распусціць – лета будзе сухое; У бярозы жоўкне лісце – да дрэннага надвор'я, непагадзі; Шмат бярозавага соку – чакай дажджлівага лета.*

Загадкі: *Зялёная, а не луг, белая, а не снег, кучаравая, а не галава; Тонкі стан, белы сарафан; Стаяць слупы бялёныя, на іх шапкі зялёныя; Беленькі ствол, зялёныя косы; Кудзеркі раскінула, звесіўшы завушніцы; Адна я ў лесе з белаю карою, багатая сокам веснавою парою.*

Прыказкі, прымаўкі: *Бяроза не пагроза: дзе стаіць, там і шуміць; Тонкая бяроза, ды розуму вучыць.*

5. Словаўтваральная старонка. Ад слова *бяроза* ўтварыліся такія словы, як *бярозка, бярэзіна, бярозавы, бярэзнік, безразняк, бярозавік, падбярозавік.*

6. Гісторыка-міфалагічная старонка. Даўно заўважана, што па знешнім выглядзе няма ў нашых лясах прыгажэйшага дрэва за бярозу. Бяроза ў славянскай міфалогіі ўшаноўваецца як святочнае дрэва.

Яе ўласцівасці – хутка расці і самай першай апрацацца ў зеляніну. Светлая, гнуткая, бяроза-прыгажуня, як і жанчына, валодае сілай, якая надае жыццё, корміць, поіць, лечыць і зачароўвае. Таму яна стала сімвалам жаночага пачатку, адначасова – знакам смерці і новага адраджэння да жыцця. Яна надзялялася ўласцівасцямі спрыяць добраму ўраджаю, прадказваць лёс, надвор'е, лячыць людзей, жывёлу. Гэтае дрэва многія асцерагаліся садзіць каля хат, але і адначасова лічылі, што бяроза на двары прыносіць шчасце людзям. Ствол бярозы нават у гарачыя дні застаецца халодным: белы колер адбівае сонечныя промні. Шмат добрага дорыць бяроза чалавеку. Ніхто не можа аспрэчыць, што лепшыя дровы – бярозавыя. Драўніна ідзе на выраб мэблі, якаснай фанеры, калёс і палазоў у сані.

З бярозы атрымліваюць кіслоты, актывізаваны вугаль. З бярэсты – дзёгаць і сажу для фарбы. Бярозавыя пупышкі і чагу выкарыстоўваюць як лякарства. Бярозавы сок спрыяе ачышчэнню крыві. Бярозавы венік, які выкарыстоўваецца ў лазні, служыць сродкам рытуальнага ачышчэння.

7. Літаратурная старонка. Вобраз бярозы шырока выкарыстоўваецца ў беларускай паэзіі. Згадаем кнігу нарысаў “Бярозка ля кожных варот” А. Пысіна, зборнікі вершаў “Белы бярэзнік” А. Бачылы, “Золак над бярозай” А. Ставера, “Пакуль жыве мая бяроза” С. Законнікава, “Бярозавы вецер” А. Дзеружынскага, “Бяроза на ўзлеску” Р. Хацкевіча, “Святло красавіцкіх бяроз” В. Шымука і інш.

Апавяюць бярозу Н. Мацяш, Р. Баравікова, Д. Бічэль, А. Вялюгін і інш. У Н. Мацяш і ў Р. Баравікавай бяроза – штосьці значнае і надзвычай важнае ў жыцці, яна ўвасабленне радзімы, роднага куточка (*Тваё галлё,*

бяроза, падтрымае, – яшчэ адолец не адну вярсту (Н. Мацяж); Я ў сэрцы захаваю гэты край з бяляваю бярозкай ля парога (Р. Баравікова)). У Д. Бічэль бяроза сімвалізуе сум па недасяжных марах, нерашучасць, адзіноцтва ў жыцці (І адна бяроза – вартаўніца поля. ... Легкадумны вецер між галін смяецца, хоча запалоніць белакосай сэрца. Хоць бярозу вабіць у даль начная зорка, – стыне, не пакіне роднага пагорка), а ў А. Вялюгіна бярозка – сімвал шчаслівага маленства, Радзімы, мар, успамінаў пра былое (І сніцца сон з найлепшых сноў: бярозкі дзіўнае святло).

Са старажытных часоў бяроза – адно з любімых дрэў беларусаў, пра якое складзены песні, загадкі, прыказкі і прымаўкі. Беларускія паэты праз вобраз бярозкі апяваюць прыгажосць нашай Радзімы.

Такім чынам, культурная інфармацыя ў слове мае ўласцівасць назапашвацца: у слове знаходзяць адлюстраванне асаблівасці нацыянальнай культуры і спецыфіка светапогляду беларускага народа. Праца над словам, яго аналіз не толькі актывізуюць маўленчую актыўнасць вучняў І ступені агульнай сярэдняй адукацыі, але і дапамагаюць ім пазнаць і зразумець сябе як прадстаўнікоў беларускага народа.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1: А – Б / В. У. Мартынаў [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – 440 с.
2. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т. Т. 1: А – Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 1993. – 590 с.
3. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т. Т. 2: М – Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 1993. – 607 с.

Ся Чжэньчжун (г. Минск, БГУ)

Научный руководитель – Т. Н. Савчук, доктор филол. наук, доцент

ИРОНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Публицистика выполняет две основные функции: сообщения информации массовому адресату и воздействия на него. Воздействующий потенциал газетно-публицистических текстов способен усиливаться с помощью разного рода языковых средств, прежде всего оценочных. Это объясняется оценочной природой интенсивности: «интенсификация возникает как результат аксиологической интерпретации говорящим действительности и создаваемых им текстов, оценка же не обязательно предполагает усиление, хотя и обладает способностью варьирования в соответствии со значениями шкалы интенсивности» [1, с. 41].

Среди имплицитных средств выражения оценки особое место занимает ирония. Традиционное лингвистическое толкование иронии сводится к ее рассмотрению как стилистической фигуры, связанной с употреблением слова или выражения в противоположном смысле. Согласно словарной дефиниции, ирония – это «троп, заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики. Ирония чаще всего имеет место в высказываниях, содержащих положительную оценку, которую говорящий (пишущий) отвергает» [2, с. 159]. Кроме того, в стилистике ирония традиционно объясняется через понятие насмешки: «ирония – тонкая насмешка, прикрытая внешней учтивостью; этот стилистический прием называется также антифразис» [3, с. 125]. Данные подходы к иронии объединяются в определении, предложенном О. С. Ахмановой, которая рассматривает иронию как «троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [4, с. 185].

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы раскрыть возможности использования иронической оценки для усиления воздействия газетного медиатекста. Объектом анализа являются высказывания, содержащие средства иронической оценки. Предметом исследования выступают структурно-семантические и прагматические особенности иронии в газетно-публицистических текстах. Источником эмпирического материала послужили тексты из русскоязычных белорусских газет «7 дней», «Народная газета», «СБ. Беларусь сегодня».

В результате проведенного анализа было установлено, что ироническая оценка, способствующая усилению воздействия газетных текстов, может быть выражена различными лексическими и грамматическими языковыми средствами. Ироническому переосмыслению чаще всего подвергаются высказывания, в структуру которых входят прилагательные, наречия, существительные, а также устойчивые (фразеологизированные) сочетания слов. Рассмотрим названные типы языковых структур в дискурсивных контекстах.

Для интенсификации воздействия на читателя авторы газетных статей регулярно употребляют качественные прилагательные с положительной оценкой (*великолепный, красивый, смелый, интересный* и т. п.) в противоположном значении. Заметим, что ироническая оценка, как правило, имеет синкретическую семантику: одновременно указывает на отклоняющуюся от нормы степень проявления оцениваемого признака и на его качество. Например: (1) *Стоя 11 сентября 2001 года над пепелищем и наблюдая, как их подчиненные суеются у руин, генералы,*

возможно, пришли к простому выводу. «Нас «зацепило», а вот Белый дом невредим, – вдруг подумали они. – Значит, наш штаб следует расположить именно в Белом доме. Если мы хотим выиграть эту войну!». **Блестящая мысль! И безупречный вывод**, как с точки зрения военной тактики, так и позиций личной безопасности (Пентагон переезжает в Белый дом. 7 дней, 22.03.2018). В (1) прилагательные **блестящий** и **безупречный** актуализируют качественную семантику предиката «хорошо», а также интенсивность качества, высокий степень проявления которого в ироническом контексте усиливает негативное отношение автора к излагаемому факту.

Роль интенсификаторов в иронических оценочных выражениях, функционирующих в текстах газет, выступает ряд наречий меры и степени, таких как: *очень, крайне, чуточку, слишком, весьма* и др. Характеризуемый при помощи усилительных наречий признак воспринимается говорящим как избыточный, превышающий допустимую норму (*довольно честный, немного совестливый, чуточку добросовестный* и т. п.), что иллюстрируется следующим дискурсивным фрагментом: (2) *Что из этого следует? Ровным счетом ничего. У американских политиков есть такая «политическая игра» – нужно что-то у кого-то прикупить за **очень большие** деньги. Собирались же они в конце 1980-х – начале 90-х годов прошлого века приобрести сначала у СССР, а потом России Сибирь за два триллиона долларов. Только есть вероятность, что деньги эти при желании ничего не будут стоить – они могут быть девальвированы в любой момент* (Политическая игра. 7 дней, 29.08.2019). Очевидно, что «очень большие деньги», при определенных условиях, могут превращаться в ничто. Преувеличение мнимого одобрения с помощью интенсификатора *очень*, как представляется, призвано вызывает негативную реакцию читателей и усилить влияние на восприятие ими описанной в (2) ситуации.

Показательно ироническое употребление существительных с положительной оценкой для выражения пренебрежительного, насмешливого отношения к ситуации, объекту сообщения. Это проявляется в приведенных ниже примерах: (3) *А каким **миротворцем** Трамп начинал свою кампанию! Помните: «буду уважать другие страны», «не буду вмешиваться во внутренние дела», «уважаю Путина и могу с ним договориться о чем угодно»? Американский избиратель на это клюнул. И генералы тоже, не зря же они с перепугу потянулись в Белый дом, – чтобы все там контролировать! И, похоже, добились своего* (Пентагон переезжает в Белый дом. 7 дней, 22.03.2018). Иронический подтекст в (3) обеспечивается использованием положительно заряженного существительного *миротворец* в значении, противоположном исходному: имя *миротворец* в данном случае обозначает не миролюбивого человека, а,

напротив, человека, которые не стремятся к сохранению мир. (4) В *Большом зале Дворца Республики никаких вибраций нет, а есть только микрофоны, издающие шип. И вот за этим шипом и треском, как за толстым и мутным стеклом аквариума, свершалось чудо оперного пения* (Послесловие к концерту Анны Нетребко и Юсифа Эйвазова в Минске. СБ, 14.02.2018). В (4) насмешливое отношение ситуации достигается за счет иронического употребления субстантива *чудо*. Журналист стремится усилить воздействие на читателя путем активизации эмоционального канала восприятия информации. Как отмечают исследователи, в политическом дискурсе ирония не только делает речь более экспрессивной, но также позволяет автору сообщения выразить свою позицию по различным вопросам за счет психологического воздействия на сознание целевой аудитории, что, в свою очередь, дает возможность трансформировать ее взгляды и способствует принятию определенной точки зрения [5].

Основу для антифразиса в печатных медиатекстах нередко составляют фразеологизмы. Приведем несколько примеров. (5) *В советские дни билет на Рихтера был, как черная икра: вроде и недорого, а попробуй достань! В наши дни билет на Анну Нетребко, как черная икра: очень дорого!* (Послесловие к концерту Анны Нетребко и Юсифа Эйвазова в Минске. СБ, 14.02.2018). Данный текстовый фрагмент демонстрирует использование иронического сравнения. Объектом сравнения служит выражение *черная икра*. При этом задействованы разные признаки сравнения, актуальные для определенного культурно-исторического контекста. Привлекаются фоновые знания читателя: в первом высказывании *черная икра* связывается с признаком 'редкий, дефицитный продукт', во втором высказывании актуализируется другой признак этого продукта – 'дороговизна'. Оба предложения имеют одинаковое синтаксическое строение. Структурный параллелизм сочетается с антитезой, основанной на контекстуальной антонимии. Это приводит к усилению контраста ситуации и увеличивает иронический эффект. (6) *Сегодня же военное ведомство возглавляет генерал по кличке Бешеный пес. Заметьте, так его прозвали собственные сослуживцы и задолго до того, как он стал министром обороны. Как же его теперь-то величать?! Наверное, первой ласточкой. Или первым ястребом, ибо за ним в высшие эшелоны власти последовали и другие вояки* (Пентагон переезжает в Белый дом. 7 дней, 22.03.2018). Фразеологизм *первая ласточка* с положительной оценкой в контексте (6) используется автором иронично (на это указывает употребление в следующей фразе модифицированного выражения – *первый ястреб*). Такое построение высказывания усиливает запланированный прагматический эффект.

Как показал анализ, в газетной публицистике ирония служит важным средством интенсификации воздействия на массового читателя. Эффективность такого воздействия обеспечивается благодаря имплицитной оценочности иронии. Это позволяет авторам газетных текстов выражать критическое отношение к описываемым объектам, событиям, реалиям в неявной форме и, таким образом, усиливать эмоционально-психологическое воздействие на читательскую аудиторию.

Список использованной литературы

1. Иванча, А. В. Адъективная интенсификация в неблизкородственных языках : на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. В. Иванча. – Саратов: [б. и.], 2012. – 319 с.
2. Скребнев, Ю. М. Ирония / Ю. М. Скребнев // Русский язык : энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук; гл. ред., [авт. предисл.] Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл. : Изд. дом Дрофа, 1997. – 703 с.
3. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский ; науч. ред. и сост. И. Б. Роднянская. – М. : Совет. энцикл., 1966 – 376 с.
4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 571 с.
5. Празян, Н. О. Лингвокогнитивные и прагматические основы использования метафоры и иронии в английском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. О. Празян – М. : [б. и.], 2011. – 20 с.

А. С. Фурсевіч (*г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна*)

Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

ДАКУМЕНТАЛЬНА-МАСТАЦКАЯ АПОВЕСЦЬ ЯРАСЛАВА ПАРХУТЫ “АДЗІНЕЦ”

Аповесць Яраслава Пархуты «Адзінец» напісана ў рэчышчы дакументальна-мастацкай прозы, якая ў беларускай літаратуры займае значнае месца. У аснову твора пакладзена драматычная гісторыя жыхара Берасцейшчыны Івана Бушылы, які стаў ахвярай пасляваенных рэпрэсій. Па сведчанні аўтара, пісалася аповесць са студзеня па ліпень 1990 года пасля таго, як «Тэлеграфнае агенцтва Беларусі распаўсюдзіла паведамленне, што перавысіў рэкорд вядома Рабінзона Круза жыхар вёскі Бастынь Лунінецкага раёна Іван Васільевіч Бушыла. Гэтымі днямі ён паявіўся ў роднай вёсцы пасля 42-гадовага пражывання ў глухім лесе ў поўнай адзіноце» [1, с. 74]. У своеасаблівай прадмове да твора аўтар паведамляў і пра тое, якую рэакцыю ў грамадстве выклікала вяртанне палескага «Рабінзона»: «На Палессе кінуліся газетчыкі розных рангаў, радыёрэпарцеры, фотакоры, тэлежурналісты. Нараджалася сенсацыя года» [1, с. 74]. Усіх вельмі цікавіла, што ж здарылася з гэтым чалавекам на

самай справе, што прымусіла пайсці на такі крок, чаму ён аказаўся адарваным ад людзей і як змог пражыць столькі часу адзінцом у лесе, адзін на адзін з дзікай прыродай.

Сюжэтную аснову аповесці складае аповед самога Івана Бушылы пра сваё жыццё. Гэта своеасаблівы дзённік героя, які прадстаўляе падзеі па гадах. У час Вялікай Айчыннай вайны Івану давялося служыць на Першым Беларускам фронце пад камандаваннем Г. К. Жукава. А паколькі пасля вайны ён быў залічаны ў ворагі народа, такі ж лёс чакаў і яго падначаленых, што высока цанілі военачальніка. Іван Бушыла ў размове з энкэвэдэшнікамі заявіў, што паважае Жукава і лічыць яго добрым палкаводцам. Гэта стала пераломным момантам у жыцці героя: *«З таго дня і пакацілася жыццё мая цераз пень-калоду»* [1, с. 76]. Ратуючыся ад арышту, Івану давялося ўцякаць у лес. Не мог і падумаць чалавек, што больш за чатыры дзесяцігоддзі будзе вымушаны хавацца ад праследаванняў улады, што палявала за ім, як за зверам. З-за няўлоўнага Бушылы былі арыштаваны і высланы яго брат і швагер, адзін з іх вярнуўся хворым, другі – загінуў у чужой старане.

Цяжка было Івану прыстасавацца да новых умоў жыцця: *«Я гатовы быў сам сабе даць у морду. Якая легкадумнасць! Калі ты запісаўся ў лясныя тулягі, то дзе тады твой тапорык? Дзе піла? Хаця б нажовачка. Дзе чыгунок? І дзе тое, што ў тым чыгунку варыць?»* [1, с. 83]

Заканамерна, што чалавека фарміруе асяроддзе, у якім ён знаходзіцца. Згадваецца Маўглі з твора Джозэфа Рэдзьярда Кіплінга, калі маленькага хлопчыка, што згубіўся ў джунглях, прыняла ваўчыная зграя. Ён вымушаны быў засвоіць закон джунгляў: кожнае імгненне трэба змагацца за жыццё і супрацьстаяць ворагам. Паступова хлопчык стаў моцным і знаходлівым, навучыўся разумець мову птушак і звяроў, спрытна паляваць і пераадольваць любыя перашкоды. Івану Бушыле, хоць быў ён ужо сталай асобай са сфарміраванымі звычкамі, характарам і вобразам жыцця, таксама давялося прыстасоўвацца, што абумовіла пэўныя змены ў яго паводзінах: *«Аднойчы ўбачыў у прылессі на поплаве атарку авечак. Мне ажно скаланула ўсяго. Як тая ваўчына, стаў падкрадацца»* [1, с. 87]. Але ўвогуле гэты чалавек выжываў, не шкодзіўшы іншым. Апынуўшыся ў адзіноце, Іван стаў больш думаць і разважаць пра ўзаемаадносіны з прыродай, вучыўся ў яе: *«Недзе падсвядома разумеў, што калі буду вельмі вытыркацца, дзе трэба і дзе не трэба наказваць, што я вышэй за прыроду, то яна аднойчы можа і паўстаць у сваю абарону, і адпомсціць самай страшнай помстаю. Гэта маё правіла потым не раз ратавала мяне»* [1, с. 85]. Складана было Івану прывыкнуць жыць без людзей: *«Горш было з адзінотай. Камнем гняла душу. Поедам душу ела. Неяк заўважыў, што размаўляю сам з сабою. Здзівіўся: ці не вар'яцею?»* [1, с. 91]; *«Па-*

ранейшаму жыў трудна. І не таму, што, як той казаў, было і няўезжна, і няўлежна. Вельмі давала аб сабе знаць адзінота» [1, с. 129]. Крыўдна было чалавеку разумець: «Я ж мог таксама, як гаворыцца, сярод людзей і жыць-пажываць, і добра нажываць, і дзетак гадаваць ды радасцю чалавечай радавацца. А не далі. І, відаць, да скону не дадуць» [1, с. 180].

Трапляючы ў экстрэмальныя сітуацыі (на працягу дзесяцігоддзяў на яго палявалі энкэвэдэшнікі), вымушаны быў Іван звяртацца да Бога: «Божухна! Калі ты ёсць на свеце, то чаму не абароніш чалавека? Чаму не паставіш на правільную дарогу? Чаму не паможаш у бядзе? А мо ты не ўсім пасабляеш? Мо толькі абраным? Мо толькі тым, хто моліцца табе? Я ж ніколі не маліўся табе. Хіба ў дзяцінстве. Калі маці прыводзіла нас, малых, да абразоў і прасіла паўтараць за ёю незразумелыя нам словы... Не звяртаўся да цябе і потым, нават на вайне <...> Зараз я быў на мяжы адчаю <...> Аднойчы бытта ўваскрэс: пачаў успамінаць словы матчынай малітвы. І ўспомніў усю. Прамаўляў словы матчынай малітвы і адчуваў: на душы лягчэла» [1, с. 128]. Прызнанне героя засведчыла, што адзінота, жыццё на ўлонні прыроды спрыяла яго духоўнаму празрэню, уваскрашэнню яго душы. Чалавеку было дадзена прайсці духоўны шлях ад сумненняў і прэтэнзій да пазнання Бога і адчування яго падтрымкі.

Іван зрэдку меў сувязь з роднымі, з лесніком, таму быў у курсе грамадскіх спраў: «З газет вынікала, што ў нас такое жыццё настала – лепшага і не трэба. Рай! Ва ўсіх заметках пісалася: ішчасце даў Іосіф Вісарыёнавіч – вялікі правадыр і друг усіх народаў. Аднак падчас сустрэч з дзедам Барысам, з Паўлам чуў іншае: сяляне гібеюць, клянуць Сталіна. Хто бо не пайшоў у калгас, дабіваюць падаткамі. А хто уступіў у тую камунію, таго толькі працаваць прымушаюць» [1, с. 121]; «...Ужо чацвёрты год краінай кіраваў Хрушчоў. Я сачыў за тым яго кіраўніцтвам на газетах, і напачатку ён мне імат у чым імпаваў. Прасцецкі бытта, свойскі, не фанабэрысты... Гэтак удала разаблачыў Сталіна! А міналі гады, і ў маёй душы закрадалася сумненне» [1, с. 162]. Такія ўспаміны героя з'яўляюцца дакументам-сведчаннем аб савецкай сістэме кіравання, калектыўнай форме гаспадарання і інш.

Ёсць у аповесці таксама ўспаміны аднавяскоўцаў і родзічаў Івана Бушылы аб Бастыні і бастынцах: «Вёска Бастынь яшчэ ў XIX стагоддзі мела некалькі двароў. Але ніякай школы тут не было <...> Першая бастынская школа (царкоўна-прыходніцкая) адкрыта ў 1865 годзе...» [1, с. 206]; «Калі калгас “Ленінскі шлях” прыняў Лышчык Мікалай Мітрафанавіч, дзевяты па ліку старшыня, бастынцы здзівіліся: як рызыкнуў на такое? Гаспадарка амаль за сорок гадоў свайго існавання залезла па вушы ў даўгі» [1, с. 274]; «У Афганскай вайне прымала ўдзел і пяць ураджэнцаў вёскі Бастынь...» [1, с. 273]. Некаторыя ўспаміны

звязаны з ваенным ліхалеццем і з узаемадносінамі вяскоўцаў: *«Адносіны паміж нашымі людзьмі заўсёды былі складанымі <...> У нас яшчэ паказка хадзіла: у Бастыні калі не заб'юць, то спяляць. І забівалі, і палілі. Я не кажу пра гітлераўцаў. Сусед на суседа ішоў!»* [1, с. 191]. Ёсць аповеды і аб пошуках Бушылы-«адзінца»: *«Аднойчы ўладкаваліся на пастой да мяне таварышы з міліцыі <...> Неяк следчы Крашчык просіць: сачы, хто што падазронае купляць будзе... І вось Цяльпук Наталля бярэ ватнікі. У яе ж, думаю, мужа няма, сын у войску... Ага. Купіла і перадала мані Радзюкевіч. А чуткі хадзілі, што Манін муж, якога ўсе Галачом клікалі, у адной кампаніі з Бушылам...»* [1, с. 129].

У твор шырока ўключаны дакументальныя матэрыялы з гісторыі вёскі Бастынь. Гэта і пэўныя пратаколы пасяджэння калгаса: *«Слухалі прапанову аб выдачы бульбы калгаснікам авансам па 8 кг на працадзень. Пастанавілі: устрымацца...»* [1, с. 102]; і следчыя паказанні жыхароў вёскі, як, да прыкладу, паказанне П. С. Зылевіча ад 1 верасня 1953 года: *«Бушыла Іван, баючыся адказнасці за ўчыненнае хуліганскае дзеянне, пайшоў у лес і ўліўся ў банду, якая ў той час была ў бліжэйшых лясных масівах...»* [1, с. 147]; і вытрымкі з перыядычных выданняў: *«Жыхар в. Бастынь Мікалай Пятровіч Цяльпук служыў у царскай арміі на Балтыйскім флоце. Дэмабілізаваўся і ўладкаваўся на Пуцілаўскі завод. Каб Мікалай не мог весці ніякай прапаганды, улады арыштавалі яго. Удалося ўцячы. Хаваўся паблізу Бастыні, ва ўрочышчы Грычын. Вяскоўцы, як маглі, падтрымлівалі яго»* (з карэспандэнцыі райгазеты «Ленінскі шлях») [1, с. 200] і інш.

У аповесці сустракаем такія тапаграфічныя найменні, як Лунінец, Вялута, Замошша, Бастынь, Белае і Чорнае азёры, рэчка Цна, згадваюцца назовы балотаў, урочышчаў, лясных масіваў: Бор, Хралёва, Задне, Камлашня і інш.

Яраслаў Пархута не аднойчы наведваўся да свайго героя на яго радзіму, працуючы над аповесцю, сустракаўся і пазней, калі аповесць была ўжо закончана. Уражваюць і шмат аб чым прумушаюць задумацца словы Івана Бушылы, якімі заканчваецца твор: *«Вярнуўся да вас, да людзей, а вы – як павукі ў банцы! Хоць ты назад уцякай!... »* [1, с. 285].

Аповесць «Адзінец» – гэта своеасаблівы храналагічна пабудаваны дакумент-сведчанне аб грамадска-палітычнай атмасферы другой паловы XX стагоддзя, аб ахвярах сталінскіх пасляваенных рэпрэсій Бастыні Лунінецкага раёна, аб гісторыі вёскі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Пархута, Я. Адзінец / Я. Пархута // Жальба жытняга коласа: Кніга падарожжаў / Я. Пархута ; маст. А. Александровіч. – Мінск : Полымя, 1993. – 447 с.

А. Хемляева (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
 Научный руководитель – А. А. Посохин, старший преподаватель

РОЛЬ ИНТОНАЦИИ В ВЫРАЖЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

При изучении бессоюзных сложных предложений важным является навык определения роли интонации в частях бессоюзного сложного предложения.

Совместно с лексико-грамматическими средствами и порядком слов интонация выражает ряд специфических смысловых характеристик высказывания: целевую (тип вопроса, утверждения, побуждения), коммуникативную – тип ремы, старое / новое, сопоставление, модальную (та или иная оценка сообщаемого) и т. д. Одновременно интонация осуществляет членение текста на предложения и синтагмы и указывает на положение частей внутри целого (сигналы завершенности / незавершенности).

В БСП употребляются те же интонационные конструкции, что в простом и сложном предложениях. Существенно отметить употребление следующих типов ИК.

ИК-1 и ИК-2 в простых, в сложноподчиненных предложениях и в БСП оформляют части, требующие распространения: *Передача для школьни^{1/2}ков / «Есть ли жизнь на других плане¹тах» / в четырнадцать часов⁶ / двадцать минут¹* (здесь и далее обозначением типа 1/2, 3/6 показывается возможность выбора одной из ИК); *После окончания спектакля² / позвони³ мне!; Отец² их, / библиофил и знаток рукописей³, / составил исключительное собрание; Дом² отдыха, / куда мы поедem³, / стоит на берегу моря; Решение тако^{1/2}е: / закончить строительство в этом году¹*. Посредством ИК-1 или ИК-2 говорящий заостряет внимание слушающего на той части предложения, которая требует распространения, и тем самым усиливает ее смысловую нагрузку, а необходимость распространения служит сигналом продолжения высказывания, что обычно является функцией интонации незавершенности (ИК-3, ИК-4, ИК-6) [1, с. 651].

ИК-3 (реже ИК-4, ИК-6) является сигналом того, что высказывание будет продолжено – будь то вопрос, часть простого, сложного предложения или бессоюзного сочетания: *Сможешь³ завтра приехать?; Если сможешь³ завтра приехать, / приезжай; Сможешь³ завтра приехать, / приезжай¹* [1, с. 651].

Различительные возможности интонации в союзных сложных предложениях чаще всего сводятся к усилению или ослаблению значений, выражаемых союзом и смысловым взаимодействием частей. В БСП возможности интонации шире. Интонация может быть средством усиления

какого-либо оттенка в пределах значения, выражаемого синтаксическим взаимодействием частей. Это область наибольшего сближения возможностей интонации сложного предложения и БСП. Если синтаксическое строение и лексический состав первой части содержат две возможности смыслового взаимодействия с последующей частью, то интонация становится единственным средством разграничения потенциальных значений бессоюзного сочетания, например взаимообусловленности действий и их последовательности. При этом одно из бессоюзных соединений предложений соотносится со сложным предложением, другое составляет относительно законченную часть текста. Эти возможности интонации присущи лишь БСП: в их сфере проходит граница между синтаксисом предложения и синтаксисом текста [1, с. 654].

Таким образом, интонация в БСП интонация играет значительную роль, так как она является средством усиления какого-либо оттенка в пределах значения, выражаемого синтаксическим взаимодействием частей.

Анализ смысловых отношений и наблюдения над интонацией в БСП связываются в школе с изучением употребления знаков препинания: после сообщения кратких сведений о БСП школьный учебник излагает пунктуационный материал, группируя его по знакам препинания.

Определение роли интонации в БСП вызывает у учащихся затруднения, а допускаемые ими ошибки имеют свою специфику. Объясняется это тем, что части БСП, входящие в его состав, легче обнаруживаются: они более самостоятельны и синтаксически полноценны, более четко выделяются интонацией. Сравнительная легкость определения границ частей предложения не снимает трудностей в интонировании и в пунктуации бессоюзных сложных предложений. Ошибок бывает много, и они однотипны – как в выборе знаков препинания, так и в интонировании.

Выполнение специальных синтаксических упражнений, связывающих интонационное оформление предложения с пунктуационным, готовит детей к овладению правильной пунктуацией. Одновременное наблюдение над интонацией и пунктуацией облегчают анализ текста художественного произведения. Такие наблюдения могут быть связаны с уточнением структуры и смысла читаемого текста.

Нами разработан дидактический материал по теме «Интонация в БСП», а также технологическая карта учебного занятия «Интонация в БСП», который можно использовать на уроках русского языка в средней школе, а также на занятиях по современному русскому языку.

Для работы над интонацией в БСП могут использоваться разнообразные упражнения: 1) на определение смысловых отношений в БСП; 2) на употребление знаков препинания в БСП; 3) на работу с интонационной разметкой; 4) на построение схем в БСП; 5) на синтаксический разбор БСП.

Свободное понимание смысловых отношений, интонации в БСП приходит не сразу. Оно предполагает вдумчивую работу над разнообразными текстами с БСП.

Таким образом, усвоение БСП, умение определять роль интонации в выражении грамматического значения БСП расширяет понимание учащимися особенностей БСП, формирует у учащихся представления о синтаксисе и пунктуации как системе.

Список использованной литературы

1. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.), Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко [и др.] ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1980. – Т. 2 : Синтаксис. – 709 с.

С. С. Хуммедов (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – Л. Н. Грицук, старший преподаватель

ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Тема «Причастие» является одной из самых важных, трудных в русском языке, ведь без хорошего знания причастия невозможно изучение и усвоение синтаксиса простого предложения, успешное овладение навыками письменной и устной речи.

Причастие – гибридная глагольно-адъективная форма, которую в школьной традиции Республики Беларусь рассматривают как особую глагольную форму. Причастия соединяют признаки глагола и прилагательного, выражая значение процессуального признака предмета. При изучении темы «Причастие» учащиеся должны усвоить значительное количество грамматических понятий и определений.

Цель курсовой работы состоит в разработке теоретико-методических положений по изучению причастий на уроках русского языка в средней школе. Задачи: определить роль причастия в системе частей речи; выявить особенности изучения причастия на уроках русского языка в средней школе.

Актуальность работы обусловлена: во-первых, трудностью усвоения учащимися причастия как атрибутивной формы глагола, объединяющей признаки глагола и прилагательного; во-вторых, необходимостью создания условий для эффективного усвоения учащимися знаний о причастиях, их образовании, правописании, употреблении в речи. А также необходимо отметить: актуальность работы заключается и в том, что причастие – одна из самых сложных тем на уроках русского языка, и при ее изучении возникает множество сложностей.

Причастия – уникальные по своим морфологическим свойствам слова. В науке нет единой точки зрения на принадлежность причастия

к определённой части речи. Отношение причастия одновременно к глаголу и прилагательному способствовало тому, что учёные по-разному определяли его место среди частей речи [1].

В главе первой «Ознакомление школьников с темой «Причастие» было рассмотрено изучение данной темы в Учебной программе по учебному предмету «Русский язык» [2], а также вопрос подготовительной работы перед изучением темы «Причастие». В Учебной программе по учебному предмету «Русский язык» для VII класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения за 2020-2021 учебный год на тему «Причастие» отводится 11 часов.

В главе второй «Изучение причастия в 7 классе средней школы» рассмотрены методы и приемы, используемые при изучении темы «Причастие». Подготовлена Методическая разработка программного материала. Разработаны уроки по изучению темы «Причастие».

Для лучшего усвоения материала предлагаем использовать следующие приёмы объяснения: мотивация (заинтересовать учащихся в изучении темы); беседа (по картинкам); рассказ учителя о причастии по картинкам; самостоятельное чтение лингвистического текста; проблемные вопросы и ситуации; составление опорного конспекта, схемы.

Были сделаны следующие заключения. Тема «Причастие» очень трудно дается учащимся. Одним из самых сложных вопросов для семиклассников, впервые приступающих к ее изучению, является вопрос о различении причастных оборотов и словосочетаний с причастием в роли зависимого слова. Учащиеся то и дело путают такие понятия, как «определяемое слово» и «зависимое слово», зачастую не видят места, занимаемого причастным оборотом по отношению к определяемому слову (особенно в тех случаях, когда они отдалены друг от друга). Здесь сказывается и слабое владение грамматическими понятиями и признаками, являющимися основой правила выделения причастных оборотов, и плохая отработка интонационных навыков вследствие неудовлетворительной техники беглости и выразительности чтения.

Вторая трудность при изучении данной темы – правописание суффиксов и окончаний причастий.

В результате проведённого исследования были сформулированы следующие выводы:

1. В данной работе была изложена общая характеристика причастий и рассмотрены разные подходы к определению этой части речи.
2. Выяснилось, что причастие – уникальный класс слов по своим морфологическим свойствам.

3. Причастие – древняя часть речи, наследие старославянского языка, большинство причастий продуктивны.

4. Существуют различные взгляды на классификацию причастия. С одной стороны, оно обладает типичными глагольными свойствами, с другой, оно способно согласовывать обозначаемый им признак с любым грамматическим предметом, следовательно, сближается с именем прилагательным.

5. Причастия могут переходить в другие части речи – имя существительное и имя прилагательное, причём часто приобретают омонимичное значение.

6. Семантическая специфика причастий тесно связана с его морфологическими и семантическими особенностями.

Причастия – трудная для школьников языковая категория. Являясь принадлежностью книжной речи, они почти (если не совсем) не встречаются в бытовой речи, дети не усваивают их до школы. Поэтому при изучении причастий особо необходимо обогащать причастиями словарь учащихся, вводить причастия не только в пассивный, но и в активный запас речи школьников.

Список использованной литературы

1. Ачилдиева, Н. Б. Грамматическая природа причастий // XIII Виноградовские чтения: сб. науч. трудов Междунар. научно-практич. конф. / отв. ред.: Н. М. Миркурбанов, ред. кол.: Н. М. Петрухина, Е. А. Лагай, Е. Н. Макарова. – М.: Изд-во МГУ, 2017. – 346 с.

2. Учебная программа по учебному предмету «Русский язык» для VII класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3803-russkij-yazyk.html>. – Дата доступа: 16.05.2021.

Д. В. Цырыльчук (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В АССОЦИАЦИЯХ НА ТЕРМИНЫ РОДСТВА

Экспериментальный метод в лингвистике начал применяться только в XX веке, но его популярность и значимость трудно переоценить. Одним из первых экспериментаторов был гениальный лингвист Л. В. Щерба, который даже посвятил статью обоснованию экспериментального метода [1]. В частности, наиболее эффективным способом исследования языкового сознания и его национально-культурной специфики признан ассоциативный

эксперимент, поскольку он демонстрирует объективно существующие в психике носителя языка связи слов, языковые стереотипы, особенности мировосприятия, систему ценностей участников опроса.

Материалом для нашего исследования послужил «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю. Н. Караулова [2] (далее РАС) в электронной версии. Ассоциативный опрос для РАС проводился в три этапа с 1986 по 1997 год. Словарь позволяет учитывать гендерные различия. Рассмотрим различия в мужских и женских реакциях на термины родства.

В РАС зафиксировано 507 реакций на слово *мама*: 161 мужская и 346 женских. И у мужчин, и у женщин этот стимул ассоциируется в первую очередь со словом *папа* (19,3 % у мужчин и 13 % у женщин), то есть самая частая реакция – парадигматическая. Но все остальные относительно частые женские реакции (выше 3 %) оказались синтагматическими: *моя* (10,4 %), *родная* (9 %), *любимая* (8,7 %), *милая* (7,8 %), *добрая* (5,5 %).

Среди частотных мужских реакций оказались слова *родная* (8,1 %), *моя* и *любимая* (по 5,6 %), *добрая* и *дорогая* (по 3,1 %). Но и ассоциация по смежности *дом* у мужчин оказалась довольно регулярной: 3,7 %, хотя у женщин всего 1,2 %. Как оказалось, мужчины гораздо реже используют слово *милая* (1,2 %; в 6,3 раза реже, чем женщины), зато несколько чаще – прилагательное *дорогая* (3,1 %; у женщин 2,6 %).

Судя по первой реакции (*папа*), более стандартными могут показаться ответы мужской части испытуемых. Однако пятерка самых частых реакций у женщин составляет 48,8 %, а у мужчин – только 42,2 %. Среди единичных реакций у женщин много эмоциональных эпитетов (19): *единственная* (2), *близкий человек*, *добрая и ласковая*, *доброта и нежность*, *любимая добрая*, *милое*, *моя любимая*, *нежная*, *прелесть*, *приятное*, *радость* = *нежность* = *теплота*, *сердечная любовь*. В 6 случаях используется сложная форма превосходной степени: *самое дорогое*, *самая дорогая*, *самая родная*, *самая хорошая*, *самое важное*, *самое лучшее в мире*.

У мужчин эмоциональных реакций существенно меньше (6): *самое дорогое*, *самая*, *самый любимый человек*, *что-то светлое*, *что-то теплое*, *чудо*. Мужчины чаще используют устойчивые выражения: *Одесса-мама*, *еврейская мама*, *мама мыла раму* (и 2 ответа *мыла*), *милая мама* = *как тебя я люблю* (*песня*). У женщин только один отклик *мыла*.

На стимул *мать* реакций несколько больше – 536 (169 мужских и 367 женских). Слово *мать* прежде всего ассоциируется со словом *отец*: у мужчин 14,2 %, у женщин 11,2 %. То есть самая частая реакция – парадигматическая. А вот парадигматические реакции *дочь* и *сын* встречаются относительно редко и больше характерны для женщин: 2,5 % *дочь* (у мужчин 0,6 %); 0,8 % *сын* (у мужчин отсутствует, есть одиночная реакция *и дочь, и сын*).

На втором месте по частоте реакция *родная* – 11,9 %: у мужчин 10,6 % (и единичная *моя родная*), у женщин 12,5 % (и еще единичные *родную, моя родная*).

У женщин мы можем увидеть больше реакций с эмоциональными словами: *любимая* (4,6 % – у мужчин 1,78 %), *хорошая* (1,6 % и 1,1 %), *дорогая* (1,9 % и единичное *дорогой*; у мужчин отсутствует), *единственная* (0,8 %, у мужчин отсутствует), по 2 *мамочка, нежность*, единичные *все самое хорошее, лучшая, лучшее= что есть на свете, добрая=ласковая, мама милая, нежная, любимый, любимый мне человек, люблю, идеал* и др. Тем не менее, часть мужских реакций отражает теплые чувства к матери: *ласковая, милая, счастье, кровинушка*. Реакция *моя* у женщин встречается вдвое чаще: 8,2 % и 4,1 % (в среднем 6,9 %; у женщин еще 0,8 % *моя мама*). Реакция *добрая* у женщин зафиксирована в 4,1 % случаев (и единичные *добра, доброта, большой доброты*), у мужчин всего 1,2 %.

У мужчин гораздо регулярнее оказались реакции *героиня* (5,3 %, у женщин 1,4 %), *Родина* (4,1 %, у женщин 1,6 %).

Стоит отметить, что бранное выражение *мать твою* у мужчин встречается чаще, чем у женщин (5,9 % и 0,8 %).

На стимул *папа* реакций 521, из них 168 мужских и 353 женских. Самая частая реакция у мужчин и женщин – слово *мама* (у женщин 19,3 %, у мужчин 23,8 %), она является парадигматической. Остальные относительно частые реакции женщин синтагматические: *мой* (9,1 %), *любимый* (4,5 %), *добрый* (3,7 %). У мужчин преобладают следующие реакции: *мой* (5,4 %), *отец* (5,4 %), *хороший* (3,6 %).

Реакции в виде устойчивых сочетаний, штампов незначительны как у женщин, так и у мужчин: *папа на работе* (у мужчин 0,6 %, у женщин 0,9 %), *папа и мама* (у мужчин 0,6 %, у женщин 0,6 %). Реакция со словом *Карло* у мужчин встречается в 3 раза чаще, чем у женщин (мужчины 1,8 %, женщины 0,6 %).

Среди одиночных реакций у женщин преобладают качественные прилагательные: *весёлый, сильный, близкий, вредный, злой, любименький, молодой, прекрасный, смелый, справедливый, угрюмый*. У мужчин, в свою очередь, преобладают слова, обозначающие близость и родство: *друг, дядя, батя, молодой мужчина, родич, тёща, человек*.

Общее количество реакций на слово *отец* – 644 (206 мужских и 438 женских). Самая частая реакция парадигматическая – слово *мать*: у мужчин 18 %, у женщин 16 %. Как и для стимула *мать*, мужчины демонстрируют несколько большую стандартность мышления. Парадигматическая реакция *сын* частотнее, чем на стимул *мать*: у женщин 2,7 %, у мужчин 3,9 %. Остальные частотные реакции являются синтагматическими.

На втором месте ассоциация *родной* (по 10,1 %; в РАС у женщин 10,7 %, у мужчин 8,7 %). На третьем – ассоциация *семейства* (у женщин 5,9 %, у мужчин 4,9 %). Реакция *мой* на четвертом месте (у женщин 5,9 %, у мужчин 3,9 %). Среди одиночных реакций, особенно среди женских, много абстрактных существительных с положительной коннотацией: *радость, уважение, гордость, доверие, тепло, жалость, мужество, справедливость, твердость, святое, опора, защита*. В то же время среди одиночных реакций у мужчин зафиксированы глаголы с отрицательной коннотацией (*пьёт, гуляет, курит, сел, убежал, бросить*), существительные *алкоголик, пьяница* (по 2), *беглец, вредный, гад, дурак, подлец, злой, злость*.

Таким образом, женщины гораздо эмоциональнее воспринимают термины родства: на слова *мать* и *мама* у женщин намного больше реакций с эмоциональными словами (*любимая, дорогая, мамочка, люблю* и др.). На слово *папа* среди женских реакций преобладают качественные прилагательные (*весёлый, сильный, близкий, вредный, любименький* и др.), а у мужчин – слова, обозначающие близость и родство (*друг, дядя, батя, молодой мужчина, родич* и др.). На стимулы *мама, отец* у мужчин чаще встречается реакция *дом*, у женщин на слово *отец* реакция *родной* частотнее.

Мужчины гораздо грубее и чаще выражают негативные эмоции, что особенно заметно в ассоциациях на слова *мать* (бранные выражения) и *отец* (глаголы типа *пьёт, гуляет, убежал*, существительные *алкоголик, пьяница, гад, дурак, подлец* и др.).

Ассоциативные тесты способны показать как индивидуальные различия респондентов, так и социокультурные различия между группами людей. Они наглядно показывают, как окружающая коммуникативная среда формирует ассоциативную систему человека, а значит, вторгается в его мировосприятие.

Список использованной литературы

1. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – 24 с.
2. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/index.php>. – Дата доступа: 09.02.2021.

А. Д. Чаплыгина (г. Тула, ТГПУ имени Л. Н. Толстого, Россия)
*Научный руководитель – Ж. Е. Фомичева, канд. филол. наук,
профессор*

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «ТЕКСТ» В ДИСЦИПЛИНАХ, СВЯЗАННЫХ С ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ ТЕКСТА

Текст является одним из центральных и основополагающих понятий современных лингвистических исследований, а также одним из наиболее часто используемых терминов гуманитарных наук в целом.

Во многом благодаря данному факту терминологической точностью данное понятие не обладает – несмотря на четко прослеживаемое наличие общих черт в его рассмотрении, каждая отдельная научная дисциплина, использующая термин «текст», стремится дать ему свое определение, соответствующее её целям, задачам, методам исследования.

Ученые разнятся во мнении, что именно считать «текстом». Так, выдающийся отечественный литературовед, филолог и семиотик Ю. М. Лотман полагает, что «текст» может иметь довольно широкую трактовку. По его мнению, музыкальные и художественные произведения (симфонии, картины, скульптуры и т. д.) также являются примерами текста. В философии ученого текст представляет собой организованную и структурированную систему, являющуюся средством коммуникации, для успешного осуществления которой используются определенные знаки. В свою очередь, другой выдающийся советский лингвист, И. Р. Гальперин, полагал, что текстом может являться только произведение в письменной форме [1, с. 123]. Его взгляды частично разделяла также З. Я. Тураева, автор одного из первых отечественных пособий по лингвистике текста [2, с. 56].

В данной статье речь пойдет об определениях понятия «текст» в связанных с его интерпретацией языковедческих дисциплинах, а именно, в лингвистике текста, коммуникативной стилистике и стилистике декодирования.

В. Е. Чернявская, известный российский ученый-лингвист, специалист в области лингвистики текста, делает акцент на том, что, с точки зрения содержания текст – это единое целое, структурированное определенным образом и характеризующееся расположенностью к интерпретации [3, с. 48].

В свою очередь, другие отечественные представители лингвистики текста Е. А. Гончарова и И. П. Шишкина считают, что к основной характеристике текста следует отнести завершенность. По их мнению, «текст» – это поддающийся интерпретации набор языковых знаков.

Благодаря семантико-смысловому взаимодействию внутри этих знаков создается некое структурированное единое целое. Более того, текст считается самостоятельным речемыслительным произведением с особыми пропозициями и темами [4, с. 143].

Таким образом, согласно данным исследователям текста, понятие «текст» обладает выраженной структурой и характеризуется расположенностью к интерпретации представленных в нем языковых знаков.

Н. С. Болотнова, представляющая направление «коммуникативная стилистика», изучает свойства понятия «художественный текст». Исследователь полагает, что текст можно считать художественным только при условии наличия в нем определенных художественных особенностей, иначе говоря, изобразительно-выразительных средств языка: принципов выдвигания, тропов, повторов, и иных стилистических приемов, так как используя их, автор преследует исключительно эстетическую цель. Второй характеристикой текста, с точки зрения данного автора, является направленность на читателя. Таким образом, текст может быть рассмотрен как форма коммуникации [5, с. 198]. Автор также делает акцент на том, что человек способен воспринять лишь информацию, находящуюся в рамках его языкового и культурного опыта, таким образом, одно и то же произведение каждый читатель будет интерпретировать по-своему.

В контексте положений теории коммуникации, многие ученые отмечают, что понятию «текст» принадлежат не только субъективные характеристики, но также и свойство вербализации авторского замысла [6, с. 65; 7, с. 74; 8, с. 25]. Таким образом, текст – это "возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания", "коммуникативно-направленное вербальное произведение" [7, с. 68].

С точки зрения стилистики декодирования, центральным и признаваемым представителями данной отрасли лингвистического знания является определение понятия «текст», данное выдающимся отечественным лингвистом И. В. Арнольд. Ирина Владимировна в своих многочисленных исследованиях разрабатывала понятие «литературно-художественный текст». По её мнению, такой текст – это вербально (то есть, в письменной или в устной форме) выраженное сообщение, передающее определенную информацию, являющуюся единым целым в идейно-художественном содержании, по каналу (через литературу или фольклор). Согласно положениям стилистики декодирования, текст, главным образом, характеризуется информативностью, целостностью, связностью, способностью к передаче и хранению информации, а также его воздействием на личность читателя.

Развитие отечественной лингвистики основывалось на новаторских идеях И. В. Арнольд, провозглашенных ученым еще в семидесятых годах прошлого века, согласно которым текст может в равной степени существовать как в письменной, так и в устной форме. Иначе фольклор (устная форма существования текста) останется в стороне. При этом литературный текст обладает категориями отдельности и цельности, соответствующими термину «цельнооформленность» в теории отечественного языковеда А. И. Смирницкого [9, с. 31].

Нельзя не отметить рассмотрения понятия «текст» в теории высказывания выдающегося отечественного филолога М. М. Бахтина. По мнению ученого, текст – это диалог, причем диалог этот направлен не только на самого читателя, но и культуру в целом – как нынешнюю, так и предшествующую [10, с. 315]. Согласно М. М. Бахтину, текст существует не изолированно, а в его тесной связи с контекстом, а также с другими текстами. Подобный «контакт» между текстами есть ни что иное, как «контакт между высказываниями за пределами произведения». Попытка сделать из диалога один общий текст неизбежно приведет прекращению существования всего заложенного в него объема смысла [10, с. 279].

Таким образом, каждая лингвистическая дисциплина, связанная в той или иной степени с интерпретацией текста, определяет термин «текст» по-своему, наполняя его содержание свойствами для каждой конкретной отрасли знания характеристиками. Более того, даже внутри одной языковедческой дисциплины разные ученые вкладывают своё понимание в трактовку данного важного для гуманитарного знания понятия. Каждое из подобных определений имеет право на существование, так как подходит к дефиниции этого многостороннего термина с разных, существенных для восприятия исследователей сторон.

Список использованной литературы.

1. Гальперин, И. Р. Информативность единиц языка : учеб. пособие / И. Р. Гальперин. – М. : Высш. шк., 1974. – 174 с.
2. Тураева, З. Я. Лингвистика текста : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.
3. Чернявская, В. Е. Лингвистика дискурса : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – 3-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 208 с.
4. Гончарова, Е. А. Интерпретация текста. Немецкий язык / Е. А. Гончарова, И. П. Шишкина. – М. : Высш. шк., 2005. – 368 с.
5. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 520 с.
6. Адмони, В. Г. Грамматика и текст / В. Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 63–69.
7. Маслова, В. А. Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие для академического бакалавриата / В. А. Маслова / под ред. У. М. Бахтикиреевой. – М. : Юрайт, 2018. – 147 с.

8. Пищальникова, В. А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста / В. А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1984. – 59 с.

9. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 5-е. изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.

10. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

А. Ю. Юркович (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – Г. А. Веремеюк, старший преподаватель

ПОЭТИКА ЦВЕТА КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭЗИИ Б. АХМАДУЛИНОЙ

Белла Ахатовна Ахмадулина – переводчик, прозаик, выдающийся поэт-лирик XX века, один из наиболее ярких представителей «шестидесятников». Начало её творческого пути – времена «оттепели», когда поэзия была на пике своей популярности, когда люди нуждались в ней. Поэтому Б. Ахмадулина вместе со своими не менее талантливыми друзьями ворвалась в мир русской литературы и стала воплощением мысли народа того времени.

Стихи поэтессы поражают своей музыкальностью, изяществом, возвышенностью, искренностью («...мне не пришлось сказать ни слова, / ни слова маленького лжи»). Метафоричная лексика, уникальная стилизация «старинного» слога, интонационная свобода стиха делают ее поэзию легко узнаваемой.

В своих произведениях Ахмадулина размышляет над судьбой общества, отечественной культуры, личности. Поэзия Беллы Ахатовны отличается глубоким психологическим анализом.

Писать Б. Ахмадулина начала очень рано. Первые стихи стали появляться в 1950-х годах. Условно её творчество можно разделить на 3 периода, когда происходили важные изменения в её литературной жизни:

- начало и становление (1950 – 1970-е гг.),
- творческий кризис (конец 1970 – 1980-е гг.),
- поздние годы творчества (1990 – 2010-е гг.).

Главная особенность стиля Б. А. Ахмадулиной выражена ею в известной формуле в стихотворении «Ночь перед выступлением»: «*Сама по себе немножого стою. / Я старый глагол в современной обложке*», найденной ею в более поздние годы, но как бы подводящей итог всему, что декларировалось уже в первых стихотворных сборниках.

Поэтесса стремится восстановить, восполнить несправедливо забытое, сберечь и защитить ценности человеческой личности,

взращенные культурой прошедших веков. Для лирической героини Ахмадулиной характерна высокая степень рефлексивности, требовательность к себе, к произносимому слову.

Одной из ярких стилистических особенностей творчества Б. Ахмадулиной является колоративная лексика – группа слов, обозначающих цвет. Колоративы имеют давнюю историю. Однако до сравнительно недавнего времени эти наименования не привлекали особого внимания русских лингвистов. Проявляется явный интерес к цветообозначениям как в зарубежной, так и в советской лингвистике в XX веке. Среди них можно назвать монографические работы Б. Берлина и П. Кея, Н. Б. Бахилиной, А. П. Василевича, Р. М. Фрумкиной, В. Г. Кульпиной, Е. А. Косых и др.

Лирика Б. Ахмадулиной обладает огромной цветовой палитрой. В её стихотворениях мы можем встретить хроматические и ахроматические колоронимы, которые входят в группу основных, или абсолютных. К хроматическим относятся следующие цвета:

- красный («...и засмеялся **красным** пеклом рта», «...и глина **краснеет**, как толстый ребёнок...»),
- оранжевый («...я **оранжевой** пастелью рисовала на стене», «...[крик] **оранжево** запекшийся у рта»),
- жёлтый («...и солнце бьёт в его этюдник **жёлтый**», «жара в окне так приторно **желта**...»),
- зелёный («...какая **зелень** глаз вам свойственна, однако...», «...в **зелёном** облаке окна / танцует голосок старинный»),
- голубой («...цветёт акварели **голубенький** дух...», «...Сквозь плечи / уже мерцает фосфор **голубой**»),
- синий («Влетаем в **синеву** и полыханье...», «...и щедрые ясные лица детей / даруют мне **синее** солнышко взгляда»),
- фиолетовый («...от лилового неотделимы / **фиолетовость** детских стихов / на полях с отпечатком малины», «Это я – мой наряд **фиолетов**...»),
- розовый («Трижды **розово** небо над лесом...», «Тот, в семь румянцев **розовевший** спектр...»).

Каждый из вышеперечисленных цветов имеет свою символику. Например, **зелёный** – символ расцвета жизни и творчества; **синий** и **голубой**, как цвет неба и воды, являют гармонию и спокойствие; **розовый** традиционно символизирует нежность, невинность и чистоту, а также является символом мечты и надежды и т. д.

К ахроматическим цветообозначениям в свою очередь относятся:

- белый («Конь, что **белеет** на **белом** снегу...», «Во впадине под ангельским крылом / вот так **бело** и так темно, должно быть»),

- чёрный («...и белую пространную окружность / стесняя **чёрным** лесом вдалеке», «...**чернеет** двор последнего страдания...»),
- серый («Вошёл убийца в **сером** пиджаке»).

Помимо основных цветообозначений (первичных номинаций) существуют ещё и оттеночные, которые передают оттенки основного цвета или уточняют их. Из собранного фактического материала можно выделить следующие группы:

- 1) колоронимы вторичной номинации («в блеск **перламутровых** корост...», «Свет расцветал **сиреневым** кустом...», «...под веко летит **золотая** соринка...», «...под мышкой ртуть, она замрёт – и тотчас / определит **серебряная** точность...»);
- 2) с ограниченной сочетаемостью («... чтоб глаз анютин **жёлто-карий** / смотрел круглей и веселей»);
- 3) заимствованные; например, лиловый – из французского («**лиловой** гроздью виснет сумрак...»);
- 4) терминологические, образованные от названий драгоценных камней («...где над **янтарным** озером паркета / всходила люстры чистая луна...», «...а гений глаза **изумрудный** / всё знал и всё имел в виду...»);
- 5) окказионализмы («...**красно-синё** окошко ледяное...»);
- 6) сложные (двухкомпонентные) цветонаименования, представляющие названия смешанных цветов («Что там с Окой? – **Черным-бела** Ока...»).

Следует отметить, что границы между группами условны, так как одни и те же колоронимы могут относиться к разным группам.

Таким образом, для создания ярких поэтических образов, как видим, Белла Ахмадулина использует разнообразные колоронимы. Её лирика обладает огромным цветовым диапазоном. Стихи поэтессы являются отражением её натуры, а цветообозначения помогают глубже понять внутренний мир автора, её творческую индивидуальность и неповторимое мировосприятие.

Список использованной литературы

1. Алешка, Т. В. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии [Электронный ресурс] / Т. В. Алешка. – Минск : РИВШ БГУ, 2001. – 124 с. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/151204>. – Дата доступа: 11.04.2021.
2. Ахмадулина, Б. А. Избранное: Стихи. / Б. А. Ахмадулина. – М : Совет. писатель, 1988. – 480 с.
3. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке / АН СССР. Институт русского языка. – М : Наука, 1975. – 288 с.
4. Василевич, А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко ; под общ. ред. А. П. Василевича. – М : URSS, 2005. – 216 с.

А. В. Ярмошевич (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
 Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

КОНЦЕПТ «ДОРОГА» В РУССКОЙ, БЕЛОРУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

В мифопоэтическом представлении пространства любого народа центр (дом) и путь/дорога оказываются его основными элементами. Поэтому восточнославянских концептуальных и вербальных картинах мира понятия *путь*, *дорога* занимают весьма важное место.

Над содержанием концепта «путь/дорога» размышляли различные ученые: С. Г. Дрыга, [1], В. В. Колесов [2], Н. В. Шестеркина и В. И. Рогачев [3], Е. Г. Хомчак [4], В. Д. Ужченко и Д. В. Ужченко [5], А. Москальчук [6] и др. Однако в белорусской картине мира данный концепт пока не изучен, нет и сопоставительных исследований, позволяющих оценить степень совпадения содержания этого концепта в восточнославянских языках, чем и определяется новизна нашей работы.

Лексикографы указывают для русск. *дорога* / укр. *дорога* / бел. *дарога* следующие общие значения: ‘полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения’, ‘путешествие, пребывание в пути’ [7, с. 172; 8; 9, с. 170], ‘направление, путь следования, маршрут’ [10, с. 172; 8; 9, с. 170]. Только в русском и украинском словарях отмечено значение ‘место для прохода, проезда, путь следования’ [7, с. 172; 7]; только в русском – *перен.* ‘средства достижения какой-н. цели, жизненный путь’ [7, с. 172]; только в белорусском – значение ‘расстояние, которое нужно проехать или пройти’ [9, с. 170]; только в украинском – значение ‘правильное направление для движения’ [8]. Однако наблюдения над восточнославянской фразеологией и анализ сочетаемости анализируемых слов показывают, что последние четыре значения есть во всех рассматриваемых языках. Правда, значение ‘средства достижения какой-н. цели’ в белорусском и украинском языках более характерны для слова *шлях* [8; 9, с. 759]. Но, например, значение ‘расстояние, которое нужно проехать или пройти’ обнаруживается в сочетаниях типа русск. *дальняя дорога*, *сократить дорогу/путь*, укр. *далека дорога*; значение ‘жизненный путь’ – в укр. *дороги розходяться/розійшлися* чий-небудь, *топтати стежку* чию-небудь ‘повторять чью-нибудь судьбу’, бел. *ісці/пайсці дарогай* каго, чыёй, *ісці сваёй дарогай*, *дарогі разышліся* и т. п.

Репрезентантами концепта «дорога» являются также лексемы *путь*, *дорожка*, укр. *шлях*, *стежка*, *доріжка* и др., бел. *шлях*, *сцэжка*. По мнению С. Г. Дрыги, «Наблюдения над семантическими, этимологическими, функциональными и др. особенностями позволяют

графически оформить представления о дороге в виде *полосы, ленты, полотна*, а о пути в виде *направленной линии, вектора*» [1, с. 14]. В то же время, по утверждению О. А. Черепановой, в последние два века наблюдается концептуальное и семантическое сближение лексем *путь* и *дорога*, распространение семантики слова *путь* на его синоним *дорога* [11, с. 35]; это подтверждается и на нашем фразеологическом материале.

Таким образом, *дорога* у восточных славян понимается в пространственном аспекте и как полоса (протоптанное, освоенное человеком пространство), и как направление движения, а также как расстояние от одной точки до другой. Кроме того, понятие *дорога* включает временной аспект – это время, потраченное на перемещение из точки в точку (метонимический перенос), а также время человеческой жизни (метафора – перемещение из точки «рождение» к точке «смерть»).

Понимание *дороги* как полосы вызывает, с одной стороны, ассоциации с длинными кусками ткани: русск. *скатертью дорога*, укр. *скатертю дорога, запрядувати дорогу* кому-небудь, *щоб дорога (доріжка) слалася, щоб шлях слався* кому-небудь. С другой стороны, «утоптанность» дороги делает ее символом твердости, что проявляется во фразеологизмах укр. *хоч об (суху) дорогу бий* ‘очень черствый, твердый’, *ударений об дорогу* ‘глупый, придурковатый’, *щоб вас било об дорогу*, бел. *убітае дарогі плуг не бярэ*. Казалось бы, твердость, надежность – положительные качества дороги, однако выражения типа русск. *избитая дорога*, укр. *уторована (утерта, утоптана, протоптана, бита) дорога* имеют неодобрительную окраску, поскольку говорят об общеизвестном, банальном способе действия, образе жизни. В христианской традиции высоко оценивается как раз преодоление трудностей, тернистый путь, а в современном обществе высоко ценится свобода и креативность, так что проторенная дорога вызывает скорее отрицательную оценку. С негативной коннотацией употребляются и фразеологизмы типа русск. *идти по пути наименьшего сопротивления*, укр. *іти шляхом найменшого опору*. В белорусском фразеологическом словаре единицы такого рода не зафиксированы [12]. Зато, кроме уже упомянутого *убітае дарогі плуг не бярэ*, в белорусском языке есть фразеологизмы *араць дарогу* ‘говорить или делать какую-либо глупость’, *баранаваць нагамі дарогу* ‘идти, волоча ноги’. Таким образом, в белорусской картине мира более актуально противопоставление дороги пахотной земле, а в русской и украинской – нехоженым, новым путям.

Полоса дороги – место оживленное, что-либо ценное здесь быстро найдут и подберут, поэтому *дорога* приобретает символическое значение ‘место, где нет ничего ценного’: русск. *на дороге не валяется*, укр. *на*

дарозі не валяється, хоч на дорогу викинь, бел. як (бы) гарох пры дарозе, на дарозе не валяецца.

Ограниченность дороги в одном из направлений вызвала появление фразеологизмов русск. *встретиться на узкой дорожке*, бел. *сустракацца/сыходзіцца/сустрэцца/сысціся*) на вузкай дарожцы/сцежцы.

Понимание дороги как направления во фразеологии восточнославянских языков представлено наиболее широко. Можно выделить несколько типов фразеологизмов, в которых используется этот семантический компонент:

1) *дорога* понимается как маршрут: русск. *знать дорогу куда, забыть дорогу куда, к кому*, укр. *забувати/забути дорогу*, бел. *забываць/забыць дарогу да каго, куды*;

2) *дорога* понимается как судьба, направление жизни, предначертанное свыше или выбранное самим человеком: русск. *идти своим путем / своей дорогой, пути/дороги расходятся/разошлись, катись своей дорогой*, укр. *дороги розходяться/розійшлися чий-небудь, топтати стежку чию-небудь* ‘повторять чью-нибудь судьбу’, бел. *ісці/пайсці дарогай каго, чыёй, ісці сваёй дарогай, дарогі разышліся*;

3) *дорога* понимается как цель, направление деятельности: русск. *выйти /выходить на дорогу, вступать/становиться на путь чего-либо, находить дорогу/путь к сердцу*, укр. *виходити на вірну дорогу*, бел. *станавіцца / стаць на шлях чаго, які*;

4) *дорога* понимается как возможность, средство достижения цели; такие фразеологизмы подразделяются на три подгруппы:

– со значением возможности/невозможности, легкости/трудности достижения цели: русск. *все дороги открыты, тернистый путь*, укр. *вільна дорога, відкрита дорога, колючкувата дорога*, бел. *дарога адкрыта, усе дарогі адкрыты, дарога адрэзана, усе дарогі адрэзаны*;

– со значением помощи или создания препятствий в достижении цели: русск. *выводить/вывести на дорогу/путь, давать/дать дорогу – становиться/ стоят поперек дороги/пути, преградить/преграждать дорогу* и др., укр. *дати дорогу, уступитись комусь із дороги – заступати дорогу, перетинати дорогу*, бел. *на дарогу наводзіць/навесці, адкрываць/адкрыць дарогу – станавіцца/стаяць на дарозе / на шляху, заступіць дарогу* и др.;

– со значением преодоления препятствий в достижении цели: русск. *выбиваться/выбиться на широкую дорогу*, укр. *пробивати собі дорогу, пробити грудьми дорогу, прокладати дорогу, промостити собі дорогу*, бел. *выбівацца/выбіцца на (сваю) дарогу, прабіваць/прабіць сабе дарогу* и др.

Целый ряд фразеологизмов демонстрирует понимание дороги как верного или ошибочного выбора нравственного ориентира: русск.

ступить/выйти на кривую дорогу (дорожку), встать на скользкую дорожку, катиться по скользкой дорожке, укр. на слизькій дорозі, збиватися з дороги, збочувати з дороги (зі шляху), бел. збівацца з дарогі, зварочваць/зварнуць з дарогі, ісці па крывой дарожцы, станавіцца/стаць на слізкую дарожку и др. В таких фразеологизмах признаками неправильно выбранной линии поведения становится либо кривизна дороги, либо ее опасность для передвижения (плохая, скользкая, опасная), то есть в основе метафоры лежит невозможность или сложность достижения цели.

Оба образа *дороги* – как полосы и как цели – сливаются во фразеологизмах со значением ‘часто ходить куда-либо’: русск. *протоптать дорожку, не зарастет тропа*, укр. *топтати/протоптувати стежку/доріжку, стежечки топтати, не заростає / не заросте стежка*, бел. *не зарасце сцежка*.

Восприятие *дороги* как отрезка времени привело к формированию трех значений, отраженных во фразеологизмах:

1) время, потраченное на перемещение из точки в точку: русск. *всю дорогу*, укр. *всю дорогу, цілу дорогу*, бел. *усю дарогу*;

2) время человеческой жизни (это значение преимущественно выражается лексемами *путь, шлях*): русск. *жизненный путь*, укр. *життєвий (життьовий) шлях*, бел. *жыццёвы шлях*;

3) ‘путь души в загробный мир’: русск. *в дорогу собирается*, кому-либо *Господь открыл дорогу*, укр. *збирається в дорогу, іде в дорогу до дому, бути на божій/останній дорозі*, бел. *у апошнюю дарогу, на божай дарозе* и др.

На основе анализа восточнославянских фразеологизмов с компонентом *дорога* и его синонимами можно сделать вывод, что содержание соответствующих лингвокультурем в сопоставляемых языках в целом совпадает. Однако в белорусской языковой картине мира *дорога* как полоса уплотненной земли противопоставлена пашне, в русской и украинской фразеологических системах такое противопоставление не актуализировано, хотя в украинском сознании *дорога* выступает символом твердости, жесткости.

Список использованной литературы

1. Дрыга, С. Г. Концепт «путь» в русской языковой картине мира : специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Г. Дрыга ; Кубан. гос. ун-т. – Ставрополь, 2010. – 24 с.
2. Колесов, В. В. Путь-дорога / В. В. Колесов // Ученые записки Казан. ун-та. Серия Гуманитарные науки. – Т. 159, кн. 5. – Казань : Казан. ун-т, 2017. – С. 1200–1213.
3. Шестеркина, Н. В. Мифопоэтика дороги (на материале народных русских загадок) / Н. В. Шестеркина, В. И. Рогачев // Вестник славянских культур. – 2020. – Т. 58. – С. 138–150.
4. Хомчак, Е. Г. Когнитивная модель концепта дорога в русской языковой картине мира / Е. Г. Хомчак // Грані сучасної лінгвістики : колективна монографія (на

українській, російській та англійській мовах): в 2 т. / за ред. О. Г. Фоменко, В. К. Харченко. – Запоріжжя : Класич. приват. ун-т, 2013. – Т. 1. – С. 284–304.

5. Ужченко, В. Д. Фразеологія сучасної української мови : навч. посібник / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко [Електронний ресурс]. – Київ : Знання, 2007. – 494 с. – Режим доступу: http://schoollib.com.ua/ukr_lang/1/54.html. – Дата доступу: 12.02.2021.

6. Москальчук, А. Концепт «дорога» у структурі художньої картини світу В. Шевчука: традиційні та індивідуально-авторські складники / А. Москальчук [Електронний ресурс] // Синопис: текст, контекст, медіа. – 2015. – № 3 (11). – Режим доступу: <https://synopsis.kubg.edu.ua/index.php/synopsis/article/view/162>. – Дата доступу: 20.06.2020.

7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс – Мир и Образование, 2008. – 976 с.

8. Словник української мови. Академічний тлумачний словник (1970–1980) : в 11 т. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://sum.in.ua>. – Дата доступу: 15.12.2020.

9. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / І. М. Бунчук [і інш.] ; Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн., 1996. – 784 с.

10. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков – М. : Альта-Принт – Дом. XXI век, 2008. – 1239 с.

11. Черепанова, О. А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах / О. А. Черепанова // Материалы XXVIII межвуз. научн.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. – Вып. 7. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 29–36.

12. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 2 т.

Научное издание

СЛОВО В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ

Сборник научных трудов конференции

Подписано в печать 15.10.2020. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 14,11.
Тираж 75 экз. Заказ № 280.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Учреждение образования

«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий

№ 1/55 от 14.10.2013.

Ул. Мицкевича, 28, 224016, Брест.